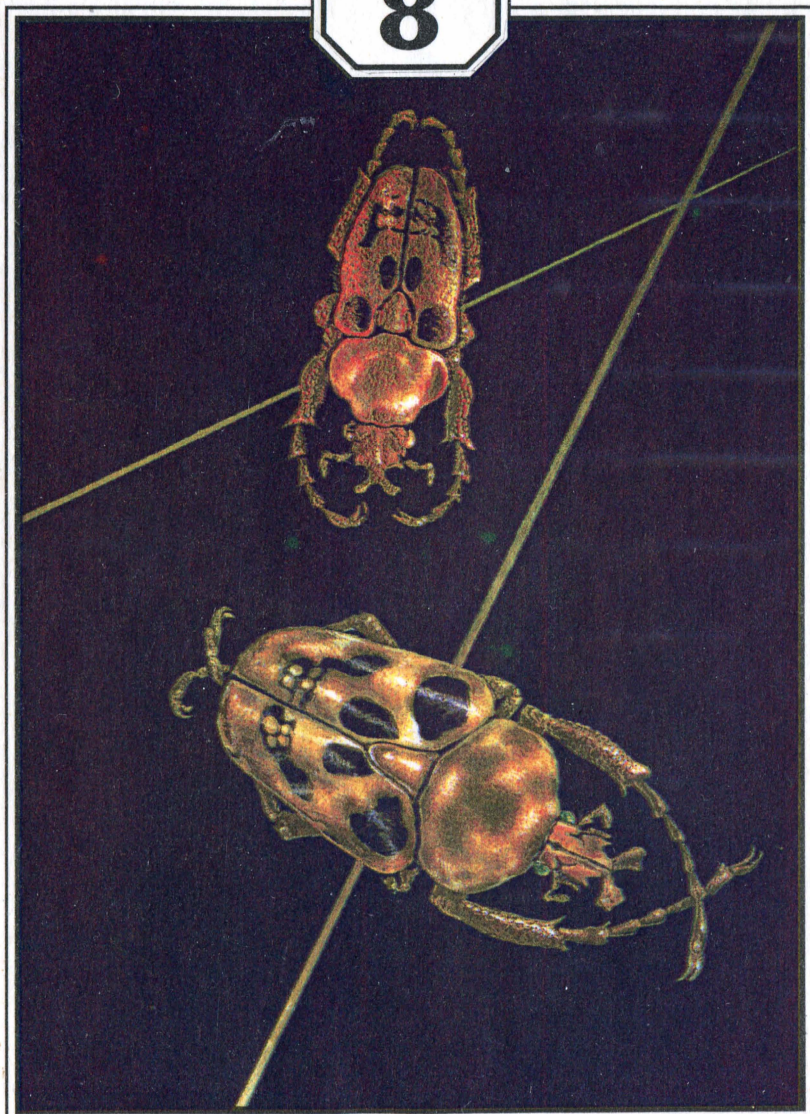

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

8

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

RIVERWORLD

THE MAGIC LABYRINTH

**«POLARIS» PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МИР РЕКИ

МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

Миры Филипа Фармера. Т. 8 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 319 с.

В восьмой том собрания вошел четвертый роман из эпического цикла «Мир Реки», в котором герои предыдущих книг, претерпев множество приключений, оказываются наконец в Туманной Башне.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Magic Labyrinth
Copyright © 1980 by Philip Jose Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление
название серии, 1996

ISBN 5-88132-163-4

В восьмой том «Миров Филипа Фармера» вошел очередной, четвертый по счету роман из сериала о Мира Реки — «Магический лабиринт».

Действие романа начинается там, где кончается предыдущая книга — «Темные замыслы», частью которой он являлся первоначально, и все сюжетные линии, оставшиеся неразработанными, находят в нем свое логическое завершение, хотя авторский эпиграф, извещающий читателей о том, что этот роман — последний в серии, оказался опровергнут жизнью через три года после написания книги, когда свет увидел заключительный роман сериала — «Боги Мира Реки».

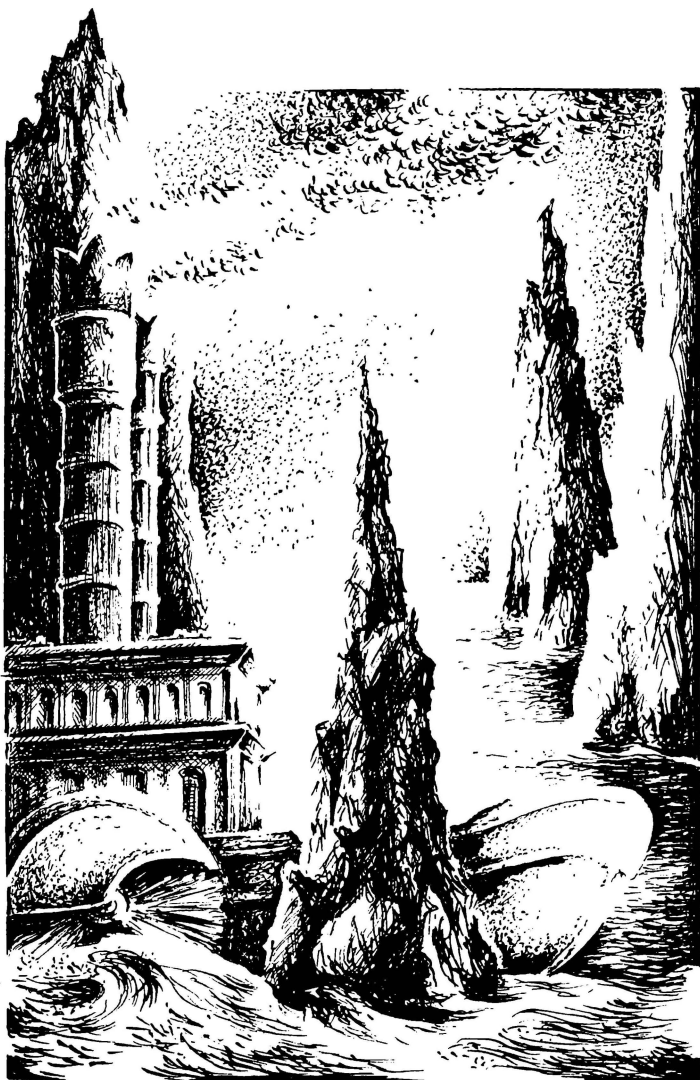
А действие продолжается, туго затягивая сюжет. Сэм Клеменс находит, наконец, своего неуловимого противника, короля Иоанна Безземельного, и долина Реки становится ареной первого и единственного на планете боя парашютов-титанов, в котором не оказывается победителя. Сходятся вместе избранники Таинственного Незнакомца, оказываясь, иронией судьбы, по разные стороны баррикад, возведенных гордыней и мстительной злобой — и гибнут от руки друг друга.

А сам Таинственный Незнакомец тайно и жестоко толкает своих избранников — Ричарда Бёртона и Алису Харгривз, Нурэддина эль-Музафира и Питера Джейруса Фрайгейта — к конечной цели их путешествия, логову всемогущих этиков, Туманной Башне. И пусть при этом гибнут тысячи — какое значение имеет это в мире, где убитые воскресают?.. Вернее, воскресали. Потому что у Таинственного Незнакомца есть противники, готовые лишить вечной жизни тридцать шесть миллиардов разумных существ — все человечество Мира Реки, лишь бы сохранить в чистоте свой жестокий эксперимент — если это эксперимент.

Вместо ответов на извечные вопросы бытия искатели истины сталкиваются все с новыми и новыми вопросами. Истины, которые открывает им Башня, невозможно проверить — они требуют веры, веры

словам склонного к обману и предательству этика Логи, скрывавшегося дотоле в облике одного из избранников. И, хуже всего, от горстки людей, собранных из разных эпох, воспитанных в разных убеждениях, зависит спасение миллиардов. Только они в силах вернуть к жизни огромный биологический компьютер, ответственный за воскрешение и хранящий в своей памяти «законсервированные» *души* погибших. И там, где терпит поражение жертвующий собой ради других Герман Геринг, должна одержать победу логика безумия, логика Зазеркалья — иначе долина Реки превратится в огромную могилу.

Чем завершится схватка интеллектов, какая судьба постигнет Избранников и удастся ли им избавить человечество от недреманного ока его смотрителей, для которых этики — всего лишь слуги, вы узнаете, прочтя эту и следующую книги эпической саги о Мире Реки.

МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

*Харлану Эллисону, Лесли Фидлеру,
Норману Спинреду — самым живым
из всех живых*

Этим романом кончается серия «Мир Реки», все концы связываются в не поддающийся мечу гордиев узел, все человеческие тайны разрешаются, заканчивается Река длиной в миллионы миль, завершаются поиски и пути.

Филип Хосе Фармер

*Один лишь ум судья, лишь он способен
Магический осилить Лабиринт...*

*И там лишь человек увидит слитно,
что на Земле он видит по частям...*

Касиды Хаджи Абду аль-Язди

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

ГЛАВА 1

«Каждому следовало бы бояться только одного человека — самого себя».

Это было любимое изречение Оператора.

Еще Оператор много говорил о любви — мол, того, кого боишься больше всех, надо также очень любить.

Человек, известный некоторым как Икс, или Таинственный Незнакомец, не питал к самому себе ни повышенного страха, ни большой любви.

Было трое человек, которых он любил больше себя и всех остальных.

Он любил свою жену, ныне покойную — но не так глубоко, как двух других.

Свою приемную мать и Оператора он любил с равной силой — по крайней мере, так ему казалось раньше.

Приемная мать находилась за много световых лет от него, и ему пока не нужно было о ней беспокоиться — а возможно, и никогда не придется. Знай она, что он творит, она испытала бы глубокий

стыд и горе. Он же горевал от того, что не может объяснить ей, зачем он это делает, и оправдать себя.

Оператора он любил по-прежнему, но в то же время ненавидел.

Теперь Икс ожидал — когда терпеливо, когда нетерпеливо и гневно — легендарного, однако реального парохода. Он пропустил «Рекс грандиссимус», и единственной его надеждой оставался «Марк Твен».

Если он и на этот пароход не попадет... Нет, сама эта мысль была невыносима. Он должен попасть.

Однако, взойдя на борт, он может оказаться в самой большой за всю свою жизнь опасности — не считая одного, самого страшного испытания. Он знал, что Оператор находится в низовьях реки. Грааль показывал ему местонахождение Оператора. Но это была последняя информация, которую Икс получил по карте. Раньше спутник все время следил за Оператором, другими этиками и агентами, передавая их сообщения граалю Икса, который был не только граалем. Потом карта исчезла с серой поверхности — тогда Икс понял, что на спутнике что-то разладилось. Теперь его могли захватить врасплох и Оператор, и агенты, и другие этики.

Это он, Икс, когда-то смонтировал на спутнике тайный механизм для слежки за всеми обитателями башни и подземелий. Они, конечно, тоже следили за ним. Но деформатор ауры надул аппаратуру, и тот же деформатор позволил Иксу лгать Совету двенадцати.

Теперь Икс стал таким же несведущим и беспомощным, как все остальные.

Между тем если и есть в этом мире кто-то, кого Клеменс взял бы на борт даже при полном комплекте, то это Оператор. Стоит только взглянуть на него — и Клеменс остановит пароход и возьмет этого человека.

Когда же пароход подойдет и он, Икс, ухитрится стать членом команды, ему придется всячески избегать Оператора, пока не представится случая захватить того врасплох.

Маскировка, достаточно хорошая, чтобы надуть даже других странствующих этиков, тот великий ум не обманет. Оператор сразу узнает Икса, и тогда у Икса не останется никаких шансов. Пусть Икс силен и ловок — Оператор сильнее и ловчее его.

Кроме того, у Оператора будет и психологическое преимущество. Икс, оказавшись лицом к лицу с любимым и ненавидимым человеком, может замешкаться, и ему не останется ярости и напора, нужных для атаки.

Так что, каким бы трусливым и низким это ни казалось, придется напасть на Оператора сзади. Икс позволил себе уже много низостей с тех пор, как пошел против других, — сумеет совершить и эту.

Ему с детства внушали отвращение к насилию, но учили и тому, что насилие оправдано, когда твоя жизнь в опасности. Воскресительная энергия, делавшая каждого в Мире Реки практически

бессмертным, здесь в расчет не принималась. Теперь воскрешения прекратились, но даже когда они шли своим чередом, Икс должен был принуждать себя к насилию. Что бы там ни говорили его наставники, цель все-таки оправдывает средства. Кроме того, все убитые им умирали не навсегда. Так, по крайней мере, думал Икс. Он не предвидел настоящей ситуации.

Икс жил в бамбуковой, крытой листьями хижине на берегу Реки — на правом, если смотреть против течения. Прожил он здесь недолго.

Теперь он сидел над рекой на густой короткой траве. Вокруг расположились еще человек пятьсот, и все ждали обеда. Раньше здесь собрались бы все семьсот — но, когда воскрешения прекратились, населения поубавилось. Смертность происходила в основном от несчастных случаев — зачастую это были столкновения с крушащимися лодки и пожирающими людей «речными драконами», — в результате самоубийств и убийств. Когда-то больше всего народу жило на войне. Но войн в этом районе уже много лет не случилось. Всех потенциальных завоевателей перебили, и теперь уж они не появятся нигде на Реке, чтобы опять сеять смуту.

Сохранению мира способствовало также влияние Церкви Второго Шанса, нихиренитов, суфи и прочих пацифистских религий.

Рядом стоял гриб из гранита с красными вкраплениями. Такие сооружения назывались питающими камнями. Высота ножки составляла пять футов, а диаметр шляпки — футов пятьдесят. На ее поверхности имелось семьсот углублений. В каждом стоял цилиндр из серого металла, преобразующий энергию, подаваемую на питающий камень, в еду, спиртное и прочие блага. Эти контейнеры и кормили огромное население Реки, составлявшее тридцать пять—тридцать шесть миллиардов. То, что обеспечивали граали, можно было дополнить рыбой, желудевым хлебом и побегами молодого бамбука — но этого было бы недостаточно для прокорма жителей узкой долины, по которой протекала Река длиной десять миллионов миль.

Люди, собравшиеся у камня, болтали, смеялись и дурачились. Икс не разговаривал с соседями, занятый своими мыслями. Ему пришлось в голову, что неисправность на спутнике, возможно, происходит не из естественных причин. Ведь аппаратура, установленная им, была рассчитана на тысячу лет. Может, она отказала оттого, что Пискатор — японец, называвшийся ранее Охара, что-то напортил в башне?

Теоретически Пискатор должен был погибнуть в одной из ловушек, устроенных Иксом, или же попасть в стазисное поле Оператора. Однако Пискатор был суфи, и у него могло хватить ума и проницательности, чтобы избежать западни. Одно то, что он сумел войти в башню, свидетельствовало о его высоком этическом развитии. Больше ни один из пяти миллионов кандидатов, воскрешенных землян, не прошел бы сквозь верхний ход. Икс позаботился

только о нижнем, и только двое знали об этом ходе, пока до него не добралась экспедиция древних египтян.

Икс был расстроен и обескуражен, найдя их тела в секретной комнате. Тогда он еще не знал, что один египтянин ушел, утонул и был потом опять перенесен в долину — не знал, пока не услышал рассказа об этом путешествии, дошедшего до Икса в искаженном виде кто знает через сколько рук. До агентов этот рассказ, должно быть, не дошел вовремя — а потом уж поздно было передавать его этикам в башне.

Теперь Икса беспокоило то, что, если Пискатор и впрямь случайно повредил механизм слежки, тот же Пискатор мог оживить этиков... а тогда ему, Иксу, конец.

Он смотрел через долину на холмы предгорий, поросшие высокой травой и деревьями, радующие глаз всеми красками цветов «железного» дерева, — а дальше высились неприступные горы, ограждающие долину. Мучимый страхом и досадой, Икс снова впал в гнев, но быстро взял себя в руки с помощью ментальной техники. От этого приступа, он знал, температура его тела на несколько секунд подскочила до ста градусов Цельсия. Сейчас Икс разрядился и чувствовал некоторое облегчение, но знал, что вскоре гнев снова охватит его. Техника, к сожалению, бессильна подавить сам источник гнева. Иксу никогда его не преодолеть, хотя он и делал вид перед наставниками, будто одержал над гневом победу.

Икс, заслонив рукой глаза, взглянул на солнце. Через несколько минут «гриб» изрыгнет гром и молнию, как и миллионы других питающих камней на обоих берегах. Икс отодвинулся от камня и зажал пальцами уши. Шум будет оглушительный, а от разряда всегда подсакиваешь, хотя и ждешь его.

Солнце достигло зенита.

Прокатился гром, и засверкали голубовато-белые электро-вспышки.

На левом берегу, но не на правом.

Однажды камни правого берега уже отказывали.

Жители правого берега ждали в тревоге, с растущим страхом, но энергия так и не поступила, и обеда не последовало. Когда же люди не дождались и завтрака, их испуг и беспокойство превратились в панику.

На следующий день голодное население правого берега хлынуло на левый.

НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ»

ГЛАВА 2

В первый раз сэр Томас Мэлори умер на Земле, в 1471 году от Рождества Христова.

После Дня Воскрешения сей английский рыцарь пережил несколько ужасных недель, страдая не столько от телесных ран, сколько от душевного потрясения. Впрочем, пищу, которую подавал ему «граалец», он нашел восхитительной. Прямо как в его «Книге о короле Артуре», где Галахад и его сподвижники «вкусил» у того стола яств, коих никто из рыцарей еще не вкушал.

Временами Мэлори казалось, что он сошел с ума. Его всегда занимало безумие, состояние, в котором человек приобщается к Богу, отрешаясь от мирских забот и скорбей, не говоря уже о своих собственных. Но у человека, который столько лет просидел на Земле в тюрьме и не тронулся разумом, голова, должно быть, весьма крепкая. В тюрьме сэра Томаса поддерживало отчасти и то, что он создавал первый английский эпос в прозе. Он знал, что читатели его будут немногочисленны, да и тем его творение не придется по вкусу, но это ничуть его не беспокоило. В отличие от первого своего труда, который был основан на повестях великих французских авторов о древнебританском короле Артуре, свой новый труд Мэлори посвятил мытарствам и конечной победе сладчайшего Иисуса. Не в пример многим изверившимся христианам Мэлори держался за свою веру, упрямо отмечая все «факты», — что само по себе, если верить его критикам, было признаком безумия.

Дважды убитый уже на Реке свирепыми неверными, Мэлори наконец нашел приют в местности, с одной стороны заселенной парфянами, с другой — англичанами.

Парфяне были нацией древних всадников, известные привычкой пускать стрелы на скаку при отступлении. Отсюда — «парфянская стрела»

Кто-то объяснил Мэлори, что они называются так из-за того, что сражаться с ними было паршиво. Мэлори подозревал, что этот

молодчик над ним посмеялся, — а почему бы и нет, раз это остроумно?

Англичане происходили в основном из семнадцатого века и говорили на языке, который Мэлори понимал с трудом. Но после стольких лет все они овладели также и эсперанто, который миссионеры Церкви Второго Шанса использовали как язык универсального общения. В этой стране, известной ныне как Новая Надежда, царил мир, хотя так было не всегда. Когда-то здесь было множество мелких государств, ведших отчаянные бои со средневековыми германцами и испанцами на севере. Предводителем врагов был Крамер, прозванный Хаммер, Молот. Когда его убили, настали мирные времена, и государства постепенно слились в одно. Мэлори пустил там корни и взял к себе в хижину Филиппу Хобарт, дочь сэра Генри Хобарта. Хотя венчание больше не практиковалось, Мэлори настоял на нем и попросил своего друга, бывшего католического священника, совершить этот старинный обряд. Позднее Мэлори вернул и жену, и священника в католичество.

Он несколько опешил, узнав, что в их краях объявлялся настоящий Иисус Христос вместе с некой еврейкой, знавшей Моисея в Египте и во время Исхода. Иисуса сопровождал также некто Томас Микс, американец, потомок европейцев, эмигрировавших на континент, который был открыт только через двадцать один год после смерти Мэлори. Но Крамер сжег на костре и Иисуса, и Микса.

Сначала Мэлори отрицал, что человек, называвший себя Иешуа, был истинным Христом. Он мог быть евреем, современником Христа, но не им самим.

Затем Мэлори, собрав все доступные ему сведения о высказываниях Иешуа и о его мученической кончине, пришел к выводу, что это, возможно, все же был истинный Христос. Поэтому Мэлори объединил предания, услышанные от местных жителей, в единый эпос, который и записывал при помощи чернил и пера, сделанного из рыбьей кости, на бамбуковой бумаге. Заодно он решил канонизировать и американца, который стал у него стойким святым Фомой по прозвищу «Белая шапка».

Со временем Мэлори и его ученики, забыв, что все жития святых вымышлены, искренне уверовали в то, что святой Фома и вправду странствовал вместе с Господом своим Иисусом по этому миру, который есть чистилище, хотя и не похож на ту обитель между землей и небом, что изображалась когда-то священниками на Земле.

Тот, кто обвенчал Томаса и Филиппу, был на Земле епископом, а стало быть, преемником святого Петра, и поэтому мог учить других и посвящать их в сан. Однако кучка католиков оставила некоторые свои земные привычки. Они стали терпимыми, не пытались восстановить инквизицию и не сжигали ведьм. Если бы они продолжали придерживаться старых обычаев, их быстро изгнали бы, а то и убили.

Однажды поздней ночью Томас Мэлори лежал без сна, обдумывая очередную главу своего труда. Внезапно снаружи поднялся крик и беготня. Мэлори сел и разбудил Филиппу, испуганную и дрожащую спросонья. Вдвоем они вышли посмотреть, что происходит. Люди показывали на безоблачное небо, где было светло, как в полнолуние, от скопища звезд и от светящихся газowych туманностей.

Высоко на фоне сияющего неба темнели два странных объекта. Один был меньше другого и состоял из двух частей: большой сферы и привеска внизу. Хотя с земли не было видно связи между этими двумя частями, создавалось впечатление, что они все же связаны, поскольку движутся с одинаковой скоростью. Одна женщина, знающая толк в таких вещах, сказала, что это похоже на воздушный шар.

Мэлори таких шаров никогда не видел, но слышал о них от пришельцев из девятнадцатого и двадцатого веков — похоже было, что в небе действительно плывет один из них.

Второй объект, гораздо больше первого, походил на гигантскую сигару.

Та же женщина сказала, что это аэростат или дирижабль — а возможно, корабль неизвестных существ, создавших эту планету.

— Ангелов, что ли? — буркнул Мэлори. — Зачем им воздушный корабль? У них есть крылья.

Внезапно огромное воздушное судно накренилось — и Мэлори, забыв обо всем, закричал в один голос со всеми. И присоединился к общему воплю, когда оно взорвалось. Горящий корабль стал падать в Реку. Воздушный шар продолжал лететь на северо-восток и вскоре пропал из виду. Тем временем пылающий корабль рухнул в воду. Его скелетообразная основа затонула почти сразу, но куски обшивки еще горели несколько минут, пока не погасли.

ГЛАВА 3

На небесном корабле путешествовали не ангелы и не демоны. Тот, кого Мэлори с женой вытащили из воды и доставили на берег в своей лодке, был точно таким же человеком, как они. Длинный и тощий, как шпага, чернявый, с большим носом и слабым подбородком, он тарашил на спасителей черные глазищи при свете факела, не говоря ни слова. Когда его внесли в общинный дом, вытерли, укрыли теплыми одеялами и напоили горячим кофе, он произнес что-то по-французски, а потом заговорил на эсперанто:

— Сколько еще спаслось?

— Пока неизвестно, — ответил Мэлори.

Несколько минут спустя к берегу прибило первое из двадцати двух тел — многие из них сильно обгорели. Один труп был женский. Поиски вели всю ночь и часть утра, но никого больше не обнаружили. В живых остался только француз. Хотя он был слаб и

еще не вышел из шока, он захотел встать и принять участие в поисках. Увидев тела, сложенные у питающего камня, он разразился слезами и долго плакал. Мэлори считал это добрым знаком. Значит, незнакомец был не настолько потрясен, чтобы не мочь выразить свое горе.

— Куда делись те, другие? — спросил француз.

После ответа его горе превратилось в ярость, он погрозил кулаком небесам и прорычал проклятие какому-то Торну. Позже он спросил, не видел ли кто-нибудь здесь еще одну воздушную машину, вертолет. Многие видели.

— А он куда направился? — спросил незнакомец.

Кто-то сказал, что машина, издававшая громкий стрекот, ушла вниз по Реке. Другие — что вверх. Спустя несколько дней пришло известие, что машина упала в Реку на двести миль выше по течению, во время грозы. Видел это только один человек, и он утверждал, что из тонущей машины кто-то выплыл. В ту местность по барабанной связи послали запрос: не появлялись ли там неизвестные? Оттуда ответили, что нет.

В Реке плавало небольшое количество граалей, их выловили и принесли спасенному. Один он опознал как свой и в полдень уже ел из него. Несколько граалей были «свободными», то есть открыты их мог любой, и государство Новая Надежда реквизировало их.

Потом француз спросил, не проплывали ли мимо гигантские суда с гребными колесами. Да, одно прошло, «Рекс грандиссимус», управляемое бесчестным Иоанном, королем английским.

— Хорошо, — сказал француз, подумал и добавил: — Я мог бы остаться здесь и подождать, когда придет «Марк Твен». Но я, пожалуй, отправлюсь вслед за Торном.

Он уже достаточно оправился, чтобы рассказать о себе. И как он о себе говорил!

— Я — Савиньен де Сирано Второй де Бержерак. Я предпочитаю, чтобы меня называли Савиньен, но все почему-то зовут меня Сирано. И я позволяю людям эту маленькую вольность. Ведь в последующих веках меня знают как Сирано, хотя это неверно, и я столь знаменит, что люди уже не могут привыкнуть к другому имени. Им кажется, что они лучше знают, как меня называть. Вы, разумеется, слышали обо мне.

И он оглядел своих спасителей, словно давая понять, какая честь для них принимать у себя столь великого человека.

— С прискорбием должен сознаться, что не слышал, — сказал Мэлори.

— Что? Я был величайшим фехтовальщиком своего времени. Да что там своего — всех времен. К чему понапрасну скромничать? Я был также автором нескольких замечательных трудов. Я написал острые сатиры о путешествии на Солнце и на Луну. Мою пьесу «Обманутый педант» некий мсье Мольер позднее, кажется, выдал за свою, внося в нее некоторые изменения. Ну, возможно, я несколько преувеличиваю, но он, безусловно, использовал мою

комедию. И, как я понимаю, англичанин по имени Джонатан Свифт также использовал некоторые мои идеи в своих «Путешествиях Гулливера». Я их не упрекаю, поскольку и сам порой использовал чужие идеи — усовершенствуя их, разумеется.

— Все это очень хорошо, сэр, — сказал Мэлори, воздержавшись от упоминания о собственных работах. — Но, если для вас это не слишком утомительно, вы могли бы рассказать нам, как очутились на воздушном корабле и отчего этот корабль загорелся.

Де Бержерак жил у Мэлори в ожидании времени, когда ему найдут пустую хижину или дадут инструменты, чтобы он сам построил себе дом. В тот момент он, его хозяева и еще человек сто сидели или стояли у большого костра перед хижинкой.

Рассказ получился длинный и еще более фантастический, чем повести самого рассказчика или Мэлори. Сэр Томас, однако, чувствовал, что француз рассказывает не все. Когда тот закончил, Мэлори произнес, словно размышляя вслух:

— Так, значит, это правда, что есть башня посреди северного полярного моря, — того самого, из которого берет начало Река, впадая потом в него же? И правда, что создатели этого мира, кто бы они ни были, живут в этой башне? Хотелось бы мне знать, что стало с тем японцем, Пискатором. Приняли ли обитатели башни — а это, безусловно, ангелы — его к себе, ибо он прошел сквозь врата рая? Или они отослали его куда-то — возможно, в отдаленную часть Реки? И этот Торн — что могло толкнуть его на преступление? Быть может, он демон в человеческом обличье.

Де Бержерак громко и презрительно рассмеялся.

— Ни ангелов, ни демонов не существует, друг мой. На Земле я говорил, что нет и Бога, но сейчас этого не утверждаю. Но, признавая существование Творца, не обязательно верить в сказки об ангелах и демонах.

Мэлори стал горячо настаивать на своем. Завязался спор, во время которого француз ушел прочь. Ночь он провел, как слышал Мэлори, у одной женщины, считавшей, что столь непревзойденный фехтовальщик должен и любовником быть непревзойденным. По ее словам, он оправдал ожидания, хотя оказался, пожалуй, чересчур привержен тому способу любви, который, по общему мнению, достиг высот — или, скорее, бездн — во Франции. Мэлори охватило отвращение. Но позднее в тот же день де Бержерак пришел, чтобы извиниться за свою неблагодарность по отношению к тому, кто спас ему жизнь.

— Я не должен был насмехаться над вами, мой спаситель, принявший меня под свой кров. Приношу вам тысячу извинений, надеясь получить взамен одно прощение.

— Я вам прощаю, — искренне сказал Мэлори. — И хотя вы отвергали нашу церковь на Земле и кощунственно высказывались о Боге — возможно, сегодня вы не откажетесь посетить вечернюю мессу за упокой души ваших товарищей?

— Это самое меньшее, что я могу сделать, — сказал де Бержерак.

Во время службы он обливался слезами так, что потом Мэлори, пользуясь возвышенным настроением Бержерака, спросил его, не хочет ли тот вернуться к Богу.

— Я, пожалуй, никогда и не покидал его, если он существует, — ответил француз. — Я оплакивал тех, кого любил на борту «Парсевалля», и тех, кого уважал, хотя и не любил. Я плакал от злости на Торна — или как его там зовут по-настоящему? А еще я плакал оттого, что столько мужчин и женщин еще так невежественны и суеверны, что верят во всю эту чушь.

— Вы говорите о мессе? — ледяным тоном осведомился Мэлори.

— Да, уж простите мне и эту вину! — крикнул де Бержерак.

— Не прошу, пока вы искренне не покаетесь и не принесете свое покаяние Богу, которого столь тяжко оскорбили.

— *Quelle merde!** — сказал Бержерак, но тут же обнял Мэлори и расцеловал его в обе щеки. — Как я хотел бы, чтобы то, во что вы верите, было правдой! Но будь это так, как мог бы я простить Бога.

Он простился с Мэлори, сказав, что они, быть может, больше никогда не увидятся. Завтра поутру он отправляется вверх по Реке. Мэлори заподозрил, что для этого Бержерaku придется украсть лодку — так оно и оказалось.

Потом Мэлори часто думал о человеке, выпрыгнувшем из горящего дирижабля, о человеке, побывавшем в башне, о которой говорили многие, но которую не видел никто, кроме француза и его спутников. Или, если верить рассказу Бержерака, кроме них, кучки древних египтян и одного лохматого получеловека.

Не прошло и трех лет, как мимо прошел второй огромный корабль. Он был даже больше «Рекса», богаче его, быстрее, лучше оснащен и вооружен. Но назывался он не «Марк Твен». Его капитан, американец Сэмюэль Клеменс, переименовал корабль, назвав его «Внаем не сдается».

Капитан, очевидно, слышал, что король Иоанн назвал свой корабль, бывший «Внаем не сдается», «Рекс грандиссимум». Поэтому Клеменс взял старое название, торжественно написав его на борту.

Пароход остановился, чтобы подзарядить свой батацитер и граали. Мэлори не представилось случая поговорить с капитаном, но он видел и его, и его удивительного стража. Джо Миллер и правда был великаном десятифутового роста и весил восемьсот фунтов. Но он был не столь космат, как представлялось Мэлори по рассказам. Он оказался не более волосатым, чем многие известные Мэлори мужчины, хотя у Джо волосы были длиннее. Челюсти у

* Экое дерьмо! (фр.)

него действительно выдавались вперед, а нос был точно у обезьяны-носача и походил на здоровенный огурец. Однако вид у великана был разумный.

ГЛАВА 4

Преследователь двигался по Реке.

До полудня оставался час. Через час легендарный пароход бросит якорь, и толстенный алюминиевый кабель с медным наконечником соединит батацитор судна с питающим камнем на берегу. Мощный импульс энергии, который поступит на камень, подзарядит батацитор, а граали, расставленные на медной пластине на борту корабля, наполнятся пищей, спиртным и прочим.

Пароход был весь белый, только над четырьмя колесными кожухами крупными черными буквами значилось: «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ». Ниже помельче: «Капитан Сэмюэль Клеменс». Ниже еще мельче: «Владельцы “Мстители, Инкорпорейтед”».

Над рубкой развевался голубой флаг с алым фениксом.

Такой же флаг был поднят на кормовом флагштоке, наклоненном под углом сорок пять градусов с кормы нижней палубы.

В длину пароход Сэма насчитывал пятьсот пятьдесят футов восемь дюймов. В ширину между колесными кожухами — сто пятнадцать футов. Осадка при полной нагрузке составляла восемнадцать футов.

На пароходе было пять палуб. На нижней, «А», или котельной размещались разные склады, огромный батацитор, чья шахта уходила вверх на следующую палубу, четыре электромотора, приводящие в движение колеса, и огромный котел.

Батацитор представлял собой громадный аппарат пятидесяти футов в ширину и сорока трех в высоту. Один из инженеров Сэма утверждал, что это изобретение относится к концу двадцатого века. Поскольку этот инженер якобы жил после 1983 года, Сэм подозревал в нем агента. (Инженер давно уже умер.)

Батацитор (батарея-конденсатор) мог принять высоковольтный разряд питающего камня за секунду и распределить всю энергию за секунду или меньше, если требовалось. Он служил источником энергии для четырех мощных электродвигателей и прочих систем корабля, включая кондиционирование воздуха.

Подогреваемый электричеством котел шестидесяти футов диаметром и тридцать высотой снабжал горячей водой душевые, отоплял каюты, обеспечивал производство спирта, приводил в действие паровые пулеметы и самолетные катапульты, подавая сжатый воздух к пушке, озвучивал свистки и поставлял бутафорию для обеих дымовых труб. Трубы назывались дымовыми по старинке — на самом деле из них выходил пар, окрашенный под дым, и то когда Сэму приходила охота устроить представление.

В задней части котельной палубы на уровне воды находился большой люк для двух катеров и торпедоносца.

На следующей палубе, «Б», были устроены по бокам крытые проходы, и она называлась прогулочной.

На пароходах, которые в молодости водил по Миссисипи Сэм, как раз нижняя палуба называлась главной, а та, что над ней, — котельной.

Но поскольку на «Внаем не сдается» котел помещался на нижней палубе, Сэм соответственно назвал и ее. А вторую палубу стал именовать главной. Сначала это путало его помощников, привыкших к земной терминологии, но потом они привыкли.

Иногда, если пароход становился на якорь в мирной местности, Сэм отпускал команду на берег (кроме вахтенных, разумеется). И устраивал экскурсию для местных высокопоставленных лиц. Одетый в белый китель из рыбьей кожи, длинный белый кильт, белые, до колен, сапоги, в белой капитанской фуражке, он проводил своих гостей по судну сверху донизу. При этом, разумеется, он и несколько десантников не спускали с экскурсантов глаз, поскольку на «Внаем не сдается» имелось немало соблазнов для сухопутной публики.

Попыхивая сигарой между фразами, Сэм объяснял все — или почти все — любопытным визитерам.

Закончив осмотр нижней, котельной, палубы, Сэм вел их наверх на главную палубу «Б».

— Моряки назвали бы эти ступеньки трапом, — говорил он. — Но поскольку почти вся моя команда состоит из сухопутных крыс и у нас имеется несколько настоящих трапов, то я решил: пусть лестницы так и зовутся лестницами. В конце концов, они состоят из ступенек, а не из перекладин. По той же причине я постановил, невзирая на яростные протесты ветеранов флота, именовать стены не переборками, а стенами. Однако разницу между обычной дверью и люком я оставил. Люк — это толстая, водо- и воздухонепроницаемая дверь, которая задраивается с помощью рычажного механизма.

— А что это за орудие? — спрашивал кто-нибудь из туристов, показывая на длинную дюралюминиевую трубу, похожую на пушку и стоящую на лафете. С казенной части в нее входили широкие пластмассовые трубки.

— Это паровой пулемет восьмидесятого калибра. Его сложный механизм позволяет выбрасывать на большой скорости поток пластмассовых пуль, поступающих снизу. Движущей силой служит пар из котла.

Однажды некто, побывавший на «Рексе», сказал:

— У короля Иоанна есть несколько паровых пулеметов семьдесят пятого калибра.

— Да. Я сам их проектировал. Но этот сукин сын увел у меня пароход, и я, когда строил новый, установил более мощные пулеметы.

Сэм показывал гостям окна (не иллюминаторы, а именно окна) вдоль крытого прохода, «который некоторые члены моей команды с невиданной наглостью и неслыханным бесстыдством называют коридором. За моей спиной, разумеется».

Он показывал туристам каюты, поражая их удобствами и роскошью.

— У нас здесь сто двадцать восемь кают, каждая рассчитана на двоих. Обратите внимание на медную откидную койку. Оцените фаянсовые унитазы, душевую с горячей и холодной водой, умывальник с латунной арматурой, зеркала в латунных рамах, дубовые письменные столы. Шкафы не очень велики, но мы ведь не возим с собой большой запас одежды. Обратите также внимание на оружейную стойку, где можно держать пистолеты, винтовки, копья, мечи и луки. Ковры на полу сделаны из человеческих волос. А поглядите-ка на стенную роспись. Это все оригиналы кисти Мотонобу, жившего с 1476 по 1559 год, великого японского художника, основавшего живописный стиль «кано».

А в соседней каюте имеются картины Зевсиса из Гераклеи. Их десять. Собственно говоря, это каюта самого Зевсиса. Он, как вам известно, а может, и неизвестно, был великим художником пятого века до нашей эры, уроженцем Гераклеи, греческой колонии в Южной Италии. О нем говорили, что он выписывает виноградную кисть так похоже, что птицы слетаются ее клевать. Зевсис не подтверждает этого, но и не отрицает. Я лично предпочитаю фотографии, но и в моей каюте есть картины. Одну написал Питер де Хох, голландский художник семнадцатого века. Другую — итальянец, Джованни Фаттори, 1825—1908. Бедняга. Это была, очевидно, его последняя работа, так как он упал за борт во время вечеринки, и колесо размолото его на куски. Даже если его воскресили, что маловероятно, он нигде не сможет найти краски — они имеются только здесь и на «Рексе».

Потом Сэм вел всех вдоль прогулочной палубы на нос, к установленной там 88-миллиметровой пушке. Она еще не опробована в деле, говорил Сэм, и запас пороха пора уже менять.

— Зато, когда мы нагоним «Рекса», подлый Иоанн взлетит на воздух.

На променаде находились еще и ракетные батареи — самонаводящиеся снаряды стреляли на полторы мили, а их боеголовки из пластиковой взрывчатки весили сорок фунтов.

— Если пушки подведут, ракеты точно разнесут его задницу.

Одна из туристок была хорошо знакома с книгами Клеменса и биографическими трудами о нем. Она тихо сказала своему спутнику:

— Никогда бы не подумала, что Марк Твен такой кровожадный.

— Сударыня, — сказал Сэм, услышавший эти слова, — я вовсе не кровожаден! Я самый мирный человек на свете! Я не выношу насилия, и при мысли о войне у меня все нутро переворачивается.

Если вы читали мои очерки о войне и о тех, кому она по вкусу, вы должны это знать.

Но эту ситуацию, как и многие другие, мне просто навязали. Чтобы выжить, приходится лгать лжецам, обманывать обманщиков и убивать убийц, пока они не убили тебя! Для меня это лишь вынужденная, хотя и оправданная, необходимость. Что бы сделали вы, если бы король Иоанн увел у вас пароход — и это после того, как вы годами разыскивали железо и прочие металлы, чтобы осуществить свою мечту! А потом годами сражались с теми, кто хотел отнять у вас вашу находку, и вас со всех сторон подстерегали убийство и измена! Как бы вы поступили, если бы Иоанн убил ваших близких друзей, вашу жену и ушел, оставив вас в дураках? Позволили бы вы, чтобы это сошло ему с рук? Думаю, что нет, если в вас есть хоть капля мужества.

— Мне отмщение, и аз воздам, сказал Господь, — заметил мужчина.

— Да. Возможно. Но если Господь существует и как-то осуществляет свою месть, как он может делать это без участия людей? Слыхали вы, чтобы злодеев поражала молния? Ну, бывает иногда. Однако молния поражает ежегодно и тысячи невинных. Нет уж, Господь вынужден использовать простых смертных в качестве своих орудий, а кто больше годится на это, чем я? Из кого еще обстоятельства выковали столь острое и пригодное для дела Господне оружие?

Сэм так расстроился, что пришлось послать десантника в большой салон за четырьмя унциями бурбона ради успокоения нервов.

Еще до того как прибыло виски, кто-то из туристов пробурчал:

— Чушь собачья!

— Выкиньте его с парохода! — крикнул Сэм. Так и сделали.

— Какой вы сердитый, — сказала его читательница.

— Да, мэм, я сердит. И есть отчего. Я был сердит на Земле, сержусь и здесь.

Десантник принес Сэму виски. Тот мигом выпил порцию и продолжал экскурсию, вновь обретая хорошее настроение.

Он повел группу по широкой лестнице в большой салон. Они остановились у входа, и послышались охи и ахи. Салон имел двести футов в длину, пятьдесят в ширину и двадцать в высоту. На потолке висели в ряд пять огромных хрустальных люстр. Салон, кроме множества окон, освещали потолочные и настенные светильники, а также торшеры из фасонно отлитой меди.

В дальнем конце была сцена — на ней, пояснил Клеменс, ставились спектакли или помещался оркестр. Имелся там и большой экран, который опускали, когда показывали кино.

— Химически обработанную пленку мы не применяем, — говорил Сэм. — У нас электронные камеры. Мы снимаем оригинальные фильмы или повторно экранизируем земную классику.

Сегодня, например, будет показываться «Мальтийский сокол»*. Из прежнего состава у нас нет никого, кроме Мэри Астор — ее настоящее имя Люсиль Лангеханке, и она играет секретаршу Сэма Спейда. В том фильме, как мне говорили, она играла не свою роль. Впрочем, вряд ли кто-то из вас понимает, о чем я толкую.

— Я понимаю, — сказала читательница Марка Твена. — А кто же играет ее прежнюю роль в вашем фильме?

— Американская актриса Элис Брэйди.

— А Сэм Спейда? Не могу себе представить в этой роли никого, кроме Хэмфри Богарта.

— Говард да Сильва, тоже американец. Настоящее его имя Говард Гольдблат, если я не ошибаюсь. Он очень благодарен за то, что ему дали эту роль, хотя и утверждает, что на Земле у него не было случая раскрыться полностью. Но он сожалеет, что его аудитория будет столь малочисленна.

— А режиссер кто? Уж не Джон ли Форд?

— Никогда о таком не слыхал. Наш режиссер — Александр Сингер.

— А я никогда не слыхала о нем.

— Возможно. Но он, кажется, в свое время был известен в голливудских кругах.

Несколько раздраженный этим, ненужным, по его мнению, вмешательством, Сэм стал показывать шестидесятифудовый, из полированного дуба бар по левому борту, с выстроенными в ряд бутылками и графинами. На группу произвели большое впечатление и напитки, и хрустальные бокалы. Еще больше поразили всех четыре больших рояля. Сэм сказал, что у него на борту есть по меньшей мере десять знаменитых пианистов и пятеро композиторов. Например, Селим Пальмгрен (1878—1951), финский композитор и пианист, известный тем, что основал школу финской национальной музыки. Имеется также Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (1525—1594), автор знаменитых мадригалов и мотетов.

— Раньше с нами плавал Амадей Моцарт, — сказал Сэм. — Он действительно великий композитор, некоторые считают — величайший из всех. Однако он оказался таким скверным человеком, таким ябедой, распутником и трусом, что я выкинул его с корабля.

— Моцарт? — сказала все та же женщина. — Боже мой, Моцарт! Вы просто скотина — как вы посмели так поступить с замечательным композитором, с гением, с божеством?

— Мэм, поверьте мне — он сам меня до этого довел. Если вам не нравится мое поведение, можете уйти. Десантник проводит вас на берег.

— Хреновый из вас джентльмен.

— Как сказать.

* Детективный роман Д. Хэммета, экранизированный в Голливуде.

Группа шла вдоль прохода к носу мимо дверей кают. Последней справа была каюта Клеменса, и он показал ее туристам. Их удивленные и восторженные возгласы доставляли ему удовольствие. Наискок, сказал он, живет его телохранитель Джо Миллер со своей подругой.

За капитанской каютой помещалась клетушка с лифтом, идущим на нижний из трех этажей рубки. Этот уровень назывался палубой «Е», или наблюдательным пунктом — там стояли мягкие стулья, кресла и небольшой бар. В окнах имелись опоры для пулеметов, стреляющих пластиковыми или деревянными пулями.

Следующий этаж мостика именовался палубой «Ж», или артиллерийской палубой, поскольку там стояли четыре двадцатимиллиметровых паровых орудия. Снаряды к ним подавались через загрузочные шахты с котельной палубы.

Последняя палуба, «Ж», собственно рубка, была вдвое больше предпоследней.

— Хоть танцуй, — говорил Клеменс, ничего не имевший против преувеличений, особенно когда преувеличивал он сам.

Он представлял гостям радистов и операторов радара, первого помощника, офицера по связи и рулевого. Последним был Генри Детвейлер, француз, эмигрировавший на Средний Запад Америки в начале девятнадцатого века. Сначала он стал рулевым на речных судах, потом капитаном, а в конце концов — владельцем нескольких пароходных компаний. Умер он в Пеории, штат Иллинойс, в своем похожем на дворец особняке.

Первый помощник, Джон Байрон, был англичанин (1723—1786). Мичманом он участвовал в знаменитом кругосветном походе Энсона, но потерпел крушение у чилийского побережья. Став адмиралом, он заслужил прозвище «Джек-Ненастье», ибо его флот, выходя в море, каждый раз попадал в сильный шторм.

— А еще он приходится дедом знаменитому или печально знаменитому поэту, лорду Байрону, — сказал Сэм. — Верно, адмирал?

Байрон, невысокий блондин с холодными голубыми глазами, кивнул.

— Адмирал? — удивилась женщина, все время цеплявшаяся к Клеменсу. — Но если вы капитан...

Сэм, затянувшись сигарой, ответил:

— Да, я единственный капитан на борту. Остальные у нас — от адмирала и ниже. Моими воздушными силами, которые состоят из четырех пилотов и шести механиков, командует генерал. Десантниками тоже. Последний, между прочим, служил генералом в армии Соединенных Штатов во время гражданской войны. Он чистокровный индеец, вождь племени сенека. Зовут его Эли С. Паркер, а по-ирокезски Донехогава, что означает «Хранитель Западных Ворот». Он получил хорошее образование и на Земле был

инженером-строителем. В гражданскую войну он состоял при штабе генерала Улисса С. Гранта.

Дальше Сэм показал, как управляется судно. Рулевой сидит в кресле, по обеим сторонам которого из пола торчат металлические рычаги. Эти рычаги регулируют задний или передний ход колес, а также скорость их вращения. Впереди, на контрольной панели, имеется множество приборов, среди них несколько генераторов колебаний.

— Вот это сонароскоп. С его помощью рулевой определяет глубину Реки, расстояние от берега и следит, нет ли в воде крупных, представляющих опасность предметов. Когда рулевой включает автоматическое управление — вот этот диск, — ему только и дел остается, что следить за сонароскопом да наблюдать за берегами. Если автоматика вдруг откажет, можно включить запасную систему и в это время наладить основную.

— Выходит, управлять пароходом легко? — спросил кто-то из мужчин.

— В общем, да. Но только опытный рулевой способен справиться с непредвиденными трудностями, вот почему почти все они — ветераны-речники с Миссисипи.

Сэм обратил общее внимание на то, что рубка находится в девяноста футах над поверхностью Реки, а также на то, что мостик, в отличие от земных судов, расположен по правому борту, а не в центре палубы.

— От этого «Внаем не сдается» еще больше походит на авианосец.

Гости наблюдали, как тренируются десантники на летной палубе и как множество мужчин и женщин практикуются в боевых искусствах: борьбе на мечах, копьях, ножах, топорах, в стрельбе из лука.

— Каждый член команды, включая меня, обязан владеть всеми видами оружия. Кроме того, каждый должен уметь заменить любого другого. Их всех обучают электротехнике, электронике, слесарному делу, умению командовать и править судном. Половина команды научилась играть на фортепиано или на других инструментах. На этом судне больше людей, владеющих множеством профессий и ремесел, чем где-либо еще на планете.

— А капитаном тоже бывают все по очереди? — спросила надоедливая женщина.

— Нет. Это единственное исключение, — ответил Сэм, хмуря густые брови. — Всем свою голову не приделаешь.

Он нажал одну из кнопок на панели. Завыли сирены, и Джон Байрон велел офицеру по связи отдать через селектор команду «Мостки готовы». Сэм перешел на правый борт, пригласив с собой туристов. Те ахнули, увидев длинные и толстые металлические бруссы, выдвинувшиеся из трех нижних палуб.

— Если мы не сумеем потопить «Рекс», — сказал Клеменс, — то перейдем на него вот по этим мосткам.

— Прекрасно, — сказала женщина. — Но ведь команда «Рекса» тоже может перейти к вам на борт по своим мосткам.

Голубовато-зеленые глаза Сэма сверкнули над ястребиным носом.

Однако другие туристы были так изумлены и так трепетали, что Сэм напыжился, словно индюк. Он всегда восхищался разными механическими штучками и любил, когда другие разделяли его энтузиазм. На Земле он обанкротился как раз из-за своего интереса к новомодной технике, вложив средства в не оправдавшую себя буквопечатающую машину Пейджа. Женщина не унималась:

— Что вы скажете о железе, алюминии и прочих металлах? Эта планета крайне бедна минералами. Где вы их взяли?

— Случилось так, — начал Сэм, довольный, что может похвастаться своими подвигами, — что в долину упал гигантский никелево-железный метеорит. Помните, как много лет назад все питающие камни на правом берегу вдруг отказали? Именно падение метеорита прервало подачу энергии. Как вам известно, через сутки подача возобновилась. И вот...

— Но кто ее восстановил? — спросил турист. — Я слышал разное, но...

— Я находился, можно сказать, по соседству, — продолжал Сэм. — Разлив Реки и взрывная волна чуть было не погубили меня и моих спутников.

Сказав это, он мысленно поморщился — не потому, что едва избежал тогда гибели, а потому, что вспомнил, как поступил потом с одним из этих спутников — с Эриком Кровавым Топором.

— Поэтому я могу засвидетельствовать тот потрясающий, но непреложный факт, что не только энерголиния восстановилась за одну ночь, но и пострадавшая от взрыва почва. Трава, деревья, вывороченная земля — все вернулось на место.

— Но кто это сделал?

— Должно быть, те, кто создал эту долину и воскресил нас. Я слышал, будто они люди, такие же, как мы, земляне, пришедшие из далекого будущего. Однако...

— Нет, они не люди, — сказал турист. — Определенно нет. Все это создал Бог.

— Если вы так хорошо с ним знакомы, — сказал Клеменс, — дайте мне его адрес. Я хотел бы ему написать. Мы были первыми, — продолжал он, — кто добрался до места падения метеорита. Воронка — наверное, не менее широкая и глубокая, чем знаменитый аризонский кратер, — была уже засыпана, но мы застолбили участок и начали копать. Чуть позже мы узнали, что в одном государстве ниже по Реке имеются большие залежи бокситов и криолитов. Однако тамошнее население не имело орудий для их добычи и последующей переплавки. Мы же в Пароландо получили возможность выплавлять алюминий после того, как изготовили железные орудия. То государство, Душевный Город, напало на нас, чтобы отнять у нас железо. Мы побили их и забрали бокситы и криолиты.

Выяснилось также, что в кое-каких относительно ближних странах есть залежи меди и олова, равно как ванадия и вольфрама. Мы обменяли свои железные изделия на эти металлы.

Женщина, нахмурясь, сказала:

— Не странно ли, что в этом районе оказалось столько металлов, в то время как в других почти ничего нету? И вероятно, просто так совпало, что вы, разыскивая эти металлы, оказались рядом с упавшим метеоритом?

— Может, это Бог направил меня туда, — ехидно ответил Сэм

Нет, не Бог, сказал он про себя. А Таинственный Незнакомец, этик, назвавшийся Иксом, который еще несколько тысяч лет назад расположил месторождения именно в этом районе. И который направил туда метеорит.

С какой целью? Чтобы Сэм построил корабль, обзавелся оружием и поднялся вверх по Реке миллионов на десять миль, до самого моря. И добрался до башни, что высятся среди полярных туманов.

И что же потом?

Сэм не знал. Предполагалось, что этик придет к нему еще раз — ночью, во время грозы, как приходил всегда. Должно быть, он предпочитал грозу потому, что разряды молний мешали тонким приборам этиков выследить ренегата. Этик должен был дать Сэму дальнейшие указания. Тем временем другие выбранные Иксом бойцы должны были отыскать Сэма, чтобы отправиться вверх по Реке на его корабле.

Но все получилось не так, как было задумано.

Сэм больше ни разу не видел Таинственного Незнакомца и не слышал о нем. Сэм построил свой корабль, но его компаньон, король Иоанн Безземельный, угнал пароход. А несколько лет спустя прекратились «малые воскрешения», или «переносы», и жители долины вновь стали умирать бесповоротно.

Что-то случилось с обитателями башни, с этиками. И с Таинственным Незнакомцем, как видно, тоже.

Но он, Клеменс, все равно плывет к истокам Реки, чтобы попытаться проникнуть в башню. Теперь он уже знает, как трудно будет преодолеть горы, опоясывающие море. Джо Миллер, титантроп, видел башню с карниза неприступного кряжа, когда сопровождал фараона Эхнатона. Еще Джо видел, как на вершину башни садилась какая-то гигантская воздушная машина. Потом Джо споткнулся о грааль, оставленный каким-то неведомым предшественником, упал и разбился насмерть. Воскреснув где-то в долине, он встретил Сэма и рассказал ему свою невероятную историю.

— А что это за дирижабль, о котором ходило столько слухов? — спросила женщина. — Почему вы не отправились на нем вместо парохода? Тогда вы могли бы добраться до истоков за несколько дней, а не за тридцать—сорок лет

На эту тему Сэм не любил говорить. Правда заключалась в том, что никто даже не подумал о воздушном корабле до тех пор, когда

«Внаем не сдается» был уже готов к отплытию. А вот тогда к Сэму явился немецкий инженер фон Парсеваль и спросил, почему Сэм не построил воздушный корабль вместо водного.

Главный инженер Клеменс, Милтон Фаербрасс, бывший астронавт, загорелся новой идеей, остался с Парсевалем и построил-таки дирижабль. Он поддерживал радиосвязь с пароходом и, долетев до башни, сообщил, что ее высота — чуть больше мили, а диаметр — миль десять. «Парсеваль» сел на ее вершину, но лишь один из команды, японец-суфи, называвший себя Пискатором (он летал прежде на малом дирижабле), сумел пройти внутрь. Другим помешала некая незримая, но ощутимая сила. Еще до этого офицер по имени Барри Торн заложил бомбу в вертолет, в котором Фаербрасс с несколькими людьми летел на пробную посадку. Торн взорвал бомбу по радио, а потом улетел с дирижабля на другом вертолете. Но его тоже ранило, и вертолет разбился об основание башни.

Торна доставили обратно на дирижабль и допросили. Он отказался отвечать, но был заметно поражен, узнав, что Пискатор прошел в башню.

Клеменс подозревал, что Торн либо этик, либо один из помощников этиков, или агент, как называли таких людей рекруты Икса.

В том же Клеменс подозревал и Фаербрасса. Возможно, что и женщина, Анна Обренова, погибшая при взрыве вертолета, тоже была либо этиком, либо агентом.

Сэм на основании доступных ему фактов пришел к выводу, что давным-давно в долине почему-то осталось некоторое количество агентов и, возможно, несколько этиков. Икс, вероятно, — один из них.

А значит, агенты и этики стараются добраться до башни тем же образом, что и жители долины. И на его корабле, возможно, тоже есть агенты или этики, или те и другие. Как и на «Рексе».

Почему этики и агенты не сумели вернуться в башню воздушным путем, Сэм не знал.

Он считал, что всякий, кто утверждает, что жил после 1983 года, относится к числу создателей Мира Реки. Вся история после 1983 года, по его мнению, была ложной — это только код, по которому посвященные распознают друг друга.

Возможно, они уже догадались, что рекруты Икса раскусили этот их код, и больше не станут к нему прибегать.

— Дирижабль предназначался для разведывательных целей, — пояснил женщине Клеменс, — для съемки местности. Однако его капитан имел приказ проникнуть в башню, если представится возможность. Затем он должен был вернуться к пароходу и захватить с собой меня и еще нескольких человек. Но войти туда не смог никто, кроме философа-суфи Пискатора, да и тот не вышел обратно. На обратном пути капитан, женщина по имени Джилл Галбирра, взявшая на себя командование после гибели Фаербрасса, выслала на вертолете десант против «Рекса». Король Иоанн был взят в плен, но бежал, спрыгнув с вертолета. Не знаю, остался

он в живых или нет. Вертолет вернулся на «Парсеваль», продолжавший полет к нашему пароходу. Затем Галбирра сообщила, что ею замечен большой воздушный шар, и направилась к нему, но тут Торн снова вырвался на волю и похитил вертолет. Галбирра, подозревая, что он оставил на борту бомбу, организовала поиски Бомбу не нашли, но Галбирра не могла успокоиться и повела дирижабль вниз, желая на всякий случай высадить команду. Потом она сообщила, что произошел взрыв — и больше мы о «Парсевале» ничего не слышали.

— Ходят слухи, — сказала женщина, — что он разбился выше по Реке за много тысяч миль отсюда. Спасся только один человек.

— Только один? Боже, кто же он? Или она?

— Имени его я не знаю, но слышала, что он француз.

Сэм застонал. На дирижабле был только один француз, Сирано де Бержерак, в которого была влюблена жена Сэма. Его одного из всей команды Сэм не стал бы оплакивать.

ГЛАВА 6

День клонился к вечеру, когда Сэм увидел создание еще чуднее Джо Миллера. Джо был хотя бы человеком, этот же явно родился не на Земле.

Сэм сразу сообразил, что незнакомец относится к небольшой группе выходцев из созвездия тау Кита. Информатор Сэма, покойный барон Джон де Грейсток, знал одного из них. По словам барона, в начале двадцать первого века на околоземной орбите появился небольшой тау-китянский корабль — пришельцы выслали его перед посадкой большого звездолета. Инопланетянам оказали теплый прием, но затем один из них, Монат, заявил, выступая по телевидению, что тау-китяне способны продлевать свою жизнь до нескольких сот лет. Земляне потребовали, чтобы пришельцы поделились этой наукой с ними. Когда тау-китяне отказались, мотивируя это тем, что долголетие ничего, кроме зла, землянам не принесет, людские толпы линчевали почти всех инопланетян и захватили их космический корабль. Монат с большим сожалением включил сканер на спутнике, и ударивший оттуда луч истребил почти все человечество. Так, по крайней мере, полагал Монат. Сам он не видел последствий своего поступка. Толпа и его растерзала на части.

К лучам смерти он прибег, потому что боялся, что земляне используют захваченный корабль для постройки новых, а потом отправятся на родную планету Моната, навяжут ей войну и, возможно, перебьют всех ее жителей. Он не знал, произойдет это или нет, но предпочел не рисковать.

Сейчас тау-китянин стоял в узком челноке, который в любой момент мог перевернуться, и отчаянно махал руками в сторону парохода, прося, как видно, чтобы его взяли на борт. Многие

просились, подумал Сэм, но мало кому это удавалось. Однако таких еще не было — ишь какое двуногое чудо: не то человек, не то птица. Сэм приказал рулевому описать круг и подойти к челноку.

Любопытствующая команда столпилась в крытом проходе, а тау-китянин влез по короткому трапу на котельную палубу. За ним следовал его спутник, обыкновенный человек. Челнок отнесло течением на радость тому, кто первый его заметит.

Двое десантников и сам генерал Эли С. Паркер сопроводили обоих в рубку. Сэм пожал им руки, представился, говоря на эсперанто, сам и представил своих помощников. Настала очередь незнакомцев.

— Я Монат Грраутут, — глубоким низким голосом сказал двуногий.

— Мать честная! — воскликнул Сэм. — Тот самый!

Монат улыбнулся, показав вполне человеческие зубы.

— Значит, вы слышали обо мне.

— Вы единственный тау-китянин, кого я знаю по имени. Я годами обшаривал берега в поисках кого-нибудь из вас и ни разу в глаза ни одного не видел. И вдруг на тебе — сам Монат!

— Я не с тау Кита. Высадившись на Земле, мы дали неверную информацию. На самом деле я с одной из планет Арктура. Мы обманули землян, опасаясь, что они окажутся воинственными и...

— Правильная мысль. Хотя потом вы, пожалуй, разделились с ними несколько круто. Но почему вы продолжали твердить, что явились с тау Кита, когда, помимо своей воли, воскресли здесь?

Монат пожал плечами. Совсем как человек, подумал Сэм.

— По привычке, я полагаю. Притом мне хотелось убедиться, что земляне больше не представляют опасности для моего народа.

— Я вас не упрекаю.

— Когда я в этом удостоверился, то начал говорить правду.

— Ясно, — засмеялся Сэм. — Вот сигары, угощайтесь оба.

Ростом Монат был шесть футов восемь дюймов, тощий и розовокожий. Килът, его единственная одежда, позволял рассмотреть почти все тело, но скрывал то, что для некоторых было интереснее всего. Грейсток говорил, что член инопланетянина может сойти за человеческий и обрезан, как у всех мужчин их мира. Зато мошонка представляет собой узловатый мешочек, набитый множеством мелких яичек.

Лицом инопланетянин тоже напоминал человека. Бритый череп, очень высокий лоб, ниже густые, черные, курчавые брови спускаются до сильно выступающих скул. Глаза темно-карие. Нос красивее, чем у многих людей. Только ноздри обрамляет тонкая перепончатая оборка длиной в одну шестнадцатую дюйма, а заканчивается нос толстым хрящом с вмятиной посерединке. Губы как у собаки — тонкие и черные. Раковина лишнего мочки уха абсолютно не похожа на человеческую.

На руках по четыре пальца, включая длинный большой, и на ногах тоже.

Ну что ж, в забегаловке от такого никто бы не шарахался, подумал Сэм. И в конгрессе тоже.

Сопровождал Моната американец, родившийся в 1918 году и почивший в 2008-м, когда тау-китянский или арктурианский луч очистил Землю от всего живого. Звали его Питер Джейрус Фрайгейт, ростом шесть футов, крепкого сложения, с черными волосами, зелеными глазами и в фас не лишенный привлекательности — в профиль его портил слишком короткий подбородок. Как и Монат, он имел при себе грааль и сверток с пожитками, а также каменный нож, топор, лук и колчан со стрелами.

Сэм сильно сомневался, что Монат сказал правду о месте, откуда он прибыл, и что Фрайгейт назвался своим настоящим именем. Сэм сомневался во всех, кто утверждал, что жил после 1983 года. Однако он не собирался ничего говорить на этот счет, пока не познакомится с двумя пришельцами получше.

Когда они выпили по бокалу, Сэм лично проводил их в офицерскую каюту рядом со своей.

— Мне как раз не хватает трех человек до комплекта, — сказал он. — Есть свободная каюта на котельной палубе, но там не слишком удобно, поэтому я переведу двух младших офицеров отсюда вниз, а вы займете эту.

Мужчина и женщина, занимавшие каюту, не слишком обрадовались такому приказу, но подчинились беспрекословно.

Вечером новоприбывшие ужинали за капитанским столом, ели с фарфоровых тарелок, расписанных древнекитайским художником, и пили из резных хрустальных кубков. Столовые приборы были из серебряного сплава.

Сэм и все остальные, включая гиганта Джо Миллера, внимательно слушали рассказы новичков об их приключениях в Мире Реки. Услышав, что они совершили длинное путешествие с Ричардом Фрэнсисом Бёртоном, знаменитым исследователем девятнадцатого века, лингвистом, переводчиком и писателем, Сэм испытывал потрясение. Этик говорил ему, что завербовал также и Бёртона.

— Не знаете, где он сейчас? — спокойно спросил Сэм.

— Нет, — ответил Монат. — Мы потеряли его во время боя и потом не нашли, хотя и искали.

Сэм велел Джо Миллеру рассказать о египетской экспедиции. Капитану уже наскучила роль вежливого слушателя и хозяина. Он любил сам руководить беседой, но ему хотелось посмотреть, какое впечатление произведет рассказ Миллера на этих двоих. Когда Джо закончил, Монат сказал:

— Так! Значит, в полярном море действительно есть башня!

— А я что говорю, черт возьми, — подтвердил Джо.

Сэм собирался выждать еще неделю и послушать, что еще эти двое скажут о себе. А там он подвергнет их куда более строгому допросу.

Через два дня, когда в полдень пароход бросил якорь у правого берега для подзарядки, питающие камни остались немые, и разряда энергии не последовало.

— С нами крестная сила! — сказал Сэм. — Опять метеорит, что ли?

По-настоящему он не считал, что авария произошла по этой причине. Этик говорил ему, что в космосе установлены отражатели метеоритов и тот, единственный, проскочил только потому, что он, Икс, в нужный момент отключил защиту. Отражатели должны и сейчас плавать в космосе, выполняя свою задачу.

Но если авария случилась не из-за метеорита, то из-за чего же тогда?

Новая неисправность в системе этиков? Раз люди больше не воскресают, значит, что-то разладилось в механизме, преобразующем тепло планетарного ядра в энергию, снабжающую питающие камни. Хорошо еще, что камни соединены параллельно, а не последовательно. Иначе голод бы настал повсюду, не только на правом берегу.

Сэм немедленно распорядился следовать дальше. Ближе к сумеркам пароход остановился у левого берега, но местные жители, как и следовало ожидать, не разрешили воспользоваться их камнем. Произошло кровавое побоище, от которого Сэму стало дурно. Фрайгейт в числе других погиб от маленькой ракеты, пущенной с берега.

Потом отчаявшиеся жители правого берега вторглись на левый. Они прибывали толпами, и остановить их было невозможно, пока с обеих сторон не перебили столько народу, что освободилось место для граалей оставшихся в живых.

Сэм отдал приказ к отплытию не раньше, чем трупы перестали загромождать Реку. Несколько дней спустя он сделал долгую остановку, чтобы восполнить потери, понесенные в бою.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА БОРТУ «РЕКСА»: НИТЬ РАЗУМА

ГЛАВА 7

Это Логу и Алиса помогли Бёртону и остальным попасть на корабль короля Иоанна.

Их отряд добрался вверх по Реке до места, где «Рекс» сделал стоянку, чтобы дать команде отдохнуть и произвести ремонт. Народу туда сбежалось видимо-невидимо — кто хотел поглазеть вблизи на большой корабль, кто лелеял честолюбивые замыслы записаться в команду. Имелось несколько вакансий — по слухам, после того, как капитан чересчур сурово покарал шестерых человек, пренебрегавших своими обязанностями. Однако заменять их он не спешил.

Король Иоанн сходил на берег в окружении двенадцати десантников. Но ни для кого не было тайной, что король не пропускает красивых женщин. И Логу, необычайно красивая белокурая тохарка*, прогулялась перед ним в одной коротенькой юбочке. Иоанн велел охране остановиться и заговорил с Логу. Очень скоро он уже пригласил ее осмотреть пароход, намекнув при этом, что капитанская каюта — наиболее интересный предмет для осмотра и осматривать ее следует только вдвоем.

Логу засмеялась и сказала, что охотно поднимется на борт, но только вместе со своими друзьями. Что же до свидания с глазу на глаз, то она подумает, но не даст окончательного ответа, пока не увидит все судно.

Король Иоанн огорчился, но потом рассмеялся и пообещал показать Логу то, что другим обычно не показывает. Логу была неглупа и догадалась, что он имеет в виду, — но она знала, что им до зарезу нужно попасть на «Рекс».

Тогда Алису, Бёртона, Казза и Бесст тоже пригласили на экскурсию.

Бёртон весь кипел, не желая получать доступ к Иоанну ценой легкомысленного поведения Логу. Однако иного пути не было. Предыдущие заявления Бёртона о том, что он найдет способ

* Тохары — полуседлая народность, обитавшая в Средней Азии и асимилировавшаяся в XI веке (*Здесь и далее примеч. пер.*)

пробраться на борт, несмотря на все препятствия, так и остались словами, не воплотившись в дела.

Если Бёртону хотелось хоть как-то зацепиться на «Рексе», ничего другого не оставалось.

Поэтому Логу прибегла к старой как мир, но по-прежнему эффективной уловке. Не говоря ничего прямо, она дала понять, что, возможно, и ляжет с Иоанном в постель. Бёртону это не понравилось. Он чувствовал себя сутенером, и его злило, что женщина сумела добиться того, чего не смог он. Однако он терзался все же меньше, чем терзался бы на Земле и даже здесь некоторое время назад. В этом мире он хорошо усвоил, на что способна женщина, освобожденная от оков и условностей земного общества. Он ведь сам писал когда-то: «Женщина повсюду в мире есть то, чем позволяет ей быть мужчина». Если это было истиной в викторианские времена, то теперь уже устарело.

По пути на пароход Логу представила всех остальных. Все, кроме Бёртона, назвались настоящими именами. Бёртон решил на сей раз не прибегать к своей старой полуарабской, полуафганской личине и не называться ни Мирзой Абдуллой Бушири, ни Абдулхасаном, ни прочими именами, которыми пользовался и на Земле, и здесь. Теперь, по причине, которую он не объяснил своим спутникам, Бёртон предстал Гвалхвинном, древним валлийцем, жившим во времена, когда бритты старались устоять против вторгшихся к ним англов, саксов и ютов.

— Это означает «Белый Ястреб», ваше величество, — пояснил он.

— Да ну? Уж больно ты черен, чтобы так называться.

Неандерталец Казз пробасил:

— Он отменно владеет мечом и стреляет в цель, ваше величество. В его лице вы приобретете хорошего бойца.

— Что ж, возможно, я как-нибудь дам ему случай проявить свое мастерство, — ответил Иоанн, разглядывая Казза из-под приспущенных век.

Король, рост которого был всего пять футов четыре дюйма, рядом с неандертальцем казался высоким. Казз был приземистым и ширококостным, как все жители раннего каменного века. Квадратная голова, низкий покатый лоб, нависшие надбровные дуги, широкий расплющенный нос и торчащие вперед челюсти не делали его красивцем. Однако он не походил на тех полулюдей, какими изображались неандертальцы на иллюстрациях или на ранних скульптурных реконструкциях. Он был волосат, но не более, чем волосатые представители гомо сапиенс.

Его подруга, Бесст, была на несколько дюймов ниже и столь же малопривлекательна.

Однако Иоанна заинтересовала эта пара. Хотя и малого роста, они обладали невероятной силой и оба могли стать хорошими воинами. А низкие лбы — не обязательно признак скудоумия: по уму неандертальцы разнятся между собой точно так же, как современные люди.

Половина команды Иоанна происходила из раннего палеолита.

Иоанн, прозванный Безземельным за то, что долго не мог войти во владение землями, на которые претендовал, приходился младшим братом королю Ричарду Львиное Сердце — монарху, которому хранил верность легендарный Робин Гуд, пока Иоанн правил Англией в качестве регента. Иоанн был широкоплеч, атлетического сложения, с тяжелым подбородком, рыжеватыми волосами, голубыми глазами и ужасным характером, хотя для средневекового короля это не диво. При жизни он заслужил себе скверную репутацию, оставшуюся за ним и после смерти, хотя он был не хуже многих королей до и после него и лучше своего брата. Летописцы, и современные, и последующие, единодушно старались его очернить. Из Иоанна сделали столь отвратительную фигуру, что ни одного принца в британской династии не называли больше Иоанном.

Ричард назначил наследником престола своего племянника, Артура Бретонского. Иоанн воспротивился этому, завязал с Артуром войну, взял его в плен и заключил в замке Фалэз, а позднее — в Руане. Позже Артур пропал без вести, и большинство современников верило, что это Иоанн убил его, а труп, привесив груз, бросил в Сену. Иоанн не отрицал и не подтверждал этих обвинений.

Следующим пятном на его биографии — хотя оно было не больше и не чернее, чем пятна на биографиях многих других монархов, — явился тот неоспоримый факт, что Иоанн уморил голодом жену и сына своего врага, барона де Браоза.

Ходило еще множество историй — и правдивых, и нет — о его дурных делах. Но прошло много веков, прежде чем объективные историки установили, что он сделал и немало доброго для Англии.

Бёртон мало что знал о жизни Иоанна в Мире Реки — только то, что тот увел у Сэмюэля Клеменса пароход. И то, что говорить об этом при Иоанне было бы неразумно.

По кораблю их водил сам монарх. Он показал им почти все снизу доверху, котельную, главную, ураганную, летную и техаскую палубы; последняя соответствовала нижнему этажу двухэтажного мостика. В рубке Алиса сказала королю, что происходит по прямой линии от его сына, Джона Тошего.

— Вот как? Значит, прежде вы были принцессой или королевой?

— Нет, я даже титула не имела, хотя принадлежала к дворянству. Мой отец приходился родственником барону Равенсворту. Я родилась в 1852 году от Рождества Христова, во времена королевы Виктории, которая тоже происходит от вас.

Король вскинул рыжие брови:

— Вы первый мой потомок, с которым я встречаюсь. И весьма пригожий, надо сказать.

— Благодарю вас, сир.

Бёртон озлился еще пуще. Уж не собирается ли Иоанн совершить акт кровосмешения, хотя их общая кровь изрядно разбавлена чужой?

Иоанн, видимо, раздумывал, зачислять их в команду или нет; отдаленное родство с Алисой решило дело. Когда все отправились в большой салон, чтобы выпить, Иоанн сказал, что они могут, если пожелают, плыть вместе с ним. Он подробно разъяснил им, в чем состоят обязанности команды в целом и каковы правила дисциплины, а после потребовал, чтобы они принесли ему вассальную клятву.

Он пока что не настаивал на том, чтобы Логу выполнила свое негласное обещание, но явно собирался. Бёртон попросил разрешения переговорить со своими спутниками. Иоанн милостиво согласился, и пятеро отошли в уголок.

— Я не против, — заявила Логу. — Может, мне даже понравится. Никогда еще не бывала под королем. И потом, у меня не было мужчины с тех пор, как этот мерзавец Фрайгейт от нас сбежал. Иоанн совсем неплох на вид, хотя и ниже меня ростом.

На Земле Алиса пришла бы в ужас. Но с тех пор она многое повидала, сильно изменилась и давно избавилась почти от всех своих викторианских предрассудков.

— Что ж, если это совершается добровольно, ничего плохого в этом нет, — рассудила она.

— А хоть бы и было, — ответила Логу — Слишком многое поставлено на карту, чтобы жеманничать.

— Мне это не нравится, — заявил Бёртон. У него отлегло от сердца, но он не показывал виду. — Но если мы упустим этот пароход, то и на другой можем не попасть. Я бы сказал, что на «Марк Твен» нам будет пройти не менее тяжело, чем политику в царство небесное. Но если он вздумает дурно обращаться с тобой...

— Ну, я сумею за себя постоять, — сказала Логу — Если я не швырну этого коротышку через всю каюту, значит, рука у меня уже не та. В крайнем случае заеду ему промеж ног

Алиса изменилась не настолько сильно, чтобы не покраснеть.

— Может, он даже сделает тебя первой фавориткой, — предположил Казз. — Это все равно что королева. Слава королеве Логу!

— Меня как раз больше беспокоит его нынешняя фаворитка, чем он сам, — заметила Логу — Иоанн, если и попытается зайти сзади, нож мне в спину не воткнет, а вот его женщина может

— Я все равно чувствую себя последним сводником, — сознался Бёртон.

— С чего бы? Ведь я тебе не принадлежу

Они вернулись к Иоанну и сказали, что согласны принести присягу

Иоанн велел подать выпивку ради такого случая. И велел своему первому помощнику, здоровенному янки из второй поло-

вины двадцатого века по имени Огастес Струбвелл, вечером приготовить все для торжественной присяги.

Два дня спустя «Рекс» поднял якорь и двинулся вверх по Реке. Алису назначили сестрой милосердия к одному из корабельных врачей, доктору Дойлу. Логу послали обучаться на рулевого — после этого она официально станет запасным рулевым второго класса. Ее обязанности будут состоять только в том, чтобы заменять кого-то из постоянных рулевых второго класса в случае надобности. У нее будет масса свободного времени, если не считать неурочных занятий в каюте Иоанна, которые король не замедлил начать. Женщина, отстраненная Логу, делала вид, что сердится, но это была неправда. Иоанн надоел ей не меньше, чем она ему.

Казза и Бёртона назначили в десант. Каззу вручили боевой топор, Бёртону — пистолет и шпагу. Бесст зачислили в лучницы.

Первой задачей Бёртона было выяснить, кто на борту якобы жил после 1983 года. Таких оказалось четверо, в том числе Струбвелл, бывший при Иоанне, когда тот уводил пароход.

ГЛАВА 8

Преподобный мистер Доджсон, более известный как Льюис Кэрролл, предпослал своей книге «Алиса в Стране Чудес» стихотворный эпиграф. «Июльский полдень золотой сияет так светло», — так начинаются эти стихи, описывающие знаменитую поездку на лодке по реке Айзис, во время которой настоящая живая Алиса и подбила Доджсона записать сказку, сочиненную им по просьбе «безжалостной троицы».

В тот день, 4 июля 1862 года, золотой только в памяти, а на деле хмурый и дождливый, Доджсона, впоследствии Додо в первой книге и Белого Рыцаря из «Алисы в Зазеркалье», сопровождали: преподобный Дакворт, ставший в книге Гусем; Лорина, тринадцати лет, ставшая попугайчиком Лори; десятилетняя Алиса, Алисой и оставшаяся, и восьмилетняя Эдит, младшая сестра, ставшая орленком Эдом.

Три эти девочки были дочерьми епископа Лидделла. Буйные оксфордские студенты в своих песенках рифмовали «Лидделл» с «обидел». Доджсон в своих стихах называет девочек по возрасту: Первая, Вторая и Третья.

Теперь Алисе, стоящей посреди их с Ричардом каюты, казалось, что она и вправду всю свою земную жизнь играла роль Второй. А уж в этом мире и давно. Ричард Бёртон полагал, что лишь немногие мужчины могут с ним сравниться, а в женщинах, даже в своей жене — особенно в своей жене, — равных себе он не видел.

Алиса не спорила — всегда мягкая, мечтательная, погруженная в себя. Не зря же Доджсон сказал о ней:

И Алиса — только сон
Дивных, давних тех времен.
Днем, увы, не снится он.

Но даже Доджсону не снилось, насколько он был прав. Теперь Алиса живет в призрачном мире, где даже среди бела дня над горными вершинами заметно свечение звезд-гигантов. А в безлунные ночи газовые туманности и огромные звезды светят ярко, как полная луна.

Под этим вечно сияющим небом Алиса всегда была довольна и даже счастлива тем, что решения принимает Ричард. В результате им часто приходилось воевать, и Алиса, вопреки своей натуре, сражалась, как амазонка. Не обладая силой Пентесилеи, она в полной мере обладала ее мужеством.

Жизнь в Мире Реки была трудной, жестокой и кровавой. После смерти на Земле Алиса внезапно очнулась — нагая, с гладко выбритым телом; телу было лет двадцать пять, хотя умерла она в восемьдесят два года. Очнулась она не в комнате, где умерла — не у своей сестры Роды в Вестерхэме, графство Кент. Вокруг высились неприступные горы, ограждая речную долину. На берегах реки, насколько хватал глаз, стояли люди — все нагие, гладко выбритые и молодые; они кричали, рыдали, истерически смеялись или молчали, пораженные ужасом.

Никого вокруг не зная, Алиса импульсивно потянулась к Бёртону. В ее граале помимо всего прочего оказалась жевательная резинка, содержащая какое-то психоделическое вещество. Пожевав ее, Алиса отдалась Бёртону, и они всю ночь предавались бурной любви, совершая то, что тогда казалось ей извращенным, и то, что казалось ей извращенным даже теперь.

Утром она испытала отвращение к себе и такое чувство, будто она себя убила. Бёртона же она возненавидела так, как никого до этого. Однако осталась с ним, полагая, что другой был бы еще хуже. Кроме того, следовало признать, что и он тогда находился под влиянием наркотика — больше он не побуждал Алису возобновить, как тогда выражалась она, их телесное знакомство. Бёртон обозначил бы это более откровенным выражением.

Со временем она полюбила его — по сути, она любила его уже в ту ночь, — и они стали жить вместе. Половину этой совместной жизни Алиса проводила в хижине одна. Бёртон был самым беспокойным мужчиной из всех, кого она знала. Он и недели не мог усидеть на одном месте. Время от времени они ссорились — зачинщиком в основном был он, но потом и Алиса перестала ему уступать. Вскоре Бёртон исчез на несколько лет и вернулся к ней с чистейшей воды небылицей, как выяснилось потом.

Алиса была больно задета, когда узнала наконец, что Бёртон столько лет скрывал от нее свою тайну. Однажды ночью его посетил некто в маске, сказавший, что принадлежит к этикам — к

Совету, правящему теми, кто воскресил тридцать пять биллионов землян.

По словам неизвестного, этики оживили человечество ради какого-то эксперимента. Со временем люди умрут окончательно и никогда уже не воскреснут. Неизвестный же, Икс, тайно восстал против этого.

Бёртон отнесся к его словам скептически. Но когда другие этики попытались схватить Бёртона, он бежал. Несколько раз он был вынужден убить себя, чтобы, воскреснув в другом месте, оторваться от преследования. Позднее он ввел это в систему. После семьсот семьдесят седьмого самоубийства он очнулся в зале Совета двенадцати. Они сказали ему то, что Бёртон и сам знал: что среди них имеется ренегат. Пока что они не обнаружили, кем является он или она. Но непременно обнаружат.

Теперь, когда Бёртон попал им в руки, они будут постоянно следить за ним. При этом все, что касается приходов этика, и все, что Бёртон знает о нем, будет стерто из его памяти.

Однако Бёртон, вновь очнувшись на берегу Реки, обнаружил, что помнит все. Икс как-то ухитрился воспрепятствовать уничтожению воспоминаний и надуть своих собратьев.

Икс, как рассудил Бёртон, принял также меры, чтобы помешать этикам найти его, Бёртона, в случае нужды. И англичанин отправился вверх по Реке, разыскивая других рекрутов Икса. Какой помощи от них можно ждать, Икс не сказал — обещал лишь открыть позднее, что и когда им нужно будет сделать.

На деле все вышло не так. Икс больше не появлялся, и воскрешения внезапно прекратились.

Потом Бёртон открыл, что Питер Джейрус Фрайгейт и тау-китянин, бывшие с ним с самого начала, — либо этики, либо их агенты. Но схватить их он не успел — они бежали.

Бёртон не мог больше скрывать тайну от своих спутников. Алису его рассказ сначала ошеломил, потом она пришла в ярость. Почему он сразу не сказал ей правду? Бёртон объяснил, что поступил так ради ее же блага. Если бы она знала правду, этики могли бы похитить ее, чтобы подвергнуть допросу и Бог знает чему еще.

С тех пор гнев постоянно тлел в груди Алисы, то и дело вырываясь наружу и обжигая Бёртона. Он, со свойственной ему вспыльчивостью, в долгу не оставался. И хотя потом они каждый раз мирились, Алиса знала, что день их расставания недалек.

Ей следовало бы порвать с Ричардом еще до их поступления на «Рекс», но ей тоже хотелось проникнуть в тайны Мира Реки. Оставшись на берегу, она всю жизнь жалела бы об этом. Поэтому она села с Ричардом на корабль и вот теперь стоит в их общей каюте, не зная, что делать дальше.

Приходится сознаться, что она здесь не только ради того, чтобы раскрыть тайны. Впервые за свою жизнь в этом мире она обрела водопровод с холодной и горячей водой, комфортабельный туалет

мягкую постель, кондиционер и большой салон, где показывают фильмы и спектакли и где оркестры исполняют классическую и популярную музыку на настоящих земных инструментах, а не на тех изделиях из глины, кожи и бамбука, которыми пользуются на берегах. Там играют также в бридж, вист и другие игры. И весь этот комфорт, материальный и душевный, — к ее услугам. Трудно было бы от него отказаться.

Да, в странном положении оказалась она, дочь епископа, рожденная 4 мая 1852 года близ Вестминстерского аббатства. Ее отец, будучи деканом колледжа Крайст Черч в Оксфорде, прославился также как соавтор «Греко-английского лексикона» Лидделла и Скотта. Мать Алисы была красивой и образованной женщиной, похожей на испанку. Алиса Плэзнс Лидделл приехала в Оксфорд, когда ей было четыре года, и почти сразу же подружилась с застенчивым, заикающимся преподавателем математики, имеющим духовный сан и не совсем обычное чувство юмора. Оба жили при колледже, в одном дворе, и потому часто встречались.

Алисе и ее сестрам, как дочерям епископа, в жилах которого текла королевская кровь, почти не разрешалось играть с другими детьми. Их образованием занималась в основном гувернантка, мисс Прикетт — она очень старалась воспитать девочек как следует, но и сама не отличалась большой ученостью. Однако Алиса пользовалась всеми преимуществами ребенка из привилегированной викторианской семьи. Рисованию ее обучал сам Джон Рескин. Частенько ей удавалось подслушать беседы отца с пришедшими к обеду гостями, а в доме бывали и принц Уэльский, и Гладстон, и Мэтью Арнольд, и прочие знаменитости.

Алиса была хорошенькой девочкой с темными прямыми волосами, подстриженными впереди в челку. Лицо отражало тихую, мечтательную натуру, но задумчивость сочеталась в Алисе с живостью — особенно веселили девочку причудливые сказки Доджсона. Она много читала и получила хорошее домашнее образование.

Она любила играть со своей черной кошкой Диной и рассказывать ей сказки, хоть и не такие интересные, как у доктора. Ее любимой песней была «Вечерняя звезда», которую Доджсон спародировал, вложив в уста Черепахи Как бы:

Еда вечерняя, блаженная еда!

Сама Алиса больше всего любила главу о Чеширском Коте. Она любила кошек — и даже когда выросла, порой говорила со своим очередным любимцем, как с человеком, если никто не слышал.

Выросла она в привлекательную девушку, прекрасно сложенную и наделенную каким-то неуловимым очарованием — этот таинственный флер отмечали в ее детские годы и Доджсон, и Рескин,

и другие. Для них она была «дитя с чистым, ничем не омраченным челом и мечтательными, полными веры в чудо глазами».

И все же Алиса вышла замуж только в двадцать восемь лет, в 1880 году, будучи уже старой девой по викторианским понятиям. Ее муж, Реджинальд Джервис Харгривз, владел поместьем Каффнелз близ Линдхерста в Гэмпшире. Получив образование в Итоне и Оксфорде, он стал мировым судьей и вел в своем поместье очень тихую жизнь вместе с Алисой и их тремя сыновьями. Он любил чтение, особенно французских авторов, верховую езду и охоту, имел он также огромный дендрарий, где росли сосны Дугласа и мамонтово дерево.

Несмотря на некоторую заторможенность и неловкость в первое время, Алиса привыкла к физической любви и стала находить в ней удовольствие. Она любила своего мужа, и его смерть в 1926 году причинила ей глубокое горе.

Но Бёртона она любила со страстью, какую никогда не питала к Реджинальду.

Любила, но больше не люблю, твердила она себе.

Она не могла смириться с его вечной непоседливостью — хотя теперь, похоже, ему придется просидеть на одном месте много лет.

Правда, это место движется. Его вспышки ярости, всегдашняя готовность затеять ссору, его постоянная ревность давно уже утомляли Алису. Те самые черты, которые раньше привлекали ее в Бёртоне, поскольку ей самой их не доставало, теперь отталкивали ее.

Больше всего ее раздражало то, что он так долго скрывал Тайну.

Но теперь ей некуда уйти. Все каюты заняты. В некоторых, правда, проживают одинокие мужчины, но Алиса не собиралась уходить к человеку, которого не любит.

Ричард посмеялся бы над ней. Он заявлял, что в женщине ему нужна лишь красота и преданность. Еще он предпочитал блондинок, хотя и отказался от своего предпочтения ради нее. Он посоветовал бы Алисе найти себе какого-нибудь недурного на вид парня с приемлемыми манерами и уйти жить к нему. Нет, неправда. Он пригрозил бы убить ее, если она уйдет к другому. Или нет? Уж конечно, она надоела ему не меньше, чем он ей.

Алиса села и закурила сигарету — на Земле ей это и в голову бы не пришло, — раздумывая, как же ей быть. Не найдя ответа, она вышла из каюты и направилась в салон — там всегда происходит что-то интересное.

Несколько минут она бродила там, рассматривая картины и статуэтки и слушая, как играет на рояле Лист.

Когда она почувствовала себя одинокой и ей захотелось, чтобы кто-нибудь развеял ее тоску, к ней подошла женщина ростом около пяти футов, стройная и длинноногая. Ее небольшие заостренные груди с торчащими сосками едва прикрывала тонкая ткань. Лицо было красивым, несмотря на несколько длинноватый нос.

Блондинка сказала на эсперанто, показав очень белые и ровные зубы:

— Здравствуйте, я Афра Бен, одна из стрелков и бывших любовниц его величества — впрочем, он порой не прочь вспомнить старое. А вы Алиса Лидделл, не так ли? Женщина этого свирепого, притягательно-уродливого валлийца, Гвалхгвинна.

Алиса ответила утвердительно и тут же спросила:

— А вы — автор «Оронооко»?

— Да, и нескольких пьес, — улыбнулась Афра. — Приятно знать, что в двадцатом столетии меня не забыли. Вы играете в бридж? Нам нужен четвертый.

— Вот уж тридцать четыре года, как не играла. Но раньше любила. Если вы простите мне небольшие промахи вначале...

— Ну, мы быстро вернем вам былую форму, хотя это будет небезболезненно, — засмеялась Афра и под руку подвела Алису к столу, над которым висело огромное полотно, изображавшее Тезея, входящего в лабиринт Миноса, где поджидает его Минотавр. Нить Ариадны была привязана к колоссальному мужскому органу героя.

Афра, видя лицо Алисы, усмехнулась:

— В первый раз невольно вздрагиваешь, верно? Прямо не знаешь, чем Тезей вознамерился убить человекобыка — мечом или чем-то другим.

— Если он остановится на последнем, — заметила Алиса, — то нить порвется и он не найдет дорогу к Ариадне.

— На ее же счастье. Она так и умерла бы, думая, что он ее любит, не зная, что он собирается бросить ее при первой возможности.

Итак, это Афра Эмис Бен — романистка, поэтесса и сочинительница пьес, которую в Лондоне звали Несравненной Астреей, в честь девы-звезды, почитавшейся в Древней Греции. Незадолго до смерти, постигшей Афру в 1689 году, когда ей было сорок девять лет, она написала роман «Оронооко», ставший сенсацией того времени; его переиздали в 1930 году, дав Алисе возможность прочесть его перед смертью.

Эта книга имела большое влияние на развитие английского романа, и современники сравнивали лучшие вещи Афры с трудами Дефо. Пьесы ее, непристойные, но остроумные, приводили зрителей в восторг. Она стала первой англичанкой, зарабатывающей себе на жизнь литературным трудом, а еще она была шпионкой Карла II во время войны с Голландией.

Поведение ее было скандальным даже во времена Реставрации, однако похоронили ее в Вестминстерском аббатстве — честь, в которой позднее отказали известному столь же скандальным поведением и куда более знаменитому лорду Байрону.

Двое мужчин у стола нетерпеливо ожидали начала игры. Афра представила их Алисе, кратко рассказав о каждом.

На западном конце стола сидел Лаззаро Спалланцани, родившийся в 1729 году и умерший в 1799-м. Он был одним из самых выдающихся естествоиспытателей своего времени — особенно большую известность получили его опыты с летучими мышами, с целью

выяснить, как они могут летать в полной темноте. Он пришел к выводу, что они делают это с помощью ультразвука, хотя этот термин в те дни еще не был известен. Спалланцани был мал ростом, строен, черен — настоящий итальянец, хотя изъяснялся на эсперанто.

Северный конец стола занимал чех Ладислав Подебрад, среднего роста (по меркам второй половины двадцатого века), очень широкий в плечах, мускулистый, с толстой шеей, желтыми волосами и холодными голубыми глазами. У него были очень густые, тоже желтые брови, большой орлиный нос и массивный подбородок с глубокой выемкой. Несмотря на большие ручки — точно медвежьи лапы, подумала склонная преувеличивать Алиса — и сравнительно короткие пальцы, карты он раздавал с ловкостью миссископского пароходного шулера.

Афра пояснила, что его взяли на борт всего восемь дней назад и что он — инженер-электромеханик с докторской степенью. Афра сказала еще — вызвав внезапный интерес Алисы, — что король Иоанн заметил Подебрада, когда тот стоял у обломков воздушной машины на левом берегу. Выслушав рассказ чеха и узнав, кто он по профессии, Иоанн пригласил его в качестве второго механика в машинное отделение. Дюралюминиевый киль и гондолу полужесткого дирижабля разрезали на части и поместили на склад «Рекса».

Подебрад был немногословен, — видимо, он принадлежал к числу игроков, которые все внимание отдают бриджу. Но Алиса, пользуясь трескотней Бен и Спалланцани, все же отважилась задать ему несколько вопросов. Отвечал он кратко, однако раздражения не выказывал. Это еще ничего не значило — он всю игру присидел с каменным лицом.

Подебрад, по его словам, был здесь главой государства, расположенного много ниже по Реке и носящего название Нова Бохемуйо — то есть Новая Богемия на эсперанто. Его избрали на этот пост потому, что в Чехословакии он тоже состоял в правительстве и занимал видный пост в коммунистической партии. Теперь он перестал быть коммунистом, поскольку это учение годилось здесь не больше, чем капитализм. Зато его очень привлекала Церковь Второго Шанса, хотя он так в нее и не вступил.

Подебраду стал постоянно сниться сон о том, что глубоко под Нова Бохемуйо будто бы имеются залежи железа и других минералов. В конце концов Подебрад убедил своих сограждан заняться поисками. Это был долгий, утомительный труд, во время которого сломалось множество кремневых, сланцевых и деревянных орудий, но энтузиазм Подебрада не давал людям пасть духом. Кроме того, у них появилось какое-то занятие.

— Поймите, я человек совсем не суеверный, — глубоким басом говорил Подебрад. — Я не верю в сны и не стал бы обращать внимания даже на этот, каким бы назойливым и убедительным он ни был. Не стал бы почти ни при каких обстоятельствах. Мне

казалось, что этот сон отражает мое подсознание — я не люблю этот термин, поскольку отвергаю фрейдизм, но он точно отражает то, что я испытывал. Так проявлялись мои желания найти металл, как мне тогда казалось. Потом я начал считать, что сон можно объяснить и по-другому. Может, между мной и металлом есть какое-то притяжение, и какие-то земные токи идут от него ко мне — ну, скажем, металл — один полюс, а я — другой.

А еще говорит, что не суеверен, подумала Алиса. Смеется он надо мной, что ли?

Впрочем, Ричарду эта чушь пришлось бы по вкусу. Он сам верил в притяжение между собой и серебром. В Индии он, когда болел офтальмией, клал серебряные монеты себе на веки, а в старости, когда стал страдать подагрой, — на ступни.

— Хотя я не верю в сны как проявление подсознательного, я верю, что они могут служить телепатической или иной формой сверхчувственного восприятия, — продолжал Подебрад. — В Советском Союзе широко проводились эксперименты с СЧВ. Как бы там ни было, я чувствовал, что под Нова Бохемуйо залегают металлы. Так и оказалось. Железо, боксит, криолит, ванадий, платина, вольфрам и так далее. Вместе, не отдельными пластами. Очевидно, те, кто переделывал эту планету, свалили все руды в одну кучу.

Все это, разумеется, говорилось в промежутках между торговлей. Подебрад каждый раз начинал оттуда, где остановился, словно его и не прерывали.

Он индустриализировал свое государство. Народ вооружился стальными мечами, а также луками и огнестрельным оружием из стекловолокна. Подебрад построил два военных парохода — не такие, конечно, громадные, как «Рекс».

— Не для агрессии, а для обороны. Другие страны завидовали нашему богатству и хотели бы отнять у нас минералы, но не осмеливались нападать. Моей конечной целью, однако, была постройка большого винтового судна, на котором я мог бы добраться до истоков Реки. Я не знал тогда, что по Реке уже движутся два гигантских корабля. А если бы даже и знал, все равно бы построил свой.

Потом я связался с некими авантюристами, предлагавшими долететь до истока на воздушном корабле. Эта мысль показалась мне заманчивой, я построил малый дирижабль и отправился на нем в путь. Однако он попал в шторм и разбился. Вся моя команда уцелела, и тут как раз подошел «Рекс».

Через несколько минут игра кончилась. Подебрад и Алиса остались в выигрыше, а Спалланцани сердито спросил Подебрада, почему тот заявил бубны, а не трефы. Подебрад не дал ответа, предложив итальянцу самому поразмыслить над этим. И поздравил Алису по случаю ее корректной игры. Алиса поблагодарила, хотя не больше Спалланцани понимала, как чеху удалось выиграть. Перед тем как расстаться, она сказала:

— Синьорина Бен забыла назвать точные даты вашего рождения и смерти на Земле.

Подебрад бросил на нее пронизательный взгляд.

— Скорее всего они ей неизвестны. К чему вам это знать?

— Просто меня интересуют такие вещи.

— Родился в 1912-м, умер в 1980-м, — пожал плечами Подебрад.

Прежде чем заступить на дежурство, Алиса поспешила отыскать Бёртона (ей предстояло сегодня учиться вправлять вывихи и накладывать гипсовые повязки). Бёртона она поймала в коридоре на пути в их каюту. Он вспотел, и его смуглая кожа блестела, как намашенная бронза. Два часа он занимался борьбой на палках и фехтованием — сейчас у него был получасовой перерыв перед следующим занятием.

По дороге в каюту Алиса рассказала ему про Подебрада. Он спросил, почему этот чех так взволновал ее.

— Его рассказы про сон — просто чушь, — сказала Алиса. — Я вот что думаю на этот счет: по-моему, он агент, заброшенный в долину и знавший, где находятся залежи руд. Сон послужил ему только предлогом, чтобы заставить своих людей копать. Потом он построил дирижабль, чтобы долететь не просто до истока, а до самой башни. Это наверняка так!

— Да-а, — протянул Бёртон в свойственной ему и бесившей ее манере. — Как насчет других доказательств, пусть даже самых слабых? Все-таки этот парень не жил после 1983 года.

— Это он так говорит! Откуда нам знать: может, некоторые агенты — ты сам говорил — изменили свои биографии? И потом...

Алиса умолкла, но все ее существо выражало нетерпение.

— Да?

— Вот ты описывал нам членов Совета двенадцати. Мне кажется, Подебрад похож либо на того, кого звали Танабур, либо на того, кого звали Лога!

Это попало в цель, и Бёртон, помолчав, сказал:

— Опиши-ка мне еще раз этого человека. — Выслушав Алису, он потряс головой. — Нет. И у Логи, и у Танабура глаза зеленые. У Логи волосы рыжие, у Танабура — каштановые. А у твоего Подебрада желтые волосы и голубые глаза. Может, он и похож на тех двух, но таких похожих, наверно, миллионы.

— Но, Ричард, цвет волос ведь можно изменить! Пластиковые линзы, меняющие цвет глаз, о которых рассказывал нам Фрайгейт, Подебрад не носит — но не думаешь ли ты, что у этихков имеются и не столь заметные средства для изменения цвета глаз?

— Возможно. Я сам посмотрю на этого парня.

Приняв душ, Бёртон побежал в салон. Не найдя там Подебрада, он отправился в машинное отделение и позднее сказал Алисе:

— Поживем — увидим. Он действительно похож на Танабура и на Логу. Если один может быть хамелеоном, может и другой. Но

прошло уже двадцать восемь лет с тех пор, как я их видел, и наша встреча была очень краткой. Не могу ничего сказать определенно.

— И ничего не собираешься предпринимать?

— Не могу же я арестовать его тут, на судне Иоанна! Будем просто наблюдать за ним, а найдется что-нибудь, подтверждающее наши подозрения, — тогда посмотрим. Вспомни агента Спрюса. Когда мы схватили его, он убил себя, просто произнеся мысленно какой-то код — и в его организм поступил яд из того черного шарика в мозгу. Надо будет действовать крайне осторожно и лишь тогда, когда у нас появится уверенность. Я лично думаю, что это только совпадение. А вот относительно Струбвелла у нас сомнений нет. Ну, почти нет. В конце концов то, что каждый, кто будто бы жил после 1983 года, агент — только теория. Возможно, нам просто редко встречались такие люди.

— Ну что ж, буду почаще играть с Подебрадом в бридж — лишь бы только не осрамиться. И послежу за ним.

— Будь осторожна, Алиса. Если он — один из них, он очень наблюдателен. Не надо было спрашивать его о датах его жизни. Возможно, это его насторожило. Надо было узнать у кого-нибудь другого.

— Можешь ты хоть раз в жизни довериться мне полностью? — сказала Алиса и ушла.

ГЛАВА 9

Логу лишилась звания фаворитки короля.

Короля Иоанна так поразила рыжеволосая красавица с большими голубыми глазами, увиденная им на берегу, что он решил продлить стоянку. Пароход стал на якорь у большого причала, построенного местными жителями. Через два дня, убедившись в непритворной дружелюбности населения, Иоанн разрешил команде сойти на берег. О приступе внезапной страсти он умалчивал, но все и так было ясно из его поведения.

Логу не особенно опечалил вынужденный уход из капитанских апартаментов после того, как Иоанн уговорил ту женщину переспать с ним — ведь Логу не была влюблена в короля. Кроме того, она прониклась большим интересом к одному из местных, большому смуглому тохару. Он происходил из другого века, но все-таки был ее соплеменником, и им было о чем поговорить между любовными играми. Однако Логу считала унижительным для себя, что так недолго продержалась при монархе, и грозила во всеуслышание как-нибудь темной ночью спихнуть его за борт. Было, есть и будет немало людей, желающих разделаться с Иоанном.

В первую ночь Бёртон стоял на карауле. В следующую он ночевал с Алисой в хижине около причала. Здешные жители, в большинстве своем крисяне минойской эпохи, были гостеприимны и любили повеселиться. Ночью они пели и плясали у костров, пока

не выпивали весь запас лишайникового самогона, и лишь тогда валились в постель поодиночке, попарно или «плюралистично», как выражался Бёртон. Он радовался случаю пожить здесь несколько недель и добавить новый язык к длинному списку тех, которые уже знал. Основными правилами грамматики и начальным запасом слов Бёртон овладел быстро благодаря близкому родству языка с финикийским и древнееврейским. Однако этимология многих слов не была семитской — они остались от аборигенов Крита, растворившихся среди завоевателей с Ближнего Востока. Все местные, разумеется, говорили на эсперанто, хотя и отличающемся несколько от того, что изобрел доктор Заменгоф.

Для Иоанна не составило труда уговорить свою новую пассию стать его любовницей. Трудность заключалась в другом: Логу негде стало жить, а списать ее на берег Иоанн без веской причины не мог. Каким бы он ни был самодержцем, права человека ему не позволили бы нарушать.

Памятуя о Великой хартии вольностей, Иоанн не хотел раздражать свою команду, что не мешало ему обдумывать, как бы избавиться от Логу на законном основании.

На четвертую ночь стоянки, когда Иоанн пребывал с Голубоглазой в своей роскошной каюте, а Бёртон с Алисой — в своей небольшой, но удобной, с неба спустился вертолет и сел на летную палубу «Рекса».

Немного позже Бёртон выяснил, что этот десант был послан с дирижабля «Парсеваль» с приказом взять короля Иоанна в плен или убить его, если такой возможности не представится. Тогда Бёртон понял одно: на «Рексе» стреляют — стало быть, дело неладно. Он обмотал вокруг пояса повязку, закрепив ее магнитными застежками, схватил со стола шпагу и заряженный пистолет и высочил наружу, не обращая внимания на недоуменные крики Алисы.

На борту слышались вопли попеременно со стрельбой, а потом раздался сильный взрыв — по всей видимости, в машинном отделении. Бёртон во всю прыть бросился к пароходу. В рубке горел свет — там кто-то был. Колеса начали вращаться. «Рекс» дал задний ход, но Бёртон перескочил на променад котельной палубы еще до того, как чалочные канаты натянулись, вывернув тумбы, и обрушился причал.

Миг спустя к Бёртону с мостика сошел незнакомец. Бёртон разрядил в него пистолет, но промахнулся. Выругавшись, он отшвырнул оружие и устремился к противнику. Тот встретил его со шпагой в руке.

Никогда еще Бёртон не сходил в поединке с подобным демоном! И неудивительно. Этот длинный тощий демон был Сирано де Бержерак. Он шутиливо представился Бёртону во время краткой передышки, англичанин же предпочел не тратить дыхания. Оба уже получили легкие раны — верное свидетельство того, что их силы были равны. Тут поблизости кто-то закричал, Бёртон от-

влекся, и этого оказалось достаточно. Шпага французa пронзила ему бедро.

Бёртон кулем свалился на палубу. Боль пришла несколько секунд спустя, и ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать. Де Бержерак проявил благородство. Он не стал убивать Бёртона и запретил своему человеку, который как раз появился, стрелять в поверженного врага.

Вертолет вскоре поднялся в воздух, поливаемый огнем с палубы.

Но не успел он набрать и ста футов, как чье-то нагое белое тело, мелькнув в луче прожектора, упало с него во мрак. Кто-то не то прыгнул, не то был сброшен. Король Иоанн, догадался Бёртон.

Англичанин со стонами туго обвязал обильно кровоточащую рану куском материи и заставил себя доползти до лестницы, ведущей на мостик. «Рекс» дрейфовал вниз по течению, и с этим ничего нельзя было поделать. Иоанна подняли на борт несколько секунд спустя, без сознания, со сломанной рукой и ногой.

Через пять миль «Рекса» прибило к берегу, и десять минут спустя подоспели первые люди короля, все это время бежавшие по берегу вслед за пароходом.

Доктор Дойл сложил вместе сломанные кости Иоанна и напоил его «ирландским кофе», виски, против шока.

Когда Иоанн оправился достаточно, чтобы ругаться и бушевать, он сразу занялся этим. Однако он был рад, что остался в живых, а мотор можно было починить, благо на складе имелся запас драгоценного алюминиевого провода. Правда, на ремонт уйдет не меньше месяца, а пароход Клеменса между тем медленно, но верно приближается.

Поскольку двенадцать человек из охраны было убито, освободилась каюта для Логу. Погибших нужно было заменить, но король с этим не спешил. Потратив несколько дней на беседы с кандидатами и проведя с некоторыми психофизические испытания, он отобрал только двоих.

— Спешить некуда, — говорил он. — Я не стану брать кого попало. Здесь такой народ, что и выбирать-то не из кого.

Худа без добра не бывает: после десанта Иоанн полюбил Бёртона, считая, что обязан жизнью главным образом ему. Назначить Бёртона командиром десантников король не мог, зато назначил его своим личным телохранителем. И обещал повысить Бёртона в чине, как только станет возможно. Бёртон с Алисой перебрались в соседнюю с Иоанном каюту.

Бёртон, с одной стороны, не слишком обрадовался этому, поскольку не любил угрождать никому. Зато теперь он много времени проводил со Струбвеллом и мог присмотреться к нему. Бёртон внимательно вслушивался в речь первого помощника, стараясь уловить в ней посторонний акцент. Но если Струбвелл и был агентом, он вполне овладел американским среднезападным говором.

Алиса за бриджем и при иных светских оказиях следила за Подебрадом, наострив глаза и уши. Логу положила глаз на одного из предполагаемых агентов, здорового Артура Пала, венгерского инженера-электромеханика, и перебралась к нему, когда от него ушла подруга. Подозрения Бёртона еще более возросли, когда Логу заметила, что Пал часто общается с Подебрадом. Попытки Логу уличить Пала во лжи не принесли успеха, но Бёртон заверил, что со временем ей это непременно удастся. Пусть агенты затвердили свои биографии наизусть, они все же (надо полагать) люди и могут ошибаться. Довольно будет одного противоречия.

Алиса так и не смогла заставить себя порвать с Бёртоном. Она все надеялась, что он изменит свое отношение к ней и это как-то оправдает их совместную жизнь. То, что их обязанности почти не давали им видиться, облегчало дело. В конце дня Бёртон так радовался встрече с Алисой, что она смягчилась и убедила себя в том, что бывшая страсть снова вернулась к ним. Во многих отношениях они походили на старую супружескую пару: у них бывали мимолетные порывы нежности, но их пересиливало взаимное раздражение, вызванное теми чертами характера, которые они когда-то охотно прощали друг другу.

Да они и были стариками, хотя им вернули их молодые тела. Она дожила на Земле до восьмидесяти двух лет, он — до шестидесяти девяти. «Знаменательный возраст, если учесть мои сексуальные предпочтения», — заметил как-то Бёртон. От долгой жизни костенеют не только артерии, но и привычки, и взгляды. Старикам гораздо труднее приспособиться, изменить себя к лучшему. Воскрешение из мертвых и Мир Реки поколебали веру многих и многим помогли измениться. Окостенение прошло у кого полностью, у кого частично, но много было и таких, которые совершенно не сумели приспособиться.

Алиса подверглась метаморфозам во многих отношениях, хотя основа ее характера осталась прежней. Все осталось по-прежнему в глубинах души, в тех безднах, по сравнению с которыми межзвездные пространства — лишь прыжок через лужу. Так же обстояло дело и с Бёртоном.

И Алиса осталась с ним, продолжая надеяться, хотя и знала, что надежды нет.

Временами она мечтала о встрече с Реджинальдом, сознавая, однако, что это было бы еще более безнадежно. Она ни за что не вернулась бы к нему, ни к прежнему, ни к изменившемуся. Вряд ли он, впрочем, изменился. Он был хорошим человеком, но, как все хорошие люди, имел недостатки, в том числе и крупные, и был чересчур упрям, чтобы исправлять их.

Беда в том, что ни одна гусеница не в силах помочь другой измениться. Если гусенице нужно превратиться в бабочку, она должна сделать это сама. Вся разница между человеком и гусеницей заключается в том, что насекомое запрограммировано заранее, а человек должен сам себя программировать.

В таких раздумьях проходили дни Алисы, хотя у нее было достаточно занятий и кроме раздумий.

И вот однажды, когда «Рекс» вознамерился подзарядить свой батацитор и граали на правом берегу, камень не сработал.

ГЛАВА 10

Шок и паника.

Пятнадцать лет назад правобережные камни уже отказывали, но сутки спустя возобновили работу. Клеменс говорил королю Иоанну, что подачу энергии прервал крупный метеорит, но линию восстановили и весь ущерб ликвидировали в вышеназванный краткий срок. Должно быть, это сделали этики, хотя очевидцы отсутствовали: все, кто жил в том районе, были усыплены — вероятно, газом — и все сутки проспали.

Теперь вопрос стоял так: будет ли линия восстановлена, как в тот раз? И еще: что вызвало аварию? Снова метеорит? Или это очередной этап разрушения Мира Реки?

Король Иоанн, хотя и был ошарашен поначалу, оправился быстро. Он послал офицеров успокоить команду и распорядился раздать всем смесь из самодельного спирта, воды и сушеных цветов «железного» дерева, называемую на «Рексе» грогом.

Когда все как следует накачались напитком, придающим бодрость и отвагу, король приказал принять кабель с медным питающим наконечником обратно на борт, и «Рекс» двинулся к отмелям у левого берега. В батациторе осталось достаточно энергии, чтобы пароход мог идти вперед до часа следующей трапезы. За два часа до сумерек Иоанн велел остановиться и вновь протянуть кабель к камню на берегу.

Как и следовало ожидать, местные жители отказались «одолжить» свой камень «Рексу». Один из паровых пулеметов начал поливать толпу на берегу градом пластиковых пуль, и местные в панике отступили подальше на равнину. Два катера-амфибии, прежде именовавшиеся «Дракон-1» и «Дракон-2», а ныне «Элеонора» и «Генрих», с ревом подошли к берегу и стали там, пока кабель подсоединялся к камню. Через час, однако, к местным подошло подкрепление от камней, отстоящих на милю от здешнего — включая и те, что находились в предгорьях. Тысячи мужчин и женщин с громкими боевыми кликами напали на катера и на пароход. Одновременно пятьсот человек на лодках предприняли атаку с Реки.

Сотни людей полегли под разрывными снарядами и ракетами «Рекса», сотни — под огнем пулеметов. Десантники и вся остальная команда, выстроившись у бортов, палили из винтовок, пистолетов, базук и пускали стрелы.

Берег и Река вокруг «Рекса» скоро стали красными от крови, покрылись трупами и кусками тел. Камень наконец разрядился, но

большие и малые ракеты, пущенные местными, уже скосили многих на борту и причинили кое-какой ущерб судну.

Бёртон все еще передвигался с трудом, хотя его рана заживала быстрее, чем на Земле. Но он все же дотащился до борта тexasской палубы и стал стрелять деревянными пулями из винтовки сорок восьмого калибра. Он поразил не меньше трети суденышек, осаждавших «Рекс» с Реки. Когда все лодки, челноки, каноэ, боевые челны и парусные лодки потонули, Бёртон заковылял к другому борту.

Он подоспел как раз к началу третьей и последней атаки. Вражеские командиры, готовя ее, произносили зажигательные речи, барабаны гремели, рога ревели, и вот местные с криками ринулись в бой. К тому времени катера расстреляли все боеприпасы и вернулись в свой док на корабле. Зато в воздух поднялись оба истребителя, разведчик, торпедный бомбардировщик и вертолет.

Несколько вражеских бойцов уже почти добежали до кромки воды. Но под огнем авиации ряды дрогнули, и неприятель побежал. Вскоре после этого загремели и засверкали камни, и «Рекс» подзарядился.

— Зубы Господни! — выругался Иоанн с безумием во взоре. — Если уже сегодня творится такое, что же будет завтра? Спаси нас Боже!

Он был прав. Перед рассветом орды оголодавших правобережников хлынули на Реку. Все имевшиеся в наличии лодки, включая двухмачтовые шхуны, были до отказа забиты мужчинами и женщинами. За ними следовала орда пловцов. Когда взошло солнце, стало видно, что Река, насколько хватает глаз, усеяна судами и пловцами. Первый вал, лодки, защитники встретили градом ракет и стрел. Однако почти все лодки причаливали, и правобережники выскакивали из них.

«Рекс», попавший меж двух огней, отчаянно сражался. Огонь с борта расчистил пространство вокруг камней, и амфибии, изрыгая пламя, двинулись на своих не оставляющих следов гусеницах к камню. Пока они сдерживали лезущих со всех сторон защитников и захватчиков, подъемный кран «Генриха» водрузил наконечник на камень.

Камни разрядились, тогда «Генрих» тут же снял колпак и втянул стрелу крана обратно.

Когда катера вернулись на корабль, Иоанн приказал поднять якорь.

— А потом — полный вперед!

Эту команду легче было отдать, чем выполнить.

Мелкие суда так кишели вокруг «Рекса», что он мог идти лишь на самой малой скорости. Колеса шлепали по воде, нос крушил большие парусные лодки и лодчонки помельче, а правобережники поливали «Рекс» огнем. Атакующие лезли на котельную палубу, но долго там не задерживались.

Наконец «Рекс» прорвался и двинулся к другому берегу. Там он вошел в более слабое прибрежное течение и устремился вверх по Реке.

На том берегу все еще кипел бой.

Иоанну предстояло решить, подзаряжаться им в полдень или нет.

Определившись, король велел стать на якорь у длинного причала.

— Пусть поубивают друг друга, — сказал он. — У нас хватит копченых и сушеных продуктов, чтобы дотянуть до завтра. А послезавтра подзарядимся. К тому времени побоище уже кончится.

Правый берег являл собой поистине странное зрелище. На «Рексе» так привыкли к шумным, говорливым, смеющимся толпам, что безлюдье казалось чем-то нереальным. Здесь не осталось никого, кроме очень немногих — слишком разумных или слишком робких, чтобы решиться набить свой живот за счет левобережников. Хижины, бараки и бревенчатые общественные здания опустели, пусто стало на равнине и в предгорьях. Животных, птиц, насекомых и пресмыкающихся на этой планете не водилось, и только ветер, шуршащий в листве редких деревьев на равнине, нарушал тишину.

За Рекой воюющие стороны расстреляли уже весь порох, и до «Рекса» лишь изредка долетали слабые отголоски — одиночные и слитные крики ярости, голода, страха, боли и смерти.

Потери «Рекса» за два дня составили тридцать человек убитыми и шестьдесят ранеными, из них двадцать тяжело — впрочем, все пострадавшие считали свои раны тяжелыми. Мертвых положили в мешки из рыбьей кожи с привязанным грузом и после краткой церемонии бросили в воду на середине Реки. Мешками воспользовались лишь ради того, чтобы пощадить чувства живых — рыбы раздерут мертвецов в клочья и пожрут их прежде, чем те достигнут дна.

У левого берега трупы плавали тесными рядами, стучаясь друг о друга, и хищные рыбы кишели меж ними в кровавой воде. Целый месяц Реку уродовал затор из мертвых тел. Бои, как видно, шли повсюду, и нужно было долгое время, чтобы трупы исчезли окончательно. Рыба жирела, и громадные «речные драконы», всплывая из глубин, глотали раздувшиеся тела целиком, набивали желудки до отказа. Переварив и извергнув добычу, они всплывали снова, чтобы есть, переваривать и извергать.

— Это Армагеддон, Апокалипсис, — со стоном говорил Бёртон Алисе.

Алиса часто плакала, и по ночам ей снились кошмары. Но утешения Бёртона вселяли в нее чувство, что они снова стали близки друг другу.

На следующий полдень «Рекс» отважился пересечь Реку, чтобы подзарядиться. Но дальше он не пошел, а вновь причалил к правому берегу. Нужно было восполнить запас пороха и отремонтировать повреждения.

На это ушел месяц, и за это время Бёртон окончательно оправился от своей раны.

Когда пароход снова тронулся в путь, несколько человек из команды получили задание провести учет оставшихся в живых в некоторых, выборочно взятых, районах. Результат показал, что погибло около половины населения, если предположить, что столь же тяжелые бои шли повсюду. За сутки было перебито семнадцать с половиной миллиардов человек.

Много времени прошло, прежде чем на «Рекс» вновь вернулось веселье, а люди на берегу походили на призраков. Страшнее бойни была мысль: а что, если оставшиеся питающие камни тоже откажут?

Самое время взяться за подозреваемых, думал Бёртон. Но если прижать предполагаемых агентов к стенке, они могут убить себя, даже зная, что воскрешения не последует. Кроме того, возможно, что люди, жившие после 1983 года, ни в чем не повинны.

Надо ждать. Ничего другого не остается.

Тем временем Логу ненавязчиво расспрашивала своего сожителя, Алиса же, не столь ненавязчиво, старалась расколоть Подебрада. Бёртон ждал, когда выдаст себя Струбвелл.

Через несколько дней после возобновления плавания Иоанн решил, что пора пополнить команду. Во время полуденной трапезы «Рекс» остановился, и король сошел на берег объявить, что проводит набор рекрутов.

Бёртон, или сержант Гвалхвинн, наравне с другими должен был высматривать в толпе возможных злоумышленников. Однако он позабыл на время свои обязанности, увидев явного представителя раннего палеолита, приземистого, ширококостного, похожего на монгола той эпохи, когда эта раса еще не смешалась с другими. Нгангчунгдинг не отказался вкратце преподавать Бёртону азы своего языка, с которым тот еще не сталкивался. Потом Бёртон, уже на эсперанто, стал уговаривать своего собеседника записаться на «Рекс». Тот мог бы стать ценным приобретением для отряда десантников, а заодно Бёртон выучил бы его язык. Нгангчунгдинг отказался, сказав, что он нихиренит, приверженец буддистского учения, которое исповедовало не менее рьяный пацифизм, чем его главный конкурент, Церковь Второго Шанса. Бёртон, хотя и был разочарован, дал первобытному пацифисту сигарету в знак того, что не обиделся, и вернулся к столу короля Иоанна.

Иоанн расспрашивал кавказца, которого от Бёртона загораживал высокий, тонконогий, длиннорукий и широкоплечий негр. Бёртон прошел мимо них, чтобы занять место позади Иоанна, и услышал, как белый говорит:

— Меня зовут Питер Джейрус Фрайгейт.

Бёртон резко обернулся, бросился на Фрайгейта и повалил его на землю, схватив его за горло и крича:

— Убью!

В этот момент кто-то треснул Бёртона по затылку.

Придя в себя, он увидел, что негр и еще четверо, стоявших около, сцепились с охраной Иоанна. Сам король вскочил на стол и выкрикивал приказания, багровея от натуги. Свалка продолжалась с минуту, потом все улеглось. Фрайгейт, кашляя, поднялся на ноги, встал и Бёртон, чувствуя боль в затылке. Его, как видно, съездили дубинкой, которую чернокожий носил на ремне у пояса — теперь она валялась на траве.

Бёртон, хотя не совсем еще обрел ясность мысли, понял, что ошибся. Этот человек действительно очень походил на того Фрайгейта, которого знал Бёртон, и голос был похож. Однако это был все-таки не тот Фрайгейт, к тому же ниже того ростом. И все же... одно и то же имя?

— Прошу прощения, синьоро Фрайгейт, — сказал Бёртон. — Я принял вас за человека, к которому питаю вполне заслуженную неприязнь. Он причинил мне огромный вред... Впрочем, неважно. Я искренне сожалею, и если могу чем-то возместить...

«Да какого черта? — подумал он. — Или, точнее, кой черт?»

Бёртон, хотя это был не его Фрайгейт, невольно оглянулся, ища глазами Моната.

— Вы меня чертовски напугали, — сказал Фрайгейт. — Ну да ничего, все в порядке. Притом вы сполна расплатились за свою ошибку. У Умслопогааса рука тяжелая.

— Я его совсем легко ударил, — сказал негр.

— Да уж. — И Бёртон засмеялся, хотя от этого голова заболела еще больше.

— Счастье твое и твоих друзей, что вас не убили на месте! — проревел Иоанн, снова усаживаясь за стол. — Ну, в чем же дело?

Бёртон стал объяснять, радуясь про себя, что Фрайгейт оказался не тот и, значит, не сможет назвать Иоанну настоящее имя Бёртона. Иоанн, получив от Фрайгейта и его четверых спутников заверения, что они не держат на Бёртона зла, велел своим людям отпустить их. Перед тем как продолжить допрос, король потребовал у Бёртона рассказать, почему тот напал на Фрайгейта. Бёртон тут же на месте сочинил какую-то историю, которой король, кажется, остался доволен.

— Как ты объяснишь это поразительное сходство? — спросил Иоанн Фрайгейта.

— Никак, — пожал плечами тот. — Со мной и раньше такое случалось. Покуда на меня, правда, никто не бросался, но я встречал людей, которым казалось, что они меня знают — хотя лицо у меня не такое уж заурядное. Я еще мог бы это объяснить, будь мой отец коммивояжером — однако он был инженером-строителем, электротехником и почти не выезжал из Пеории.

Фрайгейт, похоже, не обладал никакими особыми качествами для зачисления в команду. Он был ростом шесть футов и мускулист, но и только. Он заявил, что хорошо стреляет из лука, но

таких лучников были сотни и тысячи. Иоанн отказал бы Фрайгейту, если бы тот не упомянул, что поднимался на сто миль по Реке на воздушном шаре. И что он видел огромный дирижабль. Иоанн понял, что это был «Парсеваль», и воздушным шаром тоже заинтересовался.

Фрайгейт сказал, что они с товарищами плыли по Реке, желая добраться до истока. Устав от медленного продвижения на своей парусной лодке, они, попав в местность, где имелся металл, уговорили тамошнего правителя построить им полужесткий дирижабль.

— Ага! — сказал Иоанн. — И как же этого правителя звали?

— Это был чех, Ладислав Подебрад, — недоуменно ответил Фрайгейт.

Ответ насмешил Иоанна до слез.

— Хорошее дело. Он теперь служит у меня механиком.

— Да? — сказал один из спутников Фрайгейта. — У нас с ним имеются кое-какие счеты. — Этот человек был ростом пять футов десять дюймов, стройный, мускулистый, темноглазый и темно-волосый, с сильным, красивым и запоминающимся лицом. На нем была ковбойская десятигаллоновая шляпа и сапоги на высоких каблуках, всю же остальную одежду заменял белый кильт. — Том Микс, к услугам вашего величества, — представился он, потехасски растягивая слова. И, затянувшись сигаретой, добавил: — Специалист по лассо и бумерангу. В свое время я был кинозвездой, сир, если вам известно, что это такое.

— Ты слышал о нем? — спросил король у Струбвелла.

— Читал, — ответил тот. — Он жил задолго до меня, но был действительно очень знаменит в двадцатые и тридцатые годы. Снимался в фильмах, которые назывались вестерны.

«Интересно, может ли агент это знать?» — подумал Бёртон.

— Мы на «Рексе» тоже снимаем кино, — улыбнулся Иоанн. — Только вот лошадей у нас нет

— Что ж поделаешь.

Король стал расспрашивать Фрайгейта об их путешествии. Американец рассказал, что они, заметив большой дирижабль, одновременно обнаружили течь в подогревателе водорода. Пытаясь залепить течь быстросохнущим клеем, они спустили немного газа из оболочки, чтобы быстро снизиться в более густые и теплые слои воздуха и открыть там окошки гондолы.

Течь они залатали, но ветер стал относить их назад, а батареи, поставлявшие свежий водород, отказали. Решено было идти на посадку. Услышав, что Иоанн присылал катер с объявлением о наборе рекрутов, путешественники сели на парусник и поспешно поплыли вниз.

— На Земле чем занимался?

— Разными вещами, как и большинство людей. В середине жизни и под старость лет писал фантастику и детективы. Нельзя сказать, чтобы я был совсем неизвестен, но такой славой, как он, никогда не пользовался. — Фрайгейт кивнул на невысокого, но

крепкого человека с кудрявыми волосами и красивым лицом ирландского типа: — Это Джек Лондон, великий писатель начала двадцатого века.

— Я не слишком-то жалую писателей, — сказал Иоанн. — У меня их уже есть несколько на корабле, и от них, как правило, одни неприятности. А вот что это за негр, который стукнул моего сержанта по голове без моего на то разрешения?

— Это Умслопогаас, свази, он уроженец Южной Африки из девятнадцатого века. Он великий воин и особенно ловко орудует своим топором, который называет «Дятел». Знаменит еще и тем, что послужил прототипом известного героя-зулуса из романа Райдера Хаггарда.

— А этот? — Иоанн показал на смуглого, черноволосого и большеногого человека. Он стоял чуть поодаль, и на голове у него была большая зеленая чалма.

— Нурэддин эль-Музафир, иберийский мавр и славный путешественник. Он современник вашего величества и исповедует учение суфи. Ваше величество могли видеть его при своем дворе в Лондоне.

— Что? — Иоанн встал. Внимательно посмотрев на маленького мавра, он закрыл глаза и, открыв их вновь, сказал: — Да, я хорошо его помню! — Король обошел вокруг стола, раскрыв объятия, улыбаясь и быстро говоря что-то на английском языке своего времени.

Все изумились, глядя, как он обнял мавра и расцеловал его в обе щеки.

— Француз, да и только! — ухмыльнулся Микс.

Поговорив с мавром некоторое время, Иоанн сказал:

— Мне ясно одно: Нур эль-Музафир совершил с вами долгое путешествие и по-прежнему считает вас своими друзьями. Струбвелл, запиши их и введи в курс дела. Сержант Гвалхвинн, размести их по каютам. С тобой, мой добрый друг и наставник, мы поговорим после, когда я закончу опрос.

Направляясь по коридору в каюты, они наткнулись на Логу. Она побледнела, потом покраснела и с криком: «Питер, сволочь ты этакая!» кинулась на Фрайгейта. Тот упал, а она вцепилась ему в горло. Негр и Микс со смехом оттащили ее.

— Ты сегодня определенно имеешь успех, — сказал Микс Фрайгейту.

— Вас опять не за того приняли. — И Бёртон объяснил Логу, в чем дело.

Фрайгейт, кашляя и ошупывая расцарапанную шею, сказал:

— Не знаю, кто тот другой Фрайгейт, но человек он явно неприятный.

Логу неохотно извинилась, все еще не совсем уверенная в том, что этот Фрайгейт — не ее прежний любовник.

— Меня она могла бы хватать, когда ей угодно, — пробормотал Микс. — Только не за шею.

Логу, услышав, ответила:

— Если инструмент у тебя такой же большой, как шляпа, могу ухватиться за него.

Микс покраснел до ушей, а когда она удалилась, покачивая бедрами, сказал:

— Чересчур большая нахалка, на мой вкус.

Два дня спустя они с Логу стали жить вместе.

Бёртону не верилось в то, что сходство обоих Фрайгейтов — всего лишь совпадение. При каждом удобном случае он вступал с американцем в разговор, стараясь копнуть поглубже. И был поражен, узнав, что этот Фрайгейт, как и тот, изучал его, Бёртона, жизнь.

Фрайгейт, в свою очередь, наблюдал за Бёртоном, но скрытно. Бёртон то и дело ловил на себе его взгляд. Однажды вечером, в салоне, убедившись, что их никто не слышит, Фрайгейт перешел прямо к делу. Говорил он по-английски.

— Я видел множество портретов Ричарда Фрэнсиса Бёртона. Его большое фото, где он снят в пятьдесят лет, даже висело на стене у меня в кабинете. Так что я, пожалуй, узнал бы его и без усов и раздвоенной бородаки.

— Да?

— Я хорошо помню его фотографию в тридцатилетнем возрасте. Тогда у него были только усы, очень пышные, правда. Так вот, если их убрать...

— Да?

— Тот Бёртон будет очень похож на одного средневекового валлийца. Этот знакомый мне валлиец именуется Гвалхгвинн, что в переводе означает «белый ястреб». Гвалхгвинн — это старинное валлийское имя, которое много позднее стало произноситься как Гавейн. А Гавейн — это рыцарь, который, в ранних легендах о короле Артуре, первым отправился на поиски Святого Грааля. Те металлические рога изобилия, что зовутся граалями у нас, по форме очень похожи на башню, которая будто бы стоит посреди северного полярного моря — так я слышал. Значит, ее можно назвать Большим Граалем.

— Как интересно, — сказал Бёртон, пригубив свой грог. — Сколько совпадений.

Пристальный взгляд Фрайгейта чуточку смущал его. Черт бы побрал этого парня. Он так похож на того, другого, что мог бы быть его братом. Может, он и есть его брат. Может, они оба агенты, и этот играет с ним точно так же, как тот.

— Бёртон должен прекрасно знать все циклы о короле Артуре и более ранние народные предания, на которых они основаны. Было бы очень похоже на него, если бы он выдал себя за другого — а на Земле он часто к этому прибегал, — взяв себе имя Гвалхгвинн. Сам он знал бы, что это имя искателя Святого Грааля, но полагал бы, что больше никто этого не знает.

— Я не настолько туп, чтобы не понять вас. Вы думаете, что я и есть тот самый Бёртон. Но я никогда о нем не слышивал и буду вам

обязан, если вы оставите эту тему, как бы она вас ни занимала. Я вашего интереса не разделяю. — Бёртон поднес бокал к губам и выпил.

— Нур говорил мне: этик, посетив его, сказал, что среди его избранных находится капитан, сэр Ричард Фрэнсис Бёртон, знаменитый путешественник девятнадцатого века.

Бёртон владел собой настолько, что ухитрился не пролить напиток. Он медленно поставил бокал на стойку.

— Нур?

— Вы его знаете. Мистер Бёртон, остальные ждут нас в реквизиторской. Я вам открою кое-что, только чтобы показать, как я уверен в том, что вы — Бёртон. Микс и Лондон тоже пользовались вымышленными именами, но теперь решили — хватит. Итак, мистер Бёртон, идете вы со мной?

Бёртон размышлял. Вдруг Фрайгейт и его спутники — агенты? Вдруг они намерены схватить его и допросить, как он сам намеревался поступить с мнимыми агентами?

Он оглядел людный и шумный салон и, увидев Казза, сказал:

— Что ж, если вы продолжаете настаивать на этой чепухе, я пойду, только прихвачу с собой своего друга-неандертальца. И мы будем вооружены.

Когда Бёртон десять минут спустя вошел в реквизиторскую, его сопровождали также Алиса и Логу.

Микс, увидев Логу, изумленно разинул рот.

— Ты тоже посвящена?

ГЛАВА 12

Они условились никогда не говорить об этике или о чем-то связанном с ним в своих каютах. Там может быть подслушивающая аппаратура. В следующий раз они встретились за игрой в покер. Присутствовали Бёртон, Алиса, Фрайгейт, Нур, Микс и Лондон. Логу и Умслопогаас несли вахту.

Выслушав рассказы Нура и Микса о визитах этика, Бёртон поверил в то, что они действительно рекруты Икса. И только тогда открыл им, кто он на самом деле, а потом рассказал свою историю, ничего не утаивая.

— Добавляю до десяти, — говорил он теперь. — Нет, по-моему, не нужно ставить «жучки» в каютах подозреваемых. Может, мы и узнали бы что-то ценное, но если бы они нашли хоть один, то поняли бы, что на борту есть агенты Икса — думаю, нас можно называть так. Слишком опасно.

— Я согласен, — сказал маленький мавр. — А вы?

Согласились все, даже Микс, который и предложил поставить «жучки».

— А как быть с Подебрадом? Когда я его вижу, он говорит мне «здрасьте» и идет себе мимо, скалясь, точно пастор, который

только что узнал, что его подружка не беременна. Меня это бесит. Так бы и врзал ему.

— Я тоже, — сказал Лондон. — Он воображает, что, раз он оставил нас в дураках, ему это так и сойдет.

— Если вы начнете сводить с ним счеты, вас просто вышвырнут с парохода, — заметил Нур. — Кроме того, он необычайно силен. Как бы он сам вам не врзал.

— Да слабо ему! — хором сказали Микс и Лондон.

— У вас имеется чертовски хороший повод ему отомстить, — вмешался Бёртон. — Однако на время этот вопрос снимается. Возражений нет?

— Но почему он пообещал взять нас с собой на дирижабле, а потом бросил в таких обстоятельствах?

— Я думал об этом, — сказал Нурэддин. — Единственное разумное объяснение в том, что он как-то заподозрил в нас агентов Икса. И это еще раз доказывает, что сам он — агент этиков.

— А по мне, он просто садист, — заявил Лондон.

— Нет.

— Если он вас подозревает, вам следует быть начеку, — сказал Бёртон. — Мы тоже будем остерегаться. Предположение Нура — открытие для меня, иначе я не стал бы предлагать собраться в салоне.

— Теперь уж поздно беспокоиться, — сказала Алиса. — Если он и агент, он ничего не станет предпринимать, пока не окажется у истока Реки. Так же, как и мы.

Бёртон сорвал банк, имея на руках трех валетов и две десятки. Алиса сдала. Нур думал явно о чем-то другом, а не о покере, и все-таки половина выигрышей осталась за ним. Бёртон подозревал, что мавр огреб бы еще больше, если бы сосредоточился. Нур по одному виду своих партнеров угадывал, что у них на руках.

— Что ж, насладимся хотя бы прогулкой по Реке, — сказал Фрайгейт.

Бёртон наблюдал за ним из-под приспущенных век. Этот Фрайгейт постоянно льстил ему, как и тот — то ли притворно, то ли искренне. При каждом удобном случае Фрайгейт приставал к Бёртону с вопросами — они касались в основном тех периодов его жизни, о которых биографы могли только гадать. Обоих Фрайгейтов интересовали также взгляды, верования и нравственные ценности Бёртона. Например, его отношение к женщинам, к цветным, его вера в телепатию. Бёртон устал объяснять, что далеко не все свои земные верования сохранил в этом мире. Что он слишком много повидал, слишком много испытал и во многом изменился. Теперь Бёртон счел момент подходящим, чтобы заняться делом двойного Фрайгейта.

— Такие совпадения случайными не бывают — должна быть какая-то причина.

— Я тоже думал об этом, — сказал Фрайгейт. — К счастью, я всегда увлекался фантастикой и сам ее писал. Поэтому воображение

у меня гибкое — придется и вам напрячь свое, ибо я уверен: тот Фрайгейт, которого знали вы, — это мой брат Джеймс, скончавшийся в возрасте одного года! Подумайте о всех детях, умерших на Земле. Рассудите: если бы они росли здесь, на планете не хватило бы места. Ведь дети, умершие до пяти лет, составили бы подавляющее большинство всего здешнего населения.

Куда же этики девали их? Да просто воскресили на другой планете — возможно, такой же, как эта, возможно, и нет. Могли понадобиться даже две планеты, чтобы разместить их всех.

Давайте предположим, что так все и было. Впрочем, — поднял палец Фрайгейт, — впрочем, могло быть и так, что детей по какой-то причине еще вообще не воскрешали. Возможно, их воскресят здесь, когда нас не станет. Кто знает?

Во всяком случае, не я. Я могу лишь догадываться. Итак, допустим, что младенцев оживили на другой планете. Не всех сразу — должны ведь быть и взрослые, чтобы заботиться о них. Для такого количества даже Земли не хватило бы. Значит, их воскрешают постепенно, по столько-то за такой-то срок. Они вырастают и становятся няньками, учителями, приемными родителями для следующей партии. Так оно и идет. Либо все происходит одновременно на нескольких планетах. Но в этом я сомневаюсь. На переустройство планеты должна затрачиваться колоссальная энергия. Разве что они используют планеты, которые нет нужды переустраивать.

— А играть кто будет? — спросил Лондон. — Окружающие скоро заинтересуются, о чем это мы толкуем.

— Я готов открыть, — сказал Микс.

С минуту они занимались только игрой. Потом Фрайгейт продолжил:

— Если мое предположение верно, будем рассуждать дальше. Так вот: я был старшим ребенком в семье. Старшим из тех, кто выжил. Передо мной был еще Джеймс — он умер в год, а я родился через шесть месяцев после этого. Допустим, его воскрешают. Он вырастает и становится агентом этиков.

В День Воскрешения его засылают сюда, чтобы следить за Бёртоном. Почему? Потому что этикам известно, что Бёртон очнулся в той камере, полной плавающих тел, еще до Дня Воскрешения, в который должен был ожить. Они догадываются, что это произошло не случайно, что кто-то оживил Бёртона намеренно. Об этом нам и гадать незачем. Именно так сказали Бёртону на Совете двенадцати. Память об этом собирались стереть из его мозга, но Икс воспрепятствовал этому.

В общем, у этиков возникли подозрения. И они приставили к Дику мнимого — вернее, настоящего — Фрайгейта. Мой брат должен был следить за Бёртоном и сообщать обо всем подозрительном. Но попал впросак, как и все в долине.

— Беру две, — сказал Бёртон. — Очень занимательно, Питер. Гипотеза на первый взгляд безумная, однако может быть верной.

Но если твой брат агент — кто же тогда Монат, этот тау-китянин, арктурианин или откуда он еще взялся? Уж он-то наверняка агент, несколько странно, конечно, но все же...

— Может, он этик? — спросила Алиса.

— Я это и хотел сказать, — сердито сказал Бёртон, не любивший, когда его прерывали. — Не думаю, чтобы Монат был этиком, иначе он присутствовал бы на Совете... Или нет, клянусь Аллахом! Будь он там, я узнал бы его, и он бы не смог следовать за мной. Я вообще не пойму, зачем он ко мне привязался. Во всяком случае, присутствие Моната означает, что в этом деле замешаны разные виды... расы... семейства... инопланетяне, одним словом.

— Беру одну, — сказал Фрайгейт. — Я как раз собирался сказать...

— Извини, — перебил Лондон. — Но откуда твой брат столько знает о Бёртоне?

— Думаю, воскрешенные дети получают образование получше, чем на Земле. И возможно — предположим это, — Джеймс знает, что я его брат. Разве способны мы постичь объем знаний, которыми обладают этики? Вспомните фото Бёртона, которое тот нашел в кармане агента Аньо. На ней Дик снят в двадцать восемь лет, когда служил субалтерном в Восточно-Индийской армии. Не доказывает ли это, что этики присутствовали на Земле в 1848 году? Кто знает, как долго они ходили по Земле, собирая информацию? И с какой целью?

— Но почему Джеймс назвался твоим именем? — спросил Нур.

— Потому что я — страстный поклонник Бёртона. Я даже написал о нем роман. Может, так проявилось у Джеймса чувство юмора. У меня оно тоже имеется. Вся наша семья известна.. несколько странным чувством юмора. И Джеймсу показалось забавным сделаться собственным братом, тем Питером, которого он никогда не видел. Может, он хотел прожить таким образом жизнь, в которой ему было отказано на Земле. Может, он думал, что сойдет за меня, встретившись с каким-нибудь знакомым Фрайгейтов. А может, верны все причины, которые я перечислил. Уверен, что он раздался с мошенником-издателем Шарко, чтобы отомстить за меня — это доказывает, что ему многое известно о моей земной жизни.

— Но как отнестись к рассказу агента Спрюса? — спросила Алиса. — Он говорил, что явился из семьдесят второго века, и что-то толковал о хроноскопе, с помощью которого можно видеть прошлое.

— Спрюс мог и солгать, — сказал Бёртон.

— Я лично не верю ни в хроноскоп, ни в какие бы то ни было путешествия во времени, — заявил Фрайгейт. — Впрочем, это я зря. Мы все путешествуем во времени. Но только вперед — иного пути нет.

— Никто из вас не сказал, — заметил Нур, — что детей кто-то должен был воскресить. Возможно, это были люди из семьдесят

второго века, а возможно, и нет. Скорее это сделали сопланетяне Моната. Вспомните: Спрюса допрашивал в основном Монат. Может быть, это он научил Спрюса, что говорить.

— Но зачем? — спросила Алиса.

На этот вопрос нельзя было ответить, если не принять рассказ Икса за истину. Пока что его рекруты склонялись к тому, что он такой же лжец, как и его собратья.

Нур закончил партию замечанием, что агенты, севшие на паром в самом начале, не скрывали, что жили после 1983 года. Агенты же, попавшие на борт позже, знают, что это подозрительно, и не прибегают к этой легенде. Так, здоровенный галл Мегалосос (что значит «великий») заявляет, что жил во времена Цезаря, но это только его слова. К тому же галл, кажется, сдружился с Подебрадом — Нур никогда бы не подумал, что такое возможно. Есть вероятность, что Мегалосос тоже агент.

НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ». НОВОБРАНЦЫ И КОШМАРЫ КЛЕМЕНСА

ГЛАВА 13

Глаза де Марбо доказывали, что механика воскрешения не всегда работала как надо.

Жан Батист Антуан Марселен, барон де Марбо, родился в 1782 году с карими глазами. И лишь долгое время спустя после Дня Воскрешения обнаружил, что их цвет изменился — когда одна женщина назвала его голубоглазым.

— *Sacre bleu!* — выругался он. — Неужели?

Он позаимствовал у кого-то слюдяное зеркальце, недавно привезенное торговцем по Реке — слюда была редкостью, — и впервые за десять лет увидел свое лицо. Лицо было все то же — веселое, круглое, с вздернутым носом, улыбочное, отнюдь не лишенное привлекательности.

Только глаза светились голубизной.

— *Merde!* — опять выругался он и перешел на эсперанто: — Попадись мне только эти отвратительные создания, проделавшие это со мной — я нанижу их на шпагу!

Он вернулся, кипя гневом, к своей сожительнице и повторил ей свою угрозу.

— Но у тебя же нет шпаги, — сказала она.

— Ты все понимаешь слишком буквально! А шпага у меня когда-нибудь будет. На такой каменной планете должно быть железо.

В ту же ночь ему приснилась огромная птица с ржавыми перьями и клювом стервятника — она глотала камни и испражнялась стальными катышками. Но в этом мире не было птиц, тем более *oiseau de fer**.

Теперь у де Марбо были сабля, кортик, шпага, стилет, длинный нож, топор, копье, пистолеты и винтовка. Он был генералом десантной бригады и вынашивал честолюбивый замысел стать

* Железные (*фр.*)

полным генералом. При этом к политике он питал отвращение и не имел ни интереса, ни склонности к бесчестному интриганству. Однако командиром десантников он мог бы стать лишь после смерти Эли С. Паркера, которая очень опечалила бы его. Де Марбо любил славного индейца-сенеку.

Все первобытные воины на борту ростом превышали шесть футов, а некоторые были настоящие великаны. Даже те, что были пониже, не нуждались в высоком росте, поскольку обладали мощными костяком и мускулами. Де Марбо среди них выглядел настоящим пигмеем, будучи росточком пять футов четыре дюйма, но Сэм Клеменс любил его, восхищаясь задором и отвагой француза. Сэму нравилось слушать рассказы о походах де Марбо, нравилось иметь у себя под началом бывших генералов, адмиралов, государственных мужей.

— Им полезно подчинение, оно закаляет их характер, — говорил Сэм. — Этот французик — первоклассный военачальник, и я забавляюсь, глядя, как он командует своими большими обезьянами.

Де Марбо, бесспорно, был опытным и одаренным воином. Вступив во Французскую республиканскую армию в возрасте семнадцати лет, он быстро продвинулся, став адъютантом маршала Огро, который командовал Седьмым корпусом во время войны 1806—1807 годов против Пруссии и России. Де Марбо сражался в Испании под началом Ланна и Массены, участвовал в русской кампании 1812 года, пережив страшное отступление из Москвы, а после принимал участие в германской кампании 1813 года. Он был ранен одиннадцать раз, при Ганау и Лейпциге тяжело. Наполеон, вернувшись с острова Эльбы сделал де Марбо бригадным генералом, и тот получил очередную рану в кровавой битве при Ватерлоо. Бурбон отправил де Марбо в изгнание, но в 1817 году он вернулся на родину. При Июльской монархии он участвовал в осаде Антверпена и несколько лет спустя получил за это чин генерал-лейтенанта. С 1835 по 1840 год де Марбо служил в алжирских войсках и в свои шестьдесят лет был ранен в последний раз. После падения короля Луи Филиппа в 1848 году де Марбо ушел в отставку и написал свои мемуары, которые так восхитили Артура Конан Дойла, что он создал на их основе «Похождения бригадира Жерара». Главная разница между вымышленным персонажем и его прототипом заключалась в том, что де Марбо был умен и проницателен, тогда как Жерар, при всей своей храбрости, умом не блистал.

В семьдесят два года бравый наполеоновский солдат скончался в Париже, в своей постели.

Мерой привязанности к нему Клеменса служило то, что Сэм рассказал де Марбо о Таинственном Незнакомце, этике-рене-гате.

Пароход стоял на якоре, и Клеменс набирал рекрутов. Со времени кровавых беспорядков после отказа питающих камней на

правом берегу прошло два месяца, и Река освободилась от затора зловонных трупов.

Де Марбо в дюралюминиевом шлеме с плюмажем из вздыбленных клеем полосок рыбьей кожи и в дюралюминиевой кирасе, похожий на троянского воина с картинки, прохаживался вдоль длинной шеренги кандидатов. Ему было поручено провести предварительный опрос, чтобы отсеять неподходящих и сберечь капитану время и силы.

В середине ряда де Марбо заметил четверых мужчин, которые, похоже, хорошо знали друг друга. Он остановился около первого, высокого, мускулистого и темнокожего, с огромными руками. Судя по цвету кожи и курчавым волосам, это был квартерон — так и оказалось.

На вежливые расспросы де Марбо он ответил, что зовут его Томас Миллион Терпин. Родился он в Джорджии году в 1873-м — точно он не знает, — но вскоре его родители переехали в Сент-Луис, штат Миссури.

Отец держал таверну «Серебряный доллар» в квартале Красных фонарей. В молодости Том с братом Чарльзом купили себе пай на шахте «Большая луковица» близ Серчлайта, Небраска, и стали ее разрабатывать; не найдя золота в течение двух лет, они откочевали на запад, но потом вернулись в Сент-Луис.

Терпин обосновался в родном квартале, работая по совместительству вышибалой и пианистом. К 1899 году он стал там самым важным лицом, контролируя музыку, спиртное и игру. Его кафе «Розовый бутон», центр его маленькой империи, славилось на всю страну. Внизу помещался бар-ресторан, а наверху «отель», то есть публичный дом.

Однако Терпин был не только боссом темного бизнеса. Он, по его словам, был великим пианистом, хотя и признавал, что до Луи Шовена все-таки не дотягивал. Пионер синкопированной музыки, он прославился в Сент-Луисе как отец рэгтайма, и его «Гарлемский рэг», вышедший в 1897 году, стал первым рэгтаймом, который сочинил и опубликовал негр. Терпин написал еще знаменитый «Сент-Луисский рэг» к открытию в городе всемирной ярмарки, но этот уже в свет не вышел. Умер Терпин в 1922 году и всю свою жизнь в Мире Реки бродил с места на место.

— Я слышал, у вас на пароходе есть рояль, — с ухмылкой сказал он. — Здорово было бы побренчать по костышкам.

— У нас их десять, — ответил де Марбо. — Вот, возьми. — И он вручил Терпину дощечку длиной в шесть дюймов с буквами М. Т. — Когда подойдешь к столу, отдай это капитану.

Сэм будет счастлив. Он любит рэгтайм и как-то говорил, что у них недостаточно исполнителей популярной музыки. И потом, Терпин крупный и, как видно, крутой мужчина — иначе не стал бы боссом в квартале Красных фонарей.

За ним стоял свирепого вида китаец по имени Тай-Пен, ростом примерно пять футов десять дюймов, с большими горящими

зелеными глазами и демоническим лицом. Его черные волосы, украшенные тремя цветками «железного» дерева, доходили до пояса. Китаец заявил пронзительным голосом, что он — прославленный фехтовальщик, любовник и поэт своего времени, то есть династии Тан, правившей в восьмом веке.

— Я был одним из Шести Бездельников Бамбукового Ручья и одним из Восьми Бессмертных Винной Чаши. Я могу слагать стихи экспромтом на турецком языке, на китайском, корейском, английском, французском и на эсперанто. В сражении на мечах я скор, как колибри, и опасен, как гадюка.

Де Марбо рассмеялся и пояснил, что сам рекрутов не набирает. Однако он дал китайцу табличку и перешел к следующему.

Этот был мал ростом, хотя и выше де Марбо, темнокожий, черноглазый и толстый, с животом, как у Будды. У него были чуть раскосые глаза, орлиный нос и массивный подбородок с глубокой выемкой. Он сказал, что зовут его Ах-К'ак, а родом он с восточного побережья страны, которую де Марбо назвал бы Мексикой, а народ Ах-К'ака называл Страной Дождя. Ах-К'ак не знал точно, в какое время по христианскому календарю он жил, но один сведущий человек сказал ему, что это было лет за сто до новой эры. Его родным языком был майя, и он принадлежал к народу, который более поздние культуры называли ольмеками.

— Да, я слышал об ольмеках, — сказал де Марбо. — У нас за капитанским столом имеются очень ученые люди.

Де Марбо усвоил, что ольмеки основали первую цивилизацию в Центральной Америке, а все остальные доколумбовы племена произошли от них — и майя, и тольтеки, и ацтеки, и прочие. У этого человека, хотя он и древний майя, голова не сплющена искусственно и глаза не скошены, как было у них принято в те времена — однако де Марбо по здравом размышлении решил, что этики, конечно, все это исправили.

— Давненько не встречал я такого толстяка, — сказал де Марбо. — Мы на «Внаем не сдается» ведем очень активную жизнь, и у нас нет места лодырям и обжорам. Кроме того, кандидат должен выделяться чем-то из общего ряда.

Ах-К'ак ответил высоким, хотя и не таким тонким, как у китайца, голосом:

— Жирный кот, когда надо, бывает сильным и скорым. Сейчас я тебе покажу.

Он взял свой кремневый топор, насаженный на рукоятку из дуба восемнадцати дюймов длиной и двух в толщину и переломил эту рукоять, как леденец. Потом предложил французу прикинуть кремень на вес.

— Фунтов десять, — сказал де Марбо.

— Смотри! — И Ах-К'ак метнул топор, точно бейсбольный мяч. Де Марбо следил за его полетом, вытаращив глаза — топор взмыл очень высоко и упал вдали на траву.

— Mon Dieu!* Никто, кроме Джо Миллера, не сделал бы такого броска! Поздравляю, синьоро. Держи.

— Еще я прекрасно стреляю из лука и дерусь на топорах, — спокойно сказал Ах-К'ак. — Вы не пожалеете, если возьмете меня.

Человек рядом с Ах-К'аком был такого же роста, приземист и сложен, как Геркулес. Он даже внешне походил на Ах-К'ака орлиным носом и круглым раздвоенным подбородком. Но жира на нем не было, и он не принадлежал к американским индейцам, хотя имел почти столь же темную кожу. Назвался он Гильгамешем.

— Мы с Ах-К'аком соревновались, кто кому прижмет руку, — сказал он, — и никто не смог победить. Еще я превосходный лучник и боец на топорах.

— Отлично! И капитан с удовольствием послушает твои рассказы о древнем Шумере — у тебя их, я уверен, в достатке. Ему приятно будет иметь на борту царя и бога. Царей он уже встречал, хотя ему с ними, как правило, не везло. Боги — другое дело. Боги капитану пока не попадались! На, держи.

Де Марбо двинулся дальше и, отойдя туда, где шумер — если он был таковым — уже не мог видеть и слышать его, со смеху повалился на траву. Потом встал, вытер слезы и продолжил опрос.

Четверо этих и еще шесть других были приняты. Взойдя по трапу на котельную палубу, они увидели Моната-инопланетянина, который стоял у борта и сверлил их взором. Новобранцы испугались, но де Марбо велел им следовать дальше. Позже он объяснит им, что это за странное существо.

Но вечером новичкам не пришлось познакомиться с Монатом, как было задумано. Две женщины не поделили мужчину и принялись палить друг в друга. Прежде чем их разняли, одна получила тяжелую рану, а вторая прыгнула за борт с граалем в одной руке и своими пожитками — в другой. Мужчина тоже решил уйти, поскольку предпочитал беглянку. Пароход остановили, и он сошел. Сэм так расстроился, что отложил церемонию презентации в большом салоне до завтра.

А ночью Монат Грраутут исчез.

Никто не слышал крика, никто не заметил ничего подозрительного.

Осталось только кровавое пятно на кормовых поручнях палубы «А», которое могло сохраниться по недосмотру команды уборщиков после боев за камни левого берега.

Клеменс подозревал, что к исчезновению приложил руку кто-то из четырех новобранцев — однако они твердили, что ночью спали в своих койках, а улик против них не было.

Пока Сэм разбирал дело, жалея, что на борту нет Шерлока Холмса, «Внаем не сдается» шел вперед. Через три дня после

* Боже мой! (фр.)

пропажи Моната на Реке объявился Сирано де Бержерак и подал сигнал, чтобы его приняли на борт. Сэм выругался, увидев его. Он надеялся, что они пройдут мимо Сирано ночью — однако вот он, француз, и его видели человек пятьдесят из команды.

Француз весело взошел на борт и перецеловал всех своих друзей: мужчин в обе щеки, а женщин неспешно в губы. Войдя в рубку, он воскликнул:

— Капитан! Что я вам расскажу!

«Вот разуважишь, если расскажешь», — сердито подумал Клеменс.

ГЛАВА 14

Мужчина и женщина лежали рядом. Тела их соприкасались, но сны блуждали за много световых лет друг от друга.

Сэму Клеменсу снова снилось, как он убил Эрика Кровавого Топора. Или, точнее, взбудоражил других, один из которых и вонзил копье в живот норвежцу.

Упавший метеорит нужен был Сэму, поскольку состоял из никеля и стали. Без них Сэм не построил бы огромный пароход, который так часто виделся ему во сне. Сэм давал указания Лотару фон Рихтхофену. Джо Миллер не присутствовал — его предательски захватил в плен бывший король Англии. Неприятельский флот плыл с низовьев Реки, чтобы завладеть упавшей звездой. Король Иоанн готовил свой флот в верховьях для той же цели.

Армия Сэма оказалась меж двух огней и была слабее обеих. Враги обещали размолоть ее, как жерновыми. Победить можно было, лишь заключив союз с Иоанном. Союз нужен был и для того, чтобы спасти жизнь Джо Миллеру.

Но Эрик Кровавый Топор, компаньон Сэма, наотрез отказался вступать в сделку. Он ненавидел Джо Миллера, единственного человека, к которому испытывал страх — если считать Джо человеком. Кровавый Топор заявил, что его и Сэма люди встанут насмерть и одержат блистательную победу над обоими войсками. Это была глупая похвальба, хотя сам норвежец, возможно, и верил в нее.

Эрик Кровавый Топор был сыном Харальда Хаарфагера (Харальда Пышноволосого), который впервые объединил Норвегию и чьи победы привели к массовым миграциям в Англию и Исландию. Со смертью Харальда, последовавшей около 918 года, Эрик стал королем. Но популярностью он не пользовался, считаясь суровым и жестоким государем даже по тем временам. Его кровный брат Хокон, которому в ту пору было пятнадцать, с годовалого возраста воспитывался при дворе английского короля Ательстана. При поддержке англичан Хокон поднял норвежское войско против своего брата. Эрик бежал в Англию, в Нортумберленд, где передал права на свое королевство Ательстану, но недолго прожил после этого.

Норвежские хроники повествуют, что он погиб в 954 году, совершая набег на Южную Англию. Английская же летопись гласит, что Эрик был изгнан из Нортумберленда и убит в битве при Стэйн-море.

Эрик сказал Клеменсу, что верна первая версия.

Клеменс объединился с норвежцем потому, что тот владел редчайшим оружием — стальным топором — и разыскивал руду, из которой топор был сделан. Клеменс надеялся, что руды хватит и на то, чтобы построить большой пароход, на котором он доплывет до истоков Реки. Эрик был невысокого мнения о Сэме и взял его к себе только из-за Джо Миллера. Эрик не любил Джо, но признавал, что в бою титантроп незаменим. А потом король Иоанн захватил Джо в заложники. Отчаявшийся Сэм, боясь, что король убьет Джо и метеорит будет потерян, обсудил ситуацию с Лотаром, младшим братом «Красного барона». Сэм предложил убить Эрика и его викингов — тогда можно будет вступить в переговоры с Иоанном, который должен понять, что ему выгодно объединиться с Клеменсом. Вместе они могут выстоять против сил фон Радовица, идущих вверх по Реке.

Сэм подкрепил свои аргументы тем, что Кровавый Топор скорее всего намерен убить его самого после победы над врагом. Кто-то из них неизбежно должен умереть.

Лотар фон Рихтхофен согласился с Сэмом. Расправиться с предателем не значит совершить предательство. Кроме того, логика не оставляет иного выхода. Будь Кровавый Топор истинным другом — дело другое. Однако доверять ему можно не больше, чем гремучей змее, у которой болят зубы.

И злодеяние совершилось.

Да, это было злодеяние, как бы ни оправдывали его обстоятельства.

Сэм так и не смог избавиться от сознания своей вины. В конце концов, можно было просто плюнуть на метеорит и отказаться от своей мечты.

Сэм с Лотаром и несколькими надежными людьми пришли к хижине, где Кровавый Топор занимался любовью с женщиной. Бой с охраной длился всего минуту — превосходящие силы захватили викингов врасплох.

Голый Эрик выскочил наружу со своим большим топором, и Лотар пригвоздил его копьем к стене хижины.

Сэма чуть не вырвало, но его поддержала мысль о том, что все по крайней мере кончено. И когда сильная рука схватила его за лодыжку, он едва не лишился чувств от ужаса. Сэм посмотрел вниз: умирающий Эрик держал его мертвой хваткой.

— Bikkja, — чуть слышно, но ясно выговорил викинг.

Это значило «сука» — Эрик часто обзывал так Клеменса, которого считал женоподобным.

— Кал Рататока, — добавил Эрик.

Рататок — это гигантская белка, скачущая по ветвям мирового дерева Иггдрасила — космической оси, связывающей вместе землю, обитель богов и преисподнюю.

А потом Кровавый Топор предсказал, что Клеменс построит-таки свой корабль. И поведет его вверх по Реке. Но и постройка корабля, и само путешествие принесут Клеменсу одно только горе вместо ожидаемой радости. И когда Клеменс наконец приблизится к истокам Реки, он, Кровавый Топор, будет ждать его там.

Слова умирающего врезались Сэму в память, и теперь, во сне, он слышал их опять из уст темной фигуры, которая вцепилась ему в ногу, высунув руку из-под земли. Горящие глаза смотрели из ямы на Клеменса.

— Я достану тебя! Я буду поджидать тебя в лодке, а после убью. Ты не доберешься до конца Реки и не пройдешь во врата Валгаллы!

Хватка ослабла, но Сэм, окоченевший от ужаса, не мог отойти прочь. Призрак хрипел в агонии, а Сэм стоял недвижимо, хотя внутри у него все ходило ходуном.

— Я жду!

Таковы были последние слова Эрика, отдававшиеся эхом в снах Клеменса все эти годы.

После Сэм посмеялся над пророчеством Эрика. Видеть будущее не дано никому. Это суеверная чушь. Может, Кровавый Топор и живет сейчас где-то в верховьях Реки — но если это и так, это только совпадение. Такова же вероятность того, что он оказался в нижнем течении Реки. И даже если викинг ждет своего часа, чтобы отомстить, вряд ли ему представится для этого случай. Пароход останавливается только три раза в день, если не считать редких недельных стоянок. Скорее всего пароход пройдет мимо Эрика. Ни бегом, ни в весельной лодке, ни под парусом Кровавому Топору не догнать быстроходное судно.

Эти здравые мысли, однако, не мешали Эрику являться Сэму в страшных снах. Возможно, потому, что в душе Сэм признавал себя виновным в убийстве. А виновный должен нести наказание.

Владыка Снов с присущей ему легкостью сменил кадр, и Сэм оказался в хижине. Была ночь, лил дождь, гремел гром, и молния хлестала во тьме, как плетка-девятихвостка. Ее вспышки слабо освещали хижину. Рядом с Сэмом присела темная фигура в плаще с капюшоном.

— Чем обязан столь неожиданному визиту? — спросил Сэм, как тогда, при втором посещении Таинственного Незнакомца.

— Мы со Сфинксом играем в покер с жеребьевкой, — ответил Незнакомец. — Не хочешь ли присоединиться?

Сэм проснулся. На его стенном хронометре светились цифры 03:03.

Бог троицу любит. Рядом Гвенафра простонала во сне: «Ричард» Так ей снится Ричард Бёртон. Ей было всего лет семь, когда она с

ним познакомилась, и знала она его только год, а вот забыть не может. Детская любовь не прошла.

Теперь ничто не нарушало тишины, кроме дыхания Гвенафры и отдаленного шлепанья колес по воде. От их вращения пароход слегка вибрировал. Держа руку на дюралюминиевой раме кровати, Клеменс чувствовал эту легкую дрожь. Четыре колеса, движимые мощными электромоторами, гнали судно к цели.

На берегах Реки спали люди. Над полушарием стоит ночь, и около 8,75 миллиона человек спят и видят сны. Что им видится? Кому-то Земля, кому-то этот мир.

А пещерный человек, быть может, стонет и мечется, видя, как саблезубый зверь крадется к огню у входа. Джо Миллеру часто снились мамонты, лохматые, с загнутыми бивнями левиафаны его времени — их мясом он набивал свой объемистый живот, из их шкур делал шатры, бивнями подпирал эти шатры, из зубов низал громадные ожерелья. Еще Джо снился его тотем, его предок — гигантский пещерный медведь; могучий и косматый, он приходил и давал Джо советы по разным трудным делам.

А иногда Джо снилось, что враги бьют его палками по пяткам. Джо, весивший восемьсот фунтов, страдал плоскостопием и не мог оставаться на ногах весь день, как пигмей гомо сапиенс; ему то и дело приходилось садиться и давать отдых своим несчастным ногам.

У Джо бывали поллюции по ночам, когда ему снилась женщина его породы. Теперь он спал с красоткой ростом шесть футов семь дюймов, со славянской-кашубкой из третьего века. Ей нравились огромность Джо, его волосатость, его здоровенный нос, его колоссальный член и его мягкосердечие. Возможно, она получала извращенное наслаждение, предаваясь любви с тем, кто был не совсем человеком. Джо тоже любил ее, но это не мешало ему грезить о своей земной жене и других женщинах своего племени. Или скорее, как грезят все живые, о подруге, созданной Владыкой Снов, об идеале, что существует только в подсознании.

«Каждый человек, как луна, имеет темную сторону, которую не показывает никому».

Так писал Сэм Клеменс. И это правда. Но Владыка Снов, этот шталмейстер причудливых цирков, каждую ночь выводит на арену хищников и акробатов, канатоходцев и карликов.

В своем последнем за ночь сне Сэмюэль Ленгхорн Клеменс оказался заперт в одном помещении с огромной машиной, которой управлял Марк Твен, его второе «я». Машина была чудовищная, приземистая, с круглым верхом — какой-то тысяченогий, тысяче-зубый таракан. Вместо зубов у нее в пасти были пузырьки с патентованным средством «змеиное масло», а вместо ног — металлические штыри с буквами алфавита на конце. Она ползла на Клеменса, лязгая зубами и скрипя несмазанными сочленениями. Марк Твен сидел у нее на спине в золотом, усыпанном бриллиантами

слоновьем седле и управлял ею, двигая рычагами. Это был старик с пышными белыми волосами и пышными белыми усами, и костюм на нем был белый. Сначала он скалился, а потом сердито глянул на Сэма и заработал рычагами, стараясь отрезать Сэму путь к бегству.

Сэму было всего восемнадцать, и его знаменитые усы еще не отросли. В руке он сжимал ручку коврового саквояжа.

Сэм бегал кругами по комнате, а машина с лязгом и скрежетом преследовала его, то наступая, то отступая. Марк Твен все время кричал ему: «Вот странничка из твоей книги, Сэм», или «Твой издатель шлет тебе наилучшие пожелания, Сэм, и просит еще денег».

Сэм верещал не хуже машины, чувствуя себя мышью, которую ловит механическая кошка. Как бы быстро он ни бегал, как бы ни вертелся, ни прыгал и ни изворачивался, его неизбежно поймают.

Вдруг по металлическому панцирю чудища прошла дрожь. Оно остановилось и застонало. Потом лязгнуло зубами и присело, подогнув ноги. Из заднего отверстия хлынул поток зеленых бумажек — это были тысячедолларовые купюры, скоро целая куча их выросла у стены и стала сыпаться на машину. Гора все росла и наконец обрушилась на Марка Твена, который ругал машину на чем свет стоит.

Завороженный Сэм пополз вперед, настороженно поглядывая на машину, и подобрал одну из бумажек. «Наконец-то, — подумал он, — наконец-то сбылось».

Но купюра у него в руке превратилась в человеческий кал.

И все ассигнации, что были в комнате, тоже.

Затем в глухой стене отворилась дверь.

В комнату заглянул Г. Г. Роджерс. Этот состоятельный человек поддерживал Сэма в трудные времена, когда тот нападал на крупные нефтяные тресты. Сэм бросился к нему с криком: «Помогите! Помогите!» Вошел Роджерс в одних красных подштанниках — их задний клапан болтался незастегнутым. На груди у него золотыми буквами значилось: «НА “СТАНДАРД ОЙЛ” УПОВАЕМ — НА БОГА ПУСТЬ УПОВАЮТ ДРУГИЕ».

«Вы спасли меня, Генри!» — выдохнул Сэм.

Роджерс ненадолго обернулся к нему спиной, показав надпись на ягодицах: «ОПУСТИТЕ ДОЛЛАР И НАЖМИТЕ НА РЫЧАЖОК».

Потом сказал: «Минутку» — и вытащил откуда-то сзади документ. «Подпишите это, и я вас выпущу».

«Но у меня нет ручки!» — ответил Сэм. За спиной у него опять зашевелилась машина. Сэм не видел ее, но знал, что она опять ползет к нему. В проеме двери за Роджерсом Сэм видел прекрасный сад. Лев и ягненок сидели там бок о бок, а рядом с ними стояла Ливи и улыбалась.

На ней совсем не было одежды, а над головой она держала громадный зонтик. Из цветов и кустов выглядывали лица. Одна была Сюзи, его любимая дочь. Но что она там делает? Сэм чувал неладное. Кажется, из куста, за которым она прячется, торчит босая мужская нога?

«У меня нет ручки», — снова сказал Сэм.

«Я приму вашу тень в качестве расписки».

«Я уже продал ее».

За Роджерсом захлопнулась дверь, Сэм застонал, и на этом кошмар кончился.

Где-то теперь его жена Ливи, где его дочери Клара, Джин и Сюзи? Какие сны снятся им? Является ли им он? Если да, то как? Где Орион, его брат? Недотепа, путаник, невезучий оптимист Орион. Сэм любил его. Где брат Генри, получивший такие тяжкие ожоги при взрыве парохода «Пенсильвания» и протянувший еще шесть мучительных дней в походном госпитале Мемфиса? Сэм был с ним, разделял его муки и видел, как его вынесли в палату для безнадежных.

Воскрешение восстановило обгорелую кожу Генри, но его душевных ран оно не залечит, как не залечило душевных ран Сэма.

А где тот несчастный проспиртованный бродяга, сгоревший во время пожара в тюрьме города Ганнибала? Сэму тогда было десять. Его разбудил набат, он побежал к тюрьме и увидел того человека — он держался за решетку и кричал, черный на фоне красного пламени. Судебного исполнителя никак не могли найти, а ключи от камеры были только у него. Несколько человек пытались высадить дубовую дверь, но безуспешно.

Незадолго до того как бродягу забрали, Сэм дал ему спичек раскурить трубку. От спички и загорелся соломенный тюфяк в камере. Сэм знал, что это он повинен в ужасной смерти бродяги. Если бы Сэм не пожалел его и не сбежал домой за спичками, бродяга был бы жив. Милосердный жест, минутное сочувствие — и он сгорел живьем.

Где Нина, внучка Сэма? Она родилась уже после его смерти, но Сэм узнал о ней от человека, который читал ее некролог в «Лос-Анджелес таймс» от 18 января 1966 года.

«ПОХОРОНЫ НИНЫ КЛЕМЕНС, ПОСЛЕДНЕГО ПОТОМКА МАРКА ТВЕНА».

У того парня была очень хорошая память, да и его интерес к Марку Твену помог ему запомнить некролог.

— Ей было пятьдесят пять; под вечер воскресенья ее нашли мертвой в комнате мотеля на Норт-Хайленд-авеню — номер двадцать, кажется. В комнате было полно пузырьков с лекарствами и бутылок со спиртным.

Записки не осталось, и назначили вскрытие, чтобы определить причину смерти. Результатов я не видел.

Она умерла через улицу от своего роскошного пентхауса с тремя спальнями в Хайленд-Тауэрс. Ее друзья сказали, что она

часто селилась в мотеле на выходные, когда ей надоедало быть одной. В газете писали, что она почти всю жизнь провела в одиночестве. Она взяла фамилию Клеменс, когда развелась с художником Ратгерсом. Вышла она за него, кажется, в 1935 году, и брак продлился недолго. В газете сказано, что она была дочерью Клары Габрилович, вашей единственной дочери, — то есть единственной, оставшейся в живых. Клара вышла за некоего Жака Самоссуда после смерти своего первого мужа, то есть в 1935-м, кажется. Она была приверженкой христианской науки, как вам известно.

— Мне это неизвестно! — сказал Сэм.

Рассказчик, знавший, что Сэм был ярким противником христианской науки и написал памфлет о Мэри Бейкер-Эдди, ухмыльнулся:

— Думаете, она хотела этим насолить вам?

— Избавьте меня от вашего психоанализа, — сказал Сэм. — Клара боготворила меня. Как все мои дети.

— Короче, Клара умерла в 1962 году, а незадолго до этого дала разрешение опубликовать ваши неизданные «Письма на Землю».

— Неужто напечатали? И какая же последовала реакция?

— Книга хорошо продавалась. Но впечатление произвела довольно слабое. Никто не приходил в ярость и не заявлял, что это богохульство. Кстати, ваш «1601-й» тоже напечатали. В мои молодые годы его можно было достать только подпольным путем, но в конце 60-х годов он продавался повсюду.

Сэм потряс головой:

— И даже дети могли это купить?

— Купить нет, а прочесть — сколько угодно.

— Как же все изменилось!

— Все ваши вещи напечатаны — ну почти все. Еще в статье говорилось, что ваша внучка занималась как любительница живописью, пением и актерством. Она была также страстным фотографом и беспрестанно снимала своих друзей, барменов, официантов, даже прохожих на улице. Писала автобиографию «Одинокая жизнь» — название говорит само за себя. Бедняжка. Ее друзья говорили, что книга «весьма сумбурна», но местами в ней видны проблески вашего гения.

— Я всегда говорил, что мы с Ливи слишком большие сумасброды, чтобы иметь детей.

— Впрочем, от недостатка денег Нина не страдала. Она унаследовала капиталы своей матери — около восьмисот тысяч долларов. Все это выручка от продажи ваших книг. Перед смертью Нина стоила полтора миллиона долларов. И все же была несчастна и одинока. Что еще? Да. Тело отправили в Эльмиру, штат Нью-Йорк... «чтобы похоронить на семейном участке близ прославленного деда, чью фамилию она носила».

— Я за ее характер ответственности не несу, — сказал Сэм. — Это все Клара с Осипом.

— Но вы и ваша жена сформировали характеры ваших детей, — пожал плечами собеседник, — в том числе и Клары.

— Да, но мой характер сформировали мои родители. А их создали их родители. Что ж нам теперь, взвалить всю ответственность на Адама и Еву? Не выйдет — ведь их характеры создал Бог. Вот он пусть за все и отвечает.

— Я тоже верю в свободу воли, — сказал собеседник.

— Вот послушайте: «Когда первый живой атом зародился в огромном море Лаврентия, первый поступок этого первого атома привел ко второму поступку — так оно и шло на протяжении всех веков, и если проследить все шаг за шагом, можно доказать, что первый поступок первого живого атома привел неизбежно к тому, что я сейчас стою тут в своем кильте и разговариваю с вами». Это слегка перефразированная цитата из моего эссе «Что есть человек?». Что вы об этом думаете?

— Полная чушь.

— Вы ответили так, потому что это предопределено. Вы не могли ответить по-иному.

— Вы представляете собой печальный случай, мистер Клеменс, с позволения сказать.

— С позволения, без позволения — не сказать этого вы не могли. Скажите, кто вы были по профессии?

— Какое это имеет отношение к делу? — удивился тот. — Я занимался продажей недвижимости и много лет состоял в школьном комитете.

— Позвольте мне еще раз процитировать самого себя: «Сначала Бог создал идиотов — ради практики. Затем он создал школьные комитеты».

Сэм и сейчас ухмылялся, вспоминая, какое лицо сделалось у его собеседника.

Сэр сел в постели. Гвен все спала. Он зажег ночник и увидел на ее лице легкую улыбку. Гвен казалась по-детски невинной, но полные губы и округлая, почти полностью открытая грудь возбуждали Сэма.

Он хотел разбудить ее, но раздумал и надел кильт, накидку и высокую фуражку из рыбьей кожи. Взял сигару и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В коридоре было тепло и горел яркий свет. В дальнем конце у запертой двери стояли двое вооруженных часовых и еще двое у лифта. Сэм закурил сигару и пошел к лифту. Поболтав минутку с часовыми, он вошел в кабину.

Он нажал кнопку с буквой «Р». Дверцы закрылись, но Сэм успел заметить, что часовой звонит в рубку предупредить, что Ла Боссо, Босс, едет. Лифт миновал летнюю палубу «Г», где располагались офицерские каюты, прошел через круглые узкие помещения под мостиком и поднялся на верхний этаж надстройки. Последовала

небольшая задержка — это офицер третьей вахты проверял кабину с помощью замкнутой телесистемы. Потом дверцы открылись, и Сэм оказался в рубке.

— Все в порядке, ребята. Это я решил насладиться бессонницей.

В рубке несли вахту трое. Ночной рулевой дымил большой сигарой, апатично глядя на приборы. Это Аканде Эрин, крепыш-дагомеец — он тридцать лет водил пароход в джунглях. Самый бессовестный лгун, известный Сэму, а Сэм был знаком с лгунами мирового класса. Третий помощник Калвин Кregar, шотландец, сорок лет прослуживший на австралийском каботажном судне. Мичман-десантник Диего Сантьяго, венесуэлец из семнадцатого века.

— Я только поглядеть, — сказал Сэм. — Занимайтесь своим делом.

Безоблачное небо светилось, точно подожженное великим пиротехником — Богом. Долина здесь была широка, и в мягком свете виднелись постройки и лодки на обоих берегах. За ними стояла густая тьма. В ней горели глаза нескольких сторожевых костров. Все, кроме них, спало. На холмах темнели деревья — гигантские стволы «железного» дерева вздымались там на тысячу футов в высоту из задушенных ими собратьев. Позади чернели горы. Звездный свет лежал на воде.

Сэм вышел в смотровой проход, окружающий рубку. Ветер был прохладным, но не холодным. Сэм пальцами причесал пышную шевелюру. Стоя здесь на палубе, Сэм чувствовал себя живой частью судна, его органом. Пароход бодро шел вперед, шлепая колесами, помахивая флагами — храбрый, как тигр, огромный и гладкий, как кашалот, красивый, как женщина; он шел, преодолевая течение, к стержню мира, к пупу планеты, к Темной Башне. Сэм чувствовал, как его ноги, пустив корни, превращаются в щупальца, — они пронизывают корпус, уходят в темные воды, трогают чудищ, живущих там, погружаются в ил на глубине трех миль, прорастают сквозь землю, разрастаются со скоростью мысли, пробиваются из почвы, проникают в плоть каждого человека на планете, обвиваются вокруг стен и крыш хижин, взвиваются в небеса, оплетают каждую планету, где есть животная и разумная жизнь, исследуя и познавая, а потом пускают побеги во тьму, где нет материи, где есть только Бог.

В этот миг Сэм Клеменс ощущал себя если не слившимся со Вселенной, то по крайней мере родственным ей. В этот миг он верил в Бога.

И в этот миг Сэмюэль Клеменс и Марк Твен слились воедино в одной телесной оболочке.

Потом волнующее видение вспыхнуло, скорчилось, ушло обратно в Сэма.

Он засмеялся. На несколько секунд он познал экстаз, перед которым бледнеет даже сексуальное наслаждение — высшее, что

до сих пор было доступно ему и всему человечеству, хотя зачастую и разочаровывающее.

Теперь он опять был сам по себе, а Вселенная сама по себе.

Сэм вернулся в рубку. Эрин, черный рулевой, взглянул на него и сказал:

— Тебя посещали духи.

— А что, это так заметно? Да, посещали.

— Что они сказали?

— Что я — все и ничто. Однажды я слышал, как это сказал деревенский дурачок.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МОНОЛОГ БЁРТОНА

ГЛАВА 15

Поздней ночью, когда необычайно густой туман заволок все вплоть до мостика, Бёртон бродил по судну.

Ему не спалось, и он блуждал с места на место без определенной цели — лишь бы уйти от себя.

«Черт побери! Всю жизнь я пытаюсь сбежать от себя! Будь у меня хоть столько ума, как у коровы, я остался бы и сразился с собой. Но мое “я” того и гляди переборет меня, как Иаков ангела. Но я ведь и Иаков тоже. Только сломано у меня не бедро, а шестеренка. Я автоматический Иаков, механический ангел, робот-дьявол. Лестница, ведущая на небо, все еще прислонена к окну, но я не могу найти ее.

Судьба — это случай. Нет, не так. Я сам строил свою судьбу. Только это был не я, а некто, кто движет мной, — дьявол, которым я одержим. Он ждет, ухмыляясь, в темном углу, и как только я протягиваю руку за наградой, он выскакивает и отнимает у меня мой приз.

Мой неуправляемый характер. Он надувает меня, насмехается надо мной и удирает, чтобы затаиться и опять вылезти в урочный час.

Ах, Ричард Фрэнсис Бёртон, Негодный Дик, Черномазый Дик, как называли тебя в Индии. Эти ничтожества, эти роботы, катящиеся по викторианским рельсам... туземцы не интересовали их, они только спали с их женщинами, ели досыта, пили допьяна и по возможности сколачивали себе состояния. Они не умели даже говорить на местном языке, проторчав тридцать лет в этой стране, украшении королевской короны. Украшение, как же! Зловонный чумной бубон! Холера и иже с ней! Черная чума и компания! Индусы и мусульмане, смеющиеся за спиной у пукка-сахиба. Англичане даже и трахаться не умели как следует. Женщины смеялись над ними и искали удовлетворения у своих темнокожих любовников, когда сахиб уходил домой.

Я предупреждал правительство за два года до сипайского восстания, что восстание будет, а надо мной посмеялись! Надо мной, единственным человеком в Индии, знавшим индусов и мусульман!»

Бёртон задержался на верхней площадке большой лестницы. Блеснул свет, и шум пирушки хлынул в туман, не рассеяв его. Это не тот занавес, что колыхается от дыхания.

«Черт их дер! Они смеются и флиртуют, а судьба подстерегает их. Весь мир распадается. Всадник на черном верблюде ждет их за следующим поворотом Реки. Глупцы! Да и я не умнее.

Однако на этом Narboot, этом большом корабле дураков, спят мужчины и женщины, которые в часы бодрствования строят козни против меня и против всех туземных жителей Земли. Хотя мы все туземцы в этой Вселенной. Граждане космоса. Вот я плюю за борт. В туман. Там внизу течет Река. Она примет эту частицу моего естества, которая никогда больше не вернется ко мне, разве что в иной форме. Водой. H₂O. Аж два нуля. Что за странная мысль? Но разве не все мысли странные? Разве они не странствуют, словно бутылки с посланиями, брошенные в море потерпевшим кораблекрушение? И если они заплывают в чей-то ум, например мой, мне кажется, что это я создал их. А может, есть какой-то магнетизм между определенными душами и определенными мыслями и к каждому притягиваются лишь те мысли, что соответствуют его полю? Потом индивидуум приспособливает их к себе и думает гордо — если он вообще думает, хотя бы на уровне коровы, — что это он создал их. Мои мысли — обломки кораблекрушения, а я риф.

Подебрад. Что тебе снится? Башня? Твой дом? Принадлежишь ты к их числу или ты простой чешский инженер? Или одно другому не мешает?

Четырнадцать лет я провел на этом пароходе, а пароход шлепает колесами по Реке вот уж тридцать три года. Теперь я капитан десантников этого взвинченного ублюдка и царственного засранца, короля Иоанна. Это ли не доказательство того, что я умею обуздывать свой характер?

Еще год — и мы придем в Вироландо. Там “Рекс” сделает остановку, и мы побеседуем с Ла Виро, Ла Фондинто, папой опупелых прихожан Церкви Второго Шанса. Второй шанс, клянусь благочестивой задницей моей тетушки! У тех, кто дал его нам, больше нет ни единого шанса.

Они попались в собственную ловушку! Взорвали собственную петарду — так говорят французы, желая сказать, что кто-то пукнул. Как говорит Микс, шансов у нас не больше, чем у вышеупомянутого газового облака во время шторма.

Там, на берегах, спят биллионы. Где Эдвард, мой любимый брат?

Блестящий был человек, но шайка тугов повредила ему мозги, и он за сорок лет не произнес ни слова. Не надо было тебе в тот день охотиться на тигра, Эдвард. Тигром оказался индус, не упустивший

случая избить и ограбить ненавистного англичанина. Хотя они и со своими не лучше обходятся.

Но разве это важно теперь, Эдвард? Твое страшное увечье прошло, и ты снова заговорил, как бывало. Если только не умолк опять, навеки. Лазарь! Тело твоё гниёт. Христос не приходит. Никто не скажет: “Встань и иди!”

А мать, где она? Глупая женщина, уговорившая деда отказать её беспутному брату, его сыну, немалую часть своего состояния. Дед передумал было и собрался к своему поверенному, чтобы переписать все на меня, но в этот самый час упал мертвым, а мой дядя спустил все деньги во французских игорных домах. Я же не смог купить себе приличного чина в действующей армии, не смог финансировать свои экспедиции, как надлежало, и потому так и не стал тем, кем мне надлежало стать.

Спик! Змеинный язык! Ты приписал себе открытие истоков Нила, жалкий трус, навозная куча больного верблюда. Ты улизнул в Англию, пообещав не обнародовать наши открытия, пока и я туда не прибуду, а сам оболгал меня. Ты заплатил за это — ты сам пустил себе пулю в лоб. Совесть наконец настигла тебя. Как я плакал тогда. Я любил тебя, Спик, хотя и ненавидел тоже. Как я плакал!

Если бы мы случайно встретились теперь — что произошло бы? Ты бы убежал? У тебя явно не хватило бы извращенного мужества протянуть мне руку. Иуда! А я — поцеловал бы я тебя, как Иисус предателя?

Нет уж — я дал бы тебе такого пинка, что ты взлетел бы до половины горы!

Африканская хворь одолела меня, впустила в меня свои железные когти. Но я поправился, и это я открыл истоки Нила! А не гиена Спик, не шакал Спик! Прошу прощения, сестрица Гиена и братец Шакал. Вы только животные и приносите какую-то пользу в мироздании. Спик недостойн поцеловать ваши грязные зады.

Но как же я плакал тогда!

Истоки Нила. Истоки Реки. Я так и не добрался до тех — доберусь ли до этих?

Мать никогда не проявляла к нам нежности — ни ко мне, ни к Эдварду, ни к Марии. С тем же успехом она могла быть нашей гувернанткой. Нет. Наши няни проявляли к нам больше любви и отдавали нам больше времени, чем она.

Мужчина есть то, что сделала из него его мать.

Нет! Есть ещё что-то в душе, что, презрев недостаток любви, все гонит и гонит меня... куда?

Отец, если можно тебя так назвать. Нет, не отец — виновник существования. Одышливый, себялюбивый, лишенный юмора ипохондрик. Добровольный изгнанник, вечный путешественник. Где был наш дом? В джунгли чужих стран. Ты ездил с места на место в поисках здоровья, которого, как полагал, был лишен. И нас таскал

за собой. С невежественными нянками и пьяными ирландскими попами в качестве наставников.

Чтоб ты задохся наконец! Но нет. Тебя излечили неведомые создатели этого мира. Ведь так? Или ты все-таки изыскал предлог спрятаться в ипохондрию? Это твоя душа поражена астмой, а не бронхи.

У озера Танганьика, в стране Уййи, болезнь стиснула меня в дьявольском кулаке. В бреду я видел самого себя, который насмехался, издевался, глумился над мной. Того, другого, Бёртона, который смеется над всем миром, но больше всего над мной.

Но меня это не остановило, и я пошел дальше... нет. Это Спик пошел дальше и ушел далеко... хо, хо! Я смеюсь, хотя это пугает бодрствующих и будит спящих. Смейся, Бёртон, смейся, паяц! Этот дурак янки, Фрайгейт, говорит, что это мне досталась слава великого первооткрывателя, а тебе — одно бесчестье. Я прославился, а не ты, змеиный язык! Я был оправдан, не ты.

Все мое несчастье в том, что я не француз. Будь я им, не пришлось бы мне бороться с английскими предрассудками, английской чопорностью, английской глупостью. Но я не родился французом, хотя и происхожу от незаконного отпрыска Луи XIV, Короля-Солнца. Вот кровь и сказывается.

Экая чушь! Сказывается кровь Бёртонов, а не Короля-Солнца.

Я странствовал, не находя себе покоя, по всему свету. Но *omni solum forte patria*. Сильному везде родина. Я стал первым европейцем, проникшим в запретный священный город Харар и вышедшим из этого эфиопского ада живым. Я совершил паломничество в Мекку под видом Мирзы Абдуллы Бушири и написал об этом подробную, правдивую, ставшую знаменитой повесть — меня разорвали бы там на куски, если бы разоблачили. Я открыл озеро Танганьика. Я написал первое руководство по штыковому бою для британской армии. Я...

Но зачем перечислять вновь эти пустые победы? Не то важно, что мужчина сделал, а то, что он намерен сделать.

Айша! Айша! Моя персианочка, моя первая истинная любовь! Я мог бы отречься от всего мира, от британского подданства, стать персом и жить с тобой до смертного часа. Тебя подло убили, Айша! Я отомстил за тебя, я покарал отравителя собственными руками, я медленно удушил его, выдавив из него жизнь, и зарыл его тело в пустыне. Где ты теперь, Айша?

Ты где-то здесь. Но если бы мы встретились снова... Моя безумная любовь стала теперь мертвым львом.

Изабел. Моя жена. Женщина, которую... да любил ли я ее? Любил, но не так, как тогда Айшу, а теперь Алису. "Расплачивайся, укладывайся и езжай за мной", — говорил я ей, отправляясь в путешествие, и она подчинялась — послушно и безропотно, как рабыня. Она говорила, что я ее герой, ее бог, и составила себе свод правил идеальной жены. Но когда я стал старым и сварливым,

позабывшим всеми неудачником, она сделалась моей сиделкой, моей опекуницей, моим надзирателем, моим тюремщиком.

Что, если я встречу ее снова — женщину, которая говорила, что никогда не полюбит другого ни на земле, ни на небе? Правда, этот мир небом не назовешь. Я скажу: “Здравствуй, Изабел. Давненько не виделась”.

Где там — я удеру, как последний трус. И спрячусь. Хотя...

Вот вход в машинное отделение. Несет ли Подебрад этой ночью вахту? А если да, то что? Я не могу прижать его к стенке, пока мы не доплывем до истоков.

Кто-то маячит в тумане. Агент этиков? Или сам Икс, ренегат? Он всегда то здесь, то там, неуловимый, как понятие времени и вечности, несуществующего и существующего.

“Кто идет?” — следовало бы крикнуть мне. Но он — она — оно уже ушло.

Оказавшись между сном и явью, между смертью и воскрешением, я увидел Бога. “Ты должен мне за плоть”, — сказал этот старый бородатый джентльмен, одетый по моде 1890 года, а в другом сне он молвил: “Плати”.

Чем платить? Сколько это стоит?

Я не просил о воплощении, не требовал, чтобы меня родили на свет. Плоть и жизнь должны даваться бесплатно.

Надо было задержать его. Надо было спросить, обладает ли человек свободой воли или все, что он совершает или не совершает, предопределено заранее? Записано ли во всемирном справочнике Брэдшо, что такой-то прибудет туда-то в 10.32, а в 10.40 отправится с двенадцатого пути? Если я — один из составов его железной дороги, то за свои деяния я не отвечаю. Не от меня зависит, добро или зло я творю.

Да и что такое добро и зло? Без свободы воли их не существует

Но он не стал бы задерживаться. А если бы и стал, понял бы я из его объяснений, что такое смерть и бессмертие, детерминизм и нондетерминизм, предопределимость и непредопределимость?

Человеческий разум не способен это постичь. И в этом тоже вина Бога — если он есть, Бог.

Исследуя район Зинда в Индии, я стал суфи, мастером-суфи. Но, наблюдая их в Зинде и в Египте и видя, как они в конечном итоге объявляют себя Богом, я пришел к выводу, что крайний мистицизм сродни безумию.

Нурэддин эль-Музафир, тоже суфи, говорит, что я ничего не понимаю. Во-первых, есть ложные или галлюцинирующие суфи, дегенераты великого учения. Во-вторых, если суфи объявляет себя Богом, это не следует понимать буквально. Он имеет в виду, что стал един с Богом.

Бог-Вседержитель! Я постигну его суть, суть великой тайны и всех прочих тайн. Я — живой меч, но до сих пор я рубил, а не колол острием. Самое смертельное в мече — его острие. Отныне я буду сражаться только им.

Но, входя в магический лабиринт, я должен иметь нить, чтобы добраться до чудовища, обитающего в глубине. Где же она? И Ариадны нет. Я сам себе нить, Ариадна и Тезей, и даже... как я раньше не подумал об этом? — сам себе лабиринт.

Это не совсем верно. А что верно совсем? Ничего. Но в человеческих и божественных делах близкое попадание порой не хуже прямого. Чем крупнее снаряд, тем меньше значит, попал он в яблочко или нет.

А вот меч хорош лишь тогда, когда он хорошо уравновешен. Обо мне, по словам широко осведомленного Фрайгейта, писали, что природа выкинула со мной редкий фортель, одарив меня не одним, а тридцатью талантами. Пишут еще, что при этом мне не доставало уравновешенности и целеустремленности. Я был точно оркестр без дирижера, точно великолепный корабль, которому не хватает одной мелочи: компаса. Я сам отзывался о себе, как о несфокусированном пучке света.

Если я не мог сделать что-то первым, я этого и не делал.

Пишут, что в людях меня притягивал не божественный элемент, а все ненормальное, извращенное и дикое.

Пишут, что я, несмотря на свои обширные познания, никогда не понимал, что мудрость имеет мало общего со знанием и книгами и ничего общего с образованием.

И все это неправда! Хотя бы слово правды!»

Бёртон все бродил и бродил, сам не зная, что он ищет. В тускло освещенном коридоре он задержался у одной из дверей. Внутри должна быть Логу, если она не на танцах в салоне, и Фрайгейт. Они снова вместе, оба сменив за эти четырнадцать лет двух-трех любовников. Она долго на дух не выносила Фрайгейта, но он добился-таки ее — а может быть, она не переставала любить другого Фрайгейта — и вот теперь они живут вместе. Как бывало.

Бёртон пошел дальше и увидел у выхода темный силуэт. Икс? Еще кто-то, мучимый бессонницей? Он сам?

Бёртон вышел на техасскую палубу и остановился, глядя, как часовые шагают взад и вперед. Что слышно, караульщики? Вот именно, что?

Ну, пойдем дальше. Сколько же ты прошагал — но не по гигантскому Миру Реки, а по пигмейскому мирку парохода?

Алиса снова жила в его каюте — в самом начале плавания она дважды уходила от него и дважды возвращалась. Теперь-то уж они, пожалуй, никогда не расстанутся. Бёртон был рад, что она опять с ним.

Он вышел на летнюю палубу и взглянул на слабо освещенную рубку. Ее часы пробили четырнадцать раз. Два часа ночи.

Пора вернуться в постель и предпринять еще один штурм цитадели сна.

Бёртон поднял взгляд к небу, и в это время холодный ветер, налетевший с севера, сдул с верхней палубы туман — всего на миг. Где-то там, на севере, в холодных и серых туманах, высится башня.

А в ней живут, или жили, этики, существа, считающие, что они вправе воскрешать мертвых без их разрешения.

У них ли ключи от всех тайн? Ну не от всех, конечно. Тайны жизни, создания материи, тайны пространства и бесконечности, времени и вечности никогда не будут разрешены.

Или когда-нибудь будут?

Может быть, в башне или ее подземельях существует машина, преобразующая метафизическое в физическое? Человек способен управлять физической материей, и что из того, что ему неведома истинная природа материи потусторонней? Истинной природы электричества он тоже не знает, однако поставил же электричество себе на службу.

Бёртон погрозил кулаком в сторону севера и отправился в постель.

**НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ»:
НИТЬ РАЗУМА**

ГЛАВА 16

Сначала Сэмюэль Клеменс старался по возможности избегать Сирано де Бержерака. Проницательный француз быстро подметил это, но возмущения не выказал. Если в душе он и возмущался, то умело это скрывал. Он всегда встречал Клеменса улыбкой или смехом, был всегда вежлив, но без холодности. Он вел себя так, словно Клеменс питал к нему симпатию и никаких причин для антипатии у капитана не было.

Прошло несколько лет, и Сэм начал понемногу оттаивать по отношению к бывшему любовнику своей земной жены. У них было много общего: острый интерес к людям и к механическим устройствам, любовь к литературе, неутихающее стремление к историческим изысканиям, ненависть к лицемерию и самодовольству и глубокий агностицизм. Сирано, хоть был родом и не из Миссури, разделял позицию Сэма, выражавшуюся в словах: «А покажите-ка мне».

Кроме того, Сирано мог украсить любое общество, не стремясь при этом завладеть беседой.

Так что однажды Сэм решил наедине со своим вторым «я», Марком Твенем, разобраться в своих чувствах к Сирано. В результате Сэм понял, — видимо, в душе он всегда это сознавал, — что относился к Сирано весьма нечестно. Француз не виноват, что Ливи влюбилась в него и отказалась его оставить ради своего прежнего мужа. Да и Ливи ни в чем не виновата. Она поступала так по велению своего врожденного темперамента и предопределенных заранее обстоятельств. И Сэм тоже подчинялся своему врожденному темпераменту, своей «ватерлинии» и обстоятельствам. Теперь же, следуя другим, глубоко запрятанным чертам своего характера и подчиняясь давлению новых обстоятельств, он изменил свое отношение к Сирано. Француз, в конце концов, хороший парень, тем более когда научился регулярно принимать душ, следить за чистотой ногтей и перестал мочиться в коридорах.

Сэм сам не знал, верит ли по-настоящему в то, что представляет собой запрограммированный заранее автомат. Иногда ему казалось, что его вера в предопределение — лишь попытка избежать ответственности за некоторые свои поступки. Но если так — тогда это свобода воли побуждает его искать оправдания всему содеянному им, хорошему или дурному. С другой стороны, детерминизм как раз и дает людям иллюзию, что им присуща свобода воли.

Как бы там ни было, Сэм принял Сирано в свой кружок и простил ему все, хотя и прощать, собственно, было нечего.

Сегодня Сэм пригласил Сирано в числе других обсудить некоторые загадочные аспекты того, что называл «делом Икса». Присутствовали Гвенафра, сожительница Сэма, Джо Миллер, де Марбо и Джон Джонстон. Последний был огромен — ростом он превышал шесть футов два дюйма и весил двести шестьдесят фунтов, не имея ни унции лишнего жира. Волосы на голове и на груди у него были рыжевато-золотистые, а руки необычайно длинные и походили на лапы медведя-гризли. Голубовато-серые глаза часто смотрели холодно или отрешенно, но теплели в кругу друзей.

Американец шотландского происхождения, он родился около 1828 года в Нью-Джерси и в 1843-м отправился на Запад, чтобы охотиться в горах. Он стал легендой даже среди легендарных горных жителей, хотя слава пришла к нему не сразу. Когда бродячий отряд молодых, еще не окрещенных кровью воинов сиу убил жену Джонстона, индианку из племени плоскоголовых, вместе с нерожденным младенцем, Джонстон поклялся отомстить. Он перестал столько сиу, что те послали двадцать молодых воинов выследить его и убить, запретив им возвращаться, пока они не выполнят свою задачу. Один за другим они нападали на след Джонстона, но в итоге он убивал их. Сделав это, он вырезал у них печень и съедал ее сырой, капая кровью на рыжую бороду. За это его прозвали «Пожирателем печени» и «Убийцей сиу». Но вообще-то сиу были достойным племенем — их отличала порядочность и высокие боевые качества; поэтому Джонстон решил прекратить войну с ними, оповестил их о своем решении и стал их добрым другом. Еще он был вождем в племени шошони.

Умер в 1900 году в лос-анджелесском госпитале ветеранов и был похоронен на тесном больничном кладбище. Но в семидесятых годах группа людей, понимавших, что ему не найти там покоя — ведь он привык жить в пятидесяти милях от ближайшего соседа, — перенесла его прах на горный склон в Колорадо и погребла там.

«Пожиратель печени» Джонстон не раз говорил на пароходе, что ему ни разу не пришлось убить белого — хотя бы и француза. От этих слов де Марбо и Сирано сначала делалось несколько не по себе, но потом они полюбили огромного горца и прониклись к нему восхищением.

Когда все выпили по несколько бокалов, покурили и поболтали на общие темы, Сэм перешел к предмету, который желал обсудить.

— Я много думал о том, кто называл себя Одиссеем, — начал он. — Помните, я говорил вам о нем? Он пришел нам на помощь, когда мы сражались с фон Радовицем, и это его лучники разделились с генералом и его офицерами. Он утверждал, что он — настоящий Одиссей, историческое лицо, чье имя позднее обросло легендами и вымыслами и чьи подвиги послужили Гомеру материалом для «Одиссеи».

— Я о нем никогда не слышал, — сказал Джонстон, — но полагаюсь на твоё слово.

— Да. Так вот, он говорил, что к нему тоже приходил этик и послал его вниз по Реке нам на помощь. После боя Одиссей еще немного побыл с нами, но потом уплыл вверх с торговой экспедицией и пропал, точно сквозь землю провалился.

Самое главное заключается в том, что он сказал об этике одну странную вещь. Этик, который говорил со мной, Икс, или Таинственный Незнакомец, был мужчиной. Во всяком случае, голос у него был мужской, хотя голос можно изменить. А вот Одиссей заявил, что его этик был женщиной!

Сэм выпустил облако зеленого дыма и уставился на медные арабески потолка, словно это были иероглифы, содержащие ответ на все его вопросы.

— Что бы это значило?

— Что он либо говорил правду, либо лгал, — сказала Гвенафра.

— Верно! Дайте этой красавице большую сигару! Либо имеются два этика-ренегата, либо самозванный Одиссей солгал. А если он солгал, то это не кто иной, как мой этик, Икс. Лично я склоняюсь к мысли, что так и было — наш с вами этик, Сирано и Джон, солгал мне. В противном случае разве стал бы Икс скрывать, что их двое и одна из двоих — женщина? Он обязательно сказал бы об этом. Я знаю, у него было немного времени на разговоры с нами, поскольку другие этики следили за ним и дышали ему в затылок. Но уж такую информацию он не преминул бы сообщить.

— Но зачем ему было лгать? — спросил де Марбо.

— А вот зачем. — Сэм ткнул сигарой в сторону потолка. — Он знал, что другие этики могут схватить нас. И получить от нас эту ложную информацию. Тогда они всполошились бы еще пуще. Как? Сразу два предателя в их среде? Батюшки! Проверив нас на чем-то вроде детектора лжи, они убедились бы, что мы не лжем. Мы ведь верили в то, что сказал нам Одиссей. Точнее, в то, что сказал нам Икс. Это как раз похоже на него — запутать дело еще больше! Ну, что вы на это скажете?

После короткой паузы Сирано сказал:

— Но если это верно, то мы видели этика! И знаем, как он выглядит!

— Не обязательно, — возразила Гвенафра. — Он, конечно же, умеет менять свой облик.

— Несомненно, — согласился Сирано. — Но способен ли он изменить свой рост и сложение? Цвет глаз и волос одно дело, но...

— Думаю, можно принять за основу, что он мал ростом и очень мускулист, — сказал Клеменс. — Но таких, как он, мужчин несколько миллиардов. Во всяком случае, мы сейчас исключили возможность существования еще одного этика-ренегата — этика-женщины. Хочется верить, что исключили.

— А может, — сказал Джонстон, — Одиссей был агент, узнавший, что мы встречались с Иксом, и желавший нас запутать.

— Не думаю, — сказал Сэм. — Если бы кто-то из агентов так много знал, этики бы сцапали нас быстрее, чем конгрессмен успел бы продать свою мать за несколько голосов. Нет. Одиссей был мистер Икс.

— Тогда... тогда придется копнуть поглубже, — сказала Гвеннафра. — Помните, как Галбирра описывала Барри Торна? Он в чем-то походил на Одиссея. Не мог ли он быть Иксом? А тот так называемый немец, Штерн, пытавшийся убить Фаербрасса? Кто был он? Не агент, ведь он был коллегой Фаербрасса. А вот Фаербрасс мог быть агентом, и Икс взорвал его, чтобы Фаербрасс не оказался в башне первым. Фаербрасс лгал нам, говоря, что входит в число рекрутов Икса. Он...

— Нет, — прервал ее Сирано. — То есть да. Похоже, он был агентом других этиков. Но если он столько о нас знал, почему тогда не уведомил этиков и не навел их на нас?

— Да потому что он по какой-то причине не мог их уведомить, — сказал Сэм. — Думаю, по той, что как раз тогда в башне началось что-то неладное, не знаю что. Но сдается мне, что как раз в то время, когда исчез Одиссей или, скорее, Икс, весь проект этиков потерпел крах. Тогда мы ничего не заметили, но вскоре после этого воскрешения прекратились. Лишь когда «Внаем не сдается» прошел некоторое расстояние, мы стали получать донесения о том, что воскрешений больше нет. Будучи в Пароландо, мы тоже обратили на это внимание, но сочли это чисто местным явлением.

— Хм-м, — сказал Сирано. — Хотел бы я знать, воскрес ли Герман Геринг, тот миссионер, убитый людьми Хакинга. Станный был тип.

— Смутьян, — сказал Сэм. — А может, Фаербрасс и сообщил этикам, что выявил нескольких рекрутов Икса. Но этики сказали ему, что пока ничего предпринимать не станут. И поручили Фаербрассу тем временем узнать о нас все, что можно. А если бы он увидел кого-то похожего на Икса, он тоже сообщил бы этикам, чтобы те могли схватить его незамедлительно. Откуда нам знать? Может, Фаербрасс и «жучков» нам насовал, чтобы знать, когда Икс придет в следующий раз. Только Икс так и не пришел.

— По-моему, — сказал Сирано, — Икс застрял в долине, уйдя от нас под видом Одиссея.

— Тогда почему он не вернулся к нам, как тот же Одиссей? Сирано пожал плечами.

— Потому что пропустил «Внаем не сдается», — решительно отрезал Сэм. — Мы прошли мимо него ночью. Однако Икс услышал, что Фаербрасс строит дирижабль для полета к башне. Это устроило бы Икса еще больше, чем «Внаем не сдается». Но Одиссея, древнего эллина, не взяли бы на воздушный корабль. Поэтому он преобразился в Барри Торна, опытного канадского аэронавта.

— Я тоже из семнадцатого века, — заметил Сирано, — но меня ведь взяли пилотом на «Парсеваль». А Джон де Грейсток, хотя происходит из еще более ранней эпохи, был назначен капитаном мягкого дирижабля.

— И все-таки, — не сдавался Сэм, — шансы Икса намного увеличились бы, назовись он опытным специалистом. Одно меня удивляет — откуда у него подобный опыт? Откуда этику знать о дирижаблях?

— Если бы ты жил очень долго или был бессмертен, то, наверно, изучил бы все науки, какие есть, лишь бы скоротать время, — сказала Гвенафра.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ПРОШЛОЕ ГЕРИНГА

ГЛАВА 17

Герман Геринг проснулся весь в поту от собственного стога. Ja, mein Führer! Ja, mein Führer! Ja, mein Führer! Ja, ja, ja!

Орущее лицо поблекло. Исчез черный пороховой дым, валивший сквозь выбитые окна и проломленные стены. Исчезли сами окна и стены. Басовые раскаты русской артиллерии, аккомпанировавшие альту-сопрано фюрера, заглохли вдаль. Зудящий гул, сопровождавший речь безумца, тоже утих — Геринг смутно осознал, что это гудели моторы американских и британских бомбардировщиков.

Мрак кошмара сменился ночью Мира Реки.

Но эта ночь была мирной и успокаивающей. Герман лежал навзничь на бамбуковой койке, касаясь теплой руки Крен. Крен пошевелилась и пробормотала что-то — наверно, разговаривала с кем-то во сне. Уж ей-то не приснится ничего, что вызвало бы горе, растерянность или ужас. Она видит только хорошие сны. Крен — дитя Реки, она умерла на Земле в шестилетнем возрасте и ничего не помнит о своей родной планете. Ее первые смутные воспоминания относятся к пробуждению в этой долине, без родителей, вдали от всего, что было ей знакомо.

Германа согрели прикосновение к спящей и приятные воспоминания о годах, прожитых вместе с ней. Он встал, накинул свою утреннюю хламиду и вышел на бамбуковый помост. Вокруг теснились многочисленные хижины их яруса. Чуть выше начинался следующий ярус, а за ним другой. Ниже помещалось три яруса. Все это были мостки, тянувшиеся, насколько видел глаз, с юга на север. Опорами служили обыкновенно тонкие столбы из камня или «железного» дерева; длина пролетов, как правило, разнилась от пятидесяти до трехсот с лишним футов. Там, где требовались добавочные подпорки, ставились дубовые или сложенные из каменной колонны.

Ширина долины здесь составляла тридцать миль, а Река образовывала озеро десять миль шириной и сорок длиной. Горы не превышали шести тысяч футов, к счастью для жителей — здесь

был уже дальний север, и в долину поступало не слишком много света. На западном конце озера горы входили в Реку, и Река там, бурля, вливалась в узкую теснину. В теплые часы дня восточный ветер неся по ущелью со скоростью пятнадцать миль в час. На выходе он терял часть своей силы, но рельеф местности создавал там восходящие потоки, которые местные жители использовали в своих целях.

Повсюду на суше высились скальные столбы со множеством вырезанных в них скульптурных изображений. Между ними на разных уровнях были переброшены подвесные мосты из бамбука, сосны, дуба и тиса. На них через равные промежутки, зависящие от выносливости моста, стояли хижины. На верхушках более широких столбов хранились планеры и оболочки воздушных шаров.

В округе гремели барабаны, завывали рыбы рога. На порогах хижин начинали появляться зевающие, потягивающиеся жители. Над горами показался край солнечного диска — это означало официальное начало дня. Температура воздуха скоро поднимется до 60 градусов по Фаренгейту — еще тридцать, и было бы как в тропиках. Через пятнадцать часов солнце закатится за горы, а еще через девять взойдет снова. Продолжительность его пребывания на небе почти возмещает его слабое тепло.

С двумя граалями в закинутой за спину сетке Герман слез на пятьдесят футов вниз. Крен сегодня не работала и могла поспать подольше. Позже она спустится, возьмет свой грааль из кладовой, устроенной у камня, и съест свой завтрак.

По дороге Герман здоровался со знакомыми — из здешнего двухсотсорокавосемьтысячного населения он тысяч десять знал по именам. Из-за недостатка бумаги в долине приходилось напрягать и тренировать память — впрочем, Геринг и на Земле отличался феноменальной памятью. Изъяснялся он на урезанном, облегченном эсперанто, принятом в Вироландо:

— Bon ten, eskor (Доброе утро, епископ).

— Tre bon ten a vi, Fenikso. Pass ess via (И тебе доброе утро, Феникс. Мир тебе).

Здесь Герман держал себя учтиво, но со следующими встречаемыми шутил.

Герман Геринг переживал счастливую пору своей жизни. Но он не всегда был счастлив. История его была длинной, почти всегда печальной и бурной, хотя и не без веселья и мирных промежутков и далеко не всегда поучительной.

Вот его земная биография.

Родился он в Розенхейме, в Баварии, 12 января 1893 года. Отец его, офицер колониальных войск, стал первым губернатором немецкой Юго-Западной Африки. В возрасте трех месяцев Герман расстался с родителями, уехавшими на три года на Гаити, где отцу дали пост генерального консула. Длинная разлука с матерью в столь нежном возрасте плохо отразилась на Германе. Тоска и одиночество того времени так и не изгладились из его памяти.

Когда же в детстве он понял, что у матери роман с его крестным отцом, он почувствовал к ней глубокое презрение, смешанное с яростью. Но открыто свои чувства не проявил.

К отцу Герман относился с молчаливым презрением, но открыто этого опять-таки не выказывал. Однако на похоронах отца Герман плакал.

В десять лет мальчик заболел тяжелой ангиной. В 1915 году, через месяц после смерти отца, Герман стал лейтенантом 112-го пехотного полка принца Вильгельма Голубоглазый, светловолосый, стройный и недурной собой лейтенант пользовался большой популярностью в обществе. Он любил потанцевать, выпить и вообще повеселиться. Его крестный, перешедший в христианство еврей, помогал ему деньгами.

Вскоре после начала первой мировой войны тяжелый артрит коленных суставов приковал молодого офицера к больничной койке. Герману не терпелось повоевать — он ушел из госпиталя и стал летать наблюдателем на самолете своего приятеля Лорцера. Три недели он находился в самовольной отлучке из армии. Его признали негодным для службы в пехоте, и Геринг поступил в люфтваффе. Его энергичный и нешаблонный язык забавлял кронпринца, командовавшего 25-м подразделением Пятой армии. Осенью 1915 года Геринг ускоренно закончил Фрейбургскую летную школу, получив удостоверение пилота. В 1916-м, в Норвегии, он был сбит, тяжело ранен и выбыл из строя на полгода. И все-таки снова стал летать. Он быстро продвигался по службе, поскольку был не только отличным офицером и летчиком, но и выдающимся организатором.

В 1917-м Герман получил орден «За отвагу» (германский эквивалент Креста Виктории); это была награда за его командирские заслуги и за то, что сбил пятнадцать вражеских самолетов. Получил он также Золотую медаль авиатора. 7 июля 1918 года его назначили командиром *Geschwader* I* вместо Рихтхофена, погибшего в своем восьмьдесят первом бою. Интерес Геринга к технике и вопросам снабжения вполне оправдывал это назначение. Доскональные познания во всех областях военной авиации оказали ему большую услугу в последующие годы.

К моменту капитуляции Германии на счету у Геринга было тридцать вражеских самолетов. Но это мало чем помогло ему в послевоенный период. Асов на рынке был переизбыток.

В 1920 году, после скитаний по Дании и Швеции, он стал начальником полетов «Свенска Люфттрафик» в Стокгольме. Там он встретился с Карин фон Кантцнов, родственницей шведского исследователя графа фон Розена. Герман женился на ней, хотя она была разведена и имела восьмилетнего сына. Он был ей хорошим мужем до самой ее смерти. Несмотря на свою дальнейшую карьеру в организации, известной отсутствием всякой морали, Геринг хранил

* Эскадрилья (нем.)

верность и Карин, и своей второй жене. В вопросах пола он был пуританин. Да и в политике тоже. Дав однажды присягу на верность, он ее не нарушал.

Чудо, что он вообще чего-то достиг. Он все время мечтал о высоких чинах и богатстве, а сам плыл по течению. Не имея никакой путеводной звезды, он отдавался на волю случайных людей и событий.

На свое счастье — или несчастье — он встретил Адольфа Гитлера.

Во время неудавшегося Мюнхенского путча в 1923 году Геринг был ранен. Ему удалось уйти от полиции и укрыться в доме фрау Ильзе Баллин, жены еврейского коммерсанта. Геринг не забыл этого. Когда Гитлер стал главой государства и начались преследования евреев, Геринг помог фрау Ильзе с семьей бежать в Англию.

Тогда в двадцать третьем его все-таки арестовали. Нарушив данное им честное слово, он бежал в Австрию. Здесь воспалившаяся рана уложила его в постель и вынудила прибегнуть к морфию. Больной, без денег, с мужеством, пошатнувшимся после нескольких операций, Геринг впал в депрессию. В то же время пошатнулось и здоровье его жены, всегда бывшее не слишком крепким.

Привыкший к наркотикам Геринг уехал в Швецию, где полгода провел в санатории. Выписавшись, он вернулся к жене. Казалось бы, никакой надежды не осталось — но, достигнув дна, Геринг воспрянул духом и начал бороться. Это было характерно для него. Не раз в минуты полного поражения у него неведомо откуда вдруг бралась энергия для борьбы.

Он вернулся в Германию и снова примкнул к Гитлеру, который, как он верил, был единственным, способным вновь сделать Германию великой державой. Карин умерла в Швеции в октябре 1931 года. Герман тогда был в Берлине и вместе с Гитлером посещал Гинденбурга, который решил сделать Гитлера своим преемником на посту главы государства. Геринга всегда мучила совесть за то, что он тогда был с Гитлером, а не с Карин в час ее смерти. Горе заставило его на время вернуться к морфию. Потом он встретил актрису Эмму Зоннеманн и женился на ней.

Несмотря на свои организаторские таланты, Геринг был склонен к сентиментальности. А горячность иногда побуждала его говорить не то, что следует. На процессе по делу о поджоге рейхстага он городил ни с чем не сообразные обвинения. Болгарский коммунист Димитров хладнокровно изобличал незаконные методы и нелогичность обвинения. Неудача Геринга на суде испортила весь эффект от процесса и обнажила всю фальшь нацистской пропагандистской машины.

Несмотря на это, Герингу поручили сформировать новые воодушевленные силы рейха. Прежний стройный ас теперь сильно располнел. И его двойственная натура принесла ему два новых прозвища: *Der Dicke* (Толстяк) и *Der Eiserne* (Железный человек). Он страдал

ревматическими болями в ногах и принимал наркотики (в основном паракодеин).

Не будучи ученым или писателем, он все же продиктовал книгу «Возрожденная Германия», опубликованную в Лондоне. Он имел пристрастие к Джорджу Бернарду Шоу и мог приводить из него длинные цитаты. Был он знаком и с немецкой классикой — Гете, Шиллером, Шлегелем и так далее. Хорошо известна его любовь к живописи. Он обожал детективы и разные механические игрушки.

Теперь он мечтал о династии Герингов, которая будет жить тысячу лет и навсегда впишет свое имя в историю. Было весьма вероятно, что у Гитлера детей не будет, и своим преемником фюрер назначит Геринга. Мечта рухнула с рождением дочери Эдды. Эмми не могла больше иметь детей, а Геринг и подумать не мог о том, чтобы развестись с ней и взять другую жену, которая родила бы ему сыновей. Он должен был испытать горькое разочарование, но виду не показал. Он любил Эдду, и она до самой смерти любила отца.

Еще одна сторона загадочной личности Геринга проявилась, когда он совершил дипломатический визит в Италию. Король и кронпринц устроили в его честь охоту на оленей. Все трое стояли на высоком помосте, и на них гнали сотни оленей. Августейшие особы устроили настоящую бойню — король убил сто тринадцать животных. Геринг, охваченный отвращением, стрелять не стал.

Он был также против захвата Австрии и Чехословакии и особенно возражал против вторжения в Польшу. Мысль о войне угнетала его — он испытывал упадок духа и перед первой, и перед второй мировыми войнами. Однако он и здесь остался верен своему любимому вождю. Так было и раньше, когда Геринг не выступал публично против преследования евреев, но по просьбам жены спасал десятки евреев от заключения.

В 1939-м Гитлер назначил Германа фельдмаршалом и сделал его министром экономики. Геринг остался министром военно-воздушных сил и, следовательно, их главнокомандующим. Он носился с проектом постройки стратобомбардировщика, который мог бы подниматься на двадцатимильную высоту и долетать до Америки, но не преуспел.

Несмотря на все свои высокие посты, он был склонен отворачиваться от реальности. В 1939-м он заявил во всеуслышание: «Если хоть один вражеский бомбардировщик долетит до Рура, зовите меня не Германом Герингом, а Майером». (Майером в немецком фольклоре звался простофиля-неудачник.)

Вскоре Геринга и в высших нацистских кругах, и в народе стали звать Майером. И это прозвище не имело любовного оттенка, в отличие от *Der Dicke*. Британские и американские бомбардировщики превращали немецкие города в руины. Люфтваффе не удалось усмирить Англию перед предполагаемым вторжением, а теперь не удавалось отогнать орды железных птиц, роняющих на рейх свои смертоносные яйца. Гитлер винил Геринга и за то и за другое,

хотя это Гитлер решил бомбить английские города, вместо того чтобы подавить сначала базы королевских воздушных сил, теперь уничтожающих Германию. Решение же Гитлера о нападении на нейтральную Россию перед покорением Англии в конечном счете привело к падению Германии.

Гитлер намеревался еще вторгнуться в Швецию после взятия Норвегии. Но Геринг, любивший Швецию, пригрозил в этом случае уйти в отставку. При этом он внушал Гитлеру, как полезна им будет нейтральная Швеция.

Здоровье его перед войной ухудшилось. В конфликтных ситуациях болезни и волнения, связанные с потерей престижа, заставляли его прибегать к наркотикам. Геринг терзался, нервничал, впадал в меланхолию и скатывался все ниже, не в силах остановиться. А его любимая страна погружалась в Сумерки Богов — это ужасало Геринга, но приносило какое-то странное удовлетворение Гитлеру.

Когда союзники начали наступление на Германию по всем фронтам, Геринг решил, что пора ему возглавить правительство. Фюрер, однако, лишил его всех чинов и званий и выгнал из партии. Злейший враг Геринга Мартин Борман отдал приказ об его аресте.

В конце войны, при попытке уйти от русских, Геринг был взят в плен американским лейтенантом, по иронии судьбы евреем. На Нюрнбергском процессе Геринг защищал себя сам, но неубедительно. Несмотря на все содеянное Гитлером, он защищал и его, верный ему до конца.

Приговор был предreshен. Осужденный на казнь через повешение, Геринг накануне, 15 октября 1946 года, проглотил одну из капсул с цианидом, спрятанных им в камере, и умер. Его кремировали, и пепел, согласно одной версии, высыпали в мусорную кучу лагеря Дахау. Другие, более авторитетные источники утверждают, что прах рассыпали по грунтовой проселочной дороге близ Мюнхена.

Таков был конец земного существования Геринга. Он умер охотно, радуясь, что избавится от телесных и душевных страданий, от сознания, что потерпел полный крах, и от клейма нацистского военного преступника. Сожалел он только об одном — что его Эмму и маленькую Эдду некому теперь защитить.

ГЛАВА 18

Но это был еще не конец. Геринг помимо своей воли воскрес на этой планете, снова став стройным молодым человеком. Как это произошло, он не понимал. Он избавился от своего ревматизма, от опухших лимфоузлов и от пристрастия к паракодеину.

Он решил разыскать Эмму и Эдду. А заодно и Карин. Как он ухитрится поладить с обеими женами, он не думал. Поиски продлятся достаточно долго, чтобы обдумать это.

Никого из них он так и не нашел.

Старый Герман Геринг, честолобивый и беззастенчивый оппортунист, все еще жил в нем. Он сделал много такого, чего глубоко стыдился и в чем раскаивался потом, когда после множества приключений и долгих скитаний* примкнул к Церкви Второго Шанса. Его обращение совершилось быстро и драматично, подобно обращению Савла из Тарса на дороге в Дамаск — Геринг находился тогда в маленьком суверенном государстве Тамоанкан. Жили там в основном мексиканцы десятого века, говорившие на индейском диалекте, и индейцы навахо из двадцатого века. Герман жил в странноприимном доме, усваивая догматы и требования Церкви.

Потом он перебрался в освободившуюся хижину. Вскоре с ним поселилась женщина по имени Чопилотль. Она тоже была шансером, но настояла на том, чтобы поставить в хижине идола из мыльного камня, безобразное изваяние сантиметров тридцать высотой, изображающее Ксочикетцаль, богиню физической любви и деторождения. Чопилотль поклонялась ей так истово, что требовала, чтобы Герман занимался с ней любовью перед идиолом, при свете двух факелов. Герман не возражал, но частота этих сеансов утомляла его.

Ему казалось также, что он напрасно позволяет своей подруге поклоняться языческому божеству. И он пошел к епископу — к навахо, который на Земле был мормоном.

— Да, я знаю, что она держит у себя это изваяние, — сказал епископ Чьягги. — Наша церковь не одобряет идолопоклонства и политеизма, Герман. Тебе это известно. Однако разрешает своей пастве держать дома идолов — при условии, если верующий понимает, что это всего лишь символ. Согласен, опасность есть, поскольку верующие слишком легко путают символику с реальностью. И этим страдают не только дикари. Даже так называемые цивилизованные люди попадают в эту психологическую ловушку.

Чопилотль не умеет мыслить отвлеченно, но женщина она хорошая. Если мы будем чересчур упорствовать и потребуем, чтобы она выбросила своего идола, она может вернуться к настоящему язычеству. Лучше, скажем так, отлучать ее от груди постепенно. Ты ведь видел, сколько здесь идолов? Многим из них в свое время усиленно поклонялись. Но постепенно мы отучили от этого людей путем терпеливого и мягкого убеждения. Теперь каменные боги стали для многих своих прежних почитателей лишь произведениями искусства.

Со временем Чопилотль станет так же смотреть на свою богиню. Я возлагаю на тебя обязанность помочь ей преодолеть свое прискорбное заблуждение.

* Подробнее об этом в романе «To your Scattered Bodies Go». (Примеч. авт.)

— То есть подsunуть ей теологическую соску? — сказал Герман. Епископ засмеялся:

— Я получил степень доктора философии в Чикагском университете. Слишком напыщенно выражаюсь, да? Выпей, сын мой, и расскажи мне еще что-нибудь о себе.

В конце года Герман принял крещение вместе с другими нагими, трясущимися и стучащими зубами неопитами. Потом он вытер полотенцем какую-то женщину, а та — его. Им всем дали длинные одежды, и епископ повесил на шею каждому спиральный позвонок «рогатой рыбы». Это не означало посвящения в сан — каждый просто стал называться *Insrtuisto*, Учитель.

Герман чувствовал себя обманщиком. Кто он такой, чтобы наставлять других и быть, по сути дела, священником? Он не был даже уверен, что искренне верует в Бога или в церковь. Хотя нет, это уж слишком. Он веровал — большую часть времени.

— Твои сомнения относятся к себе самому, — сказал ему епископ. — Ты полагаешь, что далек от идеала. Считаешь себя недостойным. Нужно преодолеть это в себе, Герман. Каждый может стать достойным и спастись. И ты, и я, и все чада Божьи. — Епископ засмеялся. — Обрати внимание на две крайности, к которым ты склонен. Порой ты проявляешь высокомерие и считаешь себя выше других. Но чаще ты впадаешь в смирение. Чрезмерное смирение. Я сказал бы даже, тошнотворное смирение. Это лишь обратная сторона высокомерия. Истинное смирение состоит в том, чтобы сознавать свое истинное место в масштабе космоса.

Я сам постоянно учусь. И молюсь о продлении своей жизни на такой срок, чтобы успеть избавиться от всяческого самообмана. Но нельзя все время заниматься только самокопанием. Мы должны работать и с людьми. Монашеский постриг, уход от мира, затворничество — все это чушь собачья. Итак, куда ты хотел бы отправиться? Вверх по Реке или вниз?

— Мне очень не хочется уезжать отсюда, — сказал Герман. — Здесь я был счастлив. Впервые за долгое время я чувствовал себя членом большой семьи.

— Твоя семья живет от одного конца Реки до другого. Да, в ней есть и неприятные родственники. Но в какой семье их нету? Твоя работа в том и состоит, чтобы научить их верно мыслить. Впрочем, это уже вторая ступень. Первая — это открыть людям глаза на то, что они мыслят неверно.

— Вот в том-то и беда. Я не уверен, что сам преодолел эту первую ступень.

— Если бы я сомневался в этом, то не позволил бы тебе принять посвящение. Так куда же? Вверх или вниз?

— Вниз, — сказал Герман.

— Хорошо, — поднял брови Чьягии. — Но неопиты, как правило, предпочитают отправляться вверх по Реке. Где-то там, как говорят, живет Ла Виро, и они жаждут увидеть его и побеседовать с ним.

— Вот потому-то я и выбрал другое направление. Я недостойн.

— Я иногда сожалею о том, что нам запрещено всякое насилие, — вздохнул епископ. — Мне страшно хочется дать тебе пинка в зад. Что ж, хорошо — отправляйся вниз, мой худосочный Моисей. Но я обязываю тебя передать кое-что епископу той местности, где ты поселишься. Скажи ему или ей, что епископ Чьягии шлет свой привет. А еще скажи так: «Некоторые птицы думают, что они черви».

— Что это значит?

— Надеюсь, что когда-нибудь ты это поймешь. — И Чьягии благословил Германа, взмахнув тремя вытянутыми пальцами правой руки. Потом обнял его и поцеловал в губы. — Ступай, сын мой, и пусть твоя ка претворится в акх.

— Да воспарят наши акхи рядом, — ответил подобающей формулой Герман и вышел из хижины, заливаясь слезами.

Он всегда был сентиментален, но убедил себя, что плачет из-за любви к этому маленькому, смуглому, изрекающему сентенции человеку. В семинарии Герману хорошо вдолбили разницу между сентиментами и любовью. И это любовь вызвала прилив его чувств. Или нет?

Епископ говорил на уроке, что ученики постигнут разницу лишь тогда, когда приобретут практический опыт в обращении с этими чувствами. И даже тогда без помощи разума им не отличить одно от другого.

Плот, на котором Герман должен был плыть, строил он сам вместе с семерыми своими спутниками. Среди них была и Чопилотль. Герман зашел в их хижину за ней и за немногими своими пожитками. Чопилотль с двумя соседками укладывала идола на деревянные салазки.

— Уж не думаешь ли ты тащить эту штуковину с собой? — спросил Герман.

— Конечно. Бросить ее здесь — все равно что оставить свою ка. И никакая это не штуковина. Это Ксочикетцаль.

— Это только символ, в сотый раз тебе говорю, — нахмурился Герман.

— Пускай символ. Если я брошу ее, не видать мне удачи. Она очень рассердится.

Герман ощутил тоску и беспокойство. В первый же день своей миссии он сталкивается с ситуацией, правильного решения которой не знает.

«Помни о конце своем, сын мой, и будь мудр», — говорил ему епископ, цитируя Екклесиаста.

Нужно действовать так, чтобы это событие привело к правильному результату.

— Вот что, Чопилотль. Пока ты держала идола здесь, все было хорошо — во всяком случае, не так уж плохо. Местные жители гебя понимали. Но жители других мест не поймут. Мы миссионеры, посвятившие себя обращению других в веру, которую считаем ис-

тинной. Мы опираемся на учение Ла Виро, получившего откровение от одного из создателей этого мира.

Но как мы сумеем кого-то убедить, если среди нас есть идолопоклонница? Та, что поклоняется каменной статуе? Притом не очень приглядной статуе, должен добавить, хотя это несущественно. Люди только посмеются над нами. Скажут, что мы — невежественные, суеверные язычники. И на нас ляжет тяжкий грех, ибо мы выставим свою церковь в совершенно неверном свете.

— А ты им скажи, что она — только символ, — хмуро предложила Чопилотль.

— Говорю тебе, они не поймут! — повысил голос Герман. — Кроме того, это будет ложь. Видно же, что эта вещь для тебя гораздо больше, чем просто символ.

— А ты бы выбросил свой позвонок?

— Это совсем другое. Это знак моей веры, моей принадлежности к Церкви. Я ему не поклоняюсь.

На ее темном лице в сардонической усмешке сверкнули белые зубы.

— Выброси его, тогда и я оставляю ту, кого люблю.

— Чепуха! Ты же знаешь, я не могу! Хватит вздор городить, сучка этакая.

— Как ты покраснел. Где твое любящее понимание?

Герман сделал глубокий вдох.

— Ладно. Бери ее, — сказал он и пошел прочь.

— А разве ты мне не поможешь?

— Чтобы я стал соучастником святотатства? — обернулся он.

— Раз ты согласился, чтобы она плыла с нами, ты уже соучастник.

Чопилотль вообще-то была неглупа, но страдала эмоциональной тупостью. Герман с легкой улыбкой продолжал идти своей дорогой. Придя к плоту, он сообщил другим, что их ожидает.

— Почему ты позволяешь ей это, брат? — спросил Флейскац. Родным языком этого рыжеволосого великана был старогерманский, одно из наречий Центральной Европы во втором тысячелетии до нашей эры. От старогерманского отпочковались позднее норвежский, шведский, датский, исландский, немецкий, голландский и английский языки. Раньше Флейскац прозывался Вульфак, то есть Волк, как воин, вселяющий страх во врагов.

Но в Море Реки, вступив в Церковь, Вульфак переименовал себя во Флейскаца, что на его языке значило «клок мяса». Никто не знал, почему он назвал себя именно так — скорее всего потому, что считал себя куском здоровой плоти в дурном теле. Этот кусок, вырванный из старого тела, способен, в духовном смысле, вырасти в совершенно новое, полностью здоровое тело.

— Ты мне, главное, не противоречь, — сказал Герман Флейскацу. — Вопрос решится раньше, чем мы успеем отплыть на пятьдесят метров от берега.

Они сели и закурили, наблюдая, как Чопилотль тащит салазки со своей ношей. Наконец она, красная, потная и запыхавшаяся, пересекла широкую равнину и принялась ругать Германа, сказав в заключение, что ему теперь долго придется спать в одиночестве.

— Эта женщина не может служить хорошим примером, брат, — сказал Флейскац.

— Терпение, брат, — спокойно ответил Герман.

Плот стоял у берега на якоре, которым служил камень, привязанный к бечевке из рыбьей кожи. Чопилотль попросила сидящих на плоту помочь ей втянуть туда салазки. Те улыбнулись, но не двинулись с места. Бурча под нос ругательства, она сама втащила свой груз. Ко всеобщему удивлению, Герман помог ей отвязать идола и дотащить его до середины плота.

Они подняли якорь и отчалили, махая тем, кто собрался на берегу пожелать им доброго пути. На мачте подняли квадратный парус и потравили брасы так, чтобы выйти на середину Реки. Здесь течение и ветер подхватили плот; парус выровняли, и он надулся до отказа. Брат Флейскац стоял у руля.

Надутая Чопилотль удалилась в шатер, устроенный у мачты.

Герман потихоньку перекатил идола на правый борт под вопро- сительными взглядами остальных, ухмыляясь и знаком призывая их к молчанию. Чопилотль не ведала, что происходит, но, когда идол оказался на самом краю, плот слегка накренился. Чопилотль выглянула наружу и завопила.

Герман уже поставил статую торчком.

— Я делаю это для твоего блага и для блага Церкви! — крикнул он и столкнул глыбу за борт. Чопилотль с криком бросилась к нему. Идол бухнулся в воду и затонул.

Позднее попутчики сообщили Герману, что Чопилотль треснула его в висок своим граалем.

Он все же сохранил достаточно сознания, чтобы увидеть, как она, держась за грааль, плывет к берегу. Бесса, женщина Флейскаца, сплавала за граалем Германа, который Чопилотль швырнула за борт.

— Насилие порождает насилие, — сказала Бесса, вручая Герману контейнер.

— Спасибо, что выловила его, — сказал он. И сел, мучимый болью в голове и муками совести. Ясно было, почему Бесса сказала так.

Утопив идола, он совершил насилие. Он не имел права лишать Чопилотль ее святыни. И даже если бы он имел это право, не следовало бы им пользоваться.

Надо было показать ей, в чем ее ошибка, и заложить в ее ум закваску доброго примера, на которой мог бы потом взойти дух. А Герман только разгневал ее и толкнул к насилию. Теперь она, вероятно, попросит кого-то извать ей нового идола.

Такое начало не назовешь удачным.

Он продолжал думать о Чопилотль. Почему он ее выбрал? Она красива и очень соблазнительна, но она индианка, и Германа слегка корбила мысль о союзе с цветной женщиной. Может, он для того и взял ее, чтобы доказать себе, что свободен от предрасудков? Неужто им двигали столь недостойные побуждения?

А будь она черной, курчавой, толстогубой американкой, смог бы он хотя бы помыслить о сожительстве с ней? По правде говоря, нет. Теперь Герману вспоминалось, что поначалу он искал себе еврейку. Но их, насколько он знал, в округе было только двое и они уже были заняты. Притом они жили во времена Ахава и Августа и были черны, как йеменские арабки, приземисты, большеносы, суеверны и склонны к насилию. К Церкви, во всяком случае, они не принадлежали, хотя, если подумать, Чопилотль тоже суеверна и склонна к насилию.

Но она была прихожанкой Церкви, и это означало, что она еще способна духовно возвыситься.

Герман направил свои мысли к предмету, от которого они уворачивались.

Он искал еврейку и взял себе индианку лишь для того, чтобы успокоить свою совесть. Чтобы показать самому себе, как он вырос духом. Так ли это на самом деле? Пусть Герман не любил Чопилотль — он был к ней привязан. Преодолев первоначальное отвращение к физическому контакту с ней, он испытывал только наслаждение от их любовных актов.

Однако во время их нечастых, но бурных ссор у него так и рвались с языка расистские оскорбления.

Истинное совершенство, истинная любовь придут к нему лишь тогда, когда он в таких случаях перестанет сдерживаться и будет выкрикивать вслух, что хочется. Преграда исчезнет, потому что он не станет трястись над каждым своим словом.

Перед тобой еще долгий путь, Герман, сказал он себе.

Но почему же тогда епископ допустил его в миссионеры? Ведь Чьягии должен был видеть, что Герман еще не готов.

ГЛАВА 19

Когда много лет спустя Геринг оказался вблизи от Пароландо, никого из его прежних спутников с ним уже не было. Одних убили, другие остались где-то на Реке, чтобы заниматься миссионерской деятельностью там. Еще в нескольких тысячах миль от Пароландо Геринг услышал об упавшей там звезде, о большом метеорите. Говорили, что метеорит и поднятая им волна убили сотни тысяч человек, искорежив долину на шестьдесят миль в обе стороны. Но как только опасность минула, множество отрядов устремилось туда, чтобы поживиться никелем и сталью. После свирепого побоища восторжествовали две группировки. Теперь они объединились и удерживали поле за собой.

Другие слухи гласили, что из метеорита уже добывают металлы и строят гигантский корабль, а всем этим руководят два знаменитых человека. Один из них — американский писатель Сэм Клеменс. Другой — король Иоанн Английский, брат Ричарда Львиное Сердце. У Германа непонятно почему от этих рассказов взвырвалось сердце.

Ему стало казаться, что он, сам того не зная, всегда стремился в тот край, где упала звезда.

Проехав длинный путь, он прибыл в Пароландо. Слухи оправдались.

Сэм Клеменс и король Иоанн, прозванный Безземельным, совместно правили страной, скрывавшей под собой сокровища метеорита. К тому времени металл уже добывался повсюду, и округа напоминала маленький Рур.

Повсюду виднелись сталеплавильные печи, прокатные станы, чаны с азотной кислотой, а из боксита и криолита изготовлялся алюминий.

Однако эти руды доставлялись уже из другого государства, и не без сложностей.

Душевный Город находился в двадцати милях ниже по Реке от Пароландо. Там имелись огромные залежи криолита, боксита, кинновари и небольшой запас платины. Клеменс и Иоанн нуждались во всем этом, но правители Душевного Города, Элвуд Хакинг и Милтон Фаербрасс, заламывали несусветную цену. И были явно не прочь прибрать к рукам никель и сталь метеорита.

Местные политические интриги мало занимали Германа. Его задачей было обращать людей в веру Второго Шанса. А другая его задача, решил он вскоре, — воспрепятствовать строительству большого парохода. Клеменс и Иоанн, одержимые этой идеей, готовы были превратить Пароландо в индустриальный район, лишив его всякой растительности, кроме несокрушимых «железных» деревьев. Они загрязняли воздух дымом и вонью заводов.

Хуже того, они губили свои ка, а это уж напрямую касалось Германа Геринга. Церковь учила, что человечество воскрешено ради того, чтобы получить еще одну возможность спасти свои ка. Людям дали молодость и избавили их от болезней для того, чтобы они могли сосредоточиться на спасении.

Спустя примерно неделю после прибытия Германа в Пароландо он и еще несколько миссионеров устроили большое собрание. Собрались все вечером, как только стемнело. Десятки костров загорелись вокруг освещенного факелами помоста. На помосте стоял Герман с местным епископом и дюжиной самых достойных шансеров. Внизу скопилось тысячи три народу, где обращенные составляли меньшинство — остальные пришли поразвлечься. Последние принесли с собой выпивку и все время норовили прервать оратора.

Когда оркестр проиграл гимн, сочиненный будто бы самим Ла Виро, епископ произнес короткую молитву, а потом представил

Германа. В толпе заулюлюкали. Как видно, кое-кто из присутствующих жил во времена Германа — а возможно, здесь просто не любили шансеров.

Герман вскинул руки, призывая к молчанию, и заговорил на эсперанто.

— Братья и сестры! Выслушайте меня с той же любовью, с какой я обращаюсь к вам. Герман Геринг, что перед вами, — не тот человек, который жил под этим именем на Земле. Тот Геринг, тот злодей, внушает нынешнему ужас.

И то, что я стою здесь перед вами, новый и возродившийся, свидетельствует о возможности победы над злом. Человек способен измениться к лучшему. Я заплатил за все, что совершил. Заплатил единственно возможной монетой: чувством вины, стыдом и ненавистью к себе. Заплатил, дав обет уничтожить в себе прежнего человека, похоронить его и начать жизнь сначала.

Но я здесь не для того, чтобы рассказывать вам, какой я некогдай.

Я пришел, чтобы рассказать вам о Церкви Второго Шанса. Как она возникла, каков ее символ веры и в чем ее принципы.

Я знаю, те из вас, что выросли в иудейско-христианских или мусульманских странах, и те жители Востока, что сталкивались с христианами и мусульманами, посещавшими или оккупировавшими их страны, ждут, что я буду взывать к вашей вере.

Нет! Именем Господа, который среди нас, я не сделаю этого! Моя Церковь не просит вас уверовать безоговорочно. Моя Церковь несет не веру, но знание! Повторяю — не веру! Знание!

Церковь не призывает вас поверить в то, что должно быть и, возможно, когда-нибудь будет. Церковь просит вас ознакомиться с фактами и действовать в соответствии с ними. Она просит вас поверить лишь в то, что с фактами не расходится.

Судите сами. Никто не станет оспаривать, что мы все родились на Земле и там же умерли. Может кто-нибудь что-то на это возразить?

Нет? Тогда будем рассуждать дальше. Человек рождается для горя и зла, как птица для полета. Может ли кто-то из вас, вспомнив свою жизнь на Земле и здесь, сказать, что это не так?

Все земные религии давали нам ложные обещания. Доказательством служит то, что мы с вами не в аду и не в раю. Не получили мы и нового воплощения, если не считать наших новых дел и новой жизни в случае смерти.

Первое воскрешение стало для нас огромным, почти непреодолимым шоком. Каждый, будь то верующий, агностик или атеист, оказался не там, где полагал оказаться после конца своего земного существования.

Однако мы здесь, нравится нам это или нет. И из этого мира нельзя уйти так, как можно было с Земли. Если вас убивают или вы кончаете с собой, завтра вы воскресаете. Может ли кто-нибудь это отрицать?

— Нет, но меня это чертовски не устраивает! — крикнул кто-то.

Последовал общий смех, а Герман посмотрел на человека, который это сказал. Это был Сэм Клеменс собственной персоной. Посреди толпы было сделано возвышение, на нем стоял стул, а на стуле Сэм.

— Прошу вас, брат Клеменс, не прерывайте меня, — сказал Герман. — Благодарю. Пока что я излагал только факты. А может ли кто-нибудь отрицать, что этот мир создан не естественным путем? Я говорю не о самой планете, о солнце или звездах. Планету создал Бог. Но Река и долина созданы искусственно. А в воскрешении ничего сверхъестественного нет.

— Откуда вы знаете? — крикнула какая-то женщина. — Это уже не факты, а только ваши предположения. Вы вступаете в область догадок.

— И не только в нее! — крикнул мужчина.

Герман подождал, пока не утих смех.

— Сестра, я могу доказать тебе, что Бог в нашем воскрешении непосредственного участия не принимал. Оно совершилось и совершается такими же, как мы, людьми. Возможно, они не земляне. Нет сомнений, что они выше нас по мудрости и знанию. Но они очень на нас похожи. И некоторые из нас встречались с ними лицом к лицу!

Толпа загудела. Не потому, что услышала нечто новое — все это уже говорилось, хотя, возможно, и не в таких выражениях. Неверующие просто хотели разрядить напряжение.

Герман выпил воды. Когда он отставил чашу, восстановилась относительная тишина.

— И этот мир, и воскрешение — дело если не человеческих рук, то рук, напоминающих человеческие. Есть два человека, которые могут это засвидетельствовать. То есть это мне известны двое — возможно, их гораздо больше. Один из них — англичанин, Ричард Фрэнсис Бёртон. В свое время он был небезызвестен на Земле, даже знаменит. Он жил с 1821 по 1890 год и был путешественником, антропологом, изобретателем, писателем и выдающимся лингвистом. Может быть, кто-нибудь из вас слышал о нем? Если так — поднимите, пожалуйста, руки.

Ага, я насчитал не менее сорока человек, и среди них ваш консул, Сэмюэль Клеменс.

Сэму, похоже, не нравилось то, что он слышал. Он хмурился и яростно жевал сигару.

Герман стал рассказывать о своем знакомстве с Бёртоном и о том, что Бёртон рассказал ему. Толпу это захватило — установилась полная тишина. Это было что-то новенькое — ни один шансианский миссионер такого еще не говорил.

— Бёртон называл это таинственное существо этиком. По его словам, этик, который говорил с ним, был не согласен со своими братьями. Очевидно, даже между теми, кто в нашем понимании боги, существуют расхождения. Так было и на Олимпе, если

позволительно провести такую параллель. Хотя я не считаю так называемых этиков богами, ангелами или демонами. Они люди, такие же, как мы, только их этический уровень намного выше. В чем они разошлись, я, откровенно говоря, не знаю. Возможно, в вопросе о средствах, которыми они воспользовались ради достижения цели.

Но цель у них одна! Не сомневайтесь в этом. Что же это за цель? Позвольте мне сначала рассказать вам о другом свидетеле. Я реалист, и...

— А я думал, ты Герман! — крикнул кто-то.

— Зовите меня Майером, — сказал Герман и без дальнейших объяснений продолжил: — Через год после Дня Воскрешения мой свидетель сидел в хижине на краю очень высокого холма далеко к северу отсюда. Его имя Жак Жийо, но мы, прихожане Церкви, обычно зовем его Ла Виро, то есть Человек, и Ла Фондинто — Основатель. На Земле всю свою долгую жизнь он был глубоко верующим человеком. Но теперь его вера разбилась, потерпев полный крах. Он был растерян и горевал.

Этот человек всегда старался вести добродетельную жизнь согласно учению своей церкви, выступавшей от имени Бога. Он не считал себя хорошим человеком. Ведь сам Иисус сказал, что никто не благ, включая и его самого.

И все-таки в относительном смысле Жак Жийо был хорошим человеком. Он не был совершенен: он лгал, но лишь для того, чтобы пощадить чьи-то чувства — никогда для того, чтобы избежать ответственности за свои поступки. Он никогда не говорил о ближнем заглазно того, чего не сказал бы ему в лицо. Он никогда не изменял своей жене. Он относился к жене и детям с неослабным вниманием и любовью, не портя их при этом. Он ни разу не отказался посадить кого-то за свой стол по социальным, политическим, расовым или религиозным мотивам. Несколько раз он поступил несправедливо, но лишь от поспешности или неведения — после он всегда извинялся и старался исправить ошибку. Его грабили и предавали, но он оставлял отмщение Богу. Однако никому не позволял попираť себя ногами.

Умер он, получив отпущение грехов и выполнив подобающие обряды.

И где же он оказался? Среди политиканов, убийц из-за угла, обидчиков детей, бесчестных дельцов, продажных законников, алчных врачей, прелюбодеев, насильников, воров, палачей, террористов, лицемеров, мошенников, клятвопреступников, паразитов, среди негодяев, хапуг, порочных и бессердечных!

Сидя в своей хижине у самого подножия гор, слыша, как стучит дождь, воеет ветер и гремит гром, подобный шагам гневного бога, он размышлял об этой кажущейся несправедливости. И, сам того не желая, пришел к заключению, что в глазах Всевышнего он немногим лучше тех, других.

Ему не делалось легче от сознания, что все тут находится в том же положении, что и он. Когда лодка тонет, тебе не легче оттого, что все, кто сидит в ней с тобой, потонут тоже.

Но что он мог поделать? Он не знал даже, что от него требуется.

В этот миг, глядя на огонек в очаге, он услышал стук в дверь. Он встал и взял копье. Тогда, как и теперь, всюду блуждали злоумышленники в поисках легкой добычи. Красть у него было нечего, но есть ведь и такие, что убивают ради одного лишь извращенного удовольствия.

— Кто там? — спросил он на своем родном языке.

— Ты меня не знаешь, — ответил кто-то на квебекском французском диалекте, но с иностранным акцентом. — Однако я не причиню тебе вреда. Копье не понадобится.

Это изумило Ла Виро. Дверь и окна были закрыты. Никто не мог видеть, что делается внутри.

Он отомкнул дверь. Молния вспыхнула за спиной у пришельца — он был среднего роста, в плаще с капюшоном. Ла Виро впустил незнакомца, и тот вошел; Ла Виро закрыл дверь. Вошедший откинул капюшон, и при свете огня стало видно, что он белый, рыжеволосый, с голубыми глазами и приятным лицом. Под плащом он носил облегающий, без швов, костюм из серебристого материала. На серебряном шнуре вокруг шеи висела золотая спираль.

По одежде Ла Виро сразу понял, что этот человек не из Мира Реки. Он походил на ангела, а возможно, им и был. Ведь в Библии сказано, что ангелы видом как люди. Так, по крайней мере, говорили священники. Ангелы, входившие к дочерям человеческим во времена патриархов, ангелы, спасшие Лота, ангел, боровшийся с Иаковом — все они были как люди.

Но и Библия, и священники, толковавшие ее, во многом ошибались.

Глядя на гостя, Ла Виро испытывал трепет и в то же время восторг. Отчего ангел почтил приходом именно его среди всех людей?

Потом ему вспомнилось, что Сатана тоже был ангелом и все демоны — падшие ангелы.

Из каких же его гостей?

Или он вовсе не ангел? Ла Виро, несмотря на недостаток образования и свое скромное положение, был совсем не глуп. Ему подумалось, что есть и третий вариант. Тут ему сразу легчало, хотя все еще было не по себе.

Спросив у хозяина разрешения, незнакомец сел. Ла Виро, колебавшись, тоже присел на стул. Какой-то миг они молча смотрели друг на друга. Гость сложил вместе кончики пальцев и нахмурился, словно не знал, как начать. Странно — он ведь знал, зачем пришел, и должен был подготовиться.

Ла Виро предложил ему выпить. Тот сказал, что предпочел бы чай. Ла Виро стал растворять порошок в воде. Гость поблагодарил и, отпив глоток, сказал:

— Жак Жийо, если бы я стал объяснять, кто я, откуда взялся и зачем прибыл сюда, это заняло бы всю ночь и весь день.

То немного, что я скажу тебе, будет правдой — той, какую ты способен понять на этой стадии. Я — один из тех, кто подготовил эту планету, чтобы воскресить всех вас. Есть и другие планеты, подготовленные для других землян, но это пока тебя не касается. Некоторые из них уже используются, другие ждут своего часа.

Этот мир — для тех, кто нуждается во втором шансе. Что такое второй шанс? И что такое первый? Теперь ты должен признать, что твоя религия, как, впрочем, и все земные религии, неверно представляла себе загробную жизнь. Все только строили догадки, а потом превращали их в догматы веры. Некоторые, положим, были недалеки от истины, если понимать их откровения символически.

А потом гость сказал, что такие, как он, зовутся этиками, хотя между собой называют себя по-другому. Их этический уровень выше, чем у большинства землян. Заметьте, он сказал «у большинства». Значит, среди нас есть и такие, что достигли уровня этиков.

Они далеко не первые этики, уточнил гость. Первые не были людьми и происходили с планеты более древней, чем Земля.

Те намеренно удерживали себя в телесной оболочке вместо того, чтобы подняться еще выше и совершить Продвижение. Обнаружив, что есть один вид — тоже не люди, — способный продолжить дело, этики передали все им и ушли в небытие.

Этих преемников гость называл Древними, хотя по сравнению со своими наставниками они были очень юны.

И вот чему, сказал гость, нынешние этики научились от Древних. Творец, Бог, Единый Дух, называйте как хотите, создает все. Все — это Вселенная. Однако она соткана из двух элементов. Один — это материя; другой, за неимением лучшего слова, — нематерия.

Мы все знаем, что такое материя. Философам и ученым не удалось дать ей точное определение, тем не менее каждый знает, что такое материя, на основе своего непосредственного опыта.

Но что такое нематерия?

ГЛАВА 20

— Вакуум! — крикнул какой-то остряк. — Который у тебя в голове!

Клеменс встал и рывкнул:

— Тихо, вы! Дайте ему сказать. — И добавил с ухмылкой: — Даже если его речь не имеет смысла!

— Благодарю вас, мистер Клеменс. Да, абсолютный вакуум есть абсолютное отсутствие материи. Но один ученый сказал мне, что абсолютного вакуума в природе не существует. Это лишь отвлеченное понятие. И вакуум — тоже материя.

Нематерия же — это душа, выражаясь на языке старых земных религий. Однако определения, даваемые душе, всегда были очень расплывчатыми, лишенными конкретности. Люди античных времен и их темные предки считали, что это тень, призрачная субстанция, смутное отражение материи, к которой она была привязана до окончания срока жизни.

Позднее, с ростом просвещения, душу стали считать невидимой субстанцией, также связанной с телом. После смерти она будто бы воплощается заново, получая новое, бессмертное тело. Некоторые восточные религии учат, что душа, после множества земных воплощений, приобретает хорошую карму, вновь сольется с Божественным Началом.

Во всех этих учениях есть доля правды, все они видели долю, не видя целого.

Но нам эти философские изыскания ни к чему. Нам нужны только факты. И вот факт: всякое живое существо, от самого простого до самого сложного, имеет своего нематериального двойника. Даже амеба.

Но я не хотел бы в этот раз запутывать вас, приводя слишком много подробностей.

Гость Ла Виро сказал:

— Нематерия не подлежит уничтожению. Это значит, что у твоего земного тела есть неуничтожимый нематериальный двойник.

Тут Ла Виро, до сих пор молчавший, прервал пришельца:

— Но сколько же двойников у живого существа? Ведь человек с годами меняется. Он стареет, может лишиться глаза или ноги. У него начинает болеть печень. Что же, этот нематериальный образ похож на ряд фотографий, снятых с человека? Если да, как часто делаются снимки? Каждую секунду или раз в месяц? И что происходит со старыми снимками?

Гость улыбнулся и ответил:

— Образ, как ты называешь его, нерушим. Но в нем записываются все перемены, происходящие с телом.

— Значит, и смерть тоже, и разложение?

Ла Виро, как я уже говорил, был неграмотен и ни разу не бывал в большом городе, но голова у него варила.

— Нет, — сказал гость. — Забудем пока обо всей материи и нематерии, кроме тех, из которых состоит человечество. Все остальное для нас не имеет значения. Но сначала назовем то, что ты зовешь душой, по-иному. «Душа» для людей понятие слишком расплывчатое, с ним связано слишком много словесных образов, слишком много противоречивых определений.

Стоит только сказать «душа» — и неверующие сразу делают глухи к тому, что следует дальше. Верящие же в бессмертие души услышат вас сквозь все умственные построения, нагроможденные на Земле. Назовем этот нематериальный двойник «ка». Это древнеегипетское слово, обозначающее в их религии один из нескольких

видов души. Дополнительные значения это слово имеет только для египтян — а они уж как-нибудь приспособятся.

Отсюда мы можем заключить, что гость имел понятие о земной истории. Кроме того, он говорил на франко-канадском диалекте, а стало быть, заранее готовился к этой встрече. Этик, который говорил с Бёртоном, в свою очередь выучил английский.

— Итак, — продолжал гость, — у нас есть ка. Насколько нам известно, формируется она в момент зачатия, когда сперма сливается с яйцеклеткой. А потом меняется вместе с телом.

Различие между телом и ка в момент смерти проявляется так. Тело в течение всей жизни создает свою ауру. Простым глазом она не видна — это доступно лишь немногим избранным — и представляет собой ореол вокруг головы живого человека. Увидеть ее можно с помощью специального прибора — тогда она предстает как многоцветный переливчатый шар, который вертится, раздувается, убывает, меняет цвета, выпускает и вновь втягивает отростки. Это чудо, это буйство красок надо увидеть, чтобы оценить. Назовем эту ауру «ватан».

Человек теряет свой ватан или свою ка в момент смерти, то есть когда тело уже невозможно оживить. Куда же девается ка? С помощью нашего прибора, назовем его каскопом, видно, что она, как правило, тут же уплывает прочь, несомая эфирным течением, природа которого нам неизвестна. Иногда ка задерживается по неведомой нам причине. Но обычно она отделяется от тела и уплывает.

Вселенная полна ими, однако они никогда не заполняют все пространство. Они способны пересекаться, проходить одна сквозь другую, и в одном месте может поместиться бесчисленное их множество.

Мы полагаем, что ка лишена сознания, хотя в ней содержатся разум и память умершего. Она блуждает в вечности и бесконечности, неся с собой этот умственный потенциал. Замороженная душа, так сказать.

Когда же тело умершего восстанавливается, ка возвращается в это тело. Как бы далеко в пространственном отношении она ни находилась, она моментально является в первый же миг жизни восстановленного тела. Притяжение между ними не знает преград. Но когда соединение произойдет, ка ничего не будет знать об интервале, прошедшем с момента смерти первого тела до момента пробуждения сознания во втором.

Некоторые, однако, придерживаются мнения, что ка, возможно, обладает и сознанием в свой бестелесный период. Это подтверждается некоторыми явлениями, зарегистрированными, кажется, в 1970-х годах.

Насколько я помню, речь шла о значительном количестве мужчин и женщин, реанимированных после клинической смерти. Они свидетельствовали, что в момент смерти покидали свое тело, видели, как скорбят их родные, а потом их возвращали обратно. Но

обладает ка в этот период памятью или нет — мы имеем дело только с ее воплощениями, с ее телесным состоянием.

Ла Виро, ошеломленный и одновременно охваченный экстазом, все же прервал гостя снова — очевидно, свойство прерывать неотделимо от человека.

Геринг помолчал и добавил:

— Как мне слишком хорошо известно. — Раздался смех.

— Простите меня, — сказал Ла Виро. — Но как можно восстановить умершее тело?

Он смотрел на свое собственное тело и не мог понять, как оно, бывшее прахом, возстало вновь.

— У нас есть инструменты, обнаруживающие и исследующие ка, — сказал гость. — Они способны уловить любую нематериальную молекулу. А потом происходит процесс преобразования энергии в материю.

— И вы можете воспроизвести любую ка на любой стадии? Вот, скажем, кто-то умер в восемьдесят лет. Можете вы воспроизвести его двадцатилетнюю ка?

— Нет. В природе существует только одна ка — ка восьмидесятилетнего. Поэтому, пока разум еще не начал действовать, тело, восстановленное по записи, омолаживается до двадцатилетнего возраста. Все его дефекты исправляются. При первом воскрешении на этой планете энергия снова преобразуется в материю. Все это время тела находятся в бессознательном состоянии.

— А если сделать два одинаковых тела? В которое из них войдет ка?

— Предположительно в то, которое оживят первым. Как бы синхронно ни проводились воскрешения, всегда будет разница хотя бы в микросекунду. Наши машины не могут оживлять разные тела в абсолютно одинаковое время. Кроме того, мы никогда не пошли бы на такой эксперимент. Это было бы дурно. Незтично.

— Да — но предположим?

— Тело, лишенное ка, разовьет, полагаю, свою собственную. И хотя второе тело является копией первого, оно уже не будет тем, что прежде. Другая среда и другой опыт сделают и тело другим. Воскресший, хотя и будет всегда похож на умершего, станет другим человеком.

Однако не будем отвлекаться на мелочи. Важно другое. Большинство лишенных тела ка так и пребывают вечно в бессознательном состоянии. Так мы, по крайней мере, надеемся. Какой это ад — быть заключенным в неосязаемой оболочке, не имея возможности управлять ею, без связи с другими — и при этом все сознавать. Такой муки не заслуживают самые закоренелые грешники. Даже подумать страшно.

Во всяком случае, никто из воскрешенных не помнит ни о чем между смертью и новой жизнью.

И гость сказал Ла Виро, что из тех миллиардов, что умерли на Земле, лишь ничтожно малая часть не входит в эту орду блужда-

ющих ка. Эта часть выбыла. Исчезла. Неведомо куда, неведомо зачем. Древние сказали этикам лишь одно: эти немногие «продвинулись». Слили с Творцом или по крайней мере составляют ему компанию.

Гость сказал, что понимает, сколько вопросов возникло у Ла Виро. Он ответит, но лишь на те, что касаются самой сути дела. Откуда этики знают, что некоторые ка «продвинулись»? Как можно вычислить, что не хватает одной из биллионов ка?

— Ты должен уже представлять себе, какого развития достигла наша наука и техника. Ведь даже силы, создавшие этот мир и вернувшие тебя к жизни, недоступны твоему пониманию. Но то, что видел здесь ты, — лишь малая часть того, что нам доступно. И я говорю тебе, что у нас на учете все ка, когда-либо существовавшие на Земле. На это ушло больше ста лет, но мы сочли их все.

Наука, и только она, позволила осуществить то, что раньше казалось доступным лишь для сверхъестественных сил. Разум человека сделал то, чего не намеревался делать сам Создатель. Не намеревался, полагаю я, как раз потому, что знал: мыслящие существа сделают это за него. Возможно, способность мыслить есть ка Бога.

Позволь и мне сделать небольшое отступление, имеющее, впрочем, отношение к делу. Ты, я вижу, смотришь на меня если не как на бога, то как на его кузена. Ты тяжело дышишь, от тебя пахнет страхом, на лице у тебя написано благоговение. Не бойся. Я действительно выше тебя в этическом смысле, но гордиться тут нечем. Ты можешь сравняться со мной и даже превзойти меня.

Я обладаю властью, по сравнению с которой наука твоего времени годится разве что для обезьян. Однако я не умнее наиболее умных жителей Реки. И тоже могу ошибаться.

Запомни еще вот что — и, когда начнешь проповедовать, всякий раз говори об этом. Тот, кто лезет вверх, может скатиться вниз. Другими словами, бойся регресса. Тебе незнакомо это слово? Бойся скатиться вниз. Покуда ка не расправит крылья и не улетит в неведомые пределы, регресс всегда будет угрожать ей. Кто живет во плоти, живет под угрозой.

Это точно так же относится ко мне, как и к тебе.

В этот миг Ла Виро протянул к пришельцу руку, желая дотронуться до него и убедиться, что он и вправду из плоти и крови.

Гость отпрянул и крикнул:

— Не делай этого!

Ла Виро убрал руку, но явно обиделся. Гость сказал:

— Мне очень жаль, ты не представляешь себе, как жаль, но пожалуйста — не трогай меня. Больше я ничего говорить не буду. Но когда ты достигнешь черты, за которой я смогу тебя обнять, ты меня поймешь.

И тогда, братья и сестры, гость стал говорить, почему Ла Виро должен основать эту новую религию. Название для церкви придумал сам Ла Виро, и гость ни к чему его не принуждал, просто

сказал, что это следовало бы сделать. Но, очевидно, пришелец знал, к кому обратиться, ибо Ла Виро пообещал все исполнить.

Принципы Церкви Второго Шанса и способы воплощения их в жизнь мы теперь обсуждать не будем. Слишком много времени нужно, чтобы выдвинуть и обосновать их. Отложим это до будущей ночи.

Под конец Ла Виро спросил этика, почему тот выбрал именно его в основатели Церкви.

— Ведь я — невежественный полукровка. Вырос в глухом канадском лесу. Мой отец был белый траппер, а мать — индианка. Британцы, правившие нашей страной, смотрели свысока на них обоих. Мать почти отвергло собственное племя, потому что она вышла за белого. А отца англичане, на которых он работал, обзывали мужем скво, грязным французшкой.

Я был очень велик для своего возраста и в четырнадцать уже стал лесорубом. В двадцать из-за несчастного случая я стал калек и всю оставшуюся жизнь стряпал в лагерях дровосеков. Моя жена, тоже метиска, подрабатывала стиркой. У нас было семеро детей — четверо рано умерли, а остальные стыдились своих родителей. Но мы жертвовали для них всем, любили их и старались хорошо воспитать. Два моих сына уехали работать в Монреаль, а потом погибли во Франции, сражаясь на стороне англичан, которые их презирали. Дочь стала шлюхой, заболела и умерла — так я слышал. А жена умерла от разбитого сердца.

Я рассказываю тебе это не потому, что ишу сочувствия. Я просто хочу, чтобы ты знал, кто я и что я. Как ты можешь просить, чтобы я проповедовал другим, если я родных детей не сумел убедить в правоте своей веры? Если моя собственная жена умерла, проклиная Бога? Как же я смогу говорить с людьми, которые были раньше учеными, государственными деятелями и священниками?

— Я вижу по твоему ватану, что сможешь, — улыбнулся гость. Он встал, снял с шеи золотую спираль на серебряном шнурке и надел ее на шею Ла Виро. — Это тебе, Жак Жийо. Носи ее с честью. Прощай. Возможно, мы еще увидимся в этом мире, а возможно, и нет.

— Подожди! — сказал Ла Виро. — У меня еще столько вопросов!

— Ты знаешь достаточно. Благослови тебя Бог.

И гость ушел. Снаружи по-прежнему бушевали дождь, гром и молнии. Миг спустя Жийо тоже вышел, но гостя и след простыл. Ла Виро обвел взором грозное небо и вернулся в хижину. Там он сидел, пока не прогремели питающие камни и не настал день. Тогда он спустился на равнину и рассказал, что с ним случилось. Как он и сказал, все, кто услышал его рассказ, сочли его безумцем. Но со временем появились и такие, что поверили ему.

ПАРОХОДЫ ПРИБЫВАЮТ В ВИРОЛАНДО

ГЛАВА 21

Около тридцати трех лет назад Герман приплыл в Вироландо. Он собирался задержаться там лишь на время, нужное для нескольких бесед с Ла Виро, если тот допустит его к себе. А там он снова отправится туда, куда пошлет его Церковь. Но Ла Виро попросил его остаться здесь, не сказав, для чего и как долго. Прожив здесь год, Герман взял себе имя Фениксо.

Это были счастливейшие годы его жизни. И не было повода думать, что он скоро покинет этот край.

Этот день будет похож на много других, но эта похожесть сладка, а небольшое разнообразие украсит ее.

После завтрака Герман поднялся к большому дому, построенному на вершине скального столба, и прочел там лекцию своим семинаристам, закончив ее за полчаса до полудня. Потом быстро сошел вниз и встретился у питающего камня с Крен. После они поднялись на другую скалу, привязали к себе дельтапланы и прыгнули в шестисотфутовую пропасть.

Над Вироландо сверкали тысячи планеров — они парили вверх и вниз, описывали круги, ныряли, взмывали, падали, танцевали. Герман чувствовал себя птицей, нет — вольным духом. Пусть это иллюзия свободы — ведь всякая свобода иллюзия — но эта самая лучшая.

Дельтаплан у Германа был ярко-красный, в память об эскадрилье, которой он командовал после гибели Манфреда фон Рихтхофена. Алый цвет символизировал также кровь, пролитую мучениками Церкви. В небе было много таких красных птиц вперемешку с белыми, черными, желтыми, оранжевыми, зелеными, синими и пурпурными. В этой благословенной земле залегали гематит и другие руды, из которых делались красители. И не только этим она была благословенна.

Герман вился в проеме между скалами, огибая мосты, где стояли дома, порой в опасной близости от каменных и деревянных опор. Грешно так рисковать своей жизнью, но он не мог устоять. Прежний волнующий трепет земных полетов вернулся к нему, став

вдвое острее. Тут в ушах не ревели моторы, в ноздри не бил запах горелого масла, не было ощущения, что ты заперт.

Иногда он проплывал мимо воздушных шаров, махая людям в плетеных корзинах. На каникулах они с Крен тоже сядут на воздушный шар, поднимутся на тысячу метров и предоставят ветру нести их по долине. Бывало, они плыли так целыми днями, болтали, ели, занимались любовью в тесноте, двигаясь без толчков, без единого дуновения ветра — ведь они летели с той же скоростью, что и он.

Выпустив в сумерках водород, они приземлялись на берегу, клали свернутую оболочку в корзину и наутро, взяв лодку, плыли обратно вверх по Реке.

Через полчаса Герман устремился вниз вдоль Реки, спустился и побежал по берегу. Как сотни других летунов, он отвязал свой дельтаплан и с этой громоздкой ношей на спине пошел к скале, с которой взлетел.

Его остановил посыльный в красно-желтой шапочке.

— Брат Фениксо, Ла Виро хочет тебя видеть.

— Спасибо, — сказал Герман, но в душе содрогнулся. Неужели верховный епископ решил, что пришло время отослать его прочь?

Тот, кто звался Человек, ждал его в своей квартире, в храме из красного и черного камня. Из высоких палат Германа провели в небольшую комнату, и дубовая дверь закрылась за ним. Там стояла простая мебель: большой письменный стол, несколько стульев, обтянутых рыбьей кожей, бамбуковые стульчики, две кровати, стол, где помещались кувшины с водой и небольшой выбор спиртных напитков, чашки, сигары, сигареты, зажигалки и спички. Обстановку довершали ночной горшок, два грааля и одежда, висящая на колышках, вбитых в стену. Имелся туалетный столик перед слюдяным зеркалом на стене и еще один, где лежали помада, ножнички и гребенки, которые порой поставлялись граалями. Пол покрывали циновки из бамбукового волокна и среди них звезда из рыбьей кожи. В гнездах на стенах горели четыре факела. Дверь во внешней стене была открыта. Через отдушины в потолке поступал воздух.

При появлении Германа Ла Виро встал — огромный, ростом шесть футов шесть дюймов, и очень смуглый. Нос у него напоминал клюв исполинского орла.

— Добро пожаловать, Фениксо, — пробасил он. — Садись. Выпьешь чего-нибудь? Хочешь сигару?

— Нет, Жак, благодарю. — Герман сел на указанный ему мягкий стул.

Верховный епископ занял свое место.

— Ты, конечно, слышал о гигантском железном корабле, идущем вверх по Реке? Барабаны передают, что он сейчас в восьмистах километрах от нашей южной границы. Значит, дня через два он эту границу пересечет

Ты рассказал мне все, что знал, об этом Клеменсе и о его компаньоне, Иоанне Безземельном. О том, что случилось после того, как тебя убили, ты, конечно, знать не мог. Но эти двое, очевидно, отбили своих врагов и построили свой корабль. Скоро они пройдут через нашу территорию. Насколько я слышал, они не воинственны, и нам можно их не бояться. Они сами нуждаются в содействии тех, кому принадлежат прибрежные питающие камни. Они могут и силой взять то, что им нужно, но идут на это лишь в крайнем случае. Однако я слышал тревожные вести о поведении части команды, когда ее — как это? — да, увольняют на берег. Имели место безобразные случаи, в основном связанные с пьянством и женщинами.

— Прости, Жак, но я не думаю, чтобы Клеменс стал держать у себя на борту таких людей. Он был одержим своей идеей и порой делал то, чего не следовало бы делать, чтобы построить корабль. Но он не тот человек — во всяком случае, раньше был не тот, — чтобы мириться с подобным поведением.

— Кто знает, как он изменился с тех пор? Притом корабль называется не так, как ты говорил, а «Рекс грандиссимус».

— Странно. Такое название выбрал бы скорее король Иоанн.

— По твоим рассказам об этом Иоанне можно предположить, что он убил Клеменса и забрал корабль себе. Так это или нет, но я хочу, чтобы ты встретил этот корабль на границе.

— Я?

— Ты знал тех, кто его строил. Я хочу, чтобы ты на границе поднялся к ним на борт. Выясни, что там за ситуация, что за люди. Прикинь также, каков их военный потенциал.

Герман принял удивленный вид.

— Ты, Фениксо, передал мне историю, которую тот носатый великан — Джо Миллер? — рассказал Клеменсу, а тот рассказал другим. Если это правда, то посреди полярного моря на севере стоит некая башня. Эти люди намерены добраться до нее. И я считаю это намерение дурным.

— Дурным?

— Ведь эту башню явно воздвигли этики. А эти корабельщики вознамерились проникнуть в нее, раскрыть ее тайны — а возможно, захватить этиков в плен или даже убить их.

— Ты не можешь этого знать.

— Нет, но здравый смысл заставляет это предположить.

— Клеменс при мне никогда не говорил, что хочет власти. Он хотел только доплыть до истоков Реки.

— Публично он мог говорить совсем не то, что в узком кругу.

— Послушай, Жак. Ну какое нам дело, если они даже и впрямь доберутся до башни? Не думаешь ли ты, что их жалкая техника и оружие позволят им сладить с этиками? Люди для этиков — что черви. Кроме того, что мы-то можем поделаться? Нельзя же нам задержать их силой.

Епископ подался вперед, схватившись коричневыми ручищами за края стола, и впился взглядом в Германа, словно желая снять с него шелуху слой за слоем и добраться до ядра.

— Неладно что-то в этом мире, куда как неладно! Сначала прекратились малые воскрешения. Мне сдается, это случилось вскоре после того, как ты ожил в последний раз. Помнишь ты ужас, который вызвала эта новость?

— Я и сам мучился тогда, — кивнул Герман. — Меня обуревали сомнения и отчаяние.

— Меня тоже. Но я, как архиепископ, обязан был успокоить свою паству. Не владея при этом никакими фактами, которые могли бы вселить надежду. Выглядело так, будто срок, отпущенный нам, уже истек и те, что могли достичь Продвижения, уже достигли его. Остальные же умрут, и их ка будут вечно блуждать по Вселенной, не зная искупления.

Но я все-таки так не думал. Я ведь знал, что сам к Продвижению не готов. Для этого мне предстояло пройти долгий, возможно, очень долгий, путь.

А разве этик выбрал бы меня в основатели Церкви, если бы не знал, что у меня есть все возможности для Продвижения?

Неужели я — ты не можешь представить, как мучила меня эта мысль, — неужели я оказался недостойн? Неужто я, избранный, чтобы указать другим путь к спасению, сам остался позади? Как Моисей, приведший евреев к земле обетованной, но сам не получивший дозволения умереть на ней.

— О нет! — тихо произнес Герман. — Не может такого быть!

— Может. Я только человек, не бог. Я даже подумывал уйти со своего поста. Мне казалось, что я запустил собственный этический рост оттого, что слишком занят делами Церкви. Я стал высокомерен; власть, данная мне, исподволь портила меня. Я хотел, чтобы епископы избрали нового главу. А я бы сменил имя и уплыл вниз по Реке миссионером. Нет, не возражай. Я всерьез размышлял об этом. Но потом сказал себе, что так я предал бы этиков, оказавших мне доверие. И, возможно, то страшное, что случилось с нами, объясняется чем-нибудь другим. Тем временем я должен был как-то объяснить это людям. Ты знаешь, как я это сделал; ты услышал это одним из первых.

Герман кивнул. Тогда епископ доверил ему нести слово пастыря вниз по Реке на целых две тысячи миль. Это означало годовую разлуку с любимой страной, но Герман рад был послужить Ла Виро и Церкви. Не бойтесь, гласило слово. Будьте тверды в своей вере. Последние дни еще не пришли. Испытание не окончено. Мы сейчас в растерянности, но долго это не продлится. Однажды мертвые восстанут снова, как обещано. Те, что создали этот мир и дали вам бессмертие, не оставят вас. Нынешнее положение вещей послано, чтобы вас испытать. Не бойтесь и верьте.

Многие спрашивали Германа, для чего послано это испытание. Он мог ответить только, что ему это неизвестно. Быть может, Ла

Виро знает об этом от этиков. Быть может, испытание потеряет свой смысл, если все будут знать, в чем оно состоит.

Кое-кого этот ответ не удовлетворял, и они в озлоблении отрекались от Церкви. Но большинство осталось верными, и в их ряды, как ни странно, прибыло много новообращенных. Этих привел к Церкви страх: а вдруг действительно есть второй шанс на бессмертие, и теперь остается совсем мало времени, чтобы им воспользоваться. Такая позиция не была рациональной — ведь Ла Виро сказал, что воскрешения возобновятся. Но люди не собирались упускать свой шанс.

Страх надолго не хватит, но главное — вступить на верный путь.

Возможно, позднее человек обретет истинную веру.

— Единственное, что было не совсем правдиво в моем послании, — сказал Ла Виро, — это слова о посланном нам испытании. Я не имел прямого указания — мой гость не говорил мне, что так будет. Но не было в моих словах и лжи, пусть даже спасительной. Прекращение воскрешений — действительно испытание. Испытание нашего мужества и веры. Все мы подверглись пробе.

В то время я думал, что этики предприняли это с какой-то благой целью. Очень возможно, что так оно и есть. Но ведь гость говорил мне, что он и его собратья — только люди, хотя и наделенные огромной силой. Что они могут ошибаться. А значит, и несокрушимостью они не обладают. С ними может случиться несчастье, и враги способны причинить им вред.

— Какие враги? — встрепетулся Герман.

— Я не знаю, кто они, и не знаю, есть ли они вообще. Но подумай. Тот получеловек — нет, не стану так его называть, он все же человек, несмотря на свою внешность — тот Джо Миллер со своими египтянами добрался же до полярного моря, несмотря на все опасности. А перед ними там прошли другие. Кто-то мог прийти туда и после египтян. Откуда нам знать, не проник ли кто-нибудь из них в башню? И не натворил ли там каких-нибудь страшных дел, сам, возможно, того не желая?

— Мне трудно поверить, что у этиков нет сверхнадежной обороны.

— Ах! — поднял палец Ла Виро. — Ты забываешь зловещий смысл туннеля и веревки, найденных партией Миллера. Кто-то ведь пробил гору и привязал там веревку. Весь вопрос в том, кто и зачем?

— Возможно, это сделал кто-то из этиков второго порядка, агент-ренегат. Ведь гость говорил тебе, что и они могут деградировать. А если это происходит с ними, то уж с агентами тем более.

— Да... как я не подумал об этом! — ужаснулся Ла Виро. — Но это просто невыслышимо... и очень опасно!

— Опасно?

— Да. Агенты должны быть лучше нас, однако и они... погоди.

Ла Виро закрыл глаза и поднял вверх правую руку, сложив большой и указательный пальцы в букву «О». Герман молчал. Ла Виро произносил про себя формулу принятия неизбежного, применяемую Церковью и изобретенную им самим. По истечении двух минут он открыл глаза и улыбнулся.

— Если так суждено, мы должны принять все и быть готовыми. Реальность да будет с тобой... и с нами. Однако вернемся к тому, из-за чего я послал за тобой. Я хочу, чтобы ты взошел на этот корабль и высмотрел там все, что возможно. Выясни, как настроен капитан, этот король Иоанн и вся его команда. Разберись, представляют ли они угрозу для этиков. Иначе говоря, есть ли у них такая техника и оружие, которые могли бы обеспечить им доступ в башню. — Ла Виро нахмурился и добавил: — Пора нам вмешаться.

— Не хочешь ли ты сказать, что мы должны прибегнуть к насилию?

— Что касается людей — нет. Но ненасилие и пассивное сопротивление — это понятия, применяемые лишь к живым существам. Герман, если так надо, мы потопим этот пароход! Но лишь в самом крайнем случае, если не останется ничего другого. И только имея уверенность, что никто не пострадает.

— Я... я не знаю. Мне кажется, мы, сделав это, проявили бы неверие в этиков. Они вполне способны справиться с простыми людьми вроде нас.

— Ты попался в ловушку, против которой постоянно остерегает Церковь и ты сам не раз остерегал других. Этики не боги. Бог только один.

— Хорошо. — Герман встал. — Я тотчас же отправляюсь.

— Ты бледен, Фениксо. Не бойся так. Может быть, уничтожить корабль не понадобится. И в любом случае мы сделаем это, лишь будучи уверены на сто процентов, что никто не будет ранен или убит.

— Меня пугает не это. А то, что какая-то часть меня жаждет влезть в эту интригу и радостно трепещет при мысли о потоплении судна. Старый Герман Геринг до сих пор живет во мне, а я-то думал, что разделался с ним навеки.

ГЛАВА 22

«Рекс грандиссимум» поистине был прекрасным и величественным судном.

Он шел, бороздя воды на середине Реки, огромный и белый, воздев к небу черные дымовые трубы, работая двумя гигантскими колесами. Над мостиком вился флаг, показывая временами трех золотых львов на алом поле.

Герман Геринг, ожидавший на палубе трехмачтовой шхуны, поднял брови. Это был явно не алый феникс на голубом поле, задуманный Клеменсом.

В небе над пароходом парило множество дельтапланов, а на Реке кишели суда всякого рода — официальные и любопытствующие.

Пароход замедлял ход — его капитан верно истолковал значение ракет, пущенных Герингом со шхуны. Притом нельзя было пробиться сквозь загораживающие путь суденышки, не раздавив их.

Наконец «Рекс» остановился, подрабатывая колесами лишь настолько, чтобы его не сносило течением.

Шхуна поравнялась с ним, и капитан проревел в рупор из рыбьего рога свое сообщение. Человек на нижней палубе «Рекса» тут же соединился по телефону, висевшему на переборке, с мостиком. Из рубки высунулся некто, тоже с рупором, и рявкнул так, что Герман вздрогнул и решил: тут не обошлось без электроусилителя.

— Поднимайтесь на борт!

Хотя капитан «Рекса» находился в футах в пятидесяти пяти над водой и в ста, если считать по горизонтали, Герман узнал его. Рыжие волосы, широкие плечи, узкое лицо принадлежали Иоанну Безземельному, бывшему королю Англии, Ирландии и прочая, и прочая. Через несколько минут Герман вззошел на «Рекс», и два вооруженных до зубов стража подняли его в небольшом лифте на верхний этаж мостика. По пути он спросил их:

— А что стряслось с Сэмом Клеменсом?

Они удивились, и один ответил вопросом на вопрос:

— Откуда вы его знаете?

— Слухи путешествуют быстрее, чем ваш пароход. — Это было правдой, и если он не сказал всей правды, то и не солгал.

Они вошли в рубку. Иоанн стоял около рулевого и смотрел вдаль.

Он обернулся на звук закрывшегося лифта. Он был ростом пять футов пять дюймов, красивой и мужественной наружности, с широко поставленными голубыми глазами. Черную форму, бывшую на нем, он надевал, очевидно, лишь когда хотел произвести впечатление на местных жителей. Китель, брюки и сапоги были сшиты из кожи «речного дракона». Китель украшали золотые пуговицы, а с фуражки беззвучно рычал золотой лев. Интересно, подумал Герман, где он взял столь редкий металл? Возможно, отнял у какого-нибудь бедняги.

Грудь у капитана была голая. Рыжие волосы, на пару тонов темнее, чем на голове, вились вокруг знака V на ладкане.

Один из офицеров, сопровождавших Германа, отдал честь.

— Посланник из Вироландо, сир!

Ишь ты, подумал Герман — сир, а не сэр.

Иоанн его явно не узнал, и Герман удивился, когда король с улыбкой подошел и протянул ему руку. Герман пожал ее. Почему бы и нет? Он пришел сюда не мстить, а выполнить свой долг.

— Добро пожаловать на «Рекс». Я его капитан, Иоанн Безземельный. Хотя, как видите, если земли у меня и нет, то есть нечто более ценное — этот корабль. — И Иоанн добавил со

смехом: — Когда-то я был королем Англии и Ирландии, если вам это о чем-то говорит.

— А я — брат Фениксо, священник Церкви Второго Шанса и секретарь Ла Виро. От его имени приветствую вас в Вироландо. Да, ваше величество, я читал о вас. Я родился в двадцатом веке, в Баварии.

Джон вскинул густые рыжие брови:

— Я, конечно же, слышал о Ла Виро, и нам говорили, что он живет чуть выше по Реке.

Король представил остальных — Герман не знал никого, кроме первого помощника Огастеса Струбвелла, очень высокого, белокурого, красивого американца. Он пожал гостю руку и сказал: «Добро пожаловать, епископ». Похоже, и он не узнал Германа. Тот мысленно пожал плечами. В конце концов, он пробыл в Пароландо недолго, и было это больше тридцати трех лет назад.

— Выпьете что-нибудь? — спросил Иоанн.

— Нет, благодарю вас. Надеюсь, вы позволите мне остаться на борту, капитан. Я прибыл сюда, чтобы сопроводить вас до нашей столицы. Мы приветствуем вас с миром и любовью и надеемся, что вы пришли к нам с теми же чувствами. Ла Виро хочет встретиться с вами и благословить вас. Быть может, вам захочется немного побыть у нас и размять ноги на берегу. Вы можете оставаться столько, сколько вам будет угодно.

— Я, как вам известно, не вашего вероисповедания, — сказал Иоанн, принимая от денщика чашу с виски. — Но к вашей Церкви относясь с глубоким уважением. Она оказала огромное цивилизующее влияние на Реку. Это больше, чем я могу сказать о церкви, к которой когда-то принадлежал. Деятельность Церкви очень облегчила нам путь, уменьшив воинственность населения. Впрочем, напасть на нас отважились бы немногие.

— Я рад это слышать. — Герман счел за благо не заговаривать о том, что Иоанн совершил в Пароландо. Возможно, король изменился. Сомнение трактуется в пользу обвиняемого.

Капитан распорядился о помещении для Геринга. Его поместили на техасской палубе, служащей продолжением камеры под мостиком и занимавшей переднее правое крыло посадочной палубы. Там жили старшие офицеры.

Иоанн спросил Геринга о его земной жизни. Тот ответил, что о прошлом не стоит говорить. Только настоящее имеет значение.

— Возможно, — сказал Иоанн, — но настоящее — это итог прошлого. Если вы не хотите говорить о себе, то, быть может, расскажете о Вироландо?

Вопрос был законный, хотя неясно было, не хочет ли Иоанн выведать, каков военный потенциал государства. Геринг не соби-
рался сообщать, что такового не имеется вообще. Пусть сам выясняет. Однако он дал понять, что никому из команды «Рекса» не разрешат сойти на берег с оружием.

— Будь это в другом месте, я бы не послушался, — улыбнулся Иоанн. — Но я уверен, что в сердце Церкви мы будем в безопасности.

— Этот край, насколько мне известно, уникален, — сказал Герман. — И рельеф, и население — все здесь не такое, как везде. Первое вы можете видеть сами. — И он показал на скальные столбы.

Да, это поистине страна колонн. Но чем же ваши граждане отличаются от других?

— Почти все они — дети Реки. При первом воскрешении этот район заселили детьми, умершими в возрасте пяти—семи лет. Их было около двадцати на каждого взрослого. Нигде больше я не слышал о такой пропорции. Дети были собраны из разных мест и времен, принадлежали к разным нациям и расам. Лишь одно у них было общее — испуг. К счастью, взрослые происходили в основном из мирных и прогрессивных стран — из Скандинавии, Исландии, Швейцарии двадцатого века. Эта страна не знала ожесточенной борьбы за власть, шедшей в других местах. Пролив на западе служит преградой между нами и титантропами, живущими за ним. Люди, обитающие ниже по Реке, отличаются столь же мирным нравом. Поэтому взрослые сумели посвятить все свое время заботе о детях.

Потом Ла Виро стал рассказывать повсюду о своей встрече с одним из таинственных существ, создавших этот мир. Его постигла бы судьба всех пророков в начале их пути — то есть осмеяние со стороны многих и признание немногих. Но Ла Виро имел при себе нечто больше слов и убеждений — веское, осязаемое доказательство. Такого не было больше ни у кого — стало быть, эту вещь произвели этики.

Это был Дар, как его обычно называют. Вы увидите его в Храме. Это золотая спираль. И вот Ла Виро обосновался здесь.

Дети воспитывались в строгости и любви, и это они создали культуру, которую вы видите вокруг.

— Если ваши граждане столь же прекрасны духовно, как их страна на вид, — сказал Иоанн, — то они, должно быть, ангелы.

— Они люди — и поэтому здесь не Утопия и не рай. Однако я убежден, что нигде больше вы не встретите столько искренне дружелюбных, открытых, щедрых и любящих людей. Здесь очень приятно жить тому, кто им близок по духу.

— Пожалуй, можно будет устроить здесь длительную стоянку. У нас моторы нуждаются в перемотке, а на это нужно время.

— Срок вашего пребывания здесь зависит только от вас.

Иоанн бросил на Геринга пронизательный взгляд. Тот улыбнулся. «Прикидываешь, какую бы пользу извлечь из виrolандцев? Или просто надеешься здесь отдохнуть, не опасаясь, что твой пароход захватят?»

В это время в рубку вошел человек ростом около шести футов, покрытый бронзовым загаром, широкоплечий и с выпуклой грудью

Его прямые волосы были черны как смоль и густые черные брови нависали над свирепыми черными глазами. Герингу редко доводилось видеть такие сильные лица. Вошедший излучал то, что в детские годы Геринга называлось «животным магнетизмом».

— А вот и Гвалхвинн, — сказал Иоанн, — капитан моих десантников. Познакомьтесь. Превосходный парень, отменный фехтовальщик и стрелок из пистолета, величайший игрок в покер. Он валлиец и по обеим линиям происходит от королей, коли не врет.

У Геринга вся кровь отхлынула от сердца.

— Бёртон! — прошептал он.

ГЛАВА 23

Никто, похоже, не расслышал, что он сказал.

Увидев пораженное, но тут же невозмутимо застывшее лицо Бёртона, Геринг понял, что тот узнал его. Бёртон, услышав, что перед ним брат Фениксо, посланник Ла Виро и священнослужитель, поклонился и проговорил с насмешливой улыбкой:

— Ваше преподобие...

— У нас в Церкви не приняты такие обращения, капитан, — заметил Геринг. Бёртон знал это, конечно, — он просто издевался.

Пусть его. Главное то, что он, похоже, не собирается открывать, что брат Фениксо — на самом деле Геринг. Не потому, что так любит Геринга, а потому, что в случае разоблачения Геринг назовет настоящее имя Бёртона. А ставка Бёртона, как видно, гораздо крупнее, чем у Геринга. Геринг мог бы и не скрываться — ему просто не хотелось объяснять, почему он теперь принял новую веру. Такой рассказ занял бы слишком много времени, и все равно многие не поверили бы в искренность его обращения.

Король Иоанн усердно занимал своего гостя, решительно, по всей видимости, не признавая в нем того, кого когда-то огрел по голове рукояткой пистолета. Геринга такое положение дел очень устраивало. Если Иоанну думается, что он запросто сможет запугать и ограбить местное население, лучше ему не знать, что здесь присутствует его давняя жертва. Полагая, что Фениксо — просто безобидный священник, король может в чем-то раскрыть свои замыслы.

Возможно, конечно, и то, что Иоанн переменялся к лучшему. Разве стал бы Бёртон в противном случае служить королю?

Да, стал бы, если бы очень хотел доплыть до истоков.

И все же, быть может, Иоанн уже не та гиена в человеческом облике. Впрочем, к чему так обижать гиен?

Поживем — увидим.

Иоанн предложил показать гостю пароход. Геринг охотно согласился. Он уже осматривал корабль в Пароландо, еще до завершения отделки, и даже после стольких лет хорошо помнил его устройство. Но теперь он увидит судно полностью отделанным и

вооруженным. Он сможет представить подробный отчет Ла Виро Пусть владыка решает, возможно ли затопить такой пароход в случае надобности. Геринг, впрочем, и не принимал всерьез заявление Ла Виро. Такая операция без кровопролития неосуществима. Однако свое мнение он пока что оставил при себе.

Бёртон исчез в самом начале экскурсии, но через десять минут явился снова и преспокойно присоединился к хозяйину с гостем. Они как раз входили в большой салон. Геринг сразу увидел американца, Питера Джейруса Фрайгейта, и англичанку, Алису Харгривз, — они играли на бильярде. Он испытал шок и невнятно ответил на какой-то вопрос Иоанна. Вспомнив, как он поступил с ними, особенно с женщиной, Геринг ощутил всю тяжесть своей вины.

Ну, теперь-то его опознают. Тогда и Иоанн, и Струбвелл тоже вспомнят его. И Иоанн утратит к нему всякое доверие.

Геринг пожалел, что сразу не назвал своего настоящего имени. Но кто мог предугадать, что при населении тридцать пять—тридцать шесть биллионов на борту окажутся как раз те, кто его слишком хорошо знает? Да не один, целых трое!

Gott! А где же остальные? Где неандерталец Казз, боготворивший Бёртона? Где тот — не то арктурианин, не то тау-китянин? Где тохарка Логу? Где еврей Руах?

Двое игроков, как и все в салоне, посмотрели на вошедших. Даже чернокожий, игравший на рояле рэгтайм «Котенок на клавишах», прервал игру и опустил руки.

Струбвелл громко призвал всех к тишине и вниманию и представил брата Фениксо, посланца Ла Виро, сказав, что тот поплывет с ними до Аглейо. К нему следует относиться со всей предупредительностью, но сейчас подходить не надо. Его величество водит гостя по «Рексу».

Музыка и беседы возобновились. Фрайгейт и Харгривз, посмотрев на визитера чуть дольше остальных, вернулись к своей игре. Кажется, они его не узнали. Ну что ж, прошло ведь шесть лет с тех пор, как они расстались. Они уже не слишком хорошо помнят его. Хотя после таких событий Герман мог бы поручиться, что они вовек его не забудут. Притом Фрайгейт на Земле видел много его фотографий в молодые годы, что, казалось бы, должно освежить память.

Ничего они не забыли. Это Бёртон, отстав от экскурсии, предупредил их. Это он велел им вести себя как ни в чем не бывало.

Но зачем?

Чтобы отпустить Герингу вину, молчаливо сказав ему: «Мы прощаем тебя теперь, когда ты так изменился. Сделаем вид, будто видим друг друга впервые?»

Маловероятно, разве только и с Бёртоном произошли большие перемены. Скорей всего это сделано для того, чтобы разоблаченный Геринг не разоблачил, в свою очередь, Бёртона. Очень возможно, что и Фрайгейт с Харгривз числятся здесь под фальшивыми именами.

Но обдумать все это как следует Герингу было некогда. Король Иоанн, как гостеприимный хозяин, неумолимо водил гостя по всему «Рексу», знакомя его с разными людьми, которые в свое время были знамениты, пользовались скандальной славой или, по крайней мере, известностью. Иоанн, плывя по Реке столько лет, имел возможность подобрать себе такую коллекцию. Приходилось, как видно, выгонять безвестных, чтобы освободить место для знаменитостей.

Это не произвело на Геринга ожидаемого Иоанном впечатления. В том, кто был вторым лицом в германской империи и встречался с деятелями мирового масштаба, не так-то легко вызвать почтительный трепет. Более того, опыт общения с великими и сходящими за великих в обоих мирах открыл Герингу, что образ, предъявляемый публике, и человек, который под ним скрывается, часто самым жалким или отвратительным образом отличаются друг от друга.

Больше всего Геринга в этом мире поразил человек, который на Земле считался бы полным ничтожеством и неудачником: Жак Жийо, Ла Виро, Ла Фондинто.

И в земной жизни Германа тоже был человек, вызывавший у него почтение, покорявший, даже порабошавший его силой своей личности: Адольф Гитлер. Только однажды Герман воспротивился своему фюреру, хотя много раз полагал, что фюрер не прав — да и тогда быстро пошел на попятный. Теперь, пробыв много лет в Мире Реки и многому научившись в Церкви, Герман утратил всякое уважение к этому безумцу. Равно как и к тогдашнему Герингу. Даже думать о нем было противно.

Однако ненависть к себе была не настолько сильна, чтобы счесть себя погибшим навеки. Думать так значило поставить себя особняком, преисполниться преступной гордыни и спеси, черпая в этом некое странное самодовольство.

Была, однако, и опасность впасть в гордыню, не совершая вышеназванных грехов. Возгордиться тем, что ты так смирен.

Этот христианский грех почитался таковым и в ряде других религий. Но Ла Виро, будучи примерным католиком всю свою земную жизнь, в ту пору о подобном грехе не слыхивал. Священник никогда не упоминал о нем во время своих долгих, наводящих сон проповедей. О существовании этого старого, но малоизвестного греха Жийо узнал только в Мире Реки.

Геринг, убедившись в конце войны, что Гитлер безумен, остался все же верен ему. Верность, одна из добродетелей Геринга, порой так шла вразрез с разумом, что превращалась в порок. На Нюрнбергском процессе Геринг, в отличие от большинства обвиняемых, не отрекался от фюрера и не валил всю вину на него.

Желал бы он теперь, чтобы у него хватило тогда мужества выступить против вождя — пусть даже его, Геринга, падение из-за этого последовало бы намного раньше, чем в действительности, пусть даже это стоило бы ему жизни. Если бы можно было начать сначала... Но Ла Виро сказал ему

— Ты и так каждый день начинаешь все сначала. Просто обязательства изменились, вот и все.

Третьим человеком, поразившим Геринга, был Ричард Фрэнсис Бёртон.

Геринг не сомневался, что Бёртон на его месте не побоялся бы сказать Гитлеру: «Нет!» или «Вы не правы!» И как только Бёртона не вышибли с «Рекса» за все эти годы? Ведь король Иоанн — тиран, надменный и нетерпимый ко всем, кто ему возражает.

Выходит, Иоанн изменился? И Бёртон тоже? До такой степени, что стали способны ладить друг с другом?

— Вот как раз семеро моих пилотов играют в покер, — сказал Иоанн. — Пойдемте, я представляю вас.

Геринг вздрогнул при виде Вернера Фосса, вставшего и протянувшего ему руку. Они встречались когда-то, но Фосс, очевидно, его не узнал.

Геринг был превосходным пилотом, но охотно признал бы, что до Фосса ему далеко. Фосс сбил свои первые два самолета в ноябре 1916-го. 23 сентября 1917 года, недавно отпраздновав свое двадцатилетие, Фосс был сбит сам, выйдя в полете «одиноким волком» против семерых лучших британских истребителей. Меньше чем за год боевой деятельности Фосс уничтожил сорок восемь самолетов, что сделало его четвертым по величине асом имперских воздушных сил. Притом его много раз отзывали с фронта по разным административным делам. Это происходило почему-то тогда, когда его счет приближался к счету Манфреда фон Рихтхофена. Барон пользовался большим влиянием, и Фосс был не единственный, кого он удалял порой из зоны боевых действий. С лихими пилотами Карлом Шефером и Карлом Альменродером Рихтхофен поступал так же.

Иоанн объяснил, что Фосс у него — старший лейтенант воздушных сил, второй по старшинству. А капитан — Кеньи Окаба, прославленный японский ас. Коричневый человечек, осклабясь, поклонился Герингу, и тот вернул поклон. Геринг раньше не слышал о нем, поскольку Германия мало что знала о своем союзнике во время второй мировой войны. Но, как видно, счет у Окабы впечатляющий, раз Иоанн поставил его над славным Фоссом. А возможно, Окаба поступил на службу раньше Фосса, потому и получил более высокое звание.

Остальные летчики — два сменных пилота истребителя, пилот торпедного бомбардировщика и вертолетчик — Герингу не были известны.

Ему хотелось бы поговорить с Фоссом о старых добрых временах первой мировой. И он со вздохом последовал за Иоанном на ураганную палубу «В». Завершив экскурсию, они вернулись в салон отведать напитков со льдом. Геринг выпил только один бокал, а Иоанн за короткое время осушил два. От этого лицо у него покраснело, но говорил он по-прежнему складно, забрасывая Геринга вопросами о Ла Виро. Тот отвечал правдиво. Что тут скрывать?

Не может ли брат Фениксо сказать, разрешит ли Ла Виро поставить пароход в его столице для длительного ремонта?

— Я не могу отвечать за Ла Виро, но думаю, он согласится. Ведь есть надежда обратить вас в веру Второго Шанса.

— Зубы Господни, — ухмыльнулся Иоанн, — мне все равно, скольких из команды вы подцепите на крючок, дайте только потопить пароход Клеменса! Вы, наверное, не знаете, что Клеменс пытался убить меня и моих верных людей, чтобы пароход достался только ему и его свиньям приспешникам. Да поразит Бог молнией этого хорька! Но я со своими храбрецами одолел его и едва не убил. А после мы увели пароход, Клеменс же стоял на берегу, и ярился, и сыпал проклятиями, грозил нам кулаком. Я смеялся тогда, думая, что вижу его в последний раз. Но я ошибался.

— А вам известно, как далеко от вас Клеменс?

— По моим расчетам, он будет отставать всего на несколько дней, когда мы починим моторы. В свое время нас сильно задержали повреждения, причиненные их десантом.

— И это значит... — Герингу не хотелось облекать свою мысль в слова.

— Да, это значит, что будет бой! — свирепо осклабился Иоанн.

Герингу было ясно, что их широкое и длинное озеро превосходит подход Иоанну. Там много места для маневра. Только король пока не считает нужным говорить об этом вслух.

Иоанн принялся ругать Клеменса, обзывая его лживым предателем, кровожадным и алчным чудовищем. Он — настоящее исчадие ада, а Иоанн — его невинная жертва.

Но Геринга он этим не одурачил. Зная и Клеменса, и Иоанна, Геринг был уверен, что как раз последний — лжец, предатель и захватчик. Интересно, как это тем, кто участвовал в уgone, удалось утаить правду от тех, кто вступил в команду после?

— Ваше величество, — сказал Геринг, — ваше путешествие было очень длинным, многотрудным и опасным. Вы, должно быть, понесли большие потери. Сколько из вашей первоначальной команды осталось в живых?

— Станный вопрос. — Иоанн прищурился. — Отчего вы задали его?

— Не имеет значения, — пожал плечами Геринг. — Просто из любопытства. На Реке так много дикого населения, и я уверен, у вас не раз пытались отнять пароход. Ведь он...

— Это сокровище стоит куда дороже, чем весит в алмазах! — улыбнулся Иоанн. — Да. Это так. Клянусь Господним задом, я мог бы многое порассказать о битвах, которые мы вели, спасая «Рекс» от вражеских покушений. По правде сказать, из тех пятидесяти, что вышли из Пароландо, осталось только двое. Я и Огастес Струбвелл.

Значит, Иоанн постарался, подумал Геринг, чтобы ничей длинный язык не рассказал правду новобранцам. Скинь человека за борт ночью во время грозы, и всплеска никто не услышит. А не то

капитан или помощник вызывают матроса на ссору и отчисляют его за неумелость или неподчинение. Мало ли способов убить человека или отделаться от него? А если прибавить еще войну, несчастные случаи и дезертирство...

Теперь Геринг понял, что у Бёртона есть еще одна причина не говорить, кто такой брат Фениксо в действительности. Если бы Иоанн узнал Геринга, королю стало бы ясно, что Геринг знает цену его рассказам. И тогда, возможно, король устроил бы Герингу «несчастный случай» до прибытия в Аглейю, чтобы Ла Виро не получил о короле неблагоприятных известий.

«Не слишком ли я подозрителен?» — подумал Геринг. Но в душе он знал, что не слишком.

ГЛАВА 24

Они покинули салон и перешли в комнату на носу техасской палубы, полукруглую, со стенами из небьющегося стекла. Часть задней стены составляла шахта лифта, ведущая в рубку. Здесь стояли столы и стулья, несколько диванов и небольшой бар. Здесь, как почти повсюду на пароходе, звучала музыка из радиопузыря, но ее можно было выключить. После разговора о перемотке, которая должна занять не меньше двух месяцев, Геринг завел беседу о предстоящем сражении. Ему хотелось бы сказать: «Кому нужен этот бой? И для какой цели? Неужели ваши люди и люди Клеменса должны гибнуть, получать увечья и терпеть жестокую боль из-за того, что случилось несколько десятилетий назад? Мне думается, что вы с Клеменсом оба не в своем уме. Почему бы вам не прекратить эту распрю? Ведь у Клеменса есть теперь свой пароход. Зачем ему два? Да двух у него и не будет, потому что один пароход предполагается уничтожить, и я подозреваю, что это будет ваш, ваше величество. Зная размеры и потенциал корабля Клеменса, сомневаться не приходится».

Вслух он сказал:

— Может быть, сражаться с Клеменсом еще и не придется. Неужто он спустя столько лет все еще жаждет мести? И неужели вы до сих пор хотите ему отомстить за попытку убить вас? Время часто охлаждает страсти и дает власть холодному рассудку. Быть может...

Иоанн повел широкими, массивными плечами и вскинул руки ладонями вверх.

— Поверьте, брат Фениксо, я возблагодарил бы Бога, если бы Клеменс образумился и стал мирным человеком. Мне война ни к чему. Я — сторонник всеобщего братства. Я ни на кого не поднял бы руку, если бы никто не поднимал руку на меня.

— Я искренне счастлив это слышать. И знаю, что Ла Виро счастлив будет стать посредником, чтобы уладить все ваши споры миром. Ла Виро, как и все мы здесь, жаждет предотвратить

кровопролитие и добиться того, чтобы в ваших с Клеменсом отношениях восторжествовала добрая воля, а быть может, и любовь.

— Сомневаюсь, — нахмурился Иоанн, — чтобы этот одержимый демоном, кровожадный злодей согласился хотя бы на встречу со мной... разве что для того, чтобы меня убить.

— Мы приложим все усилия, чтобы устроить такую встречу.

— Меня тревожит, что Клеменс никогда не перестанет меня ненавидеть, и вот из-за чего: в битве за этот пароход случайно была убита его жена — скорее, бывшая жена. Они расстались, но он по-прежнему любил ее. И он считает, что я виновен в ее смерти.

— Но ведь это случилось еще до прекращения воскрешений. Ее могли перенести в другое место.

— Не имеет значения. Вероятно, он ее больше никогда не увидит, поэтому она для него все равно что мертва. Собственно говоря, она умерла для него еще до своей кончины. Как вам, может быть, известно, она влюбилась в одного носатого француза, де Бержерака. — Иоанн громко рассмеялся. — Этот француз был в числе десантников, напавших на «Рекс». И я двинул его ногой по затылку, когда прыгнул с их мясорубки. Он же проткнул шпагой бедро капитану Гвалхгвинну. Он единственный, кто одержал над Гвалхгвинном верх в битве холодным оружием. Гвалхгвинн утверждает, что его отвлекли, иначе де Бержерак никогда бы не пробил его защиту. Гвалхгвинну не понравится, если мы с Клеменсом заключим мир. Он жаждет поквитаться.

Герману захотелось посмотреть, так ли думает Бёртон на самом деле, но оказалось, что англичанин ушел.

В это время два матроса внесли бочонки с разбавленным спиртом. Геринг узнал одного из них. Этот пароход просто кишел его старыми знакомыми.

Это был человек приятной внешности, среднего роста, стройный, но крепко сложенный, с короткими, песочного цвета волосами и светло-кариими глазами. Звали его Джеймс Мак-Парлан, и он приехал в Пароландо на следующий день после Германа. Герман говорил с ним о Церкви Второго Шанса и встретил вежливое, но решительное сопротивление.

А запомнился Герману Мак-Парлан потому, что на Земле он служил детективом у Пинкертон и в ранних 1870-х годах проник в ряды «Молли Мэгайрз», а позднее способствовал ее уничтожению. «Молли Мэгайрз» была тайной террористической организацией ирландских шахтеров и действовала в пенсильванских графствах Шуйлкилл, Карбон, Колумбия и Люцерн. Геринг, немец и житель двадцатого века, никогда, возможно, не узнал бы об этом, не будь он страстным любителем историй о Шерлоке Холмсе. Из книг же он узнал, что прототипами «Скаулеров», Вермиссы и Мак-Мурдо из романа Конан Дойла «Долина страха» послужили соответственно «Молли Мэгайрз», пенсильванские угольные графства и Мак-Парлан.

Это побудило Германа прочесть книгу Алана Пинкертон «Молли Мэгайрз», где описывались подвиги Мак-Парлана.

В октябре 1873 года Мак-Парлан под именем Джеймса Маккенны сумел проникнуть в тайное общество. Молодой детектив много раз был на волосок от гибели, но избегал ее благодаря своему мужеству, агрессивности и остроте ума. Пробыв три года в этом опасном месте, он раскрыл пружины деятельности «Мэгайрз» и имена ее членов. Руководители были повешены, власть «Молли Мэгайрз» пала, и владельцы шахт еще многие годы обращались с шахтерами, как с крепостными.

Мак-Парлан, проходя мимо Германа, взглянул на него. Лицо бывшего сыщика осталось невозмутимым, но Герману показалось, что Мак-Парлан его узнал. Уж слишком быстро тот отвел взгляд. Притом этот парень опытный сыщик и когда-то говорил Герингу, что никогда не забывает лиц.

Почему же Мак-Парлан не напомнил, что они знакомы — потому что десантнику на вахте это не положено или по другой причине?

Вошел Бёртон и присоединился к обществу. Через несколько минут он удалился в туалет у лифта. Герман, извинившись, последовал за ним. Бёртон стоял у писсуара в дальнем конце, и рядом никого не было. Герман стал около, пустил струю и тихо сказал по-немецки:

— Спасибо, что не выдали меня моему командиру.

— Я поступил так не из любви к вам. — Бёртон опустил кильт и пошел мыть руки. Герман быстро присоединился к нему и под шум льющейся воды сказал:

— Я уже не тот Геринг, которого вы знали.

— Возможно. Один, сдается мне, не лучше другого.

Герману очень хотелось объяснить, в чем разница, но он не посмел отсутствовать слишком долго и вернулся в наблюдательную.

Иоанн ждал его, чтобы выйти на палубу, откуда можно было лучше увидеть озеро, куда как раз входил пароход.

Повсюду, насколько видел глаз, торчали скальные шпили, вырастая порой прямо из воды. Скалы в основном были розовые, но среди них встречались черные, коричневые, пурпурные, зеленые, алые, оранжевые и синие. Примерно одна из двадцати была покрыта горизонтальными полосами разной ширины — красными, зелеными, белыми и синими.

Герман объяснил, что на западном конце озера горы сужаются, образуя узкий пролив около двухсот футов шириной, окруженный гладкими отвесными стенами семитысячфутовой высоты. Сила течения столь велика, что ни одно гребное или парусное судно не может его преодолеть. Лодки здесь движутся лишь в одну сторону — вниз — и движение это невелико. Однако некие путешественники много лет назад пробили узкую тропу вдоль южной стены. Она пролегает футах в пятистах над проливом и тянется на полторы мили, до самого конца ущелья. Так что пешком там пройти можно.

— Сразу за проливом долина довольно узка, хотя ширина Реки там составляет милю. Там есть питающие камни, но никто не живет. Наверное, из-за течения — оно там так сильно, что рыбачить или ходить под парусом можно лишь по ту сторону пролива. Притом в долину проникает мало света. Однако через полмили вверх имеется залив, где можно стать на якорь.

В нескольких милях выше этого залива долина значительно расширяется. Там начинается страна носачей, волосатых великанов — титантропов. Я слышал, что многих из них перебили, так что половину населения там сейчас составляют обычные люди. — Геринг сделал паузу, зная, что дальнейшие его слова очень заинтересуют — или должны заинтересовать — его слушателей. — Предполагают, что всего в двенадцати тысячах миль от пролива находятся истоки Реки.

Он пытался внушить Иоанну, что лучше продолжить путь. Если истоки так близко, зачем задерживаться здесь ради боя? Особенно если есть вероятность потерпеть поражение. Почему бы не доплыть до истоков и не снарядить экспедицию к таинственной башне?

— Вот как, — сказал Иоанн.

Если он и клюнул на это, то виду не подал. Казалось, его интересует только пролив и то, что находится сразу за ним.

Ответив на несколько вопросов Иоанна касательно этих мест, Герман понял, что король размышляет. Залив прекрасно подошел бы для перемотки моторов. Проллив просто создан для того, чтобы подкараулить «Внаем не сдается». Застигнув противника в ущелье, «Рекс» может обстрелять его торпедами — только они должны дистанционно управляться, поскольку в проливе не меньше трех поворотов.

Кроме того, если Иоанн причалит в заливе, он убережет свою команду от пацифистского влияния шансеров.

Геринг правильно разгадал ход мыслей Иоанна. Нанеся однодневный визит Ла Виро, король поднял якорь и повел «Рекс» через пролив.

Пароход стал на прикол в заливе, и между судном и берегом соорудили плавучий причал. Время от времени король Иоанн со своими офицерами или одни офицеры без него являлись в Аглейю к завтраку — но, когда их приглашали заночевать или погостить дольше, они никогда не соглашались.

Иоанн заверил Ла Виро, что вести бой на озере не намерен.

Ла Виро умолял его попробовать договориться о почетном мире при его, Ла Виро, посредничестве.

При первых двух встречах с Ла Виро Иоанн отказывался. Во время третьей он, к удивлению Ла Виро и Геринга, дал согласие.

— Но я считаю это напрасной потерей времени и усилий, — заметил он. — Клеменс — маньяк. Я уверен, у него на уме только две вещи: вернуть свой пароход и убить меня.

Ла Виро был счастлив, что Иоанн согласился хотя бы попытаться.

Герман такого счастья не испытывал. Поступки Иоанна зачастую расходились с его словами.

Несмотря на просьбы Ла Виро, Иоанн отказался допустить миссионеров Церкви к своей команде. И поставил часовых в конце скальной тропы, чтобы преградить миссионерам дорогу. У него для этого был хороший предлог — он, мол, не хочет, чтобы его внезапно атаковали десантники Клеменса. Ла Виро сказал ему, что препятствовать проходу мирных жителей он не имеет права. Иоанн ответил, что никакого соглашения относительно прохода по тропе не подписывал. Он взял тропу под свой контроль — значит, и права устанавливает он.

Прошло три месяца. Герман тщетно ждал случая отозвать в сторонку Бёртона и Фрайгейта, когда те придут в Аглейо. Они бывали здесь редко, а если и бывали, ему никак не удавалось застать их одних.

Однажды утром Германа вызвали в Храм. Ла Виро сообщил ему новости, только что переданные барабанами. «Внаем не сдается» придет в Аглейо через две недели, и Герингу поручается встретить их в том же месте, что и «Рекс».

Клеменс в Пароландо относился к Герману не слишком дружелюбно, но хотя бы убить его не пробовал. Геринг, поднявшись в рубку, сам удивился своей радости при виде Клеменса и гигант-титантропа Джо Миллера. И американец тут же узнал его. Миллер заявил, что опознал гостя еще раньше — по запаху.

— Только ты пахнешь не так, как раньше, — добавил он. — Лучше.

— Может, это запах святости, — засмеялся Герман.

— Значит, у порока и добродетели своя химия? — ухмыльнулся Клеменс. — А почему бы и нет? Ну а от меня как пахнет после сорокалетних странствий, Джо?

— Как от старых пантерьих какашек.

Ну прямо старые друзья встретились после долгой разлуки! Герман чувствовал, что им почему-то так же приятно видеть его, как ему — их. Возможно, это какая-то извращенная ностальгия. Или чувство вины сыграло здесь свою роль. Они, наверное, чувствовали себя ответственными за то, что случилось с ним в Пароландо. Хотя не с чего как будто — Клеменс очень старался удалить его из страны до начала насильственных действий.

Они кратко рассказали Герману о том, что произошло у них за время их разлуки. А он рассказал о своих приключениях.

Потом все спустились в салон, чтобы выпить и представить Германа разным выдающимся личностям. Сирано де Бержерак вызвали с летной палубы, где он упражнялся в фехтовании.

Француз тоже помнил Германа, хотя и не слишком хорошо. Клеменс еще раз кратко рассказал о деятельности Германа, и тогда де Бержерак вспомнил его проповедь.

Герман подумал, что время определенно изменило и Клеменса, и де Бержерака. Американец, кажется, преодолел свою острую

неприязнь к французу, простив ему то, что тот увел у него Оливию Клеменс. Видно, что оба теперь ладят — они болтают, шутят и смеются.

Однако все хорошее когда-нибудь кончается. Герман сказал:

— Вы, наверное, уже слышали, что пароход короля Иоанна пришел в Аглейю три месяца назад? И что он поджидает вас за проливом на западном конце озера?

Клеменс выругался.

— Мы знали, что расстояние между нами быстро сокращается. Но что он остановился — не знали.

Герман рассказал им, как встречал «Рекс» и что случилось потом.

— Ла Виро продолжает надеяться, что вы с Иоанном сможете простить друг другу обиды. Он говорит, что после столь долгого времени уже не важно, кто начал первым. Он говорит...

Клеменс покраснел и насупил.

— Легко ему говорить о прощении! Ну и пусть толкует о нем хоть до Судного дня — его дело! От проповедей еще никому вреда не бывало, бывает даже и польза — если охота вздремнуть.

Но я не затем проделал такой путь, преодолев все трудности, душевные муки и измены, чтобы погладить Иоанна по головке и признать, что он, в сущности, хороший мальчик, несмотря на все свои пакости — а потом поцеловать его и помириться.

«Ты, Иоанн, потрудился на славу, чтобы уберечь мой пароход от всех злодеев-грабителей, что пытались отнять у тебя столь дорого доставшееся тебе судно. Какого черта, Иоанн — я ненавижу, презирал и проклинал тебя, но все это в прошлом. Я не злопамятен — я добродушный простачок».

— Черта с два! — взревел Клеменс. — Я потоплю его пароход, который так любил когда-то! Теперь он мне не нужен! Иоанн обещал его, превратил в бордель, провонял его! Я потоплю его, чтобы не видеть больше. И так ли, этак ли, но избавлю мир от Иоанна Безземельного. Когда я покончу с ним, он станет Иоанном Бездыханным!

— Мы надеялись, — сказал Герман, — что после стольких лет — через два поколения, как считали раньше — ваша ненависть остыла, а то и угасла совсем.

— Еще бы, — саркастически отозвался Клеменс. — Бывали такие минуты, дни, недели, месяцы, да что там — и годы, когда я не думал об Иоанне. Но когда я уставал от бесконечного странствия по Реке и мне хотелось сойти на берег и остаться там, чтобы отдохнуть от шума колес, от всей этой рутины, от трехразовой ежедневной подзарядки граблей и батацитора, от вечных споров, которые надо улаживать, и вопросов, которые надо решать, когда мое сердце останавливалось при виде женщин, похожих на мою любимую Ливи, или Сюзю, или Джин, или Клару — но это были не они... Тогда я, невыразимо усталый, уже готов был сказать: «Принимай судно, Сирано, а я сойду на берег, отдохну, развлекусь и

позабуду об этом прекрасном чудовище — уведи его вверх по Реке и не приводи обратно...» И вот тут я вспоминал об Иоанне, о том, что он сделал со мной, и о том, что я сделаю с ним.

И я, собравшись с силами, кричал: «Вперед без страха и сомненья! Вперед, пока не схватим Иоанна-злодея и не отправим его на дно Реки!» Мысль о моем долге и самое горячее мое желание — услышать, как будет визжать Иоанн, прежде чем я сверну ему шею — вот что поддерживало меня на протяжении, как вы изволили выразиться, двух поколений!

— Мне грустно это слышать, — только и сказал Герман.

Продолжать разговор на эту тему было бесполезно.

ГЛАВА 25

Бёртон, снова мучаясь проклятой бессонницей, тихо вышел из каюты. Алиса не проснулась. Он прошел тускло освещенным коридором с техасской палубы на летную. Туман подбирался к палубе «Б». Палубу «А» уже затопило. Небо над головой сияло звездами, но с запада быстро надвигались тучи. Небо здесь было узким — его закрывали горы по обе стороны долины. «Рекс» стоял в заливе двумя милями выше ущелья, но долина тут была немногим шире. Холодное, мрачное, навещающее тоску место. Иоанну стоило трудов поддерживать в команде боевой дух.

Бёртон зевнул, потянулся и подумал, не закурить ли ему сигарету, а то и сигару. Черт бы драл эту бессонницу! За шестьдесят лет жизни в этом мире пора бы научиться бороться с этим бедствием, от которого он пятьдесят лет страдал на Земле. (Ему было девятнадцать, когда его поразил этот страшный недуг.)

Ему предлагали множество способов излечиться. У индусов дюжина таких средств, у мусульман не меньше. У диких племен Танганьики существуют свои испытанные методы. Да и в этом мире он уже перепробовал с десяток. Нур эль-Музафир, суфи, обучил его методике, которая оказалась несколько поэффективнее прочих. Но за три года, продвигаясь на дюйм-другой ночь за ночью, старая ведьма-бессонница вновь отвоевала свой плацдарм. Порой Бёртон почитал себя счастливецом, если ему удавалось проспать две ночи из семи.

— Ты мог бы победить бессонницу, — сказал ему Нур, — если бы знал, что ее вызывает. Бороться нужно с первопричиной.

— Да. Знай я, в чем она, первопричина, и как ее искоренить — я бы не только бессонницу победил, но и весь мир в придачу.

— Сначала тебе нужно победить самого себя. Но когда это произойдет, ты увидишь, что завоевывать мир не стоит.

Двое часовых у заднего входа на техаску двинулись в обход по полутемной летной палубе, сошлись на середине, отсалютовали винтовками друг другу, повернулись, снова зашагали в конец палубы, повернулись и начали все сначала.

Здесь несли свой четырехчасовой караул Том Микс и Грапшинк. Бёртон заговорил с ними без опаски, зная, что в передней части тexasки есть еще двое часовых, двое в рубке и еще множество по всему пароходу. После налета Клеменса Иоанн по ночам ставил часовых везде.

Бёртон поболтал немного с Грапшинком, американским индейцем, на его родном языке, желая выучить и этот. Том Микс внес свой вклад, рассказав сальный анекдот. Все посмеялись, а Бёртон сказал, что слышал другую версию в эфиопском городе Хараре. Грапшинк сознался, что и он слышал нечто подобное на Земле — а было это за тридцать тысяч лет до Рождества Христова.

Бёртон сказал, что проверит другие посты, спустился на главную палубу «Б» и пошел на корму. Проходя мимо светлого пятна в тумане, он краем левого глаза уловил какое-то движение. Не успел он обернуться, как получил удар по голове.

Очнулся он, лежа на спине и глядя в туман. Выли сирены, некоторые совсем близко. Затылок страшно болел. Бёртон ощупал шишку, поморщился и поскорей убрал руку. Шатаясь, он поднялся на ноги и увидел, что по всему пароходу зажглись огни. Люди с криками пробегали мимо. Кто-то остановился — это была Алиса.

— Что случилось? — крикнула она.

— Я знаю только, что меня кто-то оглушил. — И он двинулся на нос, но принужден был ухватиться за стенку.

— Пойдем, я отведу тебя в лазарет.

— К черту лазарет! Веди меня в рубку. Надо доложить королю.

— С ума сошел. А если у тебя контузия или череп поврежден? Тебе даже ходить нельзя. Нужно лечь на носилки.

— Чепуха, — буркнул он и заковылял дальше.

Она заставила его опереться на нее, и они вместе зашагали на нос. Бёртон слышал, как поднимают якоря и скрежещут цепи в клюзах. У паровых пулеметов и ракетных установок выстроились расчеты.

— Что случилось? — спросила у кого-то Алиса.

— Не знаю! Говорят, большой катер увели. Вверх по Реке.

Тогда, подумал Бёртон, меня огрел тот, кто стоял на стреме.

Он был уверен, что кражу совершили свои же. Вряд ли кто-то мог пробраться на борт незамеченным. Со времен налета по ночам здесь всегда работают сонары, радар, инфракрасные детекторы. Операторы не смеют глаз сомкнуть. Последнего, кто уснул на посту десять лет назад, скинули в Реку через две минуты после разоблачения.

В рубке Бёртону пришлось подождать, пока король найдет минуту и для него. Выслушав доклад о происшедшем, Иоанн не проявил никакого сочувствия: он был вне себя, бранился, отдавал приказы, топотал по рубке.

— Ступай в лазарет, Гвалхвинн, — велел он. — Если доктор сочтет тебя негодным для службы, пусть тебя заменит Демагтс. Все равно от десантников теперь толку чуть.

— Да, сир, — сказал Бёртон и отправился в госпиталь на палубе «В».

Доктор Дойл просветил ему череп рентгеном, очистил и перевязал рану на голове и велел полежать.

— Ни контузии, ни трещины нет. Нужен только покой.

Бёртон лег. Вскоре в динамиках раздался голос Струбвелла. Отсутствует двенадцать человек: семеро мужчин и пятеро женщин.

Тут включился Иоанн, слишком злой, как видно, чтобы позволить перечислить их имена первому помощнику. Трясущимся голосом он аттестовал пропавших как «неверных собак, мятежных свиней, подлых вонючих хорьков, трусливых шакалов и желтобрюхих гиен».

— Прямо зверинец, — сказал Бёртон Алисе.

Последовал список имен. Все они были предполагаемые агенты, все говорили, что жили после 1983 года.

Иоанн считал, что они сбежали из страха перед боем.

Не будь он так взбешен, он сообразил бы, что эти двенадцать не раз доказывали свое мужество на деле.

Бёртон-то знал, почему они сбежали. Они хотят побыстрей добраться до башни и не хотят участвовать в ненужном им бою. Поэтому они угнали катер и несутся вверх по Реке со всей возможной скоростью. И надеются, конечно, при этом, что Иоанн не погонится за ними, опасаясь Клеменса.

Иоанн действительно боялся, как бы «Внаем не сдается» не прошел через пролив, пока «Рекс» будет гоняться за катером. Однако у часовых на тропе над проливом была рация, и они сразу доложили бы, если бы противник вошел в ущелье. Но если «Рекс» уйдет слишком далеко вверх, он не успеет вернуться, чтобы блокировать Клеменса.

Учитывая все это, Иоанн все же решил рискнуть. Он не даст дезертирам уйти безнаказанно. Катер нужен ему для боя. Кроме того, королю отчаянно хочется догнать и покарать беглецов.

В былые времена на Земле он велел бы их пытать. Он бы и сейчас охотно предал их дыбе, колесу и огню, но знал, что его команда — большинство ее во всяком случае — такого варварства не потерпит.

Ему позволят разве что расстрелять этих двенадцать, хотя и с тяжелым сердцем — надо же поддерживать дисциплину. Да и кража катера усугубила вину беглецов.

Бёртон застонал.

— Что с тобой, милый? — спросила Алиса.

— Ничего, уже прошло.

Здесь были другие сестры, поэтому он не сказал ей о том, что только сейчас пришло ему в голову: ведь Струбвелл-то остался на борту. Почему? Почему он не ушел с другими агентами?

А Подебрад? Подебрад, чешский инженер, главный подозреваемый? Его тоже не было в списке.

Вот еще один вопрос из тех многих, которые Бёртон задаст когда-нибудь схваченному агенту. Может, и не нужно ждать этого «когда-нибудь». Почему бы не пойти к Иоанну теперь же и не сказать ему всю правду? Иоанн посадит Струбвелла и Подебрада под замок и подвергнет их допросу без всякого там крючкотворства и проволочек.

Нет. Сейчас нельзя. Иоанн не успеет допросить их. Надо подождать, пока не кончится бой. Кроме того, эти двое могут просто покончить с собой.

Пойдут ли они на это — теперь, когда воскрешений больше нет?

Все возможно. Если жители долины больше не оживают, это еще не значит, что не оживают агенты. Они могут воскреснуть далеко отсюда, в обширных подземельях башни.

Но Бёртон в это не верил. Если бы агенты воскресали там, они сразу бы прибегли к самоубийству, а не садились бы на колесный паром, чтобы доехать до башни.

Бёртон собирался, если переживет бой вместе со Струбвеллом и Подебрадом, захватить их врасплох и оглушить, не дав им включить мысленный код, выпускающий яд из черного шарика в мозг — а когда они начнут приходить в себя, гипнотизировать их.

Все это хорошо. Но пока остается вопрос: почему те двенадцать сбежали, а эти двое остались?

Не для того ли, чтобы совершить диверсию в случае, если Иоанн погонится за беглецами?

Похоже, это единственное объяснение. Значит, надо идти к Иоанну и разоблачать их.

Но поверит ли ему Иоанн? Не подумает ли, что удар по голове повредил Бёртону мозги?

Возможно — но он поверит, когда Бёртон призовет в свидетели Алису, Казза, Лоху, Фрайгейта, Нура, Лондона и Умслопогааса.

К тому времени, однако, Струбвелл и Подебрад могут догадаться о происходящем и скрыться. Хуже того, они могут взорвать паром — или что они там еще замышляют.

Бёртон поманил пальцем Алису и тихо велел ей передать Нуру эль-Музафиру, чтобы тот приставил кого-нибудь из их группы к Подебраду в котельной и к Струбвеллу в рубке. При подозрительных действиях, угрожающих судну, подозреваемых следует оглушить ударом по голове. А если такой возможности не представится, то застрелить их или заколоть.

— Но почему? — округлила глаза Алиса.

— После объясню! — рявкнул Бёртон. — Иди, не то поздно будет!

Нур поймет, что означает этот приказ. И постарается его выполнить. Не так-то легко будет послать кого-то в котельную и в рубку. Сейчас все стоят на своих местах. Уйти с поста без разрешения было бы тяжким преступлением. Нуру придется придумать что-нибудь, и быстро.

— Есть! — сказал вдруг Бёртон. И соединился по госпитальному телефону с рубкой. Связист хотел позвать Струбвелла, но Бёртон настоял на разговоре с королем. Иоанн, придя в большое раздражение, все же внял просьбе Бёртона и спустился в наблюдательную. Там он отключил связь с рубкой — теперь их никто не услышит, если на линии нет подслушивающих «жучков».

— Сир, — сказал Бёртон, — вот что я думаю. А вдруг дезертиры заложили бомбу где-то на пароходе? Если они увидят, что мы их вот-вот схватим, они передадут по радио кодированный сигнал, и бомба взорвется.

Иоанн помолчал и спросил голосом чуть выше обычного:

— Думаешь, такая возможность есть?

— Если я додумался до этого, почему не могли додуматься они?

— Я сейчас же объявлю поиск. Если ты в силах, присоединяйся.

Иоанн повесил трубку. Минутой позже в динамиках загрел голос Струбвелла, приказывающего обследовать каждый дюйм судна на предмет взрывных устройств. Офицерам предписывалось немедленно организовать поисковые партии. Струбвелл назначил каждому свой участок.

Бёртон улыбнулся. Вот и не пришлось ничего открывать Иоанну; пусть-ка теперь Струбвелл с Подебрадом займутся поиском тех самых бомб, которые, возможно, сами же и заложили.

ГЛАВА 26

Бёртон вышел из лазарета. Поскольку ему не назначили определенного сектора, он решил действовать в качестве вольного стрелка: пойти на котельную палубу и обследовать машинное отделение и склады боеприпасов.

Спускаясь по лестнице на палубу, он услышал пистолетную стрельбу и крики. Шум, похоже, доносился снизу, и Бёртон зашел, морщась от боли на каждой ступеньке. На середине палубы «А» у борта толпился народ. Бёртон подошел и стал проталкиваться к предмету всеобщего внимания.

Это был смазчик Джеймс Маккенна. Он лежал на боку, с пистолетом у раскрытой руки. В голове у него торчал томагавк.

Огромный ирокез Доййи вышел вперед, нагнулся и выдернул томагавк.

— Он стрелял в меня, но промахнулся, — сказал он.

Королю следовало бы отдавать приказы лично, а не по селектору. Тогда Маккенну, возможно, поймали бы с поличным, когда он прилаживал десять фунтов пластиковой взрывчатки к корпусу в темном углу машинного отделения. Впрочем, какая разница. Маккенна ушел оттуда, как только услышал по радио, что объявлен поиск. Он сохранял хладнокровие и вел себя как ни в чем не бывало. Но помощник электрика заметил его и окликнул, и тогда Маккенна выстрелил в него. Потом побежал и убил двоих,

мужчину и женщину, стараясь прорваться к борту. Поисковая партия, бегущая в его сторону, обстреляла его, но без успеха. Маккенна ранил еще одного, но в Доййии не попал. Теперь Маккенна лежал мертвый и уже не мог сказать, почему пытался взорвать пароход.

Король Иоанн спустился посмотреть на бомбу. К запалу были присоединены проводами часы и блок взрывчатки. Стрелка стояла на десяти — через двадцать минут произошел бы взрыв.

— Этого хватило бы, чтобы проделать дыру шире, чем весь правый борт, — весело сказал эксперт-взрывник. — Прикажете убрать, сир?

— Да, и немедленно, — спокойно ответил Иоанн. — Постой. Ведь радио при ней нет?

— Нет, ваше величество.

— Странно. Ничего не понимаю, — нахмурился Иоанн. — Почему дезертиры поручили одному из своих заложить бомбу с часовым механизмом, если ее куда проще взорвать по радио? А Маккенна мог бы уйти с ними, не подвергаясь опасности. Бесмыслица какая-то.

Бёртон, примкнув к группе офицеров, сопровождавших Иоанна, молчал.

Стоит ли раскрывать Иоанну глаза, если можно назвать раскрытием глаз то, что он, Бёртон, скажет?

Маккенна явился к ним сразу после десанта с «Парсеваля», вызвавшись заменить одного из убитых. Теперь Бёртону представлялось очевидным — во всяком случае, очень возможным, что Маккенну сбросили на парашюте или планере с борта «Парсеваля». Как это называли таких людей в двадцатом веке? Да... «пятая колонна». Клеменс заслал к ним своего человека в ожидании того дня, когда «Внаем не сдается» сойдется с «Рексом», и с приказом взорвать судно, когда день настанет.

Бёртон не понимал одного — почему Клеменс приказал Маккенне так долго ждать. Почему было не взорвать корабль при первом удобном случае? Зачем было тянуть сорок лет? Существовала ведь возможность, что Маккенна, сжившись за столько лет с «Рексом», перейдет на сторону врага. Он не имел никакой связи с «Внаем не сдается» — трудно хранить верность тем, кто существует только в воспоминаниях.

Но, возможно, Клеменс об этом не подумал.

Странно. Всякому, кто читал книги Клеменса, известно, какой он тонкий психолог.

Тогда, быть может, Клеменс приказал Маккенне не уничтожать «Рекс» без крайней на то необходимости?

— Выкиньте эту дрянь в Реку, — сказал Иоанн, кивнув на труп.

Так и сделали. Бёртон не нашел предлога, чтобы попросить перенести тело в морг. Там он мог бы вскрыть череп и посмотреть, нет ли в мозгу черного шарика. Но теперь уж поздно. Теперь Маккенну вскроют рыбы.

Как бы ни обстояли дела, для Маккенны все кончено. Поиск продолжался — одна бомба нашлась, но могли быть и другие. Через некоторое время выяснилось, что на судне нет больше взрывных устройств — ни внутри, ни снаружи. Водолазы обследовали каждый дюйм обшивки.

Бёртон подумал, что дезертирам, будь у них голова на плечах, следовало бы позаботиться о потоплении судна перед своим отплытием. Тогда ни сам пароход, ни его авиация не смогли бы преследовать их. Но они агенты и не выносят насилия, хотя и прибегают к нему в крайних случаях.

И был один верный способ выяснить, кто такой Маккенна: агент этиков или агент Клеменса.

Одно, во всяком случае, ясно: Подебрад и Струбвелл — не диверсанты.

Зачем же они тогда остались на борту?

Бёртон долго думал об этом и наконец воскликнул: «Ха!»

Они остались добровольно. Вызвались сами, поскольку на «Внаем не сдается» есть один или несколько человек, с которыми им надо связаться. Друзья там плывут или враги, у этих двоих есть веская причина для встречи с ними. Поэтому они и приняли рискованное решение остаться на «Рексе» во время боя. Если «Рекс» победит, что возможно — хотя шансы, казалось бы, против него — и если эти двое выживут, им представится случай заполучить любого, кто плавал с Клеменсом.

Но вот откуда они могут знать, что нужные им лица находятся на «Внаем не сдается»?

Возможно, у них имеется какая-то тайная техника связи — Бёртон не представлял себе, что это может быть.

Он стал думать о дезертирах. Известно ли им о лодках в пещере на берегу полярного моря и о двери у подножия башни?

Он надеялся, что они не слышали рассказа Пахери. Насколько Бёртону было известно, только он, Алиса, Фрайгейт, Логу, Нур, Лондон, Микс, Казз и Умслопогаас знали об открытии древних египтян. Во всяком случае, здесь, на пароходе. За его пределами, конечно, полно таких, что слышали Пахери из первых рук, а также из вторых, третьих и четвертых.

Но Икс, по всей вероятности, тоже среди дезертиров, и он сообщит агентам о тайном ходе.

Хотя не обязательно. Икс, наверное, тоже выдает себя за агента. Он использует своих спутников, чтобы добраться до башни, а там сделает так, чтобы они, как Эхнатон и его люди, лишились сознания или умерли.

А вдруг Подебраду и Струбвеллу стало известно, что Икс плывет на «Внаем не сдается»?

Впрочем, Иксом может быть и любой из них.

Бёртон пожал плечами. Придется разрешить событиям идти своим чередом, пока он не найдет случая повлиять на них. А уж тогда он сверзится, как сова на мышь.

Малоудачное сравнение. Агенты и этики больше смахивают на тигров.

Но ему это все равно. Когда придет нужда, он атакует.

Бёртон снова подумал, не рассказать ли обо всем Иоанну. Тогда взятые в плен агенты будут застрахованы от казни на месте. Правда, их нужно будет оглушить, чтобы помешать им покончить с собой. Но среди двенадцати—четырнадцать схваченных, включая Струбелла и Подебрада, кто-то один непременно будет без сознания. Ладно, подождем еще немного. Может, и не придется ничего открывать Иоанну.

Пароход снова был поставлен на якорь, пока водолазы обследовали корпус. Потом он опять двинулся вверх по Реке на предельной скорости. Вскоре пришлось подойти к берегу, чтобы подзарядиться от питающего камня. Настал рассвет; камни громыхнули и разрядились. Кабель втянули обратно, и «Рекс» опять устремился в погоню. После завтрака у трех самолетов прогрели моторы. Затем Фосс и Окаба на своих бипланах и торпедный бомбардировщик с ревом поднялись с откидной кормы легкой палубы.

Предполагалось, что пилоты засекут катер через час-другой. Дальнейшие действия оставлялись на их усмотрение в установленных Иоанном пределах. Король не желал топить или выводить из строя катер, нужный ему для боя. Самолеты могли обстрелять катер, помешав ему плыть дальше, и задержать его до подхода «Рекса».

Через час и двадцать две минуты после взлета вышел на связь Окаба, доложив, что катер замечен и что предпринята попытка связаться с дезертирами по радио. Ответа они не дали. Сейчас три самолета поочередно снизятся над катером и обстреляют его из пулеметов. Атаки будут короткими — свинцовые пули имеют слишком большую ценность и слишком нужны для боя против «Внаем не сдается». Если через несколько заходов дезертиры не сдадутся, не повернут обратно или не покинут катер, рядом с судном будут сброшены бомбы.

Окаба сообщил еще, что катер находится в нескольких милях выше места, где долина внезапно расширяется. Катер уже ходил в этот район два месяца назад во время перемотки. Его экипаж вел переговоры с титантропами — на эсперанто, разумеется — с целью завербовать человек сорок в десант. Король Иоанн, в случае встречи с Клеменсом борт о борт, предполагал поставить этих великанов во главе абордажников. Два десятка таких, как Джо Миллер, могли в короткий срок очистить все палубы Клеменса. И один Миллер не сумел бы выстоять против натиска столь многих своих собратьев.

Но, как выяснилось к горькому разочарованию Иоанна, все опрошенные титантропы принадлежали к Церкви Второго Шанса. Они отказались сражаться да еще попытались обратить экипаж катера в свою веру.

Были, возможно, и такие титантропы, что не поддались на проповеди миссионеров, но некогда было их отыскивать.

Самолеты устремились к катеру, и население — частью обыкновенные гомо сапиенс, частью настоящие великаны — высыпало на берег, чтобы поглазеть на них. Внезапно Окаба сообщил:

— Катер направляется к правому берегу!

Японец спикировал, но стрелять не стал. Он не мог вести огонь по катеру, не рискуя зацепить местных жителей — а у него был строгий приказ не раздражать их без крайней нужды. Иоанн не хотел плыть через враждебно настроенные края после потопления «Внаем не сдается».

— Дезертиры прыгают в воду и плывут к берегу! — докладывал Окаба. — Катер дрейфует вниз по течению!

Иоанн выругался и приказал торпедному бомбардировщику сесть на Реку. Пусть его стрелок подцепит катер, чтобы доставить его на «Рекс». Да поскорей, пока не подплыл кто-нибудь из местных и не присвоил катер себе.

— Дезертиры смешались с толпой, — сообщил Окаба. — Предполагаю, что после нашего отлета они уйдут в холмы.

— Зубы Господни! — вскричал Иоанн. — Мы никогда их там не найдем!

Бёртон, бывший в то время в рубке, промолчал. Он знал, что позднее агенты уведут парусник и снова пустятся вверх по Реке. И «Рекс» сможет захватить их, если не потонет и не получит серьезных повреждений.

Через несколько минут после того, как катер водворили на «Рекс» и оба истребителя приземлились, на пароходной рации зажегся оранжевый огонек. Радист выпучил глаза и на миг потерял дар речи. Тридцать лет он и его сменщики ждали, когда это случится, не веря, что это все-таки произойдет. Наконец он опомнился и выговорил:

— Сир! Сир! Частота Клеменса!

Частота, которой пользовался «Внаем не сдается», была давно известна. Клеменс мог бы изменить ее — тогда радисты «Рекса» прочесали бы весь диапазон, пока не засекили бы ее опять. Но Клеменс, как видно, не видел никакой причины менять длину волны. Все его немногие передачи, перехваченные до сих пор «Рексом», были зашифрованы.

Но не эта. Эта передача не предназначалась для «Парсевалья», для катеров или аэропланов Клеменса. Она велась открытым текстом на эсперанто и предназначалась для «Рекса».

Говорил не сам Клеменс, а Джон Байрон, его старший помощник — и желал он говорить не с королем, а с его первым офицером.

Иоанна, который удалился к себе то ли поспать, то ли позабавиться с очередной сожительницей, вызвали обратно. Струбвелл не осмеливался разговаривать с Байроном без разрешения капитана.

Иоанн вознамерился поговорить с Клеменсом напрямую, но тот через Байрона отказался, не объяснив причины отказа.

Иоанн через своего помощника ответил, что тогда вообще никаких переговоров не будет. Но Байрон через минуту, сквозь шум и треск, заявил, что имеет одно предложение. Его командир так и не решился вступить с Иоанном в прямой разговор, боясь выйти из себя и обругать короля так, как еще никто никого не ругал во Вселенной. Включая Иегову, проклявшего Сатану перед тем, как свергнуть его с небес.

Клеменс имел к Иоанну честное предложение, но его — и придется Иоанну это понять — следовало передать через посредника. Через полчаса, в которые Клеменс бранился, кипел и не находил себе места, Иоанн при посредстве Струбвелла согласился выслушать, что ему предлагают.

Бёртон был опять в рубке, слышал все с самого начала, и предложение Клеменса ошеломило его.

Иоанн выслушал все до конца и ответил, что должен переговорить со своими летчиками-истребителями Вернером Фоссом и Кеньи Окабой. Приказывать им в данной ситуации он не может. Кстати, как зовут пилотов Клеменса?

Байрон ответил: Уильям Баркер, канадец, и Жорж Гинеме, француз — оба асы первой мировой.

После краткого изложения биографий неприятельских пилотов Иоанн вызвал в рубку Фосса и Окабу и объяснил им положение дел.

Поначалу их это ошарашило. Придя в себя, они переговорили друг с другом, и Окаба сказал:

— Сир, мы летаем у вас двадцать лет. В основном это была нудная, малоопасная служба. Мы давно ждали этого момента — мы знали, что он настанет. И нам не придется сражаться с бывшими соотечественниками или с былыми союзниками — хотя, кажется, в первую мировую моя страна была союзницей Англии и Франции. Мы согласны. И горим нетерпением.

«Кто же мы такие? — подумал Бёртон. — Рыцари короля Артура? Идиоты? Или все вместе?»

Однако он сам отчасти одобрял решение летчиков и был глубоко взволнован.

ГЛАВА 27

«Внаем не сдается» стоял на якоре у правого берега, на несколько миль выше входа в озеро. Геринга доставили в Аглейю на катере под названием «Афиш не расклеивать». Клеменс передал извинения Ла Виро за то, что не явился к нему немедленно. К несчастью, его задерживает прежняя договоренность, сказал он. Но к завтрашнему вечеру, а возможно, послезавтра, он прибудет в собор.

Геринг стал упрашивать Клеменса обратиться с предложениями о мире к королю Иоанну. Клеменс, как и ожидал Герман, отказался.

— Заключительный акт этой драмы чересчур долго откладывался. Чертов антракт затянулся на сорок лет. Теперь ничто не может помешать постановке.

— Это не театр. Прольется настоящая кровь. Будет ощущаться настоящая боль. И смерть будет настоящей. И чего же ради?

— Есть ради чего. Я больше не хочу говорить об этом.

Клеменс сердито затянулся большой зеленой сигарой. Геринг молча благословил его троеперстным знамением и вышел из рубки.

Весь день на корабле шла подготовка. На окна ставились толстые дюралюминиевые щиты с амбразурами. В концах коридоров и проходов устанавливались толстые дюралюминиевые двери. Проверялись боеприпасы. Производилась пристрелка паровых пулеметов. Испытывались вертикальные и горизонтальные платформы и подъемники 88-миллиметровых пушек.

В пусковые установки закладывались ракеты, и проверялись системы доставки новых из недр палубы «А». Испытывалось оружие, работающее на сжатом воздухе. Поднимались в воздух аэропланы с полным вооружением на борту. Катера тоже вооружались. Подвергались пробе радар, сонар и инфракрасные детекторы. Выпускались и убирались абордажные мосты.

Каждый пост провел не менее дюжины учений.

Зарядив вечером батацитор и граали, «Внаем не сдается» совершил пятимильный круиз, продолжая вести учения. Радар, обследовав озеро, «Рекса» на нем не нашел.

Перед тем как объявить отбой, Клеменс собрал почти всю команду в салоне. Вахтенным его краткая, почти серьезная речь передавалась по радио.

— Мы проделали фантастически долгий рейс по Реке — возможно, самой длинной реке во Вселенной. У нас были взлеты и падения, были трагедии, была боль, была скука, были комедии, были трусливые дела, были и героические. Много раз мы смотрели в лицо смерти. Чья-то смерть радовала нас, но мы расплачивались за это смертью дорогих нам людей.

Долгий был рейс, очень долгий. Мы прошли семь миллионов двести тысяч двадцать миль. Это почти половина Реки, чья предполагаемая длина — четырнадцать миллионов пятьсот тысяч миль. Долгий путь.

Но мы, пройдя его, пойдем дальше. Еще сто двадцать семь тысяч пятьсот миль — и останется каких-нибудь семь миллионов.

Каждый, кто записывался к нам, знал, чего ему будет стоить путешествие на этом огромном, роскошном судне. Ему или ей разъясняли цену билета. За этот рейс расплачиваются в конце, а не в начале.

Я знаю каждого из вас так, как только один человек может знать другого. Вы все подверглись строгому отбору и все оправдали мои ожидания. Вы прошли через множество испытаний и вышли из них с высокой оценкой. Поэтому я полностью уверен, что и завтрашнее, последнее, самое тяжелое испытание вы тоже выдержите.

Я говорю так, будто нам предстоит экзамен по арифметике в средней школе, или так, будто я футбольный тренер, натаскивающий команду перед матчем. Сожалею — но наш экзамен, наш матч, будет смертельным, и некоторые из вас не доживут до конца завтрашнего дня. Но вы знали цену, когда подписывали контракт, так что не помышляйте о том, чтобы смыться.

Но когда завтрашний день кончится...

Клеменс обвел глазами аудиторию. Джо Миллер, сидящий на огромном стуле на возвышении, запечалился, и слезы текли по его корявым щекам.

Маленький де Марбо вскочил, поднял бокал и крикнул:

— Троекратное ура нашему командиру — и выпьем за него!

Раздались громкие «ура». Когда вино было выпито, поднялся носатый, тощий как шпага де Бержерак:

— А теперь за победу! Не говоря уж о гибели Иоанна Безземельного, да будет он проклят навеки!

В ту ночь Сэм долго не ложился спать, шагая взад-вперед по рубке. Хотя пароход стоял на якоре, вахту нес полный состав. «Внаем не сдается» мог бы поднять якорь и отплыть, развив предельную скорость, в течение трех минут. Если Иоанн попытается напасть ночью, несмотря на свое обещание не делать этого, он не застанет Сэма врасплох.

В рубке почти не разговаривали. Сэм пожелал всем доброй ночи, вышел и несколько минут ходил по летной палубе. На берегу горело множество огней. Вироландцы знали, что намечено на завтра, и были слишком возбуждены и встревожены, чтобы улечься спать в свое обычное время. Несколько раньше у берега появился сам Ла Виро в рыбацкой лодке, прося разрешения подняться на борт. Клеменс ответил в рупор, что рад его видеть, но отказывается что-либо обсуждать до послезавтра. Он сожалеет, но иначе нельзя.

Высокий смуглый человек с мрачным лицом отплыл, но прежде благословил Сэма. Сэм устыдился.

Теперь он прошел по всем палубам с обеих сторон, проверяя часовых. Результатами он остался доволен и решил, что хватит шататься по судну. Гвенафра уже, наверное, ждет его в постели. Возможно, она захочет заняться любовью — вдруг завтра кого-то из них или их обоих не останется в живых. Сэм пока что не чувствовал себя в настроении, но она владела удивительным умением поднимать его дух — помимо всего прочего.

Он правильно угадал. Она действительно настаивала, но недостаток энтузиазма с его стороны был налицо, и она, отчаявшись восполнить его, отступилась. И не стала упрекать Сэма. Просто

попросила, чтобы он обнял ее и поговорил с ней. Поговорить Сэм отказывался редко, и они беседовали добрых два часа.

Перед тем как уснуть, Гвенафра сказала:

— Хотела бы я знать, нет ли Бёртона на «Рексе»? Вот было бы забавно, да? Не в смысле смешно, а в смысле удивительно. Нет, это было бы ужасно.

— Ты так и не преодолела свою девчоночью влюбленность в него, да? Как видно, это была фигура — для тебя, по крайней мере.

— Нет, не преодолела — хотя не уверена, конечно, понравился бы он мне сейчас или нет. И все-таки — вдруг он служит у короля Иоанна и мы его убьем? Я бы чувствовала себя ужасно. Представь, что на «Рексе» плавают кто-нибудь, кого любишь ты.

— Весьма маловероятно. Меня это как-то не беспокоит.

Его беспокоило это. Дыхание Гвенафры давно уже стало ровным и глубоким, а он все лежал без сна. Что, если на «Рексе» плавают Ливи? Нет, быть не может. Ведь это один из людей Иоанна убил ее в Пароландо. Она никогда не села бы на его корабль. Разве только с намерением убить его и тем отомстить за себя. Нет, это на нее непохоже. Для этого у нее слишком мягкий характер, хотя она и способна яростно сражаться за тех, кого любит. Но мстить она не стала бы.

Клара? Джин? Сюзи? Может ли на «Рексе» быть кто-то из них? Шансы ничтожно малы. И все-таки... порой случается даже то, что невероятно с математической точки зрения. И снаряд, пушенный с его парохода, убьет его дочь. И она будет навсегда потеряна для него — ведь воскрешений больше нет.

Он чуть было не встал с постели, не пошел в рубку и не велел радисту передать на «Рекс», что хочет заключить мир, отказаться от боя, от ненависти и от жажды мести.

Чуть было.

Все равно Иоанн не согласится.

Но откуда он, Сэм, может это знать, пока не попробует?

Нет. Иоанн неисправим. Так же упрям, как его враг Сэм Клеменс.

— Как же мне плохо, — сказал Сэм.

И вскоре провалился в сон.

Эрик погнался за ним со своим обоюдоострым топором. И Сэм побежал от страшного норвежца, как столько раз уже бегал в кошмарных снах. Эрик кричал позади: «Bikkja! Кал Рататока! Я говорил тебе, что буду тебя ждать у истоков Реки! Умри, преданный предатель! Умри!»

Сэм застонал и проснулся в поту, с колотящимся сердцем.

Какая это будет ирония, какой поэтический сюжет, какое возмездие, если Эрик окажется на «Рексе».

Гвенафра проговорила что-то сквозь сон. Сэм погладил ее по голой спине и тихо сказал:

— Спи, невинное дитя. Ты-то никого не убивала — надеюсь, и не убьешь.

Но разве ее не призвали завтра заняться именно этим?

— Это уж слишком, — сказал он себе. — Надо поспать. Надо завтра быть в хорошей физической и душевной форме. Иначе... ошибка с моей стороны... усталость... кто знает?

Но ведь «Внаем не сдается» гораздо больше «Рекса», гораздо лучше укреплен и вооружен — он не может не победить.

Надо спать.

Внезапно он сел, вперив глаза во тьму. Завыли сирены, и третий помощник Кregar закричал из селектора на стене:

— Капитан! Капитан! Просыпайтесь!

Клеменс вылез из постели и подошел к селектору.

— Да, в чем дело?

Неужто Иоанн все-таки атаковал? Вот подлый сукин сын!

— Операторы ночного видения докладывают, что семь человек прыгнули за борт. Видимо, дезертиры!

Итак, Сэм ошибался, заявив в своей речи, что все здесь люди испытанные, доказавшие свое мужество. Кое-кому не хватило храбрости. Или здравый смысл у них возобладал. И они ушли. В точности как он, Сэм, когда в Америке началась война между штатами. Пробыв две недели в добровольном миссурийском ополчении конфедератов и увидев, как один из его товарищей застрелил безвинного прохожего, Сэм дезертировал и ушел на запад.

И на этих семерых он по-настоящему не гневался. Но другим этого показывать было нельзя. Надо было принять свирепый вид, побушевать как подобает, предать проклятию подлых крыс и так далее. Ради поддержания дисциплины и боевого духа.

Он уже вошел в лифт, чтобы подняться в рубку, и тут его осенило.

Эти семеро — не трусы. Они агенты.

У них не было резона оставаться на борту и, возможно, погибнуть. У них есть более высокий долг, чем верность Клеменсу и его судну.

Он вошел в рубку. По всему пароходу горели огни. Прожектора высвечивали на берегу горстку мужчин и женщин с граалями, бежавших так, будто самые затаенные их страхи ожили и вот-вот схватят их.

— Будем стрелять? — спросил Кregar.

— Нет. Еще попадем в кого-то из местных. Пусть бегут. Они еще попадутся нам после боя.

Беглые, безусловно, попросят убежища в храме. Ла Виро их не выдаст.

Сэм приказал Кregarу произвести переключку. Определились имена отсутствующих, и Сэм прочел их список на экране. Четверо мужчин и три женщины, все будто бы жившие после 1983 года. Подозрения Сэма относительно таких людей подтвердились, но было поздно что-либо предпринимать.

Да. Теперь поздно, но после боя он уж найдет какой-нибудь способ заполучить беглецов и допросить их. Они должны знать хотя бы половину тайн, не дающих ему покоя. А может быть, знают все тайны.

— Выключи сирены, — сказал он Крегару. — Объяви всем, что это была ложная тревога и можно ложиться спать. Спокойной ночи.

Однако ночь спокойной не была. Он много раз просыпался, и его мучили кошмары.

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ В МИРЕ РЕКИ

ГЛАВА 28

В долине Вироландо полдень.

Вот уже тридцать лет, как небо в этот час пестрит разнообразными планерами и воздушными шарами. Сегодня небо чисто, как взор младенца. Гладь Реки, всегда усеянная лодками с белыми, красными, черными, зелеными, фиолетовыми, пурпурными, оранжевыми и желтыми парусами, пуста — сплошная зеленовато-синяя равнина.

По обоим берегам бьют барабаны, наказывая всем не подниматься в воздух, не выходить на Реку и держаться подальше от берегов.

Несмотря на это, на левом берегу собрались толпы народу. Большинство, правда, заняло места на скалах и на мостах между ними. Всем хочется посмотреть бой, и любопытство пересиливает страх. Призывы Ла Виро отойти в предгорья не помогли — слишком заманчиво предстоящее зрелище. Никого нельзя убедить отойти на безопасное расстояние. Люди, не знающие, что такое оружие двадцатого века — не видевшие никакого оружия, кроме самого примитивного — не понимают, что им грозит. Мало кто из них сталкивался даже с легкими проявлениями насилия. И вот эти невинные души запрудили всю равнину и влезли на скалы.

Ла Виро молился, стоя на коленях в храме.

Герман Геринг, отчаявшись утешить его, поднялся по лестнице на верхушку одной из скал. Предстоящее злое дело было ненавистно ему, но он хотел это видеть. И, надо сознаться, волновался, как ребенок перед началом циркового представления. Это прискорбно — значит, со старым Герингом далеко еще не покончено. Но Герман не мог остаться в стороне от боя и сопряженного с ним кровопролития. Он не сомневался, что горько об этом пожалеет — но ведь в Мире Реки такого еще не бывало. И не будет.

Разве можно такое пропустить? Герман даже пожалел на миг, что не он ведет один из самолетов.

Да, ему еще далеко до совершенства. Ну что ж, он насладится зрелищем в полной мере, а после расплатится за это душевными муками.

Гигантские корабли, «Внаем не сдается» и «Рекс грандиссимус», бороздили Реку, двигаясь навстречу друг другу. В этот момент их разделяло шесть миль. Соглашение обязывало их остановиться на расстоянии пяти. В случае, если воздушный бой не кончится раньше. После его окончания все ограничения снимаются, и побеждает сильнейший.

Сэм Клеменс расхаживал по мостику. За предыдущий час он проверил все посты и прикинул план сражения. Расчет секретного оружия ожидал на палубе «А». По сигналу они поднимут свое орудие и установят его за толстым стальным щитом, который прежде прикрывал носовой пулемет. Теперь пулемет убран, и его платформа готова принять секретное оружие.

Пулеметный расчет был поражен, получив приказ о снятии пулемета. Ответа на свои вопросы они не получили. Слухи полетели с носа на корму, с палубы на палубу. Зачем капитан принял этот странный маневр? Что происходит?

Тем временем Клеменс успел три раза поговорить с лейтенантом-десантником Уильямом Фермором, командиром секретного расчета, постаравшись внушить ему всю важность его задания.

— Меня по-прежнему беспокоят агенты Иоанна, — сказал Сэм. — Я знаю, у нас все проверены-перепроверены. Но это мало что меняет. В диверсанта, подосланном Иоанном, хитрости должно быть, что навоза на миссурийском заднем дворе. Останавливайте каждого, кто приблизится к оружейной камере.

— Но что они могут сделать? — Фермор имел в виду свой расчет. — Они все безоружны. Я даже под кильтами у них посмотрел — ничего. Должен сказать, им это не понравилось. Они считают, что им должны доверять безоговорочно.

— Они должны понять, что это необходимо.

Хронометр в рубке показывал 11.30. Клеменс посмотрел в задний иллюминатор. На летной палубе было все готово. Самолеты подняли из ангаров, и один как раз ставили на паровую катапульту в дальнем конце палубы. Самолетов было два — единственные одноместные аэропланы, пережившие это долгое путешествие, да и они уже ремонтировались несколько раз.

Два прежних истребителя, монопланы, давно погибли — один в бою, другой в аварии. Эти, собранные из запчастей, были бипланы со спиртовыми двигателями, способными развивать до ста пятидесяти миль в час на уровне грунта. Первоначально они работали на синтетическом бензине, но его запас давно уже кончился. На носу перед открытой кабиной стояли сдвоенные 56-калиберные ленточные пулеметы, стреляющие свинцовыми пулями из медных патронов со скоростью пятьсот очередей в минуту. Боеприпасы сберегались в течение всего рейса для такого вот случая. Патроны

несколько дней назад перезарядили и проверили каждый на длину, ширину и ровность, чтобы пулеметы не заклинило.

Сэм снова сверился с хронометром, сел в лифт и спустился на летную палубу. Маленький джип отвез его к самолетам, где ожидали механики, запасной состав и два пилота.

Оба самолета были окрашены в белый цвет, а на руле и на тыльной части нижних крыльев красовался алый феникс.

На корпусе одного был изображен красный журавль в полете, а под кабиной черными буквами значилось: *Vieux Charles*. Старина Чарли. Так Жорж Гинеме называл самолеты, на которых летал в первую мировую.

На другом самолете по обоим бортам были нарисованы черные головы лающих собак.

Оба летчика были одеты в белую рыбью кожу. Высокие, по колено, ботинки имели красную отделку, как и бриджи. Левую сторону кителя украшал алый феникс. Кожаные летные шлемы оканчивались небольшой пикой — острием рыбьего рога. Очки были в красной оправе, перчатки белые, но с красными раструбами. Летчики стояли у «Старого Чарли» и вели серьезный разговор, когда подъехал Клеменс. Когда он приблизился, они отдали честь.

Какой-то миг он молчал, разглядывая их. Они совершали свои подвиги уже после его смерти, но он хорошо знал обоих.

Жорж Гинеме был шуплый человек среднего роста с черными горящими глазами и почти по-женски красивым лицом. Он постоянно — во всяком случае, когда не сидел в кабине, — был напряжен, как скрипичная струна или оттяжка мачты. Французы называли его «асом среди асов». Другие — Нунгессер, Дорм и Фонк — сбили, правда, больше бошей, но они и летали дольше, а карьера Жоржа оборвалась сравнительно рано.

Француз был из тех прирожденных летчиков, которые автоматически становятся частью машины — воздушный кентавр. Был он также превосходным механиком и так же тщательно проверял перед вылетом свой самолет, оружие и приборы, как знаменитые Маннок и Рикенбакер. В войну он, казалось, жил только полетами и боями. Любовных связей, насколько было известно, он не заводил — единственной его привязанностью была сестра Ивонна. Мастер воздушной акробатики, он нечасто пользовался ею в воздухе, всегда бросаясь в лобовую атаку. Он был столь же свиреп и неосторожен, как его английский соперник, великий Альберт Болл. Как и он, Гинеме любил летать в одиночку, а когда встречал врага — неважно, в каком количестве — сразу атаковал.

Редко случалось, чтобы его «нюпорт» или «спад» по возвращении не был изрешечен пулями.

Мог ли он так долго протянуть на войне, где средний век пилота составлял три недели? Однако он успел одержать пятьдесят три победы.

Один из его товарищей писал, что, когда Гинеме перед вылетом сажился в кабину, «на него было страшно смотреть. Глаза у него были как удары».

А ведь этого самого человека французская наземная армия признала негодным. Он был хрупкого сложения, легко простужался, постоянно кашлял и не умел отводить душу за дружеской пирушкой в конце боевого дня. Он походил на чахоточного и, возможно, действительно болел.

Но французы любили его, и в день его гибели, 11 апреля 1917 года, вся нация погрузилась в траур. Поколение спустя французским детям в школе говорили, что Гинеме залетел так высоко, что ангелы не позволили ему вернуться на землю.

Реальная же версия тех дней звучала так: Гинеме, как обычно, вылетел один, и лейтенант Виссеман, куда более слабый летчик, каким-то образом сумел его сбить. Самолет рухнул в грязь, в полосу сильного артобстрела. Тысячи снарядов разнесли машину Гинеме на куски, смешали с грязью так, что и следа не осталось. Плоть и металл превратились не в прах — в грязное месиво.

В Мире Реки Жорж прояснил эту тайну. Рыская в облаках в поисках одного или дюжины бошей — ему было все равно, сколько их — он начал кашлять. Кашель бил его все сильнее, и вдруг кровь хлынула изо рта на кожаный, подбитый мехом комбинезон. Подтвердился его страх о туберкулезе. Помочь себе он ничем не мог.

Когда силы покидали его и зрение меркло, он увидел приближающийся немецкий самолет. Умирая или думая, что умирает, Гинеме все же устремился навстречу врагу. Затарактели пулеметы, но прославленный меткий глаз Гинеме изменил ему. Немец пошел вверх, и Гинеме бросил «Старого Чарли» ему вдогонку. На миг он потерял врага, потом пули прошли его ветровое стекло сзади... и сознание угасло.

Очнулся он нагим на берегу Реки.

Теперь он уже не страдал «белой чумой» и немного прибавил в весе. Но всегдашняя напряженность осталась при нем, хотя несколько ослабла по сравнению с семнадцатым годом. Он делил каюту с женщиной, которая сейчас сидела там и плакала.

Уильям Джордж Баркер, канадец, тоже был прирожденный летчик, удививший всех своим мастерством после какого-нибудь часа обучения.

27 октября 1918 года он, будучи майором 201-й эскадрильи британских воздушных сил, вылетел один в новом «сопвит снайп». В двадцати тысячах футов над Мармальским лесом он сбил двухместного разведчика. Один из экипажа выпрыгнул с парашютом. Баркера это зрелище заинтересовало, а возможно, и рассердило немного — в союзной авиации парашюты были запрещены.

Откуда ни возьмись появился «фоккер», и пуля угодила Баркеру в правое бедро. «Снайп» вошел в штопор, Баркер выровнял его — и увидел себя в окружении пятнадцати «фоккеров». Двоих он отогнал, осыпав градом пуль, третий, пораженный с расстояния

десяти ярдов, загорелся. Но Баркера опять ранило, на этот раз в левую ногу.

Он потерял сознание и пришел в себя как раз вовремя, чтобы вывести самолет из повторного штопора. Вокруг вилось больше дюжины «фоккеров». Он отстрелил одному хвост с каких-нибудь пяти ярдов, но его левый локоть раздробила пуля из пулемета «шпандау».

Баркер снова потерял сознание, снова пришел в себя и увидел вокруг двенадцать немцев. Из «снайпа» валил дым. Видя, что он горит, и считая себя обреченным, Баркер решил протаранить хоть одного боша. Перед самым столкновением он передумал и вместо тарана поджег неприятельскую машину, обстреляв ее.

Потом нырнул вниз, дотянул до британских линий, чуть не врезался в наблюдательный аэростат, но остался жив.

Это был последний вылет Баркера, единодушно провозглашенный авторитетами лучшим примером сражения летчика-одиночки с превосходящими силами противника за всю первую мировую. Баркер две недели пробыл в коме, а когда пришел в себя, война кончилась. За подвиг его наградили Крестом Виктории, но он долго еще ходил на костылях и с рукой на перевязи. Несмотря на свои увечья, он вернулся в авиацию и стал одним из организаторов канадских воздушных сил. Потом он совместно со славным асом Уильямом Бишопом основал первую крупную канадскую авиалинию.

Он погиб в 1930 году, испытывая новый самолет, разбившийся по непонятной причине. Официальный его счет составлял пятьдесят вражеских самолетов, хотя по некоторым источникам их было пятьдесят три.

Столько же, сколько у Гинеме.

Клеменс пожал обоим руки.

— Вы хорошо знаете, что я противник дуэлей, — сказал он. — Я высмеивал этот обычай в своих книгах и не раз говорил вам, как противен мне был старый южный обычай улаживать споры смертоубийством. Впрочем, того, кто настолько глуп, что считает такой способ разбирательства правильным, действительно следует убить.

Этой воздушной дуэли я бы не противился, будь я уверен, что вы сегодня умрете, а завтра оживете, как в былые времена. Ну а теперь все будет по-настоящему. Некоторые возражения у меня имеются, как сказал Сидячий Бык Кастеру, но вы оба так рвались в драку, точно боевые кони при звуке трубы, что я не стал отказывать Иоанну.

Но неизвестно еще, что кроется за этим предложением. Возможно, Иоанн-злодей планирует какое-нибудь предательство. Я согласился, потому что говорил с одним из его офицеров — я их всех знаю или слышал о них, и все они честные, порядочные люди. Хотя как могут, скажем, Вильям Гоффе или Педер Торденскюлд служить такому, как Иоанн, мне непонятно. Он, должно быть, изменил свое поведение, хотя я не верю, чтобы он изменился внутренне.

Во всяком случае, меня заверили, что все пройдет на высшем уровне.

Их летчики собираются взлететь в одно время с вами. И на борту у них будут только пулеметы, без ракет.

— Мы все это обсудили, Сэм, — сказал Баркер. — И считаем, что наше дело правое. Ведь это Иоанн увел у вас пароход и пытался убить вас. И нам известно, что он за человек. Кроме того...

— Кроме того, вы не можете устоять, когда вам подвернулся случай снова сразиться. Вас мучает ностальгия. Вы уже забыли, каким жестоким и кровавым было то время, так ведь?

— Хорошие люди не стали бы плавать на «Рексе», — с терпением ответил Гинеме. — А мы проявили бы трусость, если бы не приняли их вызов.

— Пора прогревать моторы, — сказал Баркер.

— Мне не стоило заговаривать об этом, — сказал Сэм Клеменс. — Пока, ребята. И удачи вам. Пусть победят сильнейшие, и я уверен, что ими будете вы!

Он еще раз пожал им руки и отошел в сторону. Это и смело, и глупо в то же время, подумал он, однако я дал согласие. Подводить итоги в последнюю минуту его побудила одна только нервозность. Не надо было ничего говорить. Но он, по правде сказать, давно предвкушал этот миг. Похоже на рыцарский турнир былых времен. Сэм терпеть не мог рыцарей — ведь они, согласно истории, угнетали крестьян, подавляли низшие классы, да и свой-то класс истребляли почем зря; просто бандиты какие-то. Но реальность — это одно, а миф — другое. Миф всегда надевает шоры на глаза, и это, возможно, к лучшему. Идеал светел, реальность мрачна. Вот два необычайно одаренных и отважных человека отправляются драться до смертельного исхода на заранее назначенной дуэли. И чего ради? Им ничего не надо доказывать — они все и всем доказали давным-давно.

Что же это такое? Махизм, культ мужества? Определенно нет.

Их мотивы, какими бы они ни были, тайно радовали Клеменса. Опять-таки если они одолеют истребителей Иоанна, то смогут атаковать «Рекс» с бреющего полета. Ясное дело — если они проигрывают, то вражеские летчики атакуют «Внаем не сдается». Лучше уж об этом не думать.

Но главное удовольствие заключалось в зрелище предстоящего боя.

Это было детское чувство — незрелое, во всяком случае. Но Сэм, как большинство мужчин и женщин, был заядлым поклонником спорта в качестве болельщика. А это тоже спорт, хоть и фатальный для участников матча. Римляне знали, что делали, устраивая бои гладиаторов.

Сэм вздрогнул от звука трубы. Вслед за ним зазвучала бодрящая мелодия «Там, в высокой синеве», написанная Джакомо Россини для корабельных воздушных сил, но исполняемая, правда, с помощью электроники.

Баркер, как командир звена, первым сел в кабину. Пропеллер медленно повернулся, занял и завертелся. Гинеме сел в свой самолет. Люди, стоящие вдоль летной палубы и столпившиеся на двух нижних этажах мостика, разразились криками «ура», заглушив рев включенного двигателя.

Сэм Клеменс посмотрел вверх. Там у кормового иллюминатора рубки стоял первый помощник Джон Байрон, готовый дать капитану сигнал. Как только хронометр покажет двенадцать, Байрон уронит вниз алый платок.

Из рядов, стоящих вдоль палубы, выбежала женщина и бросила в кабины по букету цветов «железного» дерева. Гинеме, в летных очках, улыбнулся и помахал своим букетом. Баркер, похоже, собрался выкинуть свой, но передумал.

Сэм посмотрел на часы. Красный платок полетел вниз. Сэм повернулся и дал знак включить катапульту. Зашипел пар, освобожденный самолет Баркера рванулся вперед и в пятидесяти футах от края палубы взлетел.

Через восемьдесят секунд после него взлетел француз.

Толпа хлынула на летную палубу, а Клеменс поспешил на мостик. Из рубки он поднялся через люк на крышу надстройки. Там были привинчены для него стол и стул. Наблюдая за боем, Сэм будет пить бурбон и курить сигару. Король Иоанн не переставал его беспокоить. Иоанн точно задумал какую-нибудь каверзу — это неизбежно, как отрыжка после пива.

ГЛАВА 29

«Рекс грандиссимус» шел по середине озера, носом по ветру, вращая колесами и делая десять миль в час. Благодаря попутному ветру, дующему со скоростью пять миль в час, самолетам обеспечивалась пятнадцатимильная скорость при взлете.

Король Иоанн, в синем кильте, алой накидке и черных сапогах, стоял на летной палубе и говорил с пилотами, пока взлетная команда готовила машины. Пилоты были одеты в черную кожу. Их самолеты тоже были бипланы, с чуть более тупыми носами, чем у противника. Крылья и фюзеляж одного самолета были расписаны синими и серебряными шахматными квадратами, на которых выделялись три золотых королевских льва. На бордовом носу белел череп со скрещенными костями. Вторая машина была вся белая, со львами на крыльях и руле и с красными кругами на бортах и на днище — японскими знаками восходящего солнца.

Из нескольких сотен кандидатов, опрошенных за последние семь лет, Иоанн выбрал этих двоих — им и выпало сражаться в этот долгожданный день. Кеньи Окаба, низенький и коренастый, всем существом излучал решимость. Обычно он проявлял дружелюбие и охотно общался с людьми. Сейчас он был мрачен.

Фосс, наравне с Баркером, был знаменит своими одиночными боями с превосходящими силами врага.

23 сентября 1917 года Фосс, уже уничтоживший сорок восемь самолетов противника, летел один на новом фоккеровском триплане и повстречался с семерыми «сеснами» 56-й британской эскадрильи. Их пилоты принадлежали к числу лучших британских истребителей. Пятеро были асы, и среди них выделялись трое: Мак-Кадден, Рис-Дэвидс и Сесил Льюис. Мак-Кадден, командир, немедленно повел звено в круговую атаку. Казалось, что гибель Фосса под дулами четырнадцати пулеметов неизбежна. Но Фосс управлял своим самолетом, как волчком. Дважды, когда Мак-Кадден брал его на прицел, он входил в плоский полуштопор — маневр, с которым британцы еще не сталкивались. Выделявая головоломные, но тщательно выверенные трюки и одновременно поливая противников огнем, Фосс ушел из кольца. Тогда Рис-Дэвидс, превосходный стрелок, поймал его на прицел и держал, пока не расстрелял весь боезапас своих 50-калиберных «льюисов». Самолет Фосса упал, к чему британцы отнеслись не без сожаления. Они предпочли бы захватить Фосса живым. Он был лучший истребитель из всех, с кем они встречались.

В Фоссе была доля еврейской крови. Несмотря на предрассудки, с которыми он столкнулся в немецких воздушных силах, его мастерство и решимость обеспечили ему заслуженное признание. Он даже служил одно время под началом у Рихтхофена, Красного Барона, который назначил его начальником полетов и поручал ему прикрывать строй сверху.

Кеньи Окаба, капитан воздушных сил «Рекса», во время второй мировой носил звание пилота первого класса морской авиации. Он был одним из лучших японских истребителей и побил рекорд своего флота, сбив над Рабаулом в архипелаге Бисмарка семь американских самолетов в один день. Но однажды, когда он атаковал бомбардировщик над Бугенвилем на Соломоновых островах, на него с большой высоты спикировал американец, отстрелил крыло у его «зеро» и поджег самолет. Пылающий Окаба упал.

Иоанн поговорил со своими асами несколько минут, потом пожал руку Фоссу, отдал поклон Окабе, и летчики сели в кабины. Встретиться было назначено на середине промежутка между судами, в пяти тысячах футах над скалой с луковичным верхом.

Все четыре биплана пошли по спирали вверх. Достигнув назначенной высоты по альтиметру, они выровнялись. Никто не помышлял обмануть противника — все летчики были порядочными людьми. Иоанн даже не предлагал своим пилотам подняться выше, чтобы получить преимущество — для этого он слишком хорошо их знал.

Теперь противники пошли на сближение. Солнце было справа от Фосса с Окабой и слева от Баркера с Гинеме. Все четверо предпочли бы, чтобы солнце светило им в спину, а неприятелю в глаза. Это была классическая позиция для атаки: затаиться против

солнца в облаках, а потом, увидев внизу жертву, пасть на нее камнем и захватить врасплох. Обе пары, оказавшись на условленной высоте в двух милях одна от другой, сближались со скоростью триста миль в час. Тысяч пять зрителей следили за этим последним воздушным боем землян.

Вернер Фосс шел на Билла Баркера, Окаба — на Жоржа Гинеме.

Это был смелый, граничащий с самоубийством маневр. Машина идет на противника в лоб. Огонь не открывается. Только на расстоянии менее 1700 футов нажимается гашетка на рычаге и выпускается около десяти очередей. При этом есть надежда, что попадешь в пропеллер, перебеешь маслопровод или электропроводку. Можно задеть и пилота, пробив колпак или ветровое стекло.

В самую последнюю секунду машину отворачивают вправо. Если не рассчитаешь или если другой пилот не станет отворачивать, наступит конец.

Черные горящие глаза Гинеме смотрели прямо сквозь очки, прицел и ветровое стекло. Белый самолет надвигался ровно, без отклонений. Сквозь размытый круг пропеллера ясно виден был пилот; на солнце блеснули его белые зубы. Самолет рос, делаясь громадным, со скоростью, которая испугала бы многих. Француз нажал на гашетку, и в тот же миг вражеский пулемет плюнул красным.

Оба самолета отвернули одновременно, едва не столкнувшись своими шасси — вправо и вверх, так резко, что у обоих пилотов кровь отхлынула от головы.

Делая этот поворот, Гинеме на секунду поймал на прицел самолет в шахматную клетку, но не стал тратить пули — противник сразу исчез.

Баркер и Окаба прошли рядом, едва не столкнувшись — так близко, что видели друг друга в лицо.

Теперь все стремились вверх под углом, граничащим с потерей скорости. Моторы выли от напряжения.

Окаба первым пошел вниз и, поймав на прицел Гинеме, выпустил очередь из четырех пуль.

Француз невольно пригнулся, увидев дыру в ветровом стекле. Сделав вираж, он последовал за Окабой вниз, надеясь зайти ему в хвост. Пилот с красным кругом на борту рисковал и почти добился успеха — но теперь он оказался ниже Гинеме, и расплата была неминуема.

Японец сделал тугую петлю, почти поставив свой самолет на хвост, и, выйдя из нее вниз головой, опять обстрелял Гинеме. Француз, в свою очередь, сделал «бочку». Пули прошили его фюзеляж, не задев его. Бак для горючего был пробит, но обладал способностью самозаделываться — старый «спец» Гинеме этим похвалиться не мог. Окаба выровнял самолет и вновь стал набирать высоту. Гинеме, разгоняясь, описал кривую и, опустив нос, выпустил четыре пули. Одна прошла через кабину, зацепив руку Окабы

на рычаге. Японец, зарывав от боли, дернул рукой, и самолет на миг накренился вправо, потеряв управление.

Гинеме вошел в штопор, но быстро вышел из него.

Француз и немец случайно оказались бок о бок, набирая высоту.

Затем Гинеме сделал вираж в сторону Фосса, а тот отклонился, чтобы избежать столкновения. Но не в сторону, как ожидал Гинеме, а по направлению к французу и вниз.

Конец крыла Фосса прошел в полудюйме от руля высоты Гинеме.

Нырнув вниз, немец вернулся обратно, сделав петлю — маневр, не рекомендуемый, когда враг у вас на хвосте. Поднявшись, он сделал «бочку» и спикировал.

Гинеме, когда Шахматная Доска устремилась на него, подумал было, что все кончено. Но быстро оправился и, не думая больше о том, что спасся чудом, пошел вверх, глядя через плечо. На миг он потерял из виду Шахматную Доску, а потом увидел и ее, и машину Баркера. Его друг висел у немца на хвосте. Шахматная Доска сделала «бочку», потеряв скорость, и перешла в плоский полуштопор. Фосс управлял самолетом с кошачьей ловкостью. Вот он уже устремился в противоположном направлении, и Баркер пронесся мимо, едва не зацепив его крылом.

Гинеме было некогда следить за ними — надо было найти самолет с красным кругом. Тот оказался сзади, но ниже Гинеме. Он лихорадочно набирал высоту, но пока не успел сократить расстояние, составлявшее, по оценке Гинеме, футов семьсот. Уже можно стрелять, но слишком далеко для точного попадания.

Красный Круг все-таки выпустил очередь. Пули прошли правое крыло Гинеме, приподнятое для поворота. Красный Круг тоже повернул, наводя прицел на пилота. Гинеме открыл дроссель так, что он почти лег на панель. Будь у него мотор сильнее, чем у японца, он медленно оторвался бы от Красного Круга даже на таком крутом подъеме. Но нет. В этом отношении они были равны.

Гинеме с плавной свирепостью подал рычаг на себя, уменьшив угол подъема и тем позволив Красному Кругу сократить разрыв между ними. Но перевернуться вниз головой на такой тяге было нельзя. Этот маневр без выравнивания наклона к горизонту грозил потерей скорости. Секунд тридцать приходилось рисковать тем, что вражеский огонь поразит жизненно важную часть машины.

Окаба приближался, недоумевая по поводу того, почему «Старый Чарли» снизил скорость. Теперь он уже понял, что его противник — Гинеме. Окаба, как все летчики, хорошо знал историю французца. Увидев название, он испытал странное чувство. Зачем он пытается сбить знаменитого французца, уничтожить «Старого Чарли»?

Окаба посмотрел в прицел. Оказавшись в пятидесяти ярдах, он откроет огонь. Сейчас, сейчас... Окаба нажал гашетку, и пулемет затрясся, а с ним и весь самолет. Японец был недостаточно близко, чтобы видеть, попал ли он в цель, но сомневался, что попал. Белый

самолет с красным журавлем задрал нос вверх, встал на хвост, перевернулся через крыло и открыл огонь по Окабе.

Но тот нажал на педаль руля и отвел рычаг. На подъеме самолет подчинился не так быстро, как при прямом полете, но все же выполнил полупереворот и ушел вниз. Окаба оглянулся и увидел, что «Старый Чарли» выходит из пике в противоположном направлении.

Окаба круто развернулся и направился к нему, надеясь перехватить до того, как тот окажется сверху.

У Фосса, заметившего сзади самолет с собачьей головой, немного было времени для выбора маневра, который мог бы стряхнуть неприятеля с хвоста. Фосс сомневался, что добьется этого методами обычной акробатики. Противник просто повторит его маневр или, чуть отступив, атакует Фосса, когда тот выйдет из фигуры.

Фосс дернул дроссель до половины на себя.

Баркер удивился столь быстрому и внезапному приближению к противнику, но не стал задумываться над этим. Шахматная Доска была на виду, и расстояние в пятьдесят ярдов быстро сокращалось. Поймав в кольцо прицела шлем пилота, Баркер нажал на гашетку.

Шахматная Доска, точно прочтя его мысли, вдруг прибавила газу и в тот же миг совершила полуоборот. Пули Баркера, направленные в пилота, прошли по днищу, отскочив от хвостового костыля.

Канадец тут же повторил фигуру противника. Что ж делать — придется стрелять, лежа на боку.

Шахматная Доска выровнялась, но тут же сделала полубочку вправо. Собачья Голова последовала за ней. Шахматная Доска вернулась в горизонтальное положение, и Собачья Голова нажала на гашетку.

Но Шахматная Доска ушла в крутой штопор. Должно быть, отчаялся уже, подумал Баркер. Ведь я тут же последую за ним. Еще он подумал, что в Шахматной Доске сидит Фосс — больше некому.

Но Шахматная Доска быстро задрала нос, сделала «бочку» и опять ушла вниз. Баркер не стал повторять этот маневр. Он толкнул рычаг от себя, держа большой палец на гашетке и прилипнув к Шахматной Доске, как утенок к матери.

Гинеме, выйдя из пике, оказался на линии огня Фосса. И Фосс молниеносно прикинув векторы обоих самолетов, ветер и расстояние, выпустил очередь. В ней было всего шесть пуль, и Гинеме ушел — но одна пуля сверху прошла ему бедро.

Баркер не знал, что Фосс стреляет, пока не увидел, как Жорж дернул рукой и откинул голову назад. Тогда канадец нажал на гашетку, но Фосс взвился вверх и ушел в плоский полуштопор, самоубийственно вращая крыльями — Баркеру пришлось сделать вираж, чтобы избежать столкновения.

Но он тут же развернулся — быстро, как леопард, который боится, что дикая собака перекусит ему сухожилие. Фосс ушел от него, хотя и небезнаказанно. Вынужденный спикировать, чтобы набрать скорость, он опять оказался ниже Баркера.

Баркер скользнул за ним, одновременно оглянувшись в поисках Красного Круга.

И увидел. Японец несся на него сверху, спеша на помощь своему товарищу, пользуясь тем, что Гинеме на время, а возможно, и навсегда, вышел из строя.

Баркеру волей-неволей пришлось забыть о Фоссе. Он повернул самолет вверх, в той же плоскости и в том же направлении, что и Окаба. Курс на столкновение.

Но вынужденный подъем поставил его в невыгодное положение. Враг не обязан был оставаться на том же уровне. Окаба сделал легкий вираж влево. Баркер тоже. Окаба сделал «бочку» вправо и выровнялся. Он, как видно, пытался зайти Баркеру в хвост. Канадец посмотрел вниз. Гинеме набирал высоту, удаляясь от них. Он был не так тяжело ранен, чтобы выйти из боя. А немец направлялся к Гинеме, бывшему почти на одном уровне с ним. Сейчас он оказался под Баркером, и канадец находился в самой выгодной для атаки позиции — но, к несчастью, Окаба угрожал Баркеру так же, как Баркер Фоссу.

Баркер развернул самолет, продолжая набирать высоту. Секунд через тридцать Окаба ринется вниз и зайдет ему в тыл.

К черту Окабу. Все равно надо атаковать Фосса.

Самолет Баркера пошел вниз по длинной дуге.

Крылья дрожали от быстрого спуска. Баркер взглянул на спидометр. Двести шестьдесят миль в час. Еще на десять миль быстрее — и крылья не выдержат.

Баркер оглянулся. Окаба следовал за ним, но не так уж близко. У его крыльев, наверное, тот же предел выносливости. Баркер немного выровнялся, снизив скорость падения. Это позволит Окабе сократить промежуток. Но Баркеру хотелось выйти на Фосса со скоростью, которая позволила бы дать длинную очередь.

Фосс, видя, что Баркер пикирует и что он, Фосс, — единственная мишень, развернул машину навстречу несущейся на него судьбе. На несколько секунд они поравнялись, и пулеметы Фосса изрыгнули огонь. Шансы его на расстоянии четырехсот ярдов были невелики, но что еще он мог предпринять?

Если он каким-то чудом и попал в самолет, Баркер явно остался цел. И делал вираж в сторону, слегка меняя курс. Потом устремился назад, оглядываясь через плечо. Окаба приближался, но был еще слишком далеко, чтобы стрелять.

Баркер, слыша, как воеет ветер над лобовым стеклом, обошел Фосса сзади. Немец не оглядывался, но должен был видеть Баркера в зеркале заднего обзора.

И увидел, по всей вероятности, потому что сделал полубочку назад, желая уйти. Баркер совершил тот же маневр и заметил, что

Гинеме вот-вот выйдет на линию огня Фосса, подставившись ему на пару секунд. Гинеме уже второй раз подворачивался Фоссу — и оба раза случайно.

Баркер до сих пор не знал, ранен его друг или нет. Баркер с Фоссом пронеслись мимо Гинеме; Баркер видел затылок немца и быстро сокращал пятидесятиярдовое расстояние между ними.

Взгляд в зеркало. Окаба тоже был ярдах в пятидесяти за Баркером. И быстро приближался. Так быстро, что у него останется всего несколько секунд на стрельбу, если он не замедлит ход. Так он, конечно, и поступит — разве что очень уж уверен в своей меткости.

Баркер нажал гашетку. Пули прошли фюзеляж во всю длину, раздробили голову пилота, лопнувшую, как шар, полный крови, и застучали по мотору.

Глазам собравшихся на берегу предстало странное зрелище. Три самолета летели друг за другом, а потом их стало четыре. Гинеме зашел в хвост Окабе. Он не был сверху, что было бы предпочтительней, и не имел той скорости, которую Окаба набрал в пике. Когда череп Фосса разлетелся на части, когда Баркеру прошло позвоночник и снесло макушку, Гинеме дал три очереди. Одна вошла снизу Окабе в поясницу, рикошетировала от позвоночника и порвала солнечное сплетение.

После этого зрение Гинеме померкло, и он повалился вперед, невольно отжав рычаг, а кровь лилась из его руки и бока. Две пули Фосса попали-таки в цель.

Самолет, расписанный в шахматную клетку, летел вниз — он миновал вершину скалы, сокрушил несколько ярусов бамбуковых мостов и врезался в хижину. Оттуда взвился огненный столб, пламя горящего спирта охватило соседние хижины, и ветер нес его дальше.

Так вспыхнул пожар, которому предстояло выжечь всю округу.

Самолет с собачьей головой ударился о скалу, загорелся и рухнул вниз, ломая мосты и хижины, расшвыривая куски горячего металла и брызги горючего на много ярдов вокруг.

Самолет с красным кругом рухнул, крутясь, на пляж, прямо на головы не успевших разбежаться людей, пропахал путь через толпу и врезался в танцевальную площадку. Теперь там затанцевал огонь, мигом превратив все сооружение в оранжево-алый костер.

«Старый Чарли», проделав длинное пике, перевернулся и упал на кромку берега, пробил траншею в поросшей травой земле, сокрушил пятерых человек и уткнулся в ствол «железного» дерева.

Геринг, бледный и дрожащий, подумал: этот бой не доказал ничего, кроме того, что мужество и мастерство никого не спасают; что Фортуна разыгрывает свои карты; что эта война равно губительна для солдат и мирных жителей, для воюющих и нейтралов.

**АРМАГЕДДОН: «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ»
ПРОТИВ «РЕКСА»**

ГЛАВА 30

Король Иоанн не стал тянуть.

Еще до того как четверка летчиков образовала свое смертельное звено, он сказал в микрофон на контрольной панели рубки:

— Тайши!

— Да, капитан.

— Вперед! И да поможет тебе Бог.

За пятнадцать минут до этого открыли огромный люк на корме и спустили на воду большой двухместный самолет со складными крыльями. Он плавал на понтонах, а крылья в это время раскладывали и закрепляли.

Потом Сакануэ Тайши, сев на переднее пилотское место, запустил оба двигателя. Он прогрел их, следя за воздушным боем из своей открытой кабины. Место стрелка в хвосте занял Габриэл Герлихи.

Оба они были ветераны: японец — второй мировой, австралиец, ирландец родом — корейской войны. Тайши летал на торпедных бомбардировщиках имперского флота и встретил свой конец в битве за пролив Лейте.

О'Герлихи был пулеметчиком в пехоте и в авиации не служил, однако его назначили бортстрелком за исключительно меткую стрельбу. Говорили, что он играет на пулемете, как Харпо Маркс — на арфе.

И вот капитан, как и ожидал Тайши, отдал приказ вступить в бой. Тайши через шлемофон велел О'Герлихи сесть на место, и самолет заскользил с попутным ветром вверх по Реке. Разбег был длинный, поскольку они несли десять ракет, каждая со стофунтовой боеголовкой, под крыльями и торпеду под фюзеляжем. Торпеда была снабжена электромотором и заряжена семьюстами фунтами кордита.

Самолет наконец оторвался от воды. Тайши поднялся на пятьдесят футов и сбросил понтоны. Шасси с двумя большими понтонами упало вниз, и самолет набрал скорость.

О'Герлихи, глядевший назад и вверх, видел, как разбились четыре истребителя, но ничего не сказал Тайши. Пилот был занят — он разворачивал машину на малой высоте к левому берегу. Потом Тайши провел самолет между двумя скалами, над самым верхним мостом. По плану следовало, держась над деревьями, пробраться, где возможно, между холмами и у самых гор повернуть по ветру. Потом лететь вдоль гряды, по-прежнему над самыми деревьями, потом свернуть направо, пересечь холмы, срезать угол над верхними крышами селения и нанести удар по «Внаем не сдается», выйдя на него с борта.

Тайши знал, что радар Клеменса будет вести их, пока они не покинут Реку, но надеялся впоследствии уйти от него и затем появиться внезапно из-за холмов.

Селектор упорно пытался привлечь внимание Клеменса, но капитан как будто не слышал. Он стоял с горячей сигарой во рту и со слезами на глазах шептал:

— Жорж! Билл!

Рядом стоял Джо Миллер в боевых доспехах, в стальном шлеме с тяжелым проволочным забралом, снабженным колбасообразным отростком для носа, в кольчуге, в перчатках из рыбьей кожи; пластиковый щиток защищал пах, алюминиевые — бедра и голени. В своей великанской деснице Джо держал обоюдоострый стальной топор весом в сотню фунтов.

Глаза титантропа тоже были влажны.

— Хорошие были ребята, — пробасил он.

— Капитан! — послышалось из селектора. — Радар докладывает: с «Рекса» снялся большой самолет!

— Что? — встрепнулся Сэм.

— Двухмоторный, понтонного типа. Взял направление на север, говорит радар.

Сэм уже полностью сосредоточился.

— На север? За каким чертом? Ага! Он делает крюк, чтобы атаковать нас с борта!

Он велел всем идти вниз, сам спустился по трапу в рубку и крикнул Джону Байрону:

— Отдали вы «Гусю» приказ о взлете?

— Да, сэр. В тот же момент, как радар засек их бомбардировщик! Они нарушили соглашение!

— Молодец. — Сэм выглянул в иллюминатор левого борта. «Гусь», большой торпедный бомбардировщик, шел по Реке носом к нему и как раз в этот миг оторвался, капая водой с белых понтонов. Минутой позже оба понтона упали в Реку, и течение унесло их.

— По местам стоять! — сказал Клеменс.

Байрон нажал на кнопку. Завыли сирены, но собравшиеся на палубе уже и так расходились по своим постам.

— Полный вперед!

Детвейлер, сидящий у руля, двинул оба рычага вперед до отказа. Мощные электромоторы заработали, и движимые ими колеса вспенили воду. Пароход точно прыгнул вперед.

— А неплохо придумал старина Иоанн, — сказал Клеменс. — Радируйте «Гусю» — пусть тоже выйдет на «Рекса» с борта.

Байрон передал, как было сказано. Сэм обратился к де Марбо, облаченному в дюралюминиевый шлем наподобие ведерка для угля, кольчужную рубаху и кильт и в кожаные сапоги. На поясе у него висела кобура с пистолетом «Марк-IV» и ножны с абордажной саблей.

— Скажите своим людям, пусть поднимают секретное оружие. Спешно!

Француз нажал кнопку селектора, связывающую с арсеналом.

— Вражеский самолет еще виден на радаре? — спросил Сэм оператора.

— Сейчас нет, — ответил Шиндлер. — Он ушел за холмы, к самым горам.

— Спорю на свое право голоса, что он пойдет над самыми деревьями и вот-вот выскочит на нас.

Де Марбо застонал.

— Что такое? — спросил Клеменс, видя его бледное лицо.

— Не знаю. Я, кажется, слышал взрыв. И на том конце никто не отвечает!

Лицо Сэма тоже приобрело серый цвет.

— О Боже! Взрыв. Ступай вниз и выясни, что там стряслось!

Байрон, стоявший у другого селектора, сказал:

— Двадцать пятый пост докладывает: на двадцать шестом произошел взрыв.

Француз вошел в лифт и уехал.

— Сэр, вражеский самолет! — сказал оператор радара. — Приближается с левого борта, над самыми крышами, между вон теми скалами.

Сэм подбежал к окну и выглянул. Серебристо-синий нос самолета сверкал на солнце.

— Чисто летучая мышь из преисподней!

Сэм стиснул поручни, заставляя себя успокоиться, и обернулся. Байрон уже отдавал команду, да люди и сами должны были заметить самолет.

— Огонь не открывать, пока самолет не приблизится на пятьсот ярдов, — говорил Байрон. — Тогда дать ракетный залп. Орудия и стрелковое оружие открывают огонь на расстоянии двести пятьдесят ярдов.

— Нечего было ждать, — буркнул Сэм. — Надо было поднять лазер, как только эта птичка снялась. Не успел бы самолет сбросить торпеду, как луч разрезал бы его пополам.

Еще один недочет в полной недочетов жизни.

И какого черта стряслось там, внизу?

— Вон он! — сказал Джо Миллер.

Бомбардировщик, оставив за собой мосты у края холмов, мчался над травянистой равниной. Пилот, кто бы он ни был, вел свою тяжелую машину, словно легкий истребитель.

Теперь события развивались быстро. Самолет шел со скоростью не меньше пятидесяти миль в час. От берега до его цели — всего одна миля. но торпеду он сбросит футах в шестистах — даже ближе, если хватит смелости. Чем ближе, тем меньше шансы «Внаем не сдается» вернуться.

— Хорошо бы развернуть пароход носом, чтобы сузить площадь попадания. Но тогда сила заградительного огня снизится до минимума.

Сэм ждал. В тот момент, когда серебристое веретено отделится от носителя, он отдаст Детвейлеру приказ развернуть судно. Тогда самолет будет представлять меньшую угрозу, чем торпеда. Если батареи судна не собьют его раньше, он сам поторопится убраться прочь.

— Пятьсот ярдов, — сказал Байрон, глядя на экран через плечо оператора. И скомандовал в селектор: — Ракеты — залп!

Двадцать серебристых заостренных цилиндров с огненными хвостами взвились в воздух, точно стая кошек, ловящая одинокую мышь.

Но пилот тоже обладал кошачьей реакцией. Из-под крыльев самолета вылетели двадцать ракет, более мелких, чем корабельные. Оба залпа, сойдясь, высекли облако огня, смешанного с дымом. Самолет вынырнул из этого облака так низко над Рекой, что казалось, будто он задевает брюхом волны.

— Вторая ракетная батарея — залп! — крикнул Байрон. — Орудия, стрелки — огонь!

Вылетела новая стая ракет. Паровые пулеметы излили поток 80-калиберных пластиковых пуль. 88-миллиметровая пушка на левом борту грохнула, изрыгнув пламя и серый дым. Десантники, размещенные между лафетами, палили из винтовок.

Акулье туловище торпеды отделилось от самолета, на высоте ста футов упало вниз и ушло под воду. Виден был только белый, пенный след.

— Лево руля! — сказал Сэм.

Детвейлер рванул на себя левый рычаг. Чудовищные колеса левого борта застопорили, остановились и стали пенить воду в обратном направлении. Пароход медленно развернулся.

Тайши, почувствовав, как легко стало самолету без торпеды, взял рычаг на себя. Нос машины задрался вверх, и двойная мощь двигателей вознесла ее над судном. Тайши перегнулся через борт кабины, и ветер с силой ударил ему в лицо. Несмотря на чистую воду, торпеды пилот не увидел — она осталась позади.

Впереди блеснули на солнце ракеты с дымовыми хвостами. Опять залп! Самонаводящиеся к тому же.

Если бы все обернулось по-другому, Тайши прошел бы над летной палубой, развернулся и вернулся обратно на бреющем полете. О'Герлихи стоял, держась одной рукой за край кабины, выжидая, когда самолет снизится на нужную для пулеметного огня высоту. Но ему так и не пришлось разрядить свой сдвоенный 50-калиберный пулемет.

Самолет, Тайши и О'Герлихи исчезли в облаке дыма, из которого во все стороны брызнули металлы, плоть, кости и кровь.

Один из моторов, описав дугу, рухнул на летную палубу около пушки; потом он перекатился через борт и упал на ураганную палубу, задавив двух человек.

Кто-то кричал, вызывая пожарную команду.

Сэм Клеменс из левого окна увидел взрыв, мельком заметил темный предмет и почувствовал сильный толчок.

— Что там за черт? — буркнул он, не спуская глаз со следа торпеды — она приближалась, зловещая, как акула, и куда более быстрая.

Хоть бы пароход разворачивался быстрее — экая махина.

Геометрическая задачка со смертельным ответом. Торпеда чертит прямую линию, которая есть кратчайшее расстояние между двумя точками — в этом случае определено. А пароход описывает круг, чтобы не оказаться на конце этой линии.

Сэм ухватился за поручни и так яростно закусил сигару, что перегрыз ее — конец, откушенный не полностью, повис и обжег Сэму подбородок. Сэм взвыл от боли лишь несколько секунд спустя. Когда торпеда царапнула о корпус, он не чувствовал ничего, кроме предельной тревоги.

Потом она ушла дальше, к берегу, и Сэм, нащупав сигару и обжегши руку, выбросил сигару.

— Выверни судно, — сказал он Детвейлеру. — Курс прежний, полный вперед.

Байрон, глядя в правое окно, сказал:

— Торпеда врезалась в берег, капитан. Мотор еще работает, но она завязла в иле и стала торчком.

— Пускай они и беспокоятся, — сказал Сэм, имея в виду людей на берегу. — Ох ты! — Он спохватился, что совсем забыл о взрыве близ камеры секретного оружия. — Байрон! Марбо ни о чем не докладывал?

— Нет, сэр.

Аппарат на переборке загудел. Байрон ответил, а Клеменс стоял рядом.

— Говорит де Марбо. Капитан занят?

— Я слушаю, Марк! — сказал Сэм. — Что случилось?

— Лазер взорван! Полностью уничтожен! Вся охрана, включая Фермора, перебита, как и четверо солдат, подоспевших на место происшествия. Расчет стал жертвой взрыва, а те четверо застрелены! Капитан, у нас на борту диверсант или диверсанты!

Сэм застонал, и на миг ему показалось, что он падает в обморок. Он удержался, опершись рукой о стену.

— Вам нехорошо, сэр? — спросил Байрон, не менее бледный, чем, по мнению Сэма, был он сам, но не поддавшийся истерике.

Сэм выпрямился, глубоко вздохнул и сказал:

— Я в порядке. Проклятый сукин сын! Надо было поставить туда двадцать человек! Надо было поднять его сразу! А теперь прощай наш туз в рукаве! С ним бы у Иоанна не осталось никаких шансов. Нельзя недооценивать человеческий фактор, Байрон!

— Да, сэр. Я предлагаю...

— Снарядить людей на розыски этого ублюдка? Или ублюдков? Они давно уж вернулись на свои места. Если только не замышляют повредить генераторы. Пошлите людей в машинное отделение для усиленной охраны. И проверьте посты. Проверьте, не уходил ли кто с поста по какой бы то ни было причине. Может, среди таких есть и невиноватые, но рисковать нельзя. Всех, кто уходил с поста, поместить в арестантскую! Даже офицеров и даже если причина была веская. Нельзя вести бой с Иоанном, опасаясь ежеминутно удара в спину!

— Есть, сэр! — И Байрон начал вызывать посты по порядку номеров.

— Вражеское судно в пяти милях от нас, капитан, — доложил главный оператор радара. — Двигается со скоростью пятьдесят пять миль в час.

Предельная скорость «Рекса» в спокойной воде и без попутного ветра была сорок пять миль. Только с помощью течения и ветра он мог развивать такую же скорость, как «Внаем не сдается».

— «Гуся» не видно пока?

— Нет, сэр.

Сэм взглянул на хронометр. Самолет, вероятно, все еще летит вдоль горной гряды над самыми верхушками деревьев и даже ниже, если возможно. Но «Рекса» в одиночку он атаковать не будет. Ему приказано дожидаться момента, когда «Рекс» вступит в схватку с его кораблем. Вот когда команда Иоанна будет вести огонь по врагу, «Гусь» выскочит из-за деревьев, промчится над Рекой и атакует «Рекса» сбоку. Будь у Иоанна хоть что-то в голове, он и свой бомбардировщик придержал бы до настоящего боя.

Он, видно, полагал, что люди Клеменса будут так заняты воздушным боем, что налет захватит их врасплох.

— Вражеское судно в четырех милях, капитан. Прямо по курсу.

Сэм закурил новую сигару и попросил медика смазать чем-нибудь ожог на подбородке. Смоллетт помазал, и Клеменс стал у правого иллюминатора, глядя на дым пожара на левом берегу, в четверти мили впереди. Огонь пожирал бамбук, сосну и тис. Куски горящего дерева летели по ветру, падая на мосты и дома. Люди суетились, вынося пожитки из хижин и спасаясь по лестницам от пожара. Другие выстраивались в цепочки, передавая от Реки граали и глиняные ведра с водой и заливая огонь. Это была без-

надежная затея — ничто не помешает огню взять свое. Половина жителей, похоже, придерживалась как раз такого мнения — эти сгрудились на равнине, около немногих уцелевших домов, и ждали, когда сойдутся в бою корабли.

— Для начала мы сравнивали с землей Вироландо, — сказал Сэм неизвестно кому. — Популярности нам здесь не видать.

— Враг в трех милях, сэр.

Сэм подошел к селектору, где Байрон все еще опрашивал посты. Позади маячила огромная туша Джо, и Сэм улавливал аромат бурбона, источаемый титантропом. Джо любил выпить глоток перед боем. Не потому, что это требуется ему для храбрости, объяснял он. Просто это полезно для желудка: брожение унимается.

— Кроме того, Сэм, мне требуется много энергии. Ты зам говоришь, что алкоголь дает энергию. А я ее сжигаю, как мотор — горючее. И я вон какой большой.

— Да, но не целую же четверть?

— Пока с поста никто не отлучался, — сообщил Байрон.

— А езди кто попизать отходил? — сказал Джо. — Мне всегда охота пизать перед боем. Даже замый большой храбрец — а я такой — чувствует напряжение. Это не нервы — прозто напряжение.

— И количество выпитого тут, конечно, ни при чем, — сказал Сэм. — Будь во мне четверть виски, я из гальяона бы не вылезал. И мне бы еще повезло, если б я его нашел.

— Визки прочищает мне почки. А когда почки чистые, то и голова чистая. Ничего, гальяон выдержит.

— У вас с гальяоном много общего. У обоих недержание.

— Ты говоришь гадозти, потому что нервничаешь. — И Джо потрепал Сэма по плечу ручищей с пальцами, как бананы.

— Не фамильярничай с капитаном, — велел Сэм, но ему легкочало. Джо любит его и никогда не подведет. Ну что может случиться с Сэмом Клеменсом, когда его охраняет этакое страшилище? Может кое-что. Пароход могут потопить, будь таких Джо хоть десяток.

ГЛАВА 31

«Рекс грандиссимус» стал виден и походил на белую расплывчатую глыбу, идущую навстречу. Шли минуты, и его контуры делались четче. На миг Сэм Клеменс ощутил боль в груди. «Рекс» был его первым кораблем, первой любовью. Сэм сражался за металл для него, убивал, расправился даже со своим сторонником — где-то теперь Эрик Кровавый Топор? — помогал разрабатывать его проект до последнего болтика — и вся борьба, вся пролитая кровь пропала впустую, когда король Иоанн увел корабль. И вот теперь «Рекс» воюет против Сэма. Жалко губить корабль — ведь таких всего два на целой планете.

Сэм еще сильнее ненавидел Иоанна за то, что тот вынуждает его топить такого красавца. Но, может быть, еще удастся взять «Рекс» на abordаж. Тогда корабли поплывут до истока Реки вдвоем.

Сэму всегда было свойственно перескакивать от глубочайшего пессимизма к глупейшему оптимизму.

— Две с половиной мили, — доложил оператор радара.

— «Гусь» не просматривается?

— Нет... да, сэр! Появился! В трех милях от правого борта, над самыми холмами! Вражеское судно разворачивается правым бортом, сэр, — добавил оператор.

Сэм посмотрел в носовой иллюминатор. Точно — «Рекс» разворачивался, показывая подходящему «Внаем не сдается» корму.

— Какого дьявола он делает? Ведь не драпать же он собрался? Каким бы ублюдком ни был Иоанн, трусом его не назовешь. Да и команда не позволила бы ему. Нет, он задумал какую-то пакость.

— Может, у него какие-то неполадки? — предположил Детвейлер.

— Если и так, нам они неизвестны. На радаре — определить его скорость.

— Вражеское судно идет при тридцати пяти милях в час, курсом на восток, сэр.

— Это его предельная скорость против течения и ветра. У них все в порядке — на глаз по крайней мере. С какой же такой стати они бегут? Спрятаться-то им все равно негде. — Сэм закатил глаза, ища ответа. — Сонар! Посторонних объектов не замечено? Вроде мины, скажем.

— Нет, сэр. Под водой все чисто, не считая рыбьих косяков.

— Это как раз в духе Иоанна — понаделать мин и раскидать их у нас на пути. Я бы и сам это сделал на их месте.

— Да, но ведь он знает, что у нас езь зонар.

— Я бы все равно попробовал. Спаркс, передайте Андерсону — пусть не подходит, пока мы не вступим в бой или не передадим дальнейших указаний.

Радист передал распоряжение пилоту «Гуся», Йену Андерсону — шотландцу, летавшему на британском торпедном бомбардировщике во время второй мировой войны. Его стрелок Теодор Заимис, грек, летал в том же качестве на «галифаксах», совершая ночные налеты на Францию и Германию — тоже во вторую мировую.

Андерсон доложил, что понял приказ. Радар продолжал следить за «Гусем», идущим примерно на том же уровне на восток.

Солнце медленно клонилось к закату, а «Внаем не сдается» сокращал расстояние между собой и «Рексом».

— Может, Иоанн не знает, как быстро ходит наш пароход, — бормотал Сэм, шагая взад-вперед и глядя на толпы, собравшиеся по обоим берегам, облепившие скалы и мосты. — Ну чего они тут торчат? Не знают, что ли, что на них вот-вот посыплются ракеты и снаряды? Иоанн мог бы хоть предупредить их!

Показался огромный красно-черный собор, приблизился и снова стал уменьшаться. Теперь между преследователем и бегущим осталось всего полмили. Сэм приказал Детвейлеру сбавить ход.

— Я не знаю, что он замышляет. Того и гляди влетим на полном ходу в какую-нибудь западню.

— Он, похоже, направляется в пролив, — сказал Детвейлер.

— Следовало ожидать.

Горы сужались, почти смыкаясь в миле по ходу судна. Там черные и белые, меченные красным утесы образовывали отвесные стены, между которыми бурлила Река. «Рекс», хотя и шел, видимо, на полной мощности, стал делать всего двадцать миль в час. Он будет продвигаться еще медленнее, войдя в этот узкий и темный проем.

— Ты действительно думаешь, что он намерен провести пароход на ту сторону? — Сэм хлопнул кулаком о ладонь. — Разрази его гром, так и есть! Он хочет подкараулить нас на выходе из пролива!

— Но ты же не настолько глуп? — отозвался Джо Миллер.

Сэм, не обращая на него внимания, велел радисту:

— Вызови мне Андерсона!

Пилот «Гуся» изъяснялся с сильным нижнешотландским акцентом.

— Ладно, сейчас слетаем поглядим, что там этот поганец задумал. Только нам понадобится время, чтобы перевалить через гору.

— А ты не переваливай — лети прямо через пролив. И если представится случай — атакуй! Есть что-нибудь новое? — спросил Сэм у Байрона.

— Я сообщу, как только будет, — немного раздраженно ответил тот.

— Извините, Джон, — рассмеялся Клеменс. — Но от одной мысли, что кто-то закладывает взрывчатку внизу... как-то неуютно. Продолжайте.

— Вот оно, — сказал Байрон, слушая рапорт офицера двадцать шестого поста. Сэм подошел и стал рядом.

— Мичман Сантьяго отлучался около получаса назад, сэр, — говорил Шиндлер. — Он назначил меня ответственным, сказал, что у него понос на нервной почве и надо скорее облегчиться, иначе сраму не оберешься. Сказал, что сразу вернется. Но вернулся только через десять минут, хотя я ничего такого не подумал, сэр — он сказал, что не мог остановиться. Он выглядел, точно вылез из-под душа, сэр — весь мокрый. И объяснил, что запачкался, поэтому пришлось наскоро принять душ. Потом, сразу после переключки, он отлучился опять. И больше не вернулся.

— Двадцать седьмой, доложите обстановку! Может быть, он не единственный, — объяснил Байрон Сэму.

После опроса всех тридцати пяти постов выяснилось, что больше никто не отлучался даже на минуту.

— Он или прячется где-нибудь, или сиганул за борт, — заметил Сэм.

— Сомневаюсь, чтобы ему удалось покинуть корабль незамеченным, — возразил Байрон.

Сэм вызвал де Марбо:

— Соберите всех своих десантников, всех до единого, и пусть ищут Сантьяго. В случае сопротивления стреляйте. Однако я хотел бы побеседовать с ним, если это возможно. Сантьяго плавает с нами с самого начала, — сказал Сэм Байрону. — Его мог подослать к нам Иоанн, хотя откуда он проведаль о лазере, мне непонятно. Мы думать не думали о таком оружии, пока Иоанн не увел пароход. И откуда, ради всего святого, узнал о лазере Сантьяго? Даже сексуальную жизнь королевы Виктории не держали в таком секрете.

— У него было достаточно времени, чтобы это разведать. Он хитрая бестия. Никогда не доверял латинянам.

— А мне он нравился. Всегда проявлял дружелюбие, отлично исполнял свои обязанности и чертовски здорово играл в покер.

Сантьяго был венесуэльским моряком семнадцатого века и десять лет водил боевой фрегат. Потерпев крушение у неизвестного карибского острова и выбравшись на берег, он погиб под копытами индейцев. Но это лишь ненамного ускорило его смерть — сифилис излодал Сантьяго до последней степени.

— Он, конечно, жутко ревновал своих женщин, — продолжал Сэм, — и страдал этим дурацким латиноамериканским махизмом. Но когда одна из женщин, чемпионка дзюдо из двадцатого века, его побила, он переменял свои взгляды и стал ценить своих дам на вес золота.

Однако характер Сантьяго анализировать было некогда — имелись вопросы поважнее. Например, как мог Иоанн узнать, что его агент добился успеха? О лазере Иоанн ничего не знал. Он мог, правда, заранее поручить Сантьяго взорвать какую-нибудь жизненно важную систему корабля, но тот не сумел выполнить приказ, поскольку генераторы и электромеханический пульт слишком хорошо охранялись.

Но если взрыв не был виден издали — откуда Иоанну знать, что агент выполнил свою работу? Может, у них разработана система сигналов? Но Сантьяго никаких сигналов не посылал.

Разве что у него где-то на судне спрятана рация. Работающая на частоте, которую пароход не...

Сэм ощутил слабую вибрацию — не ту, что создавали колеса.

Он выглянул в кормовой иллюминатор. С правого борта виднелись струйки дыма, идущие, похоже, с ураганной палубы. Сэм ринулся к селектору и рывкнул:

— Посты пятнадцать и шестнадцать! Что у вас там?

— Докладывает старшина Анита Гарибальди, семнадцатый пост! — ответил спокойный голос. — Произошел взрыв, сэр! Прорвана переборка, и проводка на ней повреждена!

Детвейлер выругался.

— В чем дело? — обернулся к нему Сэм.

— Управление отказало.

Сэм уже и сам это видел. Колеса замедляли ход и скоро остановились, как увидел он с кормы. Нос парохода, сносимый течением, медленно поворачивался вправо.

Детвейлер нажал на клавишу, около которой вспыхнул огонек, и снова взялся за рычаги. Колеса завертелись, набирая скорость. Корабль вернулся на прежний курс.

— Запасная система сработала, — сказал Детвейлер.

Сэм усмехнулся краем рта, хотя веселья не испытывал.

— Сантьяго, наверно, не знает о ее существовании. А ведь это Иоанн подал мне мысль установить ее! Подорвался на собственной мине! — Нажав клавишу «всем постам», он заорал в селектор: — Эй ты, убогий микроцефал-недоумок! Будь у тебя в сто раз больше мозгов, они и то уместились бы в зад у комара! Найти Сантьяго немедленно!

— Прямо по курсу пролив, капитан, — доложил Детвейлер.

Над рубкой мелькнула тень и прокатился рев моторов. Это пронесся на двухсотфутовой высоте «Гусь». Светя прожектором, он вошел в темный проход, уменьшаясь во мраке, и пропал за поворотом.

— Можем мы держать связь с «Гусем»? — спросил Сэм у радиста.

— Возможность есть, сэр. Длинные волны проникнут за поворот.

Сэм отошел было, но тут же вернулся на возглас радиста:

— Боже! Пилот сообщил, что в них попали. Горит правый мотор! Ракета! — Радист поднял бледное, вытянувшееся лицо. — Это все, капитан.

Сэм выругался.

— Иоанн, как видно, поджидал самолет! Он знал, что я пошлю его на разведку!

Ну зачем он не позволил Андерсону, как хотел тот, лететь через гору? Тогда ракеты не достали бы самолет или пилот успел бы ускользнуть. Но нет, Иоанн хорошо знает своего бывшего компаньона, знает, как Сэм нетерпелив. Иоанн ждал — и вот вывел из строя торпедный бомбардировщик.

Но «Рекс» ушел в пролив не только затем, чтобы сбить самолет. Он...

— Капитан! — раздался надтреснутый голос де Марбо. — Мы только что нашли Сантьяго! Он прятался за переборкой, а потом кинулся в проход и почти уже добрался до борта. Джонстон остановил его выстрелом в голову.

— Подробности после, — сказал Сэм. — Продолжайте поиск других агентов. Ищите...

— Ракеты! — завопил Детвейлер.

Сэм оглянулся и увидел, как серебристая тень сверху ударила в основание мостика. Раздался оглушительный взрыв; палуба закачалась. Сверху снова несся вой. Мостик затрясся. Окна со всех сторон заволокло дымом, но ветер вскоре унес его.

— Какого черта! — беспрестанно повторял Сэм.

— Это оттуда. — Детвейлер, отпустив ненадолго рычаг, показал вверх и направо.

— Уводи пароход! — заорал Сэм! — Вниз!

Рулевой уже дал полный ход. Крутой мужик этот Детвейлер.

Снова серебристая вспышка. Дюжины вспышек. Взрывы. Ракетная батарея правого борта исчезла в облаке огня и дыма. Прямое попадание — и неизвестно, кто и откуда стреляет!

— Зигзагом иди! — крикнул Сэм.

Еще три прямых попадания, не считая ракет, упавших в воду по обоим бортам и за кормой.

— Радар поврежден, — сказал Байрон. Он дал команду корабельным батареям отвечать огнем, ведя его на глаз.

— Да где же они? — недоумевал Сэм.

— На скале! — в один голос ответили Байрон и Детвейлер,

— Вон, гляди! — сказал Джо, указывая в кормовой иллюминатор.

Пока Байрон опрашивал посты о повреждениях и потерях, Сэм взглянул туда, куда указывал массивный палец титантропа. Футах в пятистах над ними, там, где раньше была гладкая стена, в скале виднелось углубление футов тридцать в длину и семь в высоту. Оттуда выглядывали крохотные лица, и солнце сверкало на ракетах и пусковых установках.

— Боже ж ты мой!

Стало быть, люди Иоанна обнаружили в скале пещеру и перетаскивали туда ракеты, а вход замаскировали, к примеру, куском папье-маше, расписанным под лишайник. Ракетчики сидели там в засаде, а Иоанн тем временем ушел в пролив.

— Обманули дурака! — простонал Сэм.

Прошла минута, как пароход свернул вниз по течению. Сэм, хотя уже видел опасность, подскочил, когда из отверстия вылетело с дюжину больших ракет, на миг осветив пещеру.

— Лево руля! — взревел он.

В цель попала только одна ракета, разбив паровой пулемет — оттуда взвились в воздух куски тел и металла. Когда рассеялся дым, стала видна зияющая дыра там, где были лафет, пулемет, трое мужчин и две женщины.

На миг Сэм оцепенел, не в силах двинуться, а из головы исчезли все мысли, кроме одной: война — не моя стихия. Ни один мыслящий человек не создан для войны. Надо было подумать об этом заранее и предоставить командование Байрону. А я возомнил о

себе. А Джон хитер, очень хитер — и притом у него в советниках прославленный датчанин Торденскьолд.

Потом Сэм сообразил, что пароход движется к берегу. Байрон, словно издалека, спрашивал;

— Вернуть корабль на курс, капитан?

— Зэм, Зэм, — рокотал Джо. — Господи, мы же зейчаз врежемзя в берег!

Сэм заставил себя подать голос.

— Курс меняется. Направьте его вниз по Реке и вернитесь на середину.

На главной палубе лежали убитые: Янгблад, Черни, де Гроот. И верхняя часть красавицы Анн Мэти, бывшей голливудской звезды. Точно китайская кукла, изувеченная злобным ребенком.

Сэм и раньше видел трупы и кровь — он уже не тот юнец, что играл в солдата Конфедерации. И нет здесь Дикого Запада, куда можно сбежать, оставив гражданскую войну тем, кому она по вкусу. Тут дезертировать некуда.

Страх в нем сменился гневом. Чаша бурбона, поданная Джо — славным старым Джо, — еще подогрела злость. Будь проклят Иоанн и его подлые выдумки! Он, Сэм, отправит его в ад и сам последует за ним, если надо.

— Нельзя ли нам вышибить этих ублюдков из пещеры? — спросил он Байрона.

— Думаю, можно, — поразмыслив, сказал тот. — И если у них кончились снаряды, незачем тратить на них наш запас.

— На установках ракет не видно, — сказал Сэм. — Но они могут прятать их, дожидаясь нашей атаки. Давайте-ка вернемся и проверим. Не хочу, чтобы эти гиены смеялись над нами.

Байрон вскинул брови, считая, как видно, глупым снова идти на риск, однако ответил: «Да, сэр» и вернулся к селектору. Сэм отдал команду Детвейлеру. И пока «Внаем не сдается» поворачивал обратно, ракетные расчеты готовились выполнить свою задачу.

Байрон ровным голосом доложил: двенадцать убитых, тридцать два тяжелораненых. Одиннадцать раненых можно быстро починить и вернуть на места. Один паровой пулемет, одна ракетная батарея, одно орудие выведены из строя. При этом взорвались ракеты и снаряды, нанеся больше вреда, чем неприятельский обстрел. В летной палубе имеются две большие пробоины, и сорваны каюты на нижнем ярусе мостика. Сам мостик пока держится, но если в него попадет еще одна ракета, ничего гарантировать нельзя. Огневая мощь снизилась, но сам пароход полностью в норме.

Хуже всего то, что разбиты радарные антенны.

Посмотрев на пещеру, Сэм увидел, что сидящие там люди заряжают установку новыми ракетами.

— Байрон, по моему приказу открывайте огонь! — сказал он.

Байрон дал батареям команду приготовиться. Пароход находился в восьмистах ярдах от подножия скалы. Сэм приказал Детвейлеру повернуться к утесу правым бортом и предоставить судно

течению, пока не отстреляются корабельные батареи. На правом борту была 88-миллиметровая пушка, стреляющая гораздо точнее ракет, и пневматическая пушка.

Получив приказ Сэма, 88-миллиметровая изрыгнула огонь, дым и гром, пневматическая же ухнула. Один снаряд попал чуть выше пещеры, другой чуть ниже. Второго залпа не понадобилось. Ракеты в пещере взорвались — должно быть, от нижнего попадания — и утес окутало облако, из которого полетели осколки и разорванные тела.

Дым рассеялся, в пещере остался только покореженный металл.

— Ну, думаю, им там всем каюк, — удовлетворенно сказал Сэм. Враги — не люди. Это орудия, которые могут убить его и которых поэтому надо убивать заблаговременно. — Выведи ее опять на середину за четверть мили от пролива. Байрон, поднимайте вертолет.

— Король Иоанн тоже поднял свой, — сказал помощник, укаывая в ущелье.

Сэм увидел на высоте двух тысяч футов крошечную машинку на фоне темных ворот пролива.

— Я не хочу, чтобы Иоанн видел, что мы делаем, — сказал он. — Надо, чтобы Петроский избавился от соглядатая.

Сэм вызвал де Марбо. Инструкции заняли две минуты, затем де Марбо отдал честь и отправился выполнять задуманное.

Петроский, вертолетчик, прогрел мотор и взлетел с двумя стрелками на борту. К его фюзеляжу были прикреплены десять мелких самонаводящихся снарядов — частью их планировалось сбить вражескую машину, остальными нанести удар по «Рексу».

Сэм следил, как вертолет медленно поднимается, отягощенный своим смертоносным грузом. Потребовалось некоторое время, чтобы он набрал ту же высоту, что вертолет у входа в ущелье. Сэм спросил де Марбо, как дела у него. Француз ответил с кормы, что оба катера уже почти загружены ракетами и можно отправляться через несколько минут.

— Я скажу, когда станет чисто, — предупредил Сэм.

Машина Петроского достигла наконец нужной высоты. Другой вертолет сохранял прежнее положение. Но когда его пилот увидел, что белая неприятельская машина продолжает подниматься, он развернул свой вертолет и устремился прочь.

Оператор радары, теперь поставленный передсмотрящим, сказал:

— Скорость вражеского вертолета примерно восемьдесят пять миль в час.

— Значит, он идет быстрее нашего, — заметил Сэм. — Потому что несет гораздо меньше груза. Байрон, скажите де Марбо — пусть отправляется.

Огромный люк на корме открылся. Более крупный катер, «Афиши не расклеивать», выскользнул из наполненного водой отсека и, оставляя за собой белый след, пошел к берегу. За ним двинулся

второй, «После вас, гасконец». Оба были нагружены ракетами, разобранными пусковыми установками и десантниками.

Из приемника послышался голос Петроского:

— Враг ушел за поворот. Поднимаюсь еще на две тысячи футов, прежде чем следовать за ним.

В ожидании следующего донесения Сэм следил за катерами. Они уже уткнулись носами в низкий берег, и люди прыгали в воду, разгружая оружие и технику. Каждый должен был прихватить с собой сорокафунтовый снаряд или часть установки.

— Иоанн, наверное, послал вперед команду с крючьями и веревками, — сказал Сэм. — Потом они подняли таями тяжелые ракеты с палубы «Рекса». Это, конечно, делалось ночью, чтобы виrolандцы не видели. Та еще, поди, была работенка. Жаль, что у нас нет времени на установку тяжелых ракет. Но и легкие наделают много вреда, если попадут в нужные узлы «Рекса». — Сэм потер руки и выпустил облако дыма. — Славно будет поменяться местами со стариной Иоанном. Поймать его в его же ловушку.

— Если успеем, — сказал Байрон. — Вдруг «Рекс» вывалится из пролива прежде, чем мы разместим батарею?

— Возможно, но маловероятно, — нахмурился Сэм. — Войдя в пролив, Иоанн сможет двигаться только вперед. Развернуться там негде, хотя бы и на одном колесе. И он знает, что мы скорее всего поджидаем его у выхода — там, где радар не видит и сонар не слышит. И что мы оторвем ему задницу, как только он покажется.

— А может, он даст задний ход, — сказал Джо.

— Ага — когда два орудия и пятьдесят ракет выпалят ему по мостику, а четыре торпеды — по корпусу? — фыркнул Сэм. — И хотел бы я посмотреть, как он даст задний ход против такого течения, когда по сторонам у него всего тридцать футов. Детвейлер не смог бы. Даже я бы не смог!

Ожидание длилось. Сэм наблюдал за длинной вереницей десантников, каждый с серебристым цилиндром или с частью установки. Внезапно вышел на связь де Марбо:

— Я нашел тропу.

— Я видел, как вы машете рукой, — сказал Сэм. — Вам понадобится около часа, чтобы добраться до пещеры. Она не так уж высоко, но по тропе, наверное, долго идти.

— Постараемся побыстрее. Но совсем быстро не получится — тропка узкая.

— Я полагаюсь на вас.

— Петроский на связи, — сказал радист.

Сэм услышал пилота, не успев еще дойти до радио.

— Мы спустились к самой воде. Я решил выйти из пролива на высоте их рубки. Их радар засечет нас, как только мы обогнем последний поворот, но я рассчитываю сбить им наводку. Шесть ракет в мостик, шесть для вертолета, где бы он ни был — в воздухе или на летной палубе.

Голос у Петроского был счастливый. Этот неистовый поляк летал в британской авиации, сражаясь с Гитлером. После войны он не захотел возвращаться в коммунистическую Польшу и эмигрировал в Канаду, где сначала водил кукурузник, а потом полицейский вертолет.

— А, черт! — рявкнул он. — Пароход болтается прямо у выхода, носом ко мне! И четверти мили не будет! Пожелайте мне удачи!

Мотор и винт ревели вовсю, но голос Петроского перекрыл их.

— Первые шесть пошли! — Две секунды, и затем: — Есть! В рубку не попал, зато дымовые трубы рухнули к черту! Иду наверх! Сильный заградительный огонь. Ничего не вижу в дыму. Ага! Вот и вертолет, на летной палубе! Сейчас...

Радист посмотрел на Сэма:

— Сожалею, капитан. Связь оборвалась.

Сэм свирепо загасил свою сигару о приемник и швырнул ее на палубу.

— В него, наверно, ракета попала.

— Возможно. — Глаза радиста были влажны. Он десять лет дружил с Петроским.

— И неизвестно, разбомбил он вертолет Иоанна или нет. — Сэм вытер глаза костяшками пальцев. — Черт, я опять вляпался, а расплатился он...

Байрон снова поднял брови, видя столь непрофессиональную реакцию.

— Ну да, я знаю, — сказал Сэм. — Мы попались в его ловушку. Пускай. И я знаю, о чем еще вы думаете. Нам следовало бы побережь свою разведтехнику, выражаясь по-военному. Теперь вертолет Иоанна будет следить за нами, если Петроский его не уничтожил.

— Мы пошли на риск, и это, возможно, оправдалось, — сказал Байрон. — Возможно, Петроский поразил и рубку, и вертолет. У него не было времени, чтобы доложить точно.

Сэм опять стал шагать взад и вперед, дымя так яростно, что кондиционер не успевал справляться. Потом остановился и бросил сигару, точно метя острогой в мысль — и, кажется, попал.

— Иоанн не пойдет обратно, пока не будет знать, где мы. Поэтому он вышлет на разведку либо вертолет, либо катер. Мы в любом случае стрелять не будем. Байрон, прикажите де Марбо не стрелять, что бы ни вышло из пролива. И затаиться. Детвейлер, поворачивайте к питающему камню около храма. Там причалим и займемся ремонтом.

— Почему, Зэм?

— Почему? Чтобы шпионы Иоанна увидели нас там. Чтобы Иоанн, если он намерен атаковать, знал, что засады нет. Скорей всего он подумает, что ракеты со скалы так потрепали нас, что дело наше плохо. И будет знать, что успеет пройти через пролив, прежде чем мы его перехватим. Тогда-то мы и разыграем последний роббер, причем ройял-фпэш будет на руках у нас — так я надеюсь.

— Зэм, а езли Петрозкий взе-таки взорвал рубку? И Иоанн-злодей убит? Может, они не могут больше драться.

— Я пока не вижу никого под белым флагом. Отступим и будем надеяться, что Иоанн клонет. А тем временем проведем свою разведку. Байрон, пошлите «Гасконца». Скажите Плакетту — пусть пройдет через пролив на предельной скорости, быстро глянет, что там и как, и скорее чешет обратно.

— Могу ли я внести предложение? — спросил Байрон. — На «Гасконце» есть торпеды.

— Нет, гром и молния! Я не стану больше посылать своих ребят на верную смерть! Дело и так достаточно опасно, как сказал старый холостяк старой деве, сделавшей ему предложение. Их может атаковать вертолет, хотя вертолет и «Гасконец», в общем, равные противники. Если вертолет погонится за катером, пусть де Марбо открывает огонь. Мы получим свои данные, а Иоанн пусть себе ломает голову, куда девался его вертолет. Он, конечно, не утерпит и пошлет катер — а катер мы не тронем. В любом случае Иоанн не двинется с места, пока не стемнеет — так я думаю.

Байрон передал приказания. Белоснежный «Гасконец» отчалил от берега и направился в пролив. Его командир, младший сын ирландского барона, был когда-то флотским адъютантом короля Георга V, а затем адмиралом. Ветеран сражений при Гелиголанде, Доггер-Бэнке и Ютландии, он был кавалером Большого Креста, голландского ордена Оранского-Нассау и российского Св. Станислава второй степени с мечами. Он также приходился сродни знаменитому писателю-фантасту лорду Дунсени, а через Дунсени — знаменитому первооткрывателю Ричарду Фрэнсису Бёртону.

— Сэр, — сказал Джон Байрон, — мы, кажется, не все предусмотрели. Десантники еще далеко не завершили установку ракет. Если вражеский вертолет или катер погонится за «Гасконцем», де Марбо не сумеет прикрыть наш катер. Притом противник может заметить наших людей на горной тропе. И поймет, что мы готовим засаду.

— Вы правы, — неохотно признал Сэм. — Ладно. Скажите его светлости, пусть поворачивает и остается на месте, пока де Марбо не устроится. Ни к чему тратить горючее, делая круги впустую.

— Да, сэр. — Байрон переговорил по радио с Планкеттом и заметил: — Только именовать адмирала его светлостью не совсем правильно. Как младший сын пэра, он не имеет права на титул. А поскольку его отец барон, низший по титулу среди пэров, адмирал не может называться даже «достопочтенным».

— Я пошутил, — сказал Сэм. — Избави меня, Боже, от британской чопорности!

Во взгляде маленького англичанина читалось, что в рубке шутовство неуместно. Возможно, он и прав, подумал Сэм. Но без острого словца тоже нельзя. Только оно способно разрядить обстановку. Если Сэм не будет острить, его котелок взорвется. Глядите, какие красивые осколки. Это от Сэма Клеменса.

А вот Байрон тверд и хранит спокойствие в любой ситуации, как человек, распродавший свои акции перед биржевым крахом.

Пароход все еще оставался на середине озера, хотя уже направился к берегу. На севере все заволакивала черная пелена — дым от пожара, зажженного упавшими самолетами. Похоже, пожар разгорится еще сильнее, если только дождь не потушит его. Местные жители определенно не должны питать любви ни к королю Иоанну, ни к Сэму. Хорошо, что здесь живут пацифисты. Иначе они могли бы всерьез воспротивиться, когда вечером к их питающему камню подошли бы те, в ком они видят убийц и поджигателей. Гигантский батацитор необходимо подзарядить, хотя в нем еще имеется запас энергии, а команде нужно наполнить свои граали. Вряд ли «Рекс» появится именно тогда. У «Рекса» те же нужды.

Разве только Иоанн решит застать противника врасплох. Он может попытаться. Запас энергии у него не истощен — «Рекс» не весь день находился в движении. Заряда может хватить еще на много часов.

Нет, не станет Иоанн этого делать. Он ведь не знает, что противник лишился радара, и будет опасаться, что «Рекса» обнаружат, как только он покажет нос. А до «Внаем не сдается» три мили по озеру. Пока «Рекс» дойдет, кабель с наконецником втянут обратно, и «Внаем» двинется навстречу врагу.

Вот если бы у Сэма осталась авиация, чтобы разведать, когда будет подзаряжаться Иоанн! Подойди «Рекс» к камню около самого пролива, «Внаем» мог бы застукать его. Нет, Иоанн не так прост. Он отойдет подальше, чтобы не попасться. И сообразит, что Сэм Клеменс примет те же меры предосторожности.

Но если Иоанн вправду думает так, почему бы, подзарядившись, не свалиться Иоанну как снег на голову?

Эх, знать бы топографию, знать бы ширину Реки по ту сторону ущелья. Но Плакетт добудет необходимые сведения.

— Не заняться ли нам похоронами, сэр? — предложил Байрон.

ГЛАВА 33

— А? Да-да, лучше покончить с этим теперь же. Позже не будет времени. Хватит у нас десантников, чтобы собрать похоронную команду?

— Осталось сорок два человека, сэр, — ответил Байрон, довольный своей предусмотрительностью.

— Хорошо — этого хватит, чтобы похоронить всех, включая себя. Пожалуй, обойдемся тремя винтовками. Порох надо беречь.

Служба продолжалась недолго. Мертвых, завернутых в полотно и снабженных грузами, выложили в ряд на корме летной палубы. Собралась половина команды — остальные несли вахту.

— ...ибо теперь мы знаем, что воскрешение возможно, ибо все мы испытали его. Мы вверяем тела ваши глубинам Реки в надежде, что вы восстанете вновь не в этом, так в ином мире. Да благословит Бог тех, кто в него верил. До встречи!

Прозвучал салют, и тела, одно за другим, стали раскачивать в воздухе и бросать за борт. Камни увлекут их вглубь, на поживу большим и малым рыбам, рыщущим там, во мраке, в тысячах футов вниз.

«Внаем не сдается» подошел к берегу и отдал якоря. Сэм сошел на берег, где ждал его разгневанный Ла Виро. Темнокожий, с ястребиным лицом архиепископ разразился бурной речью, обличая глупость и жестокость обеих сторон. Сэм слушал с каменным лицом. Не время было дискутировать. Но когда Ла Виро потребовал немедленно уйти из этих мест, Сэм ответил:

— Столкновения избежать нельзя. Кто-то из нас должен уйти на дно. Вы разрешаете мне воспользоваться питающим камнем?

— Нет! Не разрешаю!

— В таком случае мне очень жаль, но я все равно им воспользуюсь. Если вы вознамеритесь нам помешать, мы будем стрелять.

Ла Виро на минуту утратил дар речи. Потом его дыхание стало ровнее и краска исчезла с лица.

— Хорошо. Мы не станем прибегать к силе. Вы знали, что мы не станем. Все, что я могу, — это воззвать к вашему человеколюбию. Я сделал это и не добился успеха. Пусть же последствия падут на вашу голову

— Вы не понимаете. Мы хотим дойти до полярного моря. Наша миссия имеет первостепенное значение для этого мира. Не могу объяснить почему, но верьте мне — это так.

Сэм посмотрел на солнце. Еще час, и оно коснется вершин западных гор.

Подошел Герман Геринг и сказал что-то на ухо Ла Виро. Тот ответил громко:

— Хорошо. Эвакуируй их.

Геринг громким голосом обратился к толпе:

— Вы слышали, что сказал Ла Виро! Мы все уйдем на восток, прочь от этого адского зрелища. Передайте это всем! Уходим на восток! Мартин, подними сигнальный шар! Теперь вы видите, — сказал Герман Клеменсу, — не можете не видеть, как прав я был! Я возражал против строительства вашего парохода, поскольку строился он с дурной целью! Не для того нас воскресили из мертвых и поселили здесь, чтобы мы предавались бездумному разврату, лелеяли ненависть и проливали кровь! Мы...

Сэм отвернулся и, сопровождаемый Миллером, взошел по сходням на ураганную палубу.

— Вот зукин зын, — сказал Джо. — И чего он к тебе привязался?

— Слабо ему, — ответил Сэм. — Меня и не такие обличали. Послушал бы ты мою мать. Или жену. Они могли бы дать ему фору в тысячу слов и опередить его через десять секунд. Бог с ним. Что он может знать? Я делаю это ради него и ради прочих сладкоречивых шансеров. Ради всех — заслуживают они этого или нет.

— Ну! А я-то думал, что ты это делаешь для себя.

— Больно умный ты стал. Разве можно так разговаривать с капитаном?

— Что вижу, то и говорю, — ухмыльнулся Джо. — Не как матроз капитану, а как твой друг Джо Миллер.

Как только они вошли в рубку, Байрон доложил:

— Сэр, де Марбо сообщает, что ракеты установлены.

— Хорошо. Скажите ему, чтобы спустился к катеру. А Планкетт пусть отправляется.

«Гасконец» тут же устремился в пролив. На черно-синем камне, покрытом темно-зеленой растительностью, виднелись крошечные фигурки десантников, идущих по скальному карнизу. Еще задолго до спуска вниз им придется зажечь фонарики. «Афиш не расклеивать» шел вдоль берега. Шипели сварочные аппараты — это механики ремонтировали расшатанные опоры мостика. На носу светилось голубое пламя горелок, срезавших останки парового пулемета. На его месте устанавливалась ракетная батарея. Еще одна команда спешно меняла радарную антенну.

Прошло полчаса. Главный врач доложил, что пятеро раненых скончались. Сэм распорядился погрузить тела в шлюпку и сбросить на середине Реки. Это было сделано без помпы — Сэм не желал больше подрывать дух команды. Он даже заупокойную молитву отказался прочесть — это сделал один из медиков.

Сэм взглянул на хронометр:

— Пора бы уже Планкетту пройти пролив.

— Если так, то минут через десять мы увидим, как он возвращается, — сказал помощник.

Сэм взглянул на десантников, идущих по тропе.

— Сказали вы де Марбо, чтобы его отряд залег, если появится вертолет или катер Иоанна?

— Разумеется, — сухо ответил Байрон.

Сэм посмотрел на берег, где тысячи мужчин и женщин плотной толпой уходили на восток. Шума они почти не производили. Люди несли узлы, горшки, вазы, статуэтки, стулья, удочки, плотнические орудия, разборные планеры и, разумеется, граали. Проходя мимо парохода, многие благословляли его тремя перстами. Это бесило Сэма, заставляя чувствовать себя виноватым.

— Какой красивый шар, — сказал Джо.

Над домом с сорванной крышей поднялась огромная ярко-желтая надувная груша и взвилась вверх, гонимая ветром к востоку. На высоте четырех тысяч футов шар стал совсем крошечным, но Сэм ясно разглядел, как он вспыхнул огнем.

— Взорвался! Вот он, настоящий сигнал.

Горящий шар, хорошо видный на много миль вверх и вниз по Реке, начал падать и скоро свалился в воду.

— Что ж, теперь, по крайней мере, можно не беспокоиться о мирном населении, — сказал Байрон.

— Не уверен, — возразил Детвейлер. — Мне кажется, Ла Виро и еще некоторые остались.

Он был прав — небольшая кучка людей возвращалась в храм.

— Никак помолиться за нас собрались! — фыркнул Сэм.

— Вижу «Гасконца»! — сказал впередсмотрящий.

Катер, сверкая белизной на солнце, неся полным ходом. А в пятистых футах над ним, почти нагнав, летел вражеский вертолет. Он кренился, чтобы пулеметчики могли обстрелять катер.

— Байрон, скомандуйте де Марбо — огонь по вертолету! — громко крикнул Сэм, но раскат разрядившихся питающих камней заглушил его слова.

Когда утихло эхо, Сэм повторил приказ.

— Вижу вражеский катер! — объявил впередсмотрящий.

— Где? — Но Сэм уже тоже увидел острый красный нос, круглый бронированный верх и оружейные башенки бывшего «Афиш не расклеивать», похищенного Иоанном. Катер выходил из ущелья.

Из отверстия в скале вылетела одинокая ракета, вонзившись прямо в раскаленную выхлопную трубу вертолета. Она сверкнула в воздухе, словно линия, проведенная огненным карандашом от черной горы, и вместе с вертолетом превратилась в клуб алого пламени.

— Последний летательный аппарат этого мира, — сказал Сэм.

— Лучше подождать, сэр, пока вертолет не упадет в Реку, — заметил не теряющий хладнокровия Байрон. — Иначе его жар притянет к нему все ракеты.

Горящий корпус и его осколки падали как-то неестественно медленно. Наконец они погрузились в воду и затонули.

— Залп по вражескому катеру, — передал по радио Байрон.

— О Господи, сэр! — воскликнул впередсмотрящий. — Сам «Рекс» идет сюда!

Байрон, взглянув в ту сторону, нажал на кнопку тревоги. Завыли сирены, и толпа, скопившаяся на летной палубе, мигом разбежалась.

Сэм заставил себя говорить спокойно, хотя сердце бешено колотилось.

— Снять зарядный колпак. Втянуть стрелу.

Байрон уже распорядился отдать концы. Детвейлер ждал указаний, держась за рычаги. Байрон посмотрел в иллюминатор.

— Чисто концы, сэр!

— Выводи на середку, рулевой, — сказал Сэм.

Детвейлер освободил рычаги и взял их на себя. Колеса завертелись, и пароход отошел от причала.

Катер «Рекса» заволокло дымом. Ветер уносил дым, открывая почернелый корпус. Катер стоял на месте, получив, как видно,

серьезное повреждение. Но ведь он покрыт трехдюймовой дюралюминиевой броней и не такое еще может выдержать. Быть может, команда оглушена взрывом.

«Рекс грандиссимус» наполовину вышел из темного ущелья, сияя белизной, и побледнел, когда солнце закатилось за горы. Сумерки окутали озеро. Небо померкло. На нем все ярче проявлялись скопища звезд и газовые туманности. Когда совсем стемнеет, небесный свет будет так же ярок, как в ясную ночь полнолуния на Земле.

Катера смутно белели на воде, а «Рекс» казался белой глыбой, точно кит-альбинос под водой.

Итак, Иоанн все-таки решил атаковать «Внаем не сдается» во время подзарядки. Ну что ж, сейчас он свое получит.

Откуда Иоанн узнал, что противник стоит на приколе? Чего проще. Где-то на горе над проливом у него сидит наблюдатель с рацией. Этим объясняется и то, почему «Рекс» так легко отразил атаку Петроского.

Подчиняясь спокойному приказу Клеменса, Детвейлер задержал судно, развернул его навстречу «Рексу» и полным ходом двинулся вперед. Байрон спросил:

— Какие указания дать «Афишам»?

Сэм не сразу ответил, следя за ракетным залпом из пещеры. Но внезапности не получилось. Иоанн сразу понял, что стреляют из их бывшей пещеры. Ракеты не пролетели и половины пути, как на «Рексе» полыхнул ответный залп и взвились огненные хвосты. Оба залпа встретились футах в пятидесяти над пароходом, и по Реке прокатился грохот. Судно заволок дым, который вскоре отнесло прочь.

Если «Рекс» и пострадал, на расстоянии этого не было заметно.

Ракеты Иоанна не сбили бы столько ракет Клеменса, если бы сами не были самонаводящимися. Значит, у врага имеется соответствующая аппаратура. Возможно, собственного производства. Но в каком количестве? Сколько бы таких ракет ни было, Иоанн пожертвовал несколькими, чтобы отразить атаку.

Из пещеры грянул второй залп. В этот раз ракеты сбили на полдороге, вызвав быстро тающее облако огня и дыма. «Рекс» незамедлительно дал третий залп. Ракеты, ударив в утес, попали и в пещеру. Пламя хлынуло оттуда, словно из пасти дракона. Конеч двадцати славным ребятам, мужчинам и женщинам.

Левиафаны сближались. В рубке «Рекса» светился единственный огонь — там соблюдалось затемнение, как и у Клеменса.

Впередсмотрящий доложил, что вражеский катер возобновил движение.

— Раньше на его катерах торпедных установок не было, — сказал Сэм Байрону. — Но Иоанн мог смонтировать их. Держу пари, он так и сделал. Где его второй катер, кстати сказать?

Мгновение спустя впередсмотрящий заметил и его — катер, должно быть, только что вышел из кормового отсека.

«Афиш не расклеивать» мчался к «Рексу», изготовив две торпеды — еще четыре ждали очереди.

«Гасконец» спешил на свой корабль, чтобы, согласно приказу, взять торпеды. Сэм опасался, что его не удастся сразу принять на борт.

— Мелкий вражеский катер идет к «Афишам», сэр, — доложил впередсмотрящий.

Сэм через Байрона передал «Гасконцу» приказ помочь товарищу.

С «Рекса» взвились четыре ракеты, и взрыв дал понять, что одна завершила свой путь. Миг спустя на связь вышел адмирал Андерсон.

— Ключула нас дурная птичка, сэр. Но мы на ходу, и повреждений, на мой взгляд, нет.

«Гасконец», обстреливая ракетами вражеский катер, свернул к нему. По вспышкам было видно, как работают его пулеметы. Второй вражеский катер упорно шел к «Афишам», сходным образом изрыгая ракеты и пули. Дистанция между большими судами на глаз составляла пятьсот футов. Ракет ни тот ни другой пока не тратил, приберегая их для более тесной встречи.

«Гасконец» обходил противника сзади.

— Иду на таран, — сообщил Планкетт.

— Не дури! — в страхе крикнул Сэм, опередив Байрона.

— Это приказ, сэр? — спокойно осведомился Планкетт. — Команда покинула катер — по моему приказу, сэр. Постараюсь повредить гребной винт противника.

— Говорит капитан! — сказал Сэм. — Я запрещаю тебе делать это! Я не хочу твоей гибели!

Ответа не последовало. Одно из белых пятен — то, что поменьше, — зашло за корму более крупного. Казалось, оно ползет совсем медленно. На самом деле «Гасконец» нагонял более медленный катер на скорости пятнадцать миль в час. Скорость небольшая, но бронированный катер даже и при такой мог нанести сокрушительный удар.

— «Гасконец» и вражеский катер сошлись, сэр, — доложил впередсмотрящий.

— Сам вижу — и слышу, — сказал Сэм, глядя в бинокль.

«Гасконец» с неработающим двигателем дрейфовал по течению. Второй катер замедлял ход и вскоре остановился.

— Он все-таки сделал это! Бедняга!

— Может, он еще и не ранен, — сказал Джо. — И мы его подберем.

«Афиш не расклеивать» был футах в ста от своей цели. Вот он быстро отвернул в сторону, а через несколько секунд вражеский катер взвился вверх в водяном столбе, вспыхнул и развалился на куски.

— Он торпедировал его! — восторженно заорал Сэм. — Славный старина Андерсон! Торпедировал!

— Хорошая работа, — сдержанно отозвался Байрон.

— Андерсон вызывает «ВНС»! Какие будут указания?

— Проверь, как там дела у Планкетта, — сказал Сам. — И гонится ли еще «Гасконец». Подбери тех, кто прыгнул за борт.

— «Рекс» в пятистах двадцати футах от нас, — сказал вперёдсмотрящий.

— Ну что ж, адмирал, — сказал Сэм Байрону, — командуйте артиллерией.

— Да, сэр. — Байрон стал отдавать по селектору команды лейтенанту левого носового расчёта, а Сэм не сводил глаз с катеров. Если «Гасконец» на ходу, пусть изводит «Рекса» своими мелкими ракетами.

Оснащать его торпедами некогда.

Байрон повторял в селектор расстояние, называемое вперёдсмотрящим.

— Четыреста девяносто футов. Четыреста семьдесят. Четыреста пятьдесят.

— Иоанна ждёт недурной шок, — сказал Сэм Джо Миллеру. — Он не знает, что у нас есть орудия.

— Огонь!

Сэм, считавший секунды, выругался. Первый снаряд ушёл мимо цели. Второй попал где-то у ватерлинии в носовой части — но «Рекс» все так же двигался навстречу врагу.

— Разверните судно, чтобы мы могли дать широкий залп с левого борта, — сказал Сэм Детвейлеру.

Теперь громыхнули оба орудия. «Рекс» задымился. На его легкой палубе полыхал огонь. Но он продолжал идти вперед и на таком расстоянии мог уже пустить в ход большие ракеты.

— Враг в двухстах шестидесяти футах, — последовало донесение.

— Большие пташки готовы? — спросил Сэм у Байрона.

— Готовы, сэр.

— Прикажите офицерам стрелять, как только выстрелит «Рекс».

Байрон передал приказ. Не успел он договорить, как Сэм увидел на «Рексе» вспышку. Ракеты обоих судов встретились в воздухе на высоте четырехсот пятидесяти футов, и взрывы оглушили Сэма.

— Господи! — сказал Джо Миллер.

Снова выпалили орудия. На «Рексе» загорелся правый колесный кожух, и дым заволок рубку. Вдоль всего правого борта заплясали языки пламени. Снаряд попал в ракетную батарею, и ракеты начали взрываться одна за другой.

— А, черт! — сказал Сэм.

Дым вокруг мостика постепенно рассеивался. Но ветер утих, и «Рекс» значительно потерял в скорости.

— Он поворачивается к нам левым бортом! — сказал Сэм.

Снова взлетели ракеты, теперь с другого борта, и ракеты Клеменса снова встретили их в воздухе. Корабль содрогнулся от взрыва, но не пострадал.

Сэм видел, что на «Рексе» дела плохи. Все палубы с правого борта пылали, и «Рекс» отворачивал прочь.

На миг Сэму показалось, что «Рекс» бежит. Но нет. Он продолжал разворачиваться, описывая круг.

— Правое колесо у них повреждено или разбито, — заметил Сэм. — Они не могут маневрировать.

Это несколько утешило его. Теперь все, что нужно, — это подойти к «Рексу» на подходящее расстояние и расстрелять его в упор из орудий.

Такой приказ Сэм и отдал. Детвейлер повернул судно, чтобы подойти к жертве на нужную дистанцию.

— А мы неплохо сработали, — возбужденно сказал Сэм Байрону.

— Пока неплохо, сэр.

— Да ведь уже почти конец! Неужели вы никогда не проявляете человеческих эмоций?

— Не на службе.

— Господи! — опять произнес Джо Миллер.

— Что такое? — вскрикнул Сэм, схватившись за его ручищу.

Титантроп, выкатив глаза и издавая сдавленные звуки, показывал куда-то за корму. Сэм хотел обойти его, чтобы посмотреть, но не успел.

Взрыв вышиб из заднего иллюминатора пуленепробиваемое стекло, и оно обрушилось на Сэма.

ГЛАВА 34

Кошка попалась в поставленную мышкой ловушку.

Когда «Внаем не сдается» был на расстоянии двух дней пути, команда «Рекса» извлекла из трюма оболочку небольшого аэростата, изготовленную из кишечных прокладок «речного дракона» пару лет назад. На берегу установили нагнетатель водорода и надули оболочку в заранее построенном из бамбука и сосны ангаре.

«Азазель», как окрестил его Иоанн, был полужестким дирижаблем. Оболочку держало давление газа, но к ней был прикреплен металлический киль, а к килю — кабина управления и две моторные гондолы, спасенные из-под обломков Подебрадовского дирижабля. Контрольная и моторная гондолы, рули высоты и направления соединялись электропроводкой и механическими сцеплениями. В баки был залит метиловый спирт. Бомба и торпеда привешивались в люльках под днищем корабля.

После надувки бомбардир с пилотом сели в дирижабль и произвели пробный рейс. Все работало как надо. Когда «Рекс» отправился на бой с «Внаем не сдается», дирижабль кружил на большой высоте и только с приходом темноты прошел вверх через пролив.

Пока «Рекс» изображал из себя подбитую утку, дирижабль обошел неприятельское судно сзади — сначала «Азазель» миновал

пролив, затем свернул направо и двинулся вдоль горной цепи, однако не слишком близко к ней. Черный цвет оболочки не позволял врагу заметить дирижабль. Его мог засечь вражеский радар — но Иоанн надеялся, что прибор будет целиком сосредоточен на «Рексе». Клеменс, полагая, что у Иоанна больше не осталось авиации, вряд ли станет проверять радаром воздушную сферу.

Сбив радарную антенну противника, Иоанн возликовал. Несмотря на страшный урон, понесенный его командой и судном, он плясал от радости. Теперь-то «Азазель» подойдет к врагу, не опасаясь ничего, кроме случайного взгляда. В сумерках, когда все внимание неприятеля приковано к «Рексу», у дирижабля есть хороший шанс выйти на нужную для удара дистанцию.

Так и получилось. Дирижабль прошел вдоль гор на север, иногда опускаясь ниже наиболее высоких холмов, потом отклонился на восток и полетел над самыми деревьями к Реке. А там устремился вперед полным ходом, неся контрольную гондолу в каком-нибудь фюте над водой.

Вот он уже за вражеским судном. Громада «Внаем не сдается» загоразивала дирижабль, и радар «Рекса» его не обнаруживал.

Бёртон, стоя рядом с Иоанном, слышал, как король бормочет:

— Чресла Господни! Сейчас мы увидим, настолько ли скор дирижабль, чтобы догнать Сэма! Только бы инженеры не ошиблись! Вот будет насмешка, если он, после стольких трудов и надежд, окажется тихходным!

Орудийные залпы противника повредили правый борт «Рекса». Грохот оглушил Бёртона, палуба под ногами закачалась, из иллюминатора вылетело стекло. У окружающих был не менее ошеломленный вид. Иоанн кричал, требуя от Струбвелла отчета о повреждениях и потерях — по крайней мере, следовало предположить, что кричит он именно это.

Струбвелл понял и стал что-то говорить в селектор. Вскоре он сумел представить капитану кое-какие данные. К Бёртону уже частично вернулся слух, хотя не в той степени, в какой ему бы хотелось.

Это был самый тяжкий удар, нанесенный им с начала боя. На всех палубах зияли многочисленные пробоины, и стены проходов, где толпился народ, тоже были сорваны. На борту взорвалось множество стоявших на установках ракет и рухнуло несколько пулеметных лафетов.

Двумя снарядами почти сорвало правый колесный кожух, но само колесо по-прежнему работало со стопроцентной отдачей.

— Клеменс, конечно, видел, что снаряды попали в кожух, — сказал Иоанн. — И думает, поди, что здорово подбил нас! Сейчас мы, в Господа Бога, убедим его в этом!

Он приказал рулевому сделать круг на месте. Правое колесо вращалось медленно, а левое, внешнее, работало в две трети своей мощности.

— Он кинется к нам, словно пес, которому не терпится докнать раненого оленя! — сказал Иоанн, потирая руки и ухмыляясь. — Точно: лезет на нас, как зверь из Апокалипсиса. И не знает того, что у самого на хвосте висит зверь пострашнее, готовый изрыгнуть на него смерть и адово пламя! Вот оно, отмщение Божье!

Бёртон почувствовал отвращение. Уж не равняет ли Иоанн себя с Создателем? Может, у короля мозги слегка съехали набок от снарядов и ракет? А может, он всегда втайне полагал, что Бог в союзе с ним?

— Дистанцию им придется определять на глазок, а при таком освещении немудрено и ошибиться, — говорил Иоанн. — А по сонару расстояние тоже не определишь!

Операторы вражеских сонаров запутаются в ответных импульсах. Эти импульсы поступят из четырех разных мест — по озеру циркулируют маленькие, дистанционно управляемые лодочки, и каждая посылает сигнал одинаковой частоты. Имеются на них и шумовые генераторы, имитирующие плюханье колес «Рекса».

Бёртон увидел силуэт «Внаем не сдается» на озаренном звездами и туманностями небе.

А прямо над ним обрисовался темный полукруг — верхняя часть «Азазеля».

— Кидайте же торпеду! — громко сказал Иоанн. — Чего ждете, дурни?

Педер Торденскьолд, командующий артиллерией, сказал:

— Дистанция обманчива, сэр. Но, думаю, дирижабль уже пустил торпеду.

Все посмотрели на панельный хронометр. Если так, то торпеда должна сработать через тридцать секунд. Но настолько ли дирижабль близок к цели, как кажется? «Азазель» должен был пустить торпеду, будучи всего в нескольких футах над Рекой, и затем быстро подняться — а освобождение от груза еще ускорило бы подъем. Раз «Азазель» висит почти над самым судном — значит, торпеда вот-вот вылетит.

Вражескому пароходу пора маневрировать. Если они даже до сих пор не заметили дирижабль, торпеду их сонары должны засечь, определив ее местонахождение, скорость и размер. Враг должен уже знать, что торпеда летит в его корму, или, как выразился Иоанн, «прямо в задний проход Сэму Клеменсу».

Лицо Иоанна являло разнообразные оттенки бешенства.

— Зубы Господни, ну как можно промахнуться на таком расстоянии?

— Промах невозможен, — сказал Струбвелл. — Разве что ее заело-заклинило в люльке.

Как бы там ни было, торпеда не сработала. Над пароходом снова возник исчезнувший было полукруг «Азазеля». Пилот с бомбардиром должны уже либо прыгнуть, либо готовиться к прыжку. Их парашюты, снабженные пневматическим устройством, раскрываются

только при полном отделении от гондолы, в случае же помех развернутся только в Реке.

Да, сейчас, по оценке Бёртона, летчикам самое время покинуть дирижабль, поставив его на автопилот и включив часовой механизм бомбы. Другой механизм должен постепенно спускать водород, заставляя машину снижаться. Когда бомба упадет, дирижабль, освобожденный от тяжести, поднимется — но невысоко. Если газ в оболочке не вспыхнет от взрыва, еще один механизм взорвет на борту малую бомбу.

Бёртон посмотрел в левый иллюминатор. Палубы «Рекса» пылали в дюжине мест. Пожарники в огнеупорных костюмах заливали огонь водой и пеной. Еще две-три минуты, и пожар будет потушен.

— Ха! — сказал капитан.

Бёртон оглянулся. Все, кроме рулевого, глядели на колбасу дирижабля, зависшую прямо над «Внаем не сдается» — нос «Азазеля» почти касался мостика.

— Невероятно! — сказал Бёртон.

— Что? — спросил капитан.

— Да то, что они до сих пор его не заметили.

— Бог на моей стороне. Теперь если они и увидят его — будет поздно. Его нельзя сбить, не подвергая опасности судно.

— Что-то не в порядке с пусковым механизмом торпеды, — сказал Торденсвольд. — Но если бомба отделится, то и торпеда сработает.

— Приготовься развернуть судно, — сказал Иоанн рулевому. — Когда я скажу, правь прямо на врага.

— Оба их катера направляются к нам, сэр, — сообщил оператор радара.

— Уж они-то должны увидеть «Азазель»! Нет, похоже, не видят!

— Может, на «Внаем не сдается» и радио отказало, — предположил Бёртон.

— Значит, Бог и правда за нас!

Бёртон поморщился. Впередсмотрящий доложил:

— Сэр, вражеские катера приближаются с кормы по левому борту.

Радар показывал, что катера находятся в четырехстах ярдах, а дистанция между ними — сто двадцать футов.

— Собираются напасть на нас с правого борта, когда мы окажемся по ту сторону нашего круга, — сказал Струбвелл. — Полагают, что их корабль в это время откроет по «Рексу» огонь.

— Вижу, — буркнул Иоанн. — Но почему же они не подадут сигнал Клеменсу? Пусть у них радио не работает, но вспышками-то можно просигналить?

— Вот пустили ракету, — сказал Струбвелл, показывая на яркий голубовато-белый огонь в небе.

— Ну, теперь они точно увидят «Азазель»!

Дирижабль висел футах в тридцати над летной палубой врага — так, по крайней мере, казалось; трудно было судить на таком расстоянии.

С мостиком он еще не поравнялся, это ясно — иначе он столкнулся бы с надстройкой.

Какой-то небольшой предмет, темный на ярком небе, отделился от дирижабля и упал на «Внаем не сдается».

— Вот она, бомба! — крикнул Иоанн.

Бёртону показалось, что бомба упала на корму летной палубы — возможно, на самый край. Бомбардир, наверное, включил автоматический сброс, а потом выпрыгнул вместе с пилотом. Но расчет оказался неверен. Сброс должен был сработать на середине палубы. А еще лучше поближе к мостику.

Грянул взрыв, и на фоне пламени четко обрисовалась рубка с крошечными фигурками внутри.

Дирижабль взмыл кверху килем, покореженным взрывом. Оболочка вспыхнула, превратившись в огненный шар.

— Торпеда! — крикнул Иоанн. — Торпеда! Почему она не отделилась?

Возможно, она и отделилась, но с «Рекса» этого не было видно. Но тогда ей пора уже взорваться.

Пылающий дирижабль уплывал прочь. Его передняя часть упала на корму «Внаем не сдается» и съехала в Реку сквозь дыру, пробитую сорокафунтовой бомбой. «Внаем» продолжал идти вперед, оставив за собой горящую, расплавленную на воде оболочку. Корма парохода тоже горела, а деревянная летная палуба занялась вся.

— Чтоб этих двоих на куски разодрали в преисподней! — заорал Иоанн. — Не могли еще пару секунд подождать, трусы!

Бёртон считал, что пилот и бомбардир как раз очень смелые люди и что они медлили с прыжком до последней, на их взгляд, секунды. В таких обстоятельствах нельзя их винить, если они чуть-чуть и ошиблись. И не их вина, что торпеда не взорвалась. Они проделали несколько пробных вылетов с манекеном, и пусковой механизм тогда работал нормально. Механизмы часто заедает — и летчикам, а заодно и их товарищам просто не повезло, что его заело именно теперь.

Но торпеда еще может сработать — если только она не упала за корму вместе с обломками.

Иоанн немного воспрянул духом, увидев, что взрывом снесло две нижние палубы мостика — остались только две вертикальные метрические опоры и шахта лифта. Опоры постепенно кренились вперед под тяжестью рубки.

Однако те, кто был в рубке, остались живы. Их силуэты виднелись на фоне пожара, бушующего на летной палубе.

— Ядра Господни! — крикнул Иоанн. — Он пощадил Клеменса, чтобы отдать его мне в руки живым! Теперь они не смогут править, —

добавил он. — Попались, голубчики. Подойди к ним с левого борта на расстояние прямой наводки! — велел он рулевому.

Рулевой вытаращил на капитана глаза, однако ответил:

— Есть, сэр.

Иоанн отдал приказ Струбвеллу и Торденсьолду приготовиться сначала к бортовому залпу, а затем к абордажу.

Бёртон надеялся, что и его назначат в абордажную команду. Его десантники теперь сидели, запертые под ураганной палубой, и ждали своего часа. В течение всего боя они не знали, что происходит наверху — только чувствовали временами, как содрогается корабль, да слышали взрывы. Их, конечно, прошиб пот, нервы их натянуты, и им не терпится принять участие в сражении.

«Рекс», бороздя Реку, шел к разбитому судну, и расстояние быстро сокращалось.

— Батареям В-2, В-2 и Г-2 взять на прицел верхнюю палубу мостика, — распорядился Иоанн.

Струбвелл передал приказ и доложил:

— Батарея В-2 не отвечает, сэр. Линия либо перерезана, либо вышла из строя.

— Тогда пусть В-3 возьмет на прицел рубку.

— Вы забыли, сэр — В-3 не действует после последнего залпа.

— Тогда это сделает В-2. — Иоанн повернулся к Бёртону. Лицо короля в сумерках казалось багровым. — Ступай к своим людям, капитан. Будь готов возглавить абордажную партию с середины левого борта.

Бёртон козырнул и побежал вниз по винтовому трапу. Потом свернул в коридор ураганной палубы. Его люди, мужчины и женщины, сидели в помещении, примыкающем к арсеналу. Люк охранял лейтенант Гай Фламиний с двумя часовыми. При виде Бёртона он просиял.

— Мы вступаем в бой?

— Да. И очень скоро. Выводи всех в коридор.

Пока Фламиний выкрикивал команды, Бёртон стал на перекрестке двух коридоров. Сейчас он поведет свой отряд к выходу, и там они будут ждать команды взять на абордаж «Внаем не сдаётся». Если же связь откажет, Бёртону придется решать самому, когда начинать атаку.

Десантники строились в коридоре, когда с судна Клеменса ударил бортовой залп. От грохота у Бёртона зазвенело в ушах. Переборка в коридоре прогнулась, и отовсюду повалил дым, вызвав общий приступ кашля. Новый раскат потряс палубу, и у всех еще сильнее заложило уши.

На мостике Иоанн вцепился в поручни, содрогаясь вместе с кораблем. Ракетные батареи на левом борту всех четырех палуб «Рекса», с одной стороны, и уцелевшие ракеты, орудия и пулеметы на правом борту «Внаем» — с другой плевались огнем через тридцатифутовое пространство.

В воздухе летали куски обшивки. Ракетные батареи и их расчеты исчезали в клубах пламени и дыма. Два оставшихся орудия Клеменса сорвало с лафетов взрывами собственных боеприпасов, подожженных ракетами. Пулеметные башни на обоих судах вскрылись, словно консервные банки, и развалились окончательно под огнем ракет и снарядов.

Огромные суда напоминали раненых зверей — их внутренности обнажились, и кровь хлестала из ран.

Вдобавок батареи каждого судна целили в рубки, в мозг соперника. Снаряды свистели рядом, уходя в воду или зажигая новые пожары на берегу. Прямого попадания ни в одну из рубок не произошло. Непонятно, как этого не случилось на таком расстоянии, но и такое бывает в бою. Заведомо неудачные выстрелы попадают в цель, а верные на все сто уходят в пространство.

Острый нос «Внаем» повернулся — Иоанн так и не понял, случайно или намеренно, — и сокрушил левый гребной кожух «Рекса», сорвал его многотонную громаду и свалил в Реку. А потом продолжил свое дело, круша лопасти, коверкая обод колеса, срывая массивную ось. Оба корабля остановились среди оглушающих взрывов, скрежета рвущегося металла, воплей мужчин и женщин, гула горящего водорода. От столкновения все, кто не был привязан, покатились на палубу. Нос продолжал свое движение вверх и внутрь, и в пробоины корпуса хлынула вода.

В то же время мостик «Внаем» обрушился. Байрону, Миллеру и Клеменсу — единственным живым, кто остался внутри, — казалось, что он падает медленно. Но он падал быстро, подвластный законам тяжести. Он рухнул на фордек летной палубы, и оттуда вылетели Клеменс и Миллер. Сэм упал на великана, падение которого, в свою очередь, немного смягчили подбитые мягким доспехи и шлем.

Так они лежали несколько минут — оглушенные, побитые, окровавленные, не сознавая еще, что им посчастливилось остаться в живых.

ГЛАВА 35

Сэм Клеменс и Джо Миллер слезли по трапу с летной палубы. Позади бушевал огонь. На ураганной палубе Джо, не выпускавший из рук свой исполинский топор, спросил:

— Ты как, Зэм?

Сэм, не отвечая, ухватил титантропа за палец и увлек его за угол. Пуля ударила в переборку, и вокруг засвистели осколки пластика, не задев, однако, двух друзей.

— «Рекс» подошел к нам вплотную! — сказал Сэм.

— Да уж вижу. На abordаж, наверно, пойдут.

— Я не могу больше командовать своим кораблем! — вскричал Сэм с таким видом, точно вот-вот расплачется.

Но Джо казался спокойным и несокрушимым, как гора. Он потрепал Сэма по плечу:

— Не волнуйся. Корабль прибьет к берегу, вот и взе. Он не утонет. А Иоанна з его ублюдками мы еще побьем.

Потом обоих швырнуло на палубу. Сэм лежал, стая, и не знал, что «Внаем» крушит гребное колесо «Рекса». Во время перестрелки, последовавшей за остановкой кораблей, он продолжал лежать, уткнувшись лицом в холодную твердую палубу. Потом его ухватили за плечо и подняли на ноги. Сэм завопил от боли.

— Извини, Зэм, — пробасил Джо. — Не раззчитал.

Сэм держался за плечо.

— Вот болван, я же теперь рукой не смогу шевельнуть!

— Ты, как обычно, преувеличиваешь. Главное, ты живой, хотя по взем законам живым быть не должен. И я тоже. Вдвоем мы зправимся, Зэм. Пошли, надо дело делать.

Сэм посмотрел на летную палубу. Она вся была в огне, который перекинулся уже и на ангары. Ну, особенно гореть там нечему. Бочонки с метанолом, хранившиеся там, переправили на нижнюю палубу еще перед боем. А водород, хотя и дает сильное пламя, скоро выгорит дотла.

И тут, на глазах у Сэма, летная палуба провалилась. С того места, где он стоял, ему видны были только торчащие края, но грохот и полетевшие вниз куски подсказывали, что рухнуло не меньше половины. Пламя дыхнуло оттуда, словно из пасти дракона.

— Господи! — Джо метнулся к Сэму, схватил его и понес, поставив на самом краю палубы. — Зэм, я, кажется, обжегся!

— Повернись-ка. — Сэм осмотрел его спину. — Ах ты, обор-мол! Твои доспехи спасли тебя. Может, под ними тебя малость и припекает, но ты цел.

Джо вернулся подобрать свой топор. Сэм взглянул на громаду «Рекса», стоящую левым бортом к их правому. И с той и с другой стороны на три нижние палубы забрасывались абордажные концы и перекрывались мосты. В проходах, иллюминаторах и люках кишели мужчины и женщины, стреляющие или готовящиеся к атаке, как только будут закреплены концы. Того и гляди захватчики побегут по мосткам.

У Сэма не было огнестрельного оружия — к счастью, оно в изобилии валялось на палубе. Сэм подобрал пистолет, проверил его магазин, снял патронташ с мертвеца, надел на себя и зарядил оружие. Джо вывалился из-за угла, напугав Сэма. Капитан не стал его ругать — Джо был прав, двигаясь бесшумно, но сердце у Сэма едва не остановилось.

— Что делать будем, Зэм?

— Пойдем к нашим — пусть видят, что мы живы-здоровы. Это поднимет их дух.

Они подоспели как раз вовремя — большой отряд ворвался на ураганную палубу с «Рекса». Внизу люди Иоанна отражали абор-

дажников с «Внаем не сдается», а абордажники «Рекса» упорно продвигались по мосткам.

Сэм перегнулся через борт и разрядил пистолет в арьергард одной из групп. Двое упали — один провалился в щель между судами. Но абордажник, еще не покинувший «Рекс», в свою очередь выстрелил в Сэма. Сэм пригнулся, когда первая пуля свистнула около его уха. Остальные застучали по борту ниже поручней.

Джо хотел заглануть через поручни, но Сэм крикнул, чтобы он не делал этого — голову снесут.

Лишь дождавшись момента, когда абордажные мостки под ним наверняка должны были опустеть, Сэм посмотрел вниз. На палубе кипел бой, слышались крики и звон металла. Сэм дал указания Джо. Тот кивнул, и его носище заходил вверх и вниз, точно бревно, плывущее по бурному морю.

Они оба перебежали абордажный мост. Джо ревел, оповещая всех, что идет капитан.

Люди «Рекса» пятились под напором превосходящей силы и дрогнули, увидев над отрядом Клеменса голову и плечи титантропа. Они бросились врассыпную, ныряя в люки, прыгая через поручни и пробоины в Реку.

— Этак мы быстро управимся, а, Зэм?

— Да. Хорошо бы и дальше все шло так легко. Ладно, Джо — командуй.

Джо проревел команду, перекрыв общий гвалт: Его наверняка было слышно на обоих кораблях — бойцы на нижних палубах даже замерли на миг.

Те, кто загоразивал Джо дорогу, отскочили в сторону, и гигант двинулся к ближайшему трапу, а Сэм и остальные — за ним. Спустившись на ураганную палубу, они пробежали по ней до мостков. Там люди выстроились по двое в ряд у каждого из восьми переходов.

Сэм оглядел ряды. Предстоящая атака на Иоанна с тыла, с его же собственного корабля, щекотала ему нервы. Враги придут в смятение, когда сзади на них кинется титантроп со своим испанским топором.

— Давай, Джо! — прокричал Сэм. — Задай им жару!

Джо, испустив боевой клич на родном языке, рванул через мост. Сэм бежал за ним — не рядом, так как Джо занимал весь мост. Притом сзади было как-то безопаснее.

Потом все пошло так быстро, что Сэм лишь позднее сумел разобраться в том, что случилось.

Раздался оглушительный грохот, мост затрясся, и Сэм повалился на него. Сразу вслед за этим дальний конец моста задрался вверх, и крюки, державшие его на поручнях, со скрежетом лопнули.

Сэм, вцепившись распростертыми руками в края моста, глянул вверх.

Джо выронил свой великанский топор, который скатился со скособоченного моста и упал в провал между судами. Сам Джо удержался и ревел от ярости. Или от страха? Разница невелика. Он ревел потому, что обе его руки и туловище захлестнуло веревочной петлей.

Другой конец веревки обматывал вокруг поручней верхней палубы человек в ковбойском сомбреро, смутно белевшем в потемках. Под шляпой в усмешке сверкнули зубы.

Джо упал, но не провалился сразу в щель между пароходами, а повис, раскачиваясь, и ударился о корпус «Внаем не сдается». Он умолк, голова его свесилась набок, и Джо затих, как гигантская муха, пойманная в сеть еще более огромным пауком.

— Джо! Джо! — закричал Сэм.

Он никогда бы не поверил, что с Джо Миллером может случиться несчастье. Джо был так громаден, так силен, так... несокрушим. Разве может человек величиной с пещерного льва или медведя быть смертным... быть уязвимым?

Но предаваться раздумьям было некогда.

Мост все больше задирался вверх — это опрокидывался «Рекс» Сэм, цепляясь за края, отвернулся от Джо — люди на других мостах, разжимая руки, с криком падали в темную пропасть между судами.

Ну не ирония ли, что легендарный «Рекс», построенный Сэмом, станет причиной гибели своего творца? Надо же было оказаться в западне между обоими своими пароходами. Повиснуть меж ними, как Мухаммед между небом и землей.

Сэм съехал с моста назад, упал между вертикальной палубой и горизонтальной переборкой, вскарабкался по ней и повалился ничком на корпус. Изловчившись, он встал и побежал вниз, к Реке. Потом поскользнулся, покатился вниз и ухнул в воду.

Он погружался все глубже и глубже, сился избавиться от кирасы. Шлем он потерял где-то в свалке. Теперь его ужасала мысль, что он не успеет освободиться от брони и его засосет в свою воронку тонущий «Рекс». Гигантское судно неизбежно образует огромный водоворот, который унесет с собой все обломки крушения, одушевленные и неодушевленные. И он, Сэм, отягощенный броней и оружием, тоже утонет. Даже если он освободится от груза, опасность не исчезнет.

Наконец он сбросил с себя пояс, патронташ и кольчужную рубаху с короткой юбкой вниз, и стал всплывать; грудь разрывалась, старинный страх утонуть терзал стучащее сердце, зов глубин гудел в ушах. Сэм противился потребности вздохнуть. Там внизу — ил, столь же черный и зловещий, как на Миссисипи, но куда глубже, а вокруг — вода, давящая, как мягкая «железная дева», а вверх — далеко ли еще? — воздух.

Кругом было чересчур темно, чтобы разглядеть что-то. Сэм был почти уверен, что идет вниз, а не вверх, заблудившись во тьме. Но нет — он чувствовал бы боль в ушах, если бы погружался.

Больше ему не выдержать. Еще несколько секунд, а там... смерть, которую детство на Миссисипи сделало для него страшнее любой другой. Кроме одной. Уж лучше умереть в воде, чем в огне.

На полсекунды — или с какой там скоростью они приходят, мысли — перед ним возник Эрик Кровавый Топор.

Хотя бы этой судьбы он избежал. Викинг в качестве пророка, возмездия, живой машины мщения потерпел крах. Все эти многолетние кошмары были напрасной пыткой. Конечно — разве может человек предугадать будущее? Суеверие, и больше ничего.

Жители Ганнибала, предрекавшие Клемену, что его повесят, были дважды не правы.

Странно — как такие веселые мысли могут возникать в уме у человека, который, казалось бы, должен помышлять только о глотке воздуха. Или он вправду тонет и почти уже мертв, и не страшится больше тянуть в себя воду; его посещают предсмертные мысли обмякшее тело опускается на дно, глаза остекленели, рот открыт, как у всякого подводного жителя, и от жизни в нем остались лишь электрические искры, пробегающие по клеткам мозга?

Тут его голова выскочила на поверхность — Сэм пил кислород и радовался, радовался, радовался тому, что не умер.

Его бешено гребущая рука наткнулась на веревку, отпрянула, вернулась обратно. Веревка была привязана к пиллерсу на главной палубе его парохода. Сэм всплыл около кормы. Еще несколько секунд — и его бы отнесло далеко от судна.

Ему повезло, что он сразу нашел конец. Течение тянуло Сэма прочь, вынуждая цепляться за веревку, как раньше за мост. На месте, где был «Рекс», возникла широкая и глубокая воронка с бурлящей водой. Водоворот тянул к себе Сэма еще сильнее, чем течение.

Что же потопило «Рекс»? Торпеда с «Афиш не расклеивать»?

Сэм посмотрел вверх. Висящего Джо не было видно. Возможно, он все еще там, но слишком высоко, чтобы Сэм разглядел его с поверхности Реки. Или человек, захлестнувший Джо петлей лассо, перерезал веревку? В таком случае Джо должен был упасть на нижнюю палубу — тяжелое падение, но все-таки это лучше, чем в воду. А быть может, Джо уже мертв или умирает. Ударившись с размаха о железный корпус, он мог поломать себе ребра, раскроить череп.

Что бы там ни случилось с Джо, сейчас надо спасать себя.

Сэм держался за веревку, а наверху слышались крики и пальба; то и дело кто-то падал через поручни и с плеском уходил под воду. Потом шум боя как-то вдруг стих, и Сэм полез вверх. Это было нелегко — силы почти оставили Сэма. Наконец он уперся ногами в корпус и, отклонившись назад, еде переводя дух, с болью в мускулах, стал подтягиваться и скоро оказался у борта. Тогда он сполз немного вниз и стал подниматься на одних руках. Теперь он жалел о том, что пренебрегал гимнастикой. Несколько минут, когда он

отдыхал, будучи не в силах двигаться и переводя дух, ему казалось, что руки вот-вот разожмутся, он упадет в Реку, и этим все кончится.

Наконец он ухватился одной рукой за стойку поручней, а там зацепился и второй рукой. После долгого, мучительного подтягивания он перекинул одну ногу на палубу, перелез совсем и повалился навзничь, стараясь вобрать в легкие весь воздух мира.

Вскоре его узкая грудь перестала ходить ходуном, точно изношенные кузнечные мехи. Сэм посмотрел вдоль палубы и вверх, но Джо не увидел.

Возможно, титантроп был слишком далеко или Сэм смотрел под слишком косым углом. Надо либо отойти от судна, что невозможно, либо пройти дальше по палубе.

Но для начала надо вооружиться. И раздобыть себе хотя бы килт. Пока Сэм барахтался в воде, одежда на магнитных застёжках свалилась с него. Нагим я пришел в этот мир, и нагим... ну нет, уходить он пока не собирался.

Пошатываясь, Сэм поднялся на ноги. На палубе валялись тела и части тел. Части тел и ноги торчали из люков. Одежды и оружия имелось в избытке.

Дрожа от изнурения, страха или всего вместе, Сэм раздел чей-то труп и облачился в длинный килт и короткую накидку. Потом опоясался, перекинул через плечо патронташ, сунул заряженный пистолет в кобуру, взял саблю. Он вооружился, но это еще не значило, что он готов к бою. Хватит с него на сегодня — да и на весь остаток жизни, проживи он хоть тысячу лет.

Он хотел одного — найти Джо. Вдвоем они соберут отряд или примкнут к кому-нибудь. Тогда Сэм снова будет в безопасности — в относительной, учитывая обстоятельства.

На миг он подумал, не скрыться ли где-нибудь в каюте — а потом выйти, когда судно очистят от людей Иоанна.

Это была хорошая мысль, достойная человека с логическим и здоровым умом.

Впереди на палубе послышался лязг металла и кто-то выругался. В ответ на тихую брань прозвучал еще чей-то голос — тоже тихий, но резкий, выговаривающий. Сэм остановился, упершись плечом в холодную переборку. Ближе к носу с ураганной палубы спускались люди, числом около двадцати.

Сэм стал отступать назад, скользя плечом по металлу и шаря позади левой рукой. Нашупав открытую дверь, он тихо прошел в нее и оказался в темном проходе, ведущем к двери на другом конце. Та дверь тоже была открыта — в нее проникал звездный свет и отблески пожара на летной палубе. Решив перейти на ту сторону, Сэм припустил было рысцой, но остановился.

Долг обязывает его разузнать, кто эти люди и что они здесь делают. Он выкажет себя полным дураком, если это свои. Если же это враги, надо посмотреть, что они замышляют.

Они, конечно, будут заглядывать в каждую открытую дверь, прежде чем пройти мимо. Сэм вошел в одну из кают и стал смотреть в щелку с порога. Под этим углом он их разглядит, а они его в темноте не заметят. Он открыл и другую каюту, через коридор, чтобы перебежать туда в случае опасности — он не хотел оказаться в ловушке.

Больше он пока ничего сделать не мог. Человек, шедший во главе отряда, вошел в коридор, встал сбоку у двери и навел пистолет в проход. За ним проскочил второй и стал по ту сторону двери, тоже с пистолетом наготове.

Сэм не стрелял — возможно, они только бросят взгляд в коридор. Так и вышло. Через пару секунд один сказал: «Чисто!»

Оба вышли наружу, и мимо двери замелькали фигуры. Вот прошел четвертый — и Сэм ахнул, увидев в неверном свете звезд невысокий плечистый силуэт. Человек шел походкой Иоанна. Сэм расстался с бывшим монархом тридцать три года назад, но прекрасно его помнил.

ГЛАВА 36

Ярость пересилила страх — она вобрала в себя всю ярость, которую Сэм когда-либо испытывал на Земле или здесь. Он больше не думал о последствиях. Наконец-то! Вот оно, мщение!

Он вышел из каюты и тихо двинулся по коридору. Хотя прилив торжества вызвал у Сэма головокружение, благоразумия он не потерял. Не хватало еще, чтоб его пристрелили, не дав разделаться с Иоанном.

Одно плохо: придется стрелять Иоанну в спину. И этот ублюдок так и не узнает, кто его убил. Ну что ж, нельзя иметь все сразу. Сэм испытывал острое желание окликнуть Иоанна, назваться и лишь потом нажать на курок. Но люди Иоанна пристрелили бы его секундой раньше.

Когда Сэм дошел до двери на палубу, снаружи поднялся тарам. Загремели выстрелы, и Сэм распластался на переборке, как пришпиленная булавкой двуногая бабочка. Трепещущее сердце заменяло ему крылья.

Еще выстрелы. Крики и вопли. Кто-то ввалился в коридор. Сэм прыгнул в открытую каюту, захлопнул за собой дверь и приоткрыл снова.

В щелку он увидел, как в коридор входят еще люди. Один, коренастый, был определенно Иоанн — его силуэт мелькнул на фоне двери.

Сэм распахнул дверь настежь (слава Богу, петли были хорошо смазаны), высунулся наружу и стукнул Иоанна рукояткой пистолета по голове. Король зарычал и упал. Сэм уронил пистолет на грудь упавшему, схватил его за длинные волосы и втащил в каюту. Как только ноги Иоанна оказались за порогом, Сэм закрыл дверь и

нажал защелку замка. Снаружи трещали выстрелы, но в дверь никто не стрелял. Как видно, похищение предводителя произошло так быстро, в такой темноте и суматохе, что его пока еще не хватились. А когда хватятся, то сочтут, возможно, что он остался лежать в коридоре.

Сэм дрожал от восторга. Ему угрожала опасность, но сейчас это не имело никакого значения. Провидение, хотя его и нет, устроило все как нельзя лучше. Ради этой минуты стоило перенести все страдания — ну почти все. Ради того, чтобы заполучить злейшего своего врага, единственного человека, которого Сэм по-настоящему ненавидел! Да еще при столь странных обстоятельствах! Даже Иоанн, когда придет в себя, не будет удивлен больше Сэма. Правда действительно бывает причудливее любой выдумки — и что там еще говорят в подобных случаях.

Сэм нашел одной рукой выключатель, держа в другой пистолет. Светильники на потолке загорелись мерцающим светом. Иоанн застонал, и его веки затрепетали. Сэм снова, довольно увесисто, стукнул его по голове. Сэм не хотел убивать Иоанна или портить ему мозги. Иоанн должен быть в сознании на все сто процентов. Иначе он не воспримет в полной мере того, что с ним происходит.

Сэм выдвинул ящики прикрепленного к переборке комода и вытащил тонкие полупрозрачные тряпочки, служившие бюстгалтерами. Ими он связал Иоанну ноги и руки за спиной. Потом, отдуваясь и кряхтя, взвалил бесчувственное тело на привинченный к палубе стул и привязал руки Иоанна к спинке. Прошел в галюн, выпил две чашки воды и наполнил третью. Тут кран захрипел, и вода потекла тонкой струйкой. Насос почему-то отказал. Сэм вернулся в каюту и плеснул водой в лицо Иоанну. Тот вздрогнул и приоткрыл глаза. Казалось, он не сознает, где находится. Потом он узнал Сэма Клеменса, выпучил глаза и глотнул воздуха с таким звуком, словно получил удар под ложечку. Кожа в местах, не покрытых копотью, сделалась синевато-бледной.

— Да, это я, Иоанн, — широко усмехнулся Сэм. — Не верится, да? Ничего, скоро ты привыкнешь к этой мысли — хотя и без удовольствия.

— Воды! — прохрипел Иоанн.

Сэм заглянул в его налитые кровью глаза. Несмотря ни на что, Сэму было жаль Иоанна. Это было не сочувствие, а именно жалость.

Впрочем, Сэм и бешеную собаку не заставил бы страдать.

— Нет воды, — сказал он.

— Я умираю от жажды.

— И это все, что ты можешь сказать после того, что сделал со мной? — рявкнул Сэм. — Через столько лет?

— Утоли мою жажду, — сказал Иоанн, — и я утолю твою.

На лицо его вернулись живые краски, и глаза твердо смотрели в глаза Сэма. Зная Иоанна, Сэм понял уже, какую тактику избрал его коварный противник. Иоанн будет говорить разумно, спокойно

и логично, будет взывать к человечности Сэма — и в конце концов избежит казни.

И самое скверное заключалось в том, что Сэм знал — так и будет.

Гнев уже покидал его. Тридцатитрехлетние фантазии о мести развеивались, как шелуха на ветру.

Оставался человек, по сути своей христианин, хотя и воинствующий атеист, как обозвал его один из его земных врагов.

Надо было выстрелить в голову Иоанну сразу же, включив свет. Сэму следовало знать, что произойдет, если он этого не сделает. Но он не мог убить человека в бессознательном состоянии — даже короля Иоанна, чьей крови жаждал все эти годы и которого в своих грезах подвергал всевозможным утонченным пыткам. В дневных грезах — в снах он этого не делал. Ночью как раз Иоанн угрожал оцепеневшему, беспомощному Сэму Клеменсу — Иоанн, а еще чаще Эрик Кровавый Топор.

Сэм, сморщившись, снова направился в галюн. Как он и полагал, в душевых трубах сохранилось несколько чашек воды. Он выпил одну и налил другую. Вернувшись в каюту, он поднес чашку к губам пленника и напоил его. Иоанн облизнул губы и вздохнул.

— Еще, пожалуйста.

— Еще? Рехнулся ты, что ли? Я и эту дал тебе, чтобы ты выдержал то, что тебе предстоит!

Иоанн слабо улыбнулся — он тоже не заблуждался на счет Сэма. Видя это, Сэм обозлился так, что стал почти способен выполнить свою угрозу. Но гнев быстро прошел, и Сэм так и остался стоять, поднимая пистолет. Иоанн перестал улыбаться, но лишь потому, что не желал доводить Сэма до крайности.

— Почему ты так уверен в себе, во мне? — спросил Сэм. — Думаешь, я не взорвал бы твое корыто, не смотрел бы, как ты тонешь, и не спихнул бы тебя, если б ты попробовал взобраться на борт?

— Да, ты был бы способен на это. Но только в пылу боя. Пытать меня ты не станешь, как бы тебе этого ни хотелось. И застрелить хладнокровно не сможешь.

— Не то что ты на моем месте, так ведь, бессердечный ублюдок?

Иоанн улыбнулся.

Сэм хотел сказать что-то и осекся. Шум в коридоре прекратился, как отрезало. Иоанн тоже открыл рот, но умолк, повинувшись знаку Сэма. Он понимал, как видно, что пожалеет, если вздумает кричать. Его враг был не настолько уж мягкотел.

Шли минуты. Сэм приложил ухо к двери, глядя одним глазом на Иоанна. Он слышал слабые голоса. Стены кают были звуко-непроницаемы, и он не мог определить, далеко ли говорят. Он вернулся к Иоанну и завязал ему тряпкой рот, туго затянув ее на затылке.

— На всякий случай, — сказал он. — Но если ты все-таки ухитришься позвать на помощь, я буду вынужден тебя застрелить. Помни это.

Хоть бы ты в самом деле закричал, подумал он.

Сэм выключил свет, отпер дверь и медленно распахнул ее, держа в другой руке пистолет. Прошло несколько секунд, прежде чем его глаза привыкли к темноте. В коридоре прибавилось трупов. Сэм осторожно выглянул за дверь и посмотрел вдоль прохода. Еще трупы. Похоже, бой прокатился до противоположной двери и вышел наружу.

Перестрелка давно уже прекратилась, и ее сменил звон клинков. Теперь в отдалении тоже слышались только голоса и звон оружия. Видно, обе стороны расстреливали свой боезапас.

Сэм не понимал, как небольшой отряд абордажников может так долго держаться против его людей. Придется подождать еще немного, чтобы выйти без опаски вместе с пленником.

Однако чего же он медлит? Разве не обязывает его долг выйти и возглавить своих людей? Обязывает, точно. Но как быть с пленным?

Ну, это просто. Он запрет Иоанна в каюте — вот и ключ висит у двери. А потом поищет своих. Найти их будет нетрудно. Большая их часть там, где слышен шум.

Сэм вернулся в каюту, закрыл дверь и включил свет. Иоанн посмотрел на него с любопытством.

— Скоро все кончится, — сказал Сэм. — Твоих людей теснят. Я уйду, но скоро вернусь. И в недалеком будущем ты предстанешь перед судом.

Сэм помолчал. Иоанн смотрел на него с тем же выражением. Из-под кляпа слышались булькающие звуки — пленник, очевидно, что-то хотел сказать. Но что он может сказать? Зачем терять время?

— Я не хочу, чтобы говорили, будто я поступаю нечестно или что личные счеты мешают мне быть справедливым, — продолжил Сэм. — Поэтому тебя будут судить. Не августейшие особы, правда — где я наберу столько королей? Обычные присяжные — двенадцать порядочных людей. Леди, разумеется, тоже будут участвовать. Короче, суд будет честным, и ты сам сможешь выбрать себе защитника. Я подчинюсь приговору и даже в судьи не собираюсь себя предлагать. Какой бы вердикт присяжные ни вынесли, я соглашусь с ним.

Иоанн бубнил что-то сквозь кляп.

— Выскажешься, когда придет время, — сказал Сэм. — А пока что сиди тут и размышляй о своих грехах.

Он вышел, запер дверь, потом отпер ее снова и выключил свет. Иоанн будет больше мучиться, если останется в темноте.

Сэму следовало бы ликовать, но ликования не было. Его старый враг каким-то необъяснимым образом одержал над ним верх.

Разочаровываешься во всем, но это — это должно было стать одним из самых радостных событий в его жизни. Между тем его победа имела такой же вкус, как дымящаяся собачья куча, поданная под стéкланной крышкой.

Где бы спрятать ключ? Вот тут, пожалуй — в первой же незапертой каюте, через три двери от Иоанна. Сэм бросил ключ на пол и закрыл дверь. А теперь — найти Джо. Только сначала надо собрать побольше народу.

Сэм двинулся по коридору, идущему вдоль судна. Там было темно, и он отважился ненадолго включить свет. Пробежав сотню футов, он остановился на углу другого коридора. Там была лестница на ураганную палубу. Сэм выключил свет и полез наверх, к бледному квадрату выхода. Выйдя на палубу, он перешел на правый борт. Шум слышался где-то далеко. Сэм выглянул за угол. Джо должен быть где-то тут.

«Ну чего ты тут болтаешься, Джо? Делать тебе, что ли, нечего? — Автобуза жду, Зэм. — Какого еще автобуса? — Такого. З колесами и мотором. Откуда я знаю, какой он? Я никогда его не видал. А ну, вытащи меня отсюда, пока я не разозлился и не врезал тебе».

Сэм представил себе этот разговор, похожий на множество других. Но никакого Джо, висящего на веревке, здесь не было. Валялась на палубе только сама веревка, — на одном конце она была обрезана, на другом осталась петля.

Сэм обрадовался. Значит, Джо жив-здоров и сейчас, конечно, дает врагам прикурить.

Сэм повернулся, собираясь уйти, но остановился. С Реки донесся рев, который на Земле можно было приписать только льву или тигру. Но Сэм-то знал, кому он принадлежит. Он кинулся вниз по лестнице, перескакивая через две ступеньки и цепляясь за перила. На главной палубе он остановился — здесь следовало опасаться врагов. Но схватки шли далеко — одна на носу, другая на корме. Без выстрелов, только при звоне клинков. Сэм перегнулся через борт.

— Джо! Ты где, Джо?

— Зэм! Я тут, Зэм!

— Я тебя не вижу! — крикнул Сэм, вглядываясь в темноту. Там плавало много всего — куски дерева, трупы. Пароход дрейфовал по течению — на южном берегу ярко горели огни, но правый борт был сейчас обращен к темному северному берегу. Звездного света было недостаточно.

— Я тебя тоже не вижу, Зэм!

Сэм оглянулся по сторонам, проверяя, не подкрадывается ли кто к нему. И снова обернулся к Реке.

— Ты не можешь доплыть до парохода?

— Нет! — проревел Джо. — Но на воде держузь! Деревяшка меня держит! У меня левая рука зломана, Зэм!

— Я тебя вытащу, Джо! Держись! Я тебя спасу!

Сэм не имел понятия, как он это сделает, но решил, что изобретет какой-нибудь способ. Мысль, что Джо может утонуть, вызывала у него панику.

— Джо, ты все еще в доспехах?

— Нет, дуралей. Я был бы уже на дне и кормил рыб, будь на мне это железо. Я скинул его зразу, как упал, хотя рука меня чуть не доконала. Господи! Какая боль! Тебя когда-нибудь били по яйцам, Зэм? Ну так это ерунда — вот попробовал бы ты раздеться зломанной рукой.

— Ладно, Джо! — Сэм снова нервно оглянулся кругом. Кто-то бежал с носа в его сторону, за бегущим гнались двое других — но это происходило слишком далеко, чтобы Сэм мог опознать их. Вокруг было тихо.

На корме бой все еще шел, хотя и утихал как будто.

— Кто-то перерезал мою веревку! — орал Джо. — И я озвободился. Тогда я взял пожарный топор и стал рубить, и разогнал всех, кто был на главной палубе. А потом кто-то возьми да зпихни меня за борт! Вот зилы-то в зазранце!

Джо говорил еще что-то, но Сэм не слушал. Он присел у борта, не зная, что делать. Трое бегущих быстро приближались, а Сэм все не мог различить их в темноте. Вот несчастье — как бы свои же не набросились на него в этой суматохе.

Сэм поднял левой рукой пистолет, держа в правой саблю. Стрелять он мог любой рукой, хотя не столь метко. Ну, на таком расстоянии не промахнешься. Только надо ли стрелять?

Ему так и не суждено было прийти к решению. Пока он пялил глаза во мрак, держа палец на курке, кто-то подхватил его и швырнул за борт.

Ошеломленный, Сэм не сразу понял, что с ним произошло. Он барахтался, захлебываясь, в воде, но не соображал, как и почему оказался там.

Ему подвернулось что-то мягкое и холодное. Труп. Сэм отпихнул его и снял с себя тяжелый патронташ.

Пароход маячил в шестидесяти футах от Сэма. Когда его успело отнести так далеко? Течением, что ли? Или он плыл? Неважно. Сэм тут, а пароход там. Сейчас Сэм к нему вернется. Вот уже второй раз Сэм оказывается в Реке. Бог троицу любит.

Гребя обратно к судну, Сэм заметил, что поручни нижней палубы находятся ближе к воде, чем следует. Пароход тонул!

Теперь Сэм знал, что смахнуло его с палубы. Так лошадь стряхивает овода — беда только, что у Сэма крыльев нет. Это был взрыв под ватерлинией, на котельной палубе, где хранились боеприпасы. А устроили взрыв, разумеется, люди Иоанна.

Сэм пережил сегодня столько, что даже скорая потеря прекрасного «Внаем не сдается», в иное время повергнувшая бы его в неутешное горе, не слишком взволновала его. Он слишком устал и

совсем отчаялся. Точнее, слишком устал, чтобы отчаиваться, правил он себя.

Плывя к пароходу, он ударился обо что-то правой рукой, вскрикнул от боли и снова протянул руку. Пальцы нащупали скользкое дерево. Сэм, задыхаясь от радости, подтянул деревяшку поближе. Что бы это ни было — обломок каное или челнока, на воде оно его удержит.

Где же Джо?

Сэм позвал его. Ответа не было. Позвал опять — и снова не получил отклика.

Не пострадал ли Джо от взрыва? По воде должна была пройти сильная волна. Те, кто был близко, возможно, убиты. Но Джо был не так уж близко. Или его все-таки зацепило? Грохнуло-то, поди, будь здоров.

А может, Джо просто потерял сознание от боли в руке и ушел под воду.

Сэм позвал еще два раза. Издали откликнулась какая-то женщина. Еще какая-то несчастная душа плавает в Реке.

Пароход оседал на глазах. Там внутри много больших и малых отсеков с закрытыми дверями и люками — возможно, заключенный в них воздух даже удержит пароход на плаву. А потом «Внаем» прибьет к берегу — или же его могут взять на буксир парусники и гребные лодки.

Для глубокого пессимиста Сэм был невероятно оптимистичен.

Лезть на пароход он не собирался. Мимо промелькнул нос судна, сносимый назад. Потом Сэм увидел катер «Афиш не расклеивать» — он шел медленно, высматривая, как видно, утопающих. Проектор катера, шаривший по воде, наткнулся на что-то и остановился. Было слишком далеко, чтобы увидеть, что он освещает, и слишком далеко, чтобы на катере услышали крики Сэма.

Сэм вдруг вспомнил о короле Иоанне, связанном и беспомощном в запертой каюте. Он обречен, если кто-нибудь не найдет его вовремя. Кричать он не может, а если бы и мог — сомнительно, чтобы кто-нибудь оказался поблизости и услышал его. А хоть бы кто-то и услышал — ключа-то нет. Правда, замок можно прострелить, но... зачем ломать себе над этим голову? Иоанн обречен. Он сидит там и не знает даже, что пароход тонет. Вода уже заливает главную палубу, а он по-прежнему не будет ничего знать. Каюты водонепроницаемы. Лишь когда воздух начнет портиться, Иоанн поймет, что происходит. Тогда он начнет отчаянно бороться, извиваться, корчиться, звать на помощь сквозь кляп. Воздух будет делаться все хуже и хуже, и Иоанн медленно задохнется.

Последние его минуты будут ужасны.

В былые времена Сэм смаковал бы в уме эту картину.

Теперь он жалел, что не может попасть на пароход и спасти Иоанна. Нет, он, конечно, не отпустил бы короля на все четыре

стороны. Он позаботился бы о том, чтобы обещанный суд состоялся. Но он не хотел, чтобы Иоанн умер такой страшной смертью. Он никому не пожелал бы такого.

Какой у него все же мягкий характер — вот Иоанн только радовался бы, представляя Сэма в такой ситуации. Что ж поделаешь. Он не Иоанн и рад этому.

Тут катер снова тронулся с места, и Сэм позабыл об Иоанне. Катер зашел за паромом и скрылся с глаз. Может быть, Андерсон собрался теперь снимать людей с тонущего судна? Если так, придется сначала прикончить последних абордажников с «Рекса», недоумков, не сумевших вовремя унести ноги. Разве что теперь у них хватит ума сдаться.

— Зэм! — раздалось позади.

Сэм обернулся, обхватив одной рукой свою деревяшку.

— Джо! Ты где?

— Тут я, Зэм! Я отключилзя. Только что очнуулзя, но не знаю, надолго ли.

— Держись, Джо! Я плыву к тебе! Кричи все время! Я скоро! Кричи, чтобы я знал, где ты!

Не так-то легко оказалось развернуть большой кусок дерева и направить его к берегу. Приходилось держаться одной рукой и грести другой, помогая ногами. Порой Сэм останавливался перевести дыхание и кричал:

— Джо! Ты где! Джо, не молчи, чтобы я тебя слышал!

Тишина. Может, Джо опять потерял сознание? Тогда он, верно, привязан к тому, что держит его на плаву. Иначе он утонул бы сразу, лишившись чувств. Или он на чем-то лежит.

Сэм, пользуясь мгновением передышки, оглянулся назад. Паромход снесло еще дальше по течению. Река подбиралась к стенам главной палубы. Скоро каюта Иоанна окажется под водой.

Сэм толкал свою деревяшку к берегу. Пожар на суше бросал слабый отсвет на воду. Там плавало множество обломков, но Джо Сэм не видел.

Зато видел, как люди на берегу спускают на воду лодки и каноэ. Там светили сотни факелов. Снаряжают помощь — хотя с чего бы им помогать тем, кто сжег их поселок?

И все-таки они спешат на помощь поджигателям, как Сэм поспешил бы к Иоанну, если б мог. Притом у виrolандцев нет причины ненавидеть корабельщиков так, как Сэм ненавидел Иоанна.

Берег был гораздо ближе, чем представлялось Сэму — всего в какой-нибудь полумиле. Спасательные лодки приближались быстро, если учесть, что двигались они на веслах. Быстро, но недостаточно быстро. Сэм уже начал замерзать. Вода, хотя и теплее воздуха, все-таки была недостаточно теплой. В этом районе ее температура должна быть сорок пять по Фаренгейту, если он правильно помнил.

Река потеряла большое количество тепла, пройдя через Северный полюс, и еще не успела нагреться. Сэм устал до крайности, а шок, полученный в бою, и холодная вода совсем лишили его сил. Вот будет смешно, если он погибнет перед самым подходом спасателей.

Смешно, как всякая жизнь. Смешно, как всякая смерть.

Как было бы хорошо перестать плыть, отдаться на волю течения — пусть теперь поработают другие. Но надо найти Джо. При этом, если не барахтаться, тело еще быстрее потеряет тепло. А как хорошо бы...

Сэм потряс головой, сделал глубокий вдох и вновь привел в действие свои свинцовые члены.

Внезапно — нет, не внезапно, а много времени спустя — рядом возникла лодка. На ней горело множество факелов. Сильные руки втянули Сэма через борт и уложили, дрожащего, на доски. Его укрыли чем-то теплым и стали поить горячим кофе. Сэм сел и сразу затрясся — покрывала упали, и ночной холод охватил его.

— Джо! Найдите Джо!

— Что он говорит? — спросил кто-то на эсперанто.

— Это по-английски, — сказала женщина. — Говорит, чтобы мы нашли Джо. Кто это Джо? — спросила она Клеменса, наклонившись к нему.

— Мой лучший друг. И даже не человек при этом. Может, в этом все и дело. — Сэм устало рассмеялся: — Хо-хо-хо! В этом все и дело.

— А где он, твой Джо? — спросила женщина, обладавшая острым зрением. В свете факелов виднелось ее овальное, сердечком, лицо, большие глаза, широкий большой лоб, вздернутый нос, широкие полные губы. Длинные желтые волосы вились.

Не хватало еще в такой момент глазеть на женщин. Вспомнил бы лучше... о Гвенафре.

Сэм ощутил смутный стыд за то, что ни разу с начала боя не подумал о ней. Где она? И почему он о ней не побеспокоился? Он ведь любил ее по-настоящему.

— Так где же? — снова спросила женщина.

— Он титантроп, человек-обезьяна. Волосатый гигант со здоровенным носярой. Он где-то тут, близко. Спасите его!

Женщина встала и сказала что-то на эсперанто. Мужчина рядом с ней поднял факел и стал глядеть в темноту. На лодке имелось много факелов, но проку от них было мало. Тучи заволакивали небо, гася звездный свет.

Сэм осмотрелся. Он сидел на палубе баркаса. Под ним с обеих сторон помещалось по дюжине гребцов.

— Вон там что-то плавает, — сказал человек с факелом. — Большое что-то. Может, и титантроп.

Человек стоял спиной к Сэму. Белый эскимосский наряд скрывал его голову, тело и ноги. Человек был невелик ростом, но очень плечист. И голос его был смутно знаком Сэму — когда-то давно Сэм уже слышал его.

Человек окликнул ближние лодки, сказав им, кого искать. Потом раздался крик. Сэм взглянул в ту сторону — люди на другом баркасе вытягивали из воды нечто громадное.

— Джо! — прохрипел Сэм.

Тогда человек в белом обернулся к нему. Пылающий сосновый сук ярко освещал его лицо.

И Сэм увидел широкие скулы, густые соломенные брови, квадратную массивную челюсть и ровные белые зубы в злобной усмешке.

— Кровавый Топор!

— Да, — сказал человек. И добавил на эсперанто: — Долго я ждал тебя, Сэм Клеменс.

Сэм с воплем вскочил и прыгнул за борт.

Холодные темные воды сомкнулись над ним. Он погружался все глубже и глубже, потом выпрямился и стал всплывать. Далеко ли еще до поверхности, где воздух? И сможет ли он спастись от своей судьбы на другой лодке? Но ведь вироландцы не позволят Эрику убить его. Это против их принципов. Ну что ж — Эрик выждет случай и нанесет свой удар.

Джо! Вот кто защитит Сэма! Не только защитит, но и убьет норвежца. Сэм высунул голову на поверхность, ловя ртом воздух. Перед ним была лодка с людьми, хорошо видными в свете факелов. Все смотрели на него. Сзади к Сэму кто-то подплывал.

Сэм обернулся и увидел Эрика в нескольких футах от себя.

Сэм снова испустил вопль и нырнул. Только бы всплыть по ту сторону этой лодки, успеть подняться на борт...

Чужая рука сомкнулась вокруг его лодыжки.

Сэм вырывался, но норвежец был больше его и куда сильнее. Сейчас Эрик утопит его без свидетелей, а потом заявит, что пытался спасти бедного безумца.

Локоть зацепил Сэма за шею. Сэм бился, как рыба, пойманная в сеть, но знал, что это конец. Столько раз избежать верной гибели — и умереть вот так...

Очнулся Сэм на палубе баркаса, кашляя и задыхаясь. Из рта и носа лилась вода. Две сильные, теплые руки поддерживали его.

Сэм взглянул вверх — это были руки Эрика Кровавого Топора.

— Не убивай меня! — сказал Сэм.

Голый и мокрый Эрик весь блестел в свете факелов, и виден был белый предмет, висящий у него на шее.

Спиральный позвонок «рогатой рыбы», символ Церкви Второго Шанса.

Два человека пришли к одному заключению.

Довольно этого бессмысленного кровопролития. Пора сделать то, что каждый из них сделал бы давно, не будь он уверен, что другой плывет на вражеском пароходе. Однако за весь этот долгий бой ни один из них не видел другого. Стало быть, другого не было на пароходе, либо он благоразумно покинул его перед боем, либо его разорвало на куски, либо он утонул.

Каждый верил, что, если он погибнет, великий проект потерпит крах, хотя каждому этот крах виделся по-своему.

Теперь каждому представился случай сбежать. В пылу боя никто их дезертирства не заметит. А если и заметит, то ничего не сможет сделать. Каждый намеревался прыгнуть в Реку, доплыть до берега и продолжить свое долгое-долгое путешествие. Оба лишились своих граалей — один остался на затонувшем «Рексе», другой — в запертой кладовой «Внаем не сдается». Придется украсть запасные граали у виrolандцев и отправиться вверх по Реке на паруснике.

Один из двоих сбросил доспехи, сложил оружие на палубу и уже собрался перескочить через поручни, как услышал позади голос другого. Тогда первый резко обернулся и подобрал свою саблю. Он не слышал этого голоса сорок лет, но узнал его сразу.

Но того, кто был связан в его памяти с этим голосом, он не узнал.

Человек, только что выбравшийся из люка, обратился к первому на языке, который на борту понимали только они двое. Тон его был резок.

— Да, это я, хотя и не похож на себя.

— Зачем ты это сделал? — спросил человек у борта. — Зачем?

— Тебе не понять. Ты дурной человек. Такими были и все остальные, даже...

— Были? — повторил человек у борта.

— Да. Были.

— Значит, все они мертвы... Я так и подозревал.

Первый взглянул на шлем и саблю, лежащие на палубе. Жаль, что второй не окликнул его прежде, чем он их снял. Теперь его враг имеет преимущество. Человек у борта знал, что, если он попытается сейчас прыгнуть через поручни или перевалиться через них спиной, другой с присущим ему мастерством пронзит его, метнув кинжал.

— А теперь ты хочешь убить и меня, — сказал первый. — Дальше падать некуда — ты погиб навеки.

— Мне пришлось убить Оператора, — бесстрастно сказал другой.

— Я бы не смог и помыслить о таком злодеянии, — сказал первый.

— Я не злодей! — крикнул другой. — Это ты... — Он переборол себя и вымолвил: — Что пользы спорить.

— Еще ничего не потеряно даже для тебя, — сказал первый. — Тебя простят и пошлют лечиться в Мир Садов. Ты мог бы вернуться в башню вместе со мной и агентами...

— Нет, — сказал второй. — Не говори глупостей.

Он вскинул свою саблю и подступил к первому, который занял оборонительную позицию. Краткий и бурный поединок завершился тем, что безоружный, весь залитый кровью из многочисленных ран, упал с перерезанным горлом.

Убийца подтащил мертвого к борту, поднял его, поцеловал в губы и швырнул в воду. Слезы лились у него по щекам; он сотрясался от рыданий.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ: БЁРТОН ПРОТИВ БЕРЖЕРАКА

ГЛАВА 38

После взрыва на котельной палубе, устроенного группой Бёртона, события стали развиваться быстро и хаотически. Бёртон либо гнался за кем-то, либо сам убегал, атаковал и отступал. В основном отступал, поскольку численное преимущество было за врагом. Когда группу Бёртона оттеснили в помещение арсенала, она стала больше, чем была вначале. Восьмерых они потеряли, но к ним пристали другие, и теперь у них насчитывалось тринадцать мужчин и десять женщин. Насколько Бёртон знал, больше никого с «Рекса» в живых не осталось.

Боеприпасы и у той и у другой стороны кончились — оставалось надеяться только на холодную сталь. Враг отошел, чтобы отдохнуть и перевести дух, а также посоветоваться. Вход в арсенал был шириной в два с половиной человеческих корпуса, и его штурм представлялся нелегким делом.

Бёртон, оглядев хранящееся здесь оружие, решил сменить саблю на шпагу, имевшую клинок с тупыми краями и треугольным острием в три фута длиной. Эфес был хорошей формы: слегка выгнутая рукоятка с двумя деревянными выступами для лучшего упора. Бёртон опробовал упругость клинка, приставив его конец к деревянной балке и согнув. Шпага образовала дугу около фута высотой и вновь распрямилась, когда давление ослабло.

В арсенале разило потом и кровью с примесью мочи и кала. Кроме того, здесь стояла невероятная духота. Бёртон снял с себя все доспехи, оставив только шлем, и предложил остальным последовать его примеру, хотя приказывать не стал.

— Когда мы добьемся на палубу, некогда будет скидывать с себя железо, — сказал он. — Придется прыгать в Реку как есть. Проще снять доспехи здесь, чем в Реке.

Среди женщин была прелестная Аффа Бен, утратившая некоторую долю своей прелесть. Лицо ее, покрытое пороховой копотью, было все в подтеках крови и пота; глаза покраснели от дыма и усталости; одно веко дергалось.

— Пароход-то ведь тонет, — сказала она. — Если мы не выберемся отсюда быстро, пойдем на дно.

Вид у нее был истерический, но голос звучал довольно спокойно.

— Да-а, я знаю, — протянул Бёртон и пораздумал с минуту. Они находились на палубе «Б», а палуба «А», вероятно, уже под водой. Скоро вода должна дойти и до них.

Он подошел к люку и выглянул. В коридоре горел свет. Почему бы ему не гореть — сеть ведь питается от батацитора. Она даже под водой будет работать.

Однако ни одной живой души в коридоре не было. Враг, должно быть, укрылся в близлежащих помещениях и ждет, когда люди с «Рекса» пойдут на прорыв.

— Я капитан десантников с «Рекса», Гвалхгвинн! — громко произнес он. — Хочу поговорить с вашим командиром!

Никто не ответил. Бёртон еще раз прокричал свое предложение, потом вышел в коридор. Если кто-то и сидит за открытой дверью рядом с арсеналом, ему их не видно.

А может, противники разошлись в оба конца коридора и ждут за тем и другим углом, чтобы захватить диверсантов врасплох?

В этот момент Бёртон увидел бегущую по полу воду — пока она покрывала коридор тонким слоем, но скоро начнет прибывать. Он крикнул караульным у двери:

— Скажите всем — пусть выходят! Люди Клеменса ушли!

Ему не пришлось долго объяснять своим, в чем дело — они тоже увидели воду.

— Спасайся, кто может, — сказал Бёртон. — Гребите к берегу в меру своих сил. Я следом.

Он проводил их до борта, попрощался и пожелал всем удачи.

— Дик, — сказала Афра, — зачем ты остаешься?

— Поищу Алису.

— Если пароход затонет внезапно, ты окажешься в ловушке.

— Знаю.

Он не стал ждать, пока Афра прыгнет, а сразу пустился на поиски. Он бегал по коридорам и звал Алису, временами останавливаясь и слушая, нет ли ответа. Обежав всю палубу, он поднялся по лестнице в большой салон, занимавший четверть кормовой площади на ураганной палубе, как и салон «Рекса». Но здешний был куда больше. Его освещали потолочные светильники и люстры, хотя и разбитые местами во время боя. Несмотря на все повреждения и несколько валяющихся на полу изувеченных тел, салон производил внушительное впечатление.

Бёртон вошел и осмотрелся. Алисы тут не было, если она только не лежала за длинным баром, за разбитыми роялями или бильярдными столами. Задерживаться здесь было незачем, и все же Бёртон медлил, замороженный масштабами зала. Здесь, как и в салоне «Рекса», много лет шутили, смеялись, флиртовали, плели интриги, играли — для забавы, а то и на полном серьезе; здесь

назначали свидания любящие и ненавидящие, здесь великие мастера Земли сочиняли и исполняли музыку, здесь играли на подмостках драмы и комедии. А теперь... Постыдный конец, достойный горьких сожалений.

Бёртон пошел через салон, но остановился. Какой-то человек вошел в противоположную дверь. Он увидел Бёртона и тоже остановился. Потом, улыбаясь, двинулся навстречу. Он был на пару дюймов выше Бёртона, тонкий, как борзая, с необычайно длинными руками. Кожа у него почернела от копоти, нос был очень большой, а подбородок — слабый. Но улыбка делала лицо почти красивым.

Блестящие черные волосы кольцами падали на плечи. На нем был только черный кильт и красные, до колен, сапоги из кожи «речного дракона», а правая рука сжимала эфес шпаги.

Бёртон испытал приступ «дежа вю» — чувство, что он уже встречался с этим человеком при сходных обстоятельствах. Нет, он действительно когда-то встречался с ним и надеялся, что встретится опять. Долго не заживавшая рана на бедре отпечаталась в памяти.

Человек остановился в двадцати пяти футах от Бёртона и заговорил на эсперанто с легким французским и едва уловимым англо-американским акцентом:

— Ах, синьоро, это вы! Одареннейший, возможно, даже гениальный фехтовальщик, с которым я скрестил шпагу во время десанта на ваше судно столь много лет назад! Тогда я представился вам, как подобает благородному человеку. Вы же угрюмо отказались назвать себя. Возможно, вы поступили так, полагая, что ваше имя мне неизвестно. Но теперь...

Бёртон сделал шаг вперед, держа шпагу почти отвесно, и сказал по-французски, с чисто парижским выговором времен 1650 года:

— Я не был уверен, мсье, когда вы представились, что вы тот, за кого себя выдаете. Вы могли быть и самозванцем. Но теперь я признаю, что вы действительно великий маньяк Савиньен де Сирано Второй де Бержерак — либо его брат-близнец, столь же искусный в фехтовании.

Бёртон, поколебавшись, решил, что с тем же успехом может назваться своим настоящим именем — в псевдониме больше не было нужды.

— Знайте же, мсье, что я Ричард Фрэнсис Бёртон, капитан десантников корабля «Рекс грандиссимус». На Земле я был посвящен в рыцари ее величеством Викторией, королевой Британской империи. И не за то, что я нажил себе состояние коммерческими операциями, а за мои исследования отдаленных частей Земли и за многочисленные заслуги перед своей страной и всем человечеством. Был я также небезызвестен среди фехтовальщиков своего времени — девятнадцатого века.

— А красноречием своим вы не были известны?

— Нет — и нос меня также не прославил.

На закопченном лице де Бержерака блеснули зубы.

— О, я так и знал, что без ссылки на нос не обойдется. Но знайте, мсье, что хотя мой суверен Людовик XIII не посвящал меня в рыцари, меня посвятила королева, стоящая выше вашей — сама Фортуна. Я написал несколько философских романов, которые читались, как мне стало известно, и много позже моей смерти — и, как должно быть известно вам, выделялся среди величайших фехтовальщиков своего времени, от которых произошли великие фехтовальщики всех времен. — Француз снова улыбнулся, а Бёртон сказал:

— Не хотите ли вручить мне вашу шпагу? У меня нет желания вас убивать, мсье.

— Я как раз собирался предложить вам, мсье, отдать мне ваше оружие и сдаться мне в плен. Но вижу, что вам, как и мне, хочется выяснить, кто же из нас сильнее в фехтовании. Я много думал о вас, капитан Бёртон, с тех пор как пронзил шпагой ваше бедро. Из сотен, а возможно, и тысяч тех, с кем я сражался, вы были лучшим. Готов признать, что наш небольшой спор мог бы обернуться и по-иному, если бы вы не отвлеклись. Во всяком случае, вы продержались бы дольше.

— Сейчас увидим, — сказал Бёртон.

— О да, увидим, если пароход затонет не слишком быстро. Я, мсье, медлил с уходом; желая напоследок выпить за души славных мужчин и женщин, павших в бою за это некогда великодушное судно, последнее из величайших достижений человеческой науки и техники. *Quel dommage!** Когда-нибудь я сочиню на это оду. По-французски, разумеется — ведь эсперанто не создан для высокой поэзии и ни в коей мере не может сравниться с моим родным языком. Давайте же вместе поднимем тост за тех, кого мы любили и кого уж больше нет. С воскрешениями покончено, мой друг. Умершие останутся мертвыми навеки.

— Возможно. Во всяком случае, я выпью с вами.

Необъятные буфеты с напитками за баром были заперты перед боем, но ключ лежал в одном из ящиков, и де Бержерак, зайдя за стойку, отпер буфет, оглядел ряд бутылок, достав затем из углубления одну.

— Эта бутылка была сделана в Пароландо и уцелела во множестве боев и множестве попоек. Она наполнена отменным бургундским, которое время от времени находили в разных граалях, но не пили, а сливали сюда ради особого случая. Я полагаю, теперь этот случай настал — хотя торжество получилось весьма печальным.

Бержерак отпер другой буфет, резной, где стояли хрустальные кубки, и поставил два на стойку, куда положил и шпагу. Бёртон

* Какая жалость! (фр.)

тоже положил свою справа от себя. Француз налил кубки до краев и поднял свой, а Бёртон — свой.

— За дорогих усопших! — сказал де Бержерак.

— За них, — сказал Бёртон, и оба выпили немного вина.

— Я небольшой приверженец спиртного, — сказал де Бержерак. — Оно низводит человека до уровня скота, я же предпочитаю постоянно помнить о том, что я — человек. Но теперь действительно особый случай. Еще один тост, мой друг, а затем приступим к делу.

— За раскрытие тайны этого мира, — сказал Бёртон, и они снова выпили.

Сирано поставил свой кубок.

— Что ж, мсье Бёртон, капитан бывших десантников бывшего «Рекса» — я ненавижу войну и кровопролитие, но долг свой знаю и выполняю его, когда нужно. Мы оба с вами — прекрасные люди, и стыдно будет, если один из нас умрет, стараясь доказать, что он лучше другого. Платить за истину ценой своей гибели противоречит здравому смыслу. Поэтому я предлагаю считать победителем того, кто первый пустит другому кровь. И если, о чем молю Творца, которого нет, первая рана не будет роковой, победитель возьмет побежденного в плен, после чего мы спешно, но с достоинством покинем это судно, пока оно не затонуло.

— Клянусь честью, так и будет, — сказал Бёртон.

— Прекрасно! Защищайтесь же!

Отсалютовав друг другу, оба приняли классическую оборонительную позицию: левая нога позади правой под прямым углом к ней, колени согнуты, тело повернуто боком, чтобы уменьшить площадь попадания, левая рука приподнята, плечо параллельно земле, предплечье под прямым углом к нему, кисть свободна; правая рука опущена, и шпага служит ее непосредственным продолжением. Круглая coquille, чашка эфеса, в этой позиции защищает предплечье.

Де Бержерак с возгласом, соответствующим английскому «ха», прыгнул вперед. Двигался он быстро, как молния, как было известно Бёртону из его биографии и из прошлой дуэли с ним. Но и Бёртон отличался необычайной быстротой. После многолетней практики на Земле и здесь он на каждый вид атаки отвечал почти автоматически.

Бержерак метил Бёртону в плечо. Бёртон отразил удар и перешел в контратаку. Бержерак тоже отразил и сделал выпад поверх шпаги Бёртона, но тот совершил встречный выпад, отведя чашкой острие противника и почти одновременно направив свое острие противнику в плечо.

Де Бержерак снова парировал и сделал быстрый выпад в обход эфеса Бёртона, снова целя ему в руку. Этот прием назывался «тычок» или «клевок».

Бёртон отклонил острие — при этом край клинка проехался ему по руке, но кровь не выступила.

Дуэль на рапирах или шпагах напоминает попытки продеть нитку в движущуюся иглу. Острые шпаги атакующего — это конец нити, а шпага обороняющегося — ушко иглы. Ушко должно быть как можно уже и в данном случае таким и было. Но проходит секунда — и вот игла с ниткой меняются ролями. В защите двух славных фехтовальщиков почти не было просветов — она приоткрывалась лишь на миг, когда шпага, переходя в атаку, описывала небольшой круг,

В спортивном фехтовании не разрешается целить в голову, руки, ноги, но выпады ниже пояса допускаются. В настоящем же бою наносят удары и в голову, и по всему телу. Проткнуть можно что угодно, даже большой палец ноги — лишь бы противник не насадил тебя при этом на шпагу.

Считается аксиомой, что фехтовальщик с безупречной защитой проиграть не может. Ну а если защита безупречна у обоих дуэлянтов? Что же тогда — нашла коса на камень? Нет. Человек — не коса и не камень. Один из противников непременно устанет раньше другого, или обстановка будет помогать одному из бойцов. Всегда можно поскользнуться на полу, а в данном случае — на щепке от мебели, на бутылке или споткнуться о мертвое тело. Чей-нибудь крик, как было при первой дуэли Бёртона с Бержерак, может на долю секунды отвлечь бойца — и его быстрому, как кошка, и зоркому, как орел, противнику этой доли хватит.

Бёртон думал об этом краем сознания, основная часть которого была занята пляской клинков. Противник был выше его и руки имел длиннее. Но это еще не означало, что Бёртон был в невыгодном положении. Если поединок пойдет на более близкой дистанции, длинная рука француза утратит свое значение, а Бёртон получит преимущество.

Бержерак это знал — он все знал о фехтовании — и держал выгодную для себя дистанцию.

Звенела сталь, и дыхание со свистом вырывалось из груди бойцов. Бержерак, продолжая вести бой выпрямленной рукой, сосредоточил свои атаки на кисти и предплечье Бёртона, чтобы тот не мог достать его шпагой.

Англичанин держал руку согнутой, делая наклонные выпады, стараясь связать шпагу противника, «обойти» ее. Для этого шпагу нужно было отклонить в сторону боковым ударом. При «обходах» конец шпаги Бёртона описывал полный круг.

Тем временем он искал слабые места Бержерака, точно так же как француз изучал его. Искал и не находил. И надеялся, что де Бержерак, в свою очередь, не найдет никакого изъяна.

Как и в первом поединке, они установили ровный ритм атаки и парирования, рипоста и контрпарирования. Даже финты стали частью ритма, поскольку ни один не поддавался на них и не открывался.

Оба ждали момента, когда противник откроется и недостаточно быстро загордится. По лицу де Бержерака лился пот, промывая

ручейки в копоты. И Бёртону пот ел глаза. Когда становилось невмоготу, он отскакивал назад и быстро вытирал лоб и глаза левой рукой. Француз пользовался этими перерывами, чтобы самому утереть пот платочком, засунутым за пояс кильта. Перерывы делались все чаще — не только чтобы утереть пот, но и чтобы отдышаться.

В одну из таких передышек Бёртон сорвал нагрудную повязку с мертвой женщины, чтобы промокнуть ею пот. Потом, следя, не предпримет ли де Бержерак «флеш» — атаку с разбега, — он обвязал эту тряпицу вокруг головы. Де Бержерак, следуя его примеру, снял повязку с другого тела и обвязал себе голову.

У Бёртона пересохло во рту, и язык сделался большим и шершавым, как огурец.

— Минутное перемирие, мсье де Бержерак, — прохрипел он. — Выпейте чего-нибудь, пока не померли от жажды.

— Согласен.

Бёртон зашел за стойку, но в кранах не было воды. Тогда он достал из открытого французом буфета бутылку «пурпурной страсти» и вытащил зубами пластмассовую пробку. Первый глоток он предложил де Бержерaku, но тот отказался. Тогда Бёртон напился и передал бутылку через стойку французу. Напиток обжег ему горло, согрел грудь и нутро и немного утолил жажду — полностью утолить ее могла только вода.

Де Бержерак посмотрел сквозь бутылку на свет:

— Ага! Вы проглотили три унции, мой друг. Я выпью столько же, чтобы степень нашего опьянения была одинаковой. Будет нехорошо, если я убью вас из-за того, что вы окажетесь пьянее меня. Вы могли бы тогда пожаловаться на мое нечестное поведение, и вопрос о том, кто же лучше фехтует, так и остался бы без ответа.

Бёртон рассмеялся по-своему — сквозь зубы. Де Бержерак вздрогнул.

— Вы точно кот, мой друг.

Он выпил и поставил бутылку, кашляя и обливаясь слезами.

— Mordieux!* Нет, это не французское вино! Такое пьют только северные варвары — англичане!

— Неужели вы ни разу его не пробовали? За все длинное путешествие?

— Я же говорил вам, что очень мало пью. Helas!** Ни разу в жизни я не дрался на дуэли, не будучи трезвым, как стеклышко. А теперь я чувствую, как поет во мне кровь, как возвращаются силы — и знаю, что все это фальшь, обман, вызванный спиртным. Ну что ж. Если я несколько навеселе, отчего реакция у меня стала медленнее и глаз слабее, то ведь и вы в том же положении.

* Проклятье! (фр.)

** Увы! (фр.)

— На алкоголь все реагируют по-разному, — заметил Бёртон. — Очень возможно, что я, любящий крепкие напитки, больше привык к ним. И теперь получу преимущество.

— Посмотрим, — улыбнулся де Бержерак. — А теперь, мсье, не выйдете ли вы из-за стойки, чтобы мы могли возобновить наш маленький спор?

— Разумеется. — Бёртон обошел бар. Почему бы сейчас не попробовать флеш? Если он промахнется или его удар с налету будет отражен, он потеряет равновесие и станет легкой добычей для Бержерака. Есть, однако, возможность прорвать защиту француза.

Нет, нет. Пришла бы ему в голову эта мысль, не влей он в себя три унции пятнадцатиградусной «пурпурной страсти»? Нет. Нельзя.

Ну а если взять бутылку и швырнуть ее, одновременно приняв флеш? Противнику придется пригнуться, и это он утратит равновесие.

Бёртон остановился рядом с винной бутылкой. Де Бержерак ждал. Бёртон разжал левую руку и вздохнул. Француз с улыбкой отвесил ему легкий поклон.

— Мои поздравления, мсье. Я надеялся, что вы не поддадитесь искушению и не прибегнете к бесчестному приему. Это разногласие должно улаживаться одной лишь шпагой. Я салютую вам за то, что вы это понимаете. И салютую, как лучшему противнику из всех, что мне встречались, а встречались мне сильнейшие из сильных. Как это прискорбно, какая это жалость, что при этой дуэли, великолепнейшей дуэли всех времен и мест, присутствуем только мы с вами. Какая драма! Нет, не драма — трагедия, величайшая потеря для человечества!

Бёртон заметил, что француз стал говорить несколько бесвязно. Следовало ожидать. Или он, хитрец, преувеличивает свое опьянение, чтобы усыпить бдительность Бёртона?

— В принципе я с вами согласен, — сказал Бёртон, — и благодарю вас за комплименты. Я тоже должен сказать, что вы — лучший фехтовальщик, которого я встречал. Однако, мсье, незадолго до этого вы намекнули на мое красноречие. Так вот, если в фехтовании мы и равны, то в умении трепать языком вы меня превосходите.

— Языком я орудую столь же легко, сколь и шпагой, — улыбнулся француз. — Мои читатели и мои слушатели получали не меньше удовольствия, чем свидетели моих поединков. Я забыл о вашей англосаксонской сдержанности, мсье. Пусть же за меня впредь говорит моя шпага.

— Пусть. Защищайтесь!

Шпаги скрестились снова — атака, отражение, рипост, контр-рипост. Оба были безупречны в точности дистанции, в ритме, в расчете, в тактике и в координации.

Усталость и хмель одолевали Бёртона — он знал, что из-за них движется медленнее и глазомер у него уже не тот. Однако противник должен испытывать то же, если не в большей степени.

И вот, когда Бёртон отразил выпад, направленный в его левое плечо, и ответил выпадом, метящим в живот Бержерaku, он увидел что-то на пороге у главной лестницы. Бёртон отскочил назад и крикнул:

— Стойте!

Де Бержерак, видя, что Бёртон смотрит ему за спину, тоже отскочил подальше, чтобы не быть застигнутым врасплох. И увидел воду, тонкой струйкой текущую через порог.

— Итак, мсье Бёртон, — сказал он, тяжело дыша, — вода поднялась до нашей палубы. Времени у нас немного. Пора заканчивать, да поскорее.

Бёртон очень устал и с трудом переводил дух — его точно ножами кололи под ребра.

Он подступил к французу, собравшись атаковать с разбега. Но де Бержерак опередил его и ринулся вперед, неведь откуда почерпнув энергию в своем шуплом теле. Возможно, он наконец-то заметил брешь в защите Бёртона. Или решил, что его противник обессилел больше, чем он сам.

Как бы там ни было, он просчитался. Точнее, расчет его был, возможно, и верен, но Бёртон вдруг понял — по телесному языку Бержерака, по сокращению некоторых мускулов, по легкому прищурю глаз, — что намерен сделать француз. Понял еще и потому, что сам готовился к тому же и подавлял сигналы своего тела, чтобы не выдать себя.

Де Бержерак бросился вперед, стараясь отжать в сторону шпагу Бёртона. Этот прием иногда использовался при внезапных атаках и мог бы удался, если бы Бёртон не ждал его, если бы Бёртон, так сказать, не видел перед собой своего зеркального отражения, выполняющего тот же маневр.

Для успешного флеша требуется внезапность, быстрота и преодоление защиты противника. Быстрота у Бержерака была, но внезапности не получилось, поэтому защиту преодолеть он не смог.

Знающий зритель отметил бы, что де Бержерак пользуется преимуществом. Он держался прямее Бёртона, рука его была выше, что позволяло более сильной половине его клинка, от эфеса до середины, отвести в сторону более слабую половину клинка Бёртона — от середины до острия.

Но Бёртон подставил верхнюю часть шпаги, сбил шпагу де Бержерака вниз и тут же пронзил противнику левое плечо. Лицо де Бержерака в не покрытых копотью местах сделалось серым, но шпаги он не выпустил. Бёртон мог бы убить его в тот момент.

Бержерак в шоке, покачиваясь, все же нашел в себе силы улыбнуться.

— Первая кровь за вами, мсье. Вы победили. Я признаю, что победа за вами, однако не стыжусь...

— Позвольте мне помочь вам, — сказал Бёртон, и тут кто-то с порога выстрелил из пистолета.

Бержерак споткнулся и тяжело упал лицом вниз. Пуля попала ему в спину около поясницы.

Бёртон взглянул в сторону двери.

Там стояла Алиса с дымящимся пистолетом в руке.

— Боже! — вскрикнул Бёртон. — Зачем ты это сделала, Алиса?

Алиса бросилась к нему, шлепая по воде.

Бёртон присел и перевернул француза, положив его голову себе на колени. Алиса стала рядом.

— В чем дело? Ведь это же враг?

— Да, но он только что сдался. Знаешь, кто это? Сирано де Бержерак!

— О Господи!

Де Бержерак открыл глаза и взглянул на Алису:

— Вам следовало бы сначала выяснить, как обстоят дела, мадам. Впрочем... люди так редко дают себе этот труд.

Вода быстро прибывала, и палуба перекашивалась — этак де Бержерака скоро покроет с головой. Он закрыл глаза и открыл их снова.

— Бёртон?

— Да?

— Теперь я вспомнил. Как же глупы мы были оба. Ведь вы тот самый Бёртон... Клеменс говорил, что вас... завербовал этик.

— Да.

— Зачем же мы...тогда дрались? Я... слишком поздно вспомнил... нам... следовало бы отправиться... в башню... вместе. Теперь... я...

Бёртон наклонился, чтобы расслышать угасающий голос.

— Что вы говорите?

— ...ненавидел войну... и глупость...

Бёртону показалось, что де Бержерак умер, но француз вымолвил еще:

— Констанс! — потом вздохнул, и его не стало.

Бёртон заплакал.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ 20 000 МИЛЬ

ГЛАВА 39

Бёртону и Харгривз, наряду с другими оставшимися в живых пришлось выдержать гнев Ла Виро. Высокий, темнолицый, большеносый епископ бушевал битый час, расхаживая перед шеренгой «преступников». Они стояли у почернелого собора, огромного и крайне нелепого сооружения.

Греческий портик с ионическими колоннами венчал луковичный купол с гигантской каменной спиралью на макушке. Все это были символы Церкви Второго Шанса, что не мешало Бёртону и прочим находить собор безобразным и смешным. Как ни странно, но именно дурной вкус Ла Виро, создателя этого архитектурного чуда, помог им выдержать гневную речь. Он был во многом прав, но нагородил и немало глупостей.

Что ж делать — только он мог дать им граали, одежду, кров. Поэтому спасенные не защищались, но давали выход своему гневу, втихомолку посмеиваясь над уродливым храмом и его строителем.

Наконец Ла Виро устал живописать глупость, черствость, жестокость, кровожадность и эгоизм тех, кто стоял перед ним. Он воздел руки и заявил, что ему тошно на них смотреть. Он вернется в храм и помолится за ка убитых ими виrolандцев. А также за живых и мертвых грешников, хотя они этого не заслуживают. Корабельщиков он передает брату Фениксо, известному ранее как Герман Геринг.

— Вид у вас как у наказанных за дело детей, — сказал Геринг. — Надеюсь, вы так себя и чувствуете. Но пока что я не питаю на ваш счет особых надежд. Это потому, что я зол на вас. Но я преодолею свой гнев и тогда сделаю все, чтобы помочь вам измениться к лучшему.

Он провел всех в заднее помещение храма, где вручил каждому грааль и одежду, включая и теплые вещи.

— Все остальное, что вам понадобится, придется добывать самим, — сказал он и отпустил всех, попросив остаться одного Бёртона.

— Вы слышали, что Сэмюэль Клеменс умер от сердечного приступа?

Бёртон кивнул.

— Очевидно, он думал, что брат Эрико по-прежнему намерен свести с ним старые счеты. Это оказалось последней каплей после того, что он пережил во время боя. Последняя соломинка сломала спину верблюда — и сердце человека.

— Джо Миллер рассказал мне об этом утром, — сказал Бёртон.

— Да-а. Если кто-то не займется этим титантропом, он тоже умрет от разбитого сердца. Он по-настоящему любил Клеменса.

Геринг спросил Бёртона, намерен ли тот продолжать свой путь к истокам. Бёртон ответил, что не затем шел так далеко, чтобы отказаться. И намерен отправиться к башне как можно скорее.

— Придется вам построить себе парусник. Люди Клеменса, конечно, не разрешат вам плыть вместе с ними на «Афиш не расклеивать».

— Кто знает.

— Вы хотите сказать, что похитите катер в случае отказа?

Бёртон промолчал.

— Есть ли предел насилию, которое вы творите?

— Я не говорил, что прибегну к насилию. Я только намеревался в ближайшее время поговорить с Андерсоном.

— Андерсон убит. Предупреждаю вас, Бёртон — не лейте больше здесь крови!

— Я сделаю все, чтобы этого избежать. Право же, мне это нравится не больше, чем вам. Однако я реалист.

Маленький катер «После вас, гасконец» пропал вместе со всей командой. Никто не знал, что с ним случилось, хотя некоторые виrolандцы будто бы видели, как он взорвался.

— На катере, если идти хорошим ходом, до истока можно добратся дней за тридцать, — сказал Геринг. — Но агенты этиков окажутся там раньше вас.

— Так вы о них знаете? — опешил Бёртон.

— Да. Я говорил ночью с Фрайгейтом и с Миллером, стараясь облегчить их горе. Я и раньше знал больше, чем вы думаете, и многое подозревал. С полным основанием, как выяснилось. Ни один из двоих не счел нужным скрыть от меня существование этика-ренегата. Я рассказал об этом Ла Виро, и он теперь погружен в тяжкие раздумья. Это стало для него большим потрясением, хотя нисколько не отразилось на его вере.

— А на вашей?

— Не вижу причин ее менять. Я никогда не считал создателей этого мира ни ангелами, ни демонами. Однако две истории, услышанные мною, содержат немало загадок. Самая интригующая и самая печальная из них касается участи, постигшей инопланетянина с корабля Клеменса — кажется, его звали Монат.

— Как? В первый раз слышу об этом.

Геринг передал ему рассказ Миллера и спросил:

— Так вы говорите, что его спутник, Фрайгейт, тоже исчез?

— Тот Питер Джейрус Фрайгейт был агентом. Он не был точной копией Фрайгейта, о котором вы говорите, но очень на него походил. Он мог бы быть братом Фрайгейта.

— Возможно, когда вы попадете в башню — если попадете, — вы найдете ответ.

— Я нашел бы ответ еще скорее, если бы догнал агентов, ушедших на катере, — мрачно сказал Бёртон.

Поговорив с Герингом еще немного, он ушел, так и не сказав Герману, что означают новости о Монате и мнимом Фрайгейте. А означают они, что этик Икс, Таинственный Незнакомец, плавал на «Внаем не сдается». И что он избавился от Моната часов восемь спустя после своего появления на судне. Почему? Потому что Монат узнал бы его. Икс сменил свой облик, но Монат опознал бы его рано или поздно. Скорее рано. Поэтому этику пришлось действовать быстро. Хотелось бы Бёртону знать...

Итак, Икс плавал у Клеменса. Остался ли он в живых после боя? Если да, он должен быть где-то здесь, в горстке спасшихся с «Внаем не сдается».

Если только он не уплыл сразу вверх по Реке или не перебрался на другой берег.

Бёртон вернулся к Герингу и спросил, нет ли спасенных на той стороне озера и не ушел ли кто-нибудь по скальной тропе через пролив.

— Нет, — сказал тот. — Если бы были такие, я бы знал,

Бёртон постарался не выказать своего волнения, но Геринг спросил с улыбкой:

— Вы думаете, что Икс здесь, не так ли? Близкий, но неузнаваемый?

— Вы чертовски догадливы. Да, я так думаю — если только он жив. Струбвелл и Подебрад были агентами — теперь об этом можно сказать, — но они убиты. Возможно, та же участь постигла и Икса.

— А видел ли кто-нибудь, как погибли Струбвелл и Подебрад? Да, знаю — Джо Миллер считает Струбвелла убитым, поскольку тот не вышел из рубки, когда она обвалилась. Но Струбвелл мог выйти и позже. А о Подебраде известно лишь то, что его никто не видел после столкновения судов.

— Хотел бы я заполучить их живыми. Уж я бы вызнал у них правду. Однако я все же думаю, что они мертвы. Веским доказательством служит то, что вы, местные жители, их не видели. Что же до Икса — не знаю.

Бёртон простился с Герингом и пошел к полуобгоревшему причалу, где стоял «Афиш не расклеивать», похожий на чудовищную черную черепаху. Круглый верх был панцирем, а длинный узкий нос — вылезавшей из него головой. Дуло торчащего на носу парового пулемета было языком, а дуло, торчащее на корме, — хвостом.

Бёртон слышал от кого-то из команды, что катер имеет на борту большой батацитор и может разместить с удобствами пятнадцать человек, а если потесниться, то и двадцать. Он делает тридцать пять миль в час против десятимильного течения и десятимильного же ветра. На катере есть пятнадцать винтовок и пятнадцать пистолетов, стреляющих пороховыми патронами, десять пневматических винтовок и еще много разного оружия.

На причале стояли Джо Миллер, с ручищей в гипсе, несколько членов команды и несколько спасшихся с «Внаем не сдается». Бёртону описали нового капитана «Афиш», и он узнал Кимона без труда.

Кимон, невысокий, коренастый, смуглый, с внимательными карими глазами, был древним греком, чьи деяния Бёртон изучал и в школе, и после нее. Кимон, крупный военачальник, флотоводец и государственный деятель, был одним из создателей афинского государства после персидских войн. Родился он в 505 году до н.э. если Бёртон правильно помнил.

Консерватор Кимон стоял за союз со Спартой, что шло вразрез с политикой Перикла. Отцом его был знаменитый Мильтиад, победитель в битве при Марафоне, где греки обратили вспять орды Ксеркса. Кимон участвовал в морской битве при Саламине, в которой афиняне потопили двести вражеских судов, сами потеряв только сорок, и навсегда покончили с господством персиан на море.

В 475 году Кимон изгнал пиратов со Скироса, нашел и перевез в Афины кости Тезея, легендарного основателя аттического государства, убившего Минотавра в лабиринтах Кносса. Кимон был в числе судей, давших Софоклу первый приз за его трагедию на состязаниях в Дионисии, в 468 году.

В 450-м Кимон возглавил экспедицию против Кипра и погиб во время осады Китиума. Его тело отвезли в Афины и похоронили там.

Сейчас он был вполне живой и очень вредный. Он громко спорил с группой людей Клеменса. Бёртон, изображая из себя виrolандца, стоял и слушал.

Спор, видимо, шел о том, кого катер возьмет в дальнейшее путешествие вверх по Реке, а также о старшинстве. Кроме одиннадцати членов команды «Афиш» в живых осталось еще десять человек с корабля Клеменса. Трое из них были старше Кимона по званию, но Кимон настаивал на том, что командир катера он и каждый, кто взойдет на борт, будет ему подчиняться. Кроме того, он не возьмет в рейс больше одиннадцати человек, и ими станет команда «Афиш». Впрочем, он готов взять и посторонних, если кто-то из его людей не пожелает плыть дальше.

Кимон и остальные вскоре ушли на катер, но их громкие голоса доносились сквозь открытые иллюминаторы.

Титантроп не пошел внутрь. Он стоял на месте, тихо бормоча что-то себе под нос. Глаза у него были красные, и видно было, что он в глубоком горе.

Бёртон подошел к нему и представился.

Джо Миллер густым басом пророкотал по-английски:

— Да, я злышал про ваз, мизтер Бёртон. Зэм говорил мне. Как вы здезь оказализь?

— Я плыл на «Рексе», — неохотно сознался Бёртон.

— Какого черта вы там делали? Ведь вы — один из людей этика, так?

— Да. Но я не знал до вчерашнего дня, что и на «Внаем не сдается» есть его рекруты. Хотя, по правде сказать, подозрения у меня были.

— А кто сказал вам вчера?

— Сирано де Бержерак.

— Зирано! — просветлел Джо. — Так он жив? Я думал, нет. Где он?

— Нет, он убит. Но он узнал меня и сказал, что к нему и Клеменсу тоже приходил этик.

Бёртон счел за благо умолчать о том, что это его женщина убила де Бержерака.

Титантроп, казалось, переживал какую-то внутреннюю борьбу. Потом он успокоился, едва заметно улыбнулся и протянул Бёртону свою здоровенную лапу.

— На, держи. Я на тебя зла не держу. Все мы хороши. Превратности войны, как говаривал Зэм.

Рука Бёртона исчезла в ладони титантропа. Джо с умеренной силой пожал ее и отпустил.

— Не надо бы тут разговаривать, — сказал Бёртон. — Слишком много народу. Пойдем со мной, и я представлю тебя людям, которые знают про этика.

Они пошли к холму за храмом, где Алиса и остальные строили хижины. Бёртон отозвал в сторону ее, Фрайгейта, Нура и Афру Бен. Представив им Миллера, Бёртон попросил Джо рассказать все, что ему известно об Иксе и его рекрутах. Рассказ получился длинный, часто прерывался вопросами и закончился лишь, когда ужин давно прошел. Не достроив свои хижины, пятеро улеглись спать в портике храма, укрывшись одеждой.

После завтрака они снова занялись стройкой, и к вечеру две хижины были готовы. Миллер ненадолго спустился к катеру посмотреть, что там происходит. Когда он вернулоя, Бёртон стал рассказывать свою историю. Рассказ пришлось прервать ради погребальной церемонии — хоронили тех, кто не потонул. До похорон их держали в спирту, а теперь уложили на деревянный помост. Миллер оплакивая Сэма Клеменса и свою подругу, огромную, рыжую древнюю киммерийку.

Когда Бёртон, представляющий «Рекс», и Кимон, представляющий «Внаем не сдается», произнесли несколько слов в память о своих павших товарищах, Ла Виро сказал краткую, но страстную речь о бесполезности их гибели. После этого мертвых возложили на огромный костер и сожгли.

Лишь к шести утра, когда пошел дождь, Бёртон и его спутники досказали свое.

— Я не зобираалзя плыть дальше. — сказал им Джо. — То езь хотел проплыть еще немного, чтобы найти звоих и озтатыз з ними. Хотя я не уверен, что был бы зчазтлив з ними теперь. Я злишком много видел, злишком много зтранзтвовал, зтал злишком цивилизованным, чтобы мне там было хорошо. Но взе равно к башне я плыть не хотел. Зачем она мне? А теперь, когда я взтретил ваз, я, пожалуй, поплыву. Иначе и гибель Зэма, и зтрадания, и гибель взех этих людей будут напразны. И еще я хочу узнать, кто такой этик. Езли он нас дурачил, как подозревали мы з Зэмом, я его на кузочки разорву, шукуру здеру полозками.

— Полосками? — спросил Бёртон. — Это как же?

— Так говорят в моем племени. Что тут непонятного?

— Кто еще с вашего судна знает об этике?

— Один маленький француз, Маршелен, или барон де Марбо. Зэм ему разказал. Зэм зчитал, что ему можно доверять. Потом еще этот бедный китаец Тай-Пен — по-настоящему его звать Ли По. Потом чернозадый вышибала Том Терпин — он еще здорово бацает по клавишам. К Тому этик не приходил, но Тай-Пен как-то брякнул ему по пьянке, что, мол, небожитель, наверно, давным-давно помер от цирроза печени, поэтому нам пришлось принять и Тома. Но он хороший мужик. Еще Эли Паркер — к нему этик тоже не приходил, но Зэм казал ему, потому что на Земле Эли был хорошим другом генерала Улисса Гранта и злужил в его штабе в гражданскую войну. На пароходе Эли злужил механиком. Он индеец, ирокез из племени зенека. И еще древний шумер, Гильгамеш.

— Гильгамеш?

— А я что говорю. Зэм говорил — кто знает, может, он нзстоящий царь города Урука, который жил в третьем тызячелетии до нашей эры. Вряд ли нам мог взтретитьз кто-то, кто знал настоящего Гильгамеша, поэтому точно мы не знали. Ну, и еще древний майя, Ах-К'ак. Он ужазно зильный, хотя и коротышка.

— Ах-К'ак на языке майя значит «огонь», — заметил Бёртон.

— Ага. Но от огня в нем ничего нет, он больше змахивает на колобок. Жирный, как звинья. Но очень зильный, как зказал. Зстреляет из лука дальше взех, кого я знаю — кроме меня, конечно. Дальше даже, чем жители каменного века, которые з нами плавали. У него на верхней губе татуировка — узы, как у дикаря з Борнео.

— Значит, Кимон и все прочие ничего не знают об Иксе и агентах? — спросил Бёртон.

— Езли бы знали, я бы так и зказал.

— Однако среди них могут быть агенты, — заметил Нур эль-Музафир.

— Мне бы хотелось поговорить со всеми, кого ты назвал, — сказал Бёртон. Помолчав, он добавил: — Если бы все мы, знаящие об этике, сели на катер, остальным бы пришлось остаться здесь, уступив нам место. Как ты думаешь, возможно это?

— А как же, — ухмыльнулся титантроп, показав огромные зубищи — Очень даже возможно. Взе равно что найти ледышку в котре.

— Тогда нам придется захватить катер. Угнать его.

— Я так и думал. И почему это мы делаем зтолько неэтичных вещей, чтобы помочь этику?

ГЛАВА 40

В группе было одиннадцать человек. Пятерых из них завербовал сам этик-ренегат. Это были Ричард Фрэнсис Бёртон, Нурэддин эль-Музафир, Тай-Пен, Гильгамеш и Ах-К'ак. Так они, по крайней мере, утверждали. Но Бёртон мог быть уверен только в самом себе. В группе могли быть и агенты, и даже этики.

Джо Миллеру об Иксе рассказал Сэмюэль Клеменс. Алисе — Бёртон. Афра Бен не знала об этике до вчерашнего дня, но горела желанием участвовать в экспедиции. Ей рассказал о Незнакомце де Марбо, слышавший о нем от Клеменса. Поскольку эти двое когда-то были любовниками и опять стали ими, все остальные согласились взять с собой Афру.

Эли Паркер, сенека, тоже узнавший об Иксе от Клеменса, сначала собрался с ними, но передумал.

— Пусть черти возьмут башню, этиков и все прочее, — сказал он Бёртону. — Я останусь здесь и попробую поднять «Внаем». Он лежит на глубине каких-нибудь сорока футов. Подниму его, почию и уплыву вниз по Реке. Что толку гибнуть, пытаюсь доказать то, что доказать нельзя? Этики не желают, чтобы мы совали нос в их дела. По-моему, все несчастья произошли как раз из-за нашего вмешательства. Пискатор мог что-то напортить в башне. А Подебрад говорил Сэму, что правобережную линию могли повредить люди, которых он оставил в Нова Бохемуй. Его офицеры собирались подрываться под питающий камень и посмотреть, нельзя ли использовать его как постоянный источник энергии. Подебрад не велел им это делать и, когда улетал, взял с них слово. Но опасался, что они нарушили обещание и каким-то образом повредили цепь. Если так, вся та местность должна была взлететь на воздух и получиться такая дыра, что справа от Реки образовалось бы новое озеро: Нова Бохемуй исчезла бы с лица земли. Там были залежи ископаемых — но, если правда то, что говорил Подебрад, теперь конец и рудникам, и новым богемам. Короче, мне неохота связываться с этиками. Я не трус, и все, кто меня знает, подтвердят это. Просто я считаю неправильным вмешиваться в то, в чем мы ничего не смыслим.

Кроме того, подумал Бёртон, тебе хочется стать капитаном парохода и зажить на широкую ногу.

— От местных большой помощи тебе не видать, — сказал он Паркеру, показывая на берег, откуда одни лодки отчаливали, а

другие готовились к отплытию. — Через месяц тут почти никого не останется. Ла Виро отправляет всех вниз — поддержать веру Второго Шанса, внести поправки в учение и привести в Церковь новообращенных. События последних лет пошатнули веру многих.

— Угу. — Паркер скривил широкое бронзовое лицо в сардонической ухмылке. — Ла Виро и сам пошатнулся. Он, сдаётся мне, все время молится, стоя на коленях. Он теперь уже не так уверен в себе.

Бёртон не стал уговаривать индейца идти с ними и на прощание пожелал Паркеру удачи, хотя никакой удачи ему не будет. «Внаем не сдаётся» останется там, где лежит, пока течение не столкнёт его с мели и он не уйдёт на дно, на глубину трех тысяч футов.

Когда же и «Афиш не расклеивать» потонет или износится, настанет конец всей технике Мира Реки. Металлические инструменты и оружие со временем тоже износятся, и хорошо, если у жителей долины останутся каменные орудия. Вся планета вернется в деревянный век.

То, что рассказал Паркер о Подебраде, конечно, интересно. Виновна Нова Бохемуйо в разрыве линии или нет, Подебрад определенно был агентом или этиком. Лишь будучи одним из них мог он знать, где залегают металлы. Или что попытки подключиться к линии чреваты катастрофой.

Но Подебрад, или как там его звали по-настоящему, умер.

Кто знает, может он-то и был Иксом?

Услышав позади знакомый голос, Бёртон обернулся. Его догнал Герман Геринг, сильно похудевший, хотя и прежде был худ, с мрачным выражением на широком лице и с темными кругами под глазами.

— Синьоро Бёртон!

— Хотите сопровождать меня? Но почему?

— По той же причине, которая движет вами. Мне необходимо знать, почему у нас все разладилось. Я всегда хотел это знать, но мне казалось, что гораздо важнее поднять этический уровень наших ка. А теперь... не знаю. Нет, знаю! Кроме веры, мы должны обладать и знанием. То есть... только вера может поддержать нас, если мы чего-то не знаем. Но теперь... быть может, мы сумеем узнать?

— А что думает об этом Ла Виро?

— Мы с ним поссорились — думал я, что такое возможно. Он настаивает, чтобы я отплыл вниз по Реке. Сам он намерен доплыть до устья, хотя бы на это ушло триста лет, и все это время проповедовать. Хочет восстановить пошатнувшуюся веру...

— Почему он думает, что ее необходимо восстанавливать?

— Ему известно, что происходит за сто тысяч миль ниже нас. А что происходит там, то, вероятно, происходит повсюду. И разве вы сами не замечали по пути сюда, сколько в людях сомнений, сколько отошли от Церкви?

— Замечал, но не слишком об этом задумывался. Этого, в сущности, следовало ожидать.

— Да. Даже некоторые виrolандцы усомнились, а ведь у них есть Ла Виро, способный поддержать их. И я верю, что лучший выход — это добраться до башни и выяснить, что же там случилось. Тогда всем станет ясно, что Церковь права; ни у кого больше не останется сомнений, и все как один примкнут к ней.

— А вдруг вы узнаете нечто такое, — протянул Бёртон, — что разобьет вашу веру на куски?

Геринг содрогнулся и закрыл глаза.

— И такое возможно. Но моя вера так сильна, что я готов рискнуть.

— Буду с вами откровенен. Вы мне не нравитесь. И никогда не нравились. Вы изменились, это верно. Но я не могу простить вам того, что вы сделали со мной и с моими друзьями. Точнее, простил, но не забыл. И полагаю, что оба Геринга по сути своей одинаковы.

Геринг умоляюще протянул к Бёртону руки:

— Да, это мой крест. Я заслужил его и буду нести его, пока каждый, кто знает о моих злодеяниях, не простит меня от всего сердца. Но сейчас не в этом дело. А в том, что я могу быть очень полезен вам. Я человек быстрый, сильный, решительный, к тому же неглуп. Притом...

— Притом вы шансер, пацифист. Что, если нам придется сражаться?

— Я не поступлюсь своими принципами! — с жаром сказал Геринг. — И не стану проливать людскую кровь! Однако я очень сомневаюсь, что вам придется драться. Местность выше по Реке мало населена, и ее населенность становится все меньше. Вы ведь видели, сколько лодок идет через пролив? Распространился слух, что виrolандцы уезжают, и жители верхних областей покидают свои холодные края, чтобы обосноваться здесь.

— Однако бой все же возможен. Вдруг мы догоним агентов, и надо будет заставить их говорить. И кто знает, что ждет нас в башне? Возможно, нам придется бороться за свою жизнь.

— Вы согласны взять меня?

— Нет. Это решение окончательное, и я не намерен более его обсуждать.

Геринг прокричал вслед Бёртону:

— Если вы меня не возьмете, я отправлюсь один!

Бёртон оглянулся. Геринг, весь красный, потрясая кулаком. Бёртон улыбнулся: даже этически развитые священники Церкви способны злиться.

Оглянувшись еще раз, он увидел, что Геринг быстро и решительно шагает к храму. Подался, наверно, к Ла Виро — сказать, что не подчинится приказу и не поедет вниз по Реке.

Ночью все одиннадцать с Бёртоном во главе обезоружили часовых катера. Они тихо подплыли от берега и взобрались на катер с левого борта. Двое часовых сидели на поручнях правого борта и

разговаривали. Налетчики схватили их сзади, заткнув им нос и рот, пока те не потеряли сознания. В тот же миг Джо Миллер проник на судно с берега, окликнул оставшегося часового, схватил его, утащил, как тот ни брыкался, на нос и швырнул в воду.

— О Господи! — сказал он своей вопящей жертве. — Мне очень неохота это делать, Змит, но долг зовет! Передай Кимону, что сожалею.

Разделавшись с часовыми, группа Бёртона перенесла на катер свои граали и прочие пожитки, а также связки веревок и разный инструмент, добытый ныряльщиками с «Внаем не сдается». Афра Бен включила свет и, как только весь багаж загрузили на палубу и отдали концы, увела катер от причала. Скоро он уже шел на полной скорости, а позади пылали факелы и слышались вопли.

Лишь когда катер прошел через пролив, Бёртон ощутил, что они в самом деле вступили в предпоследнюю стадию своего долгого, долгого путешествия.

Бёртон мельком подумал об Иксе. Судя по словам Сирано, Икс сказал, чтобы рекруты год ждали его в Вироландо. Но ни Бёртон, ни его спутники ждать не желали. Теперь или никогда.

Двигаясь против прибрежного течения при тридцати милях в час и останавливаясь только на два часа в день, катер проходил в сутки около шестисот шестидесяти миль. Когда путники покинут катер, им останется самая трудная часть пути. А до этого нужно наловить и закоптить рыбы, напечь желудевого хлеба и насобирать бамбуковых побегов.

Но их рацион не ограничится этим. Они везли с собой двадцать «свободных» граалей, отчасти принадлежавших им, отчасти похищенных. И собирались наполнить их у последнего камня, создав добавочный запас провизии. Скоропортящиеся продукты они поместят в холодильник или положат в ящик и потащат за собой на буксире.

По мере продвижения на север Река становилась шире. Очевидно, ее расширили этики, чтобы сюда поступало больше скудного здесь солнечного света. Температура днем была терпима — день здесь был длиннее, чем в оставшихся позади областях, — и достигала шестидесяти двух градусов по Фаренгейту. Но чем дальше на север, тем холоднее будет. Кроме того, здесь долго держится туман.

Геринг верно говорил о малонаселенности этих мест. На квадратную милю здесь приходилось около ста человек, да и это число постоянно сокращалось, о чем свидетельствовало множество лодок, плывущих вниз по Реке.

Джо Миллер, стоя на носу, с тоской глядел на береговых титантропов. Когда катер остановился для подзарядки, Джо сошел на берег поговорить с ними. Беседа шла на эсперанто, поскольку наречия Джо никто не знал.

— Ну и ладно, — сказал Джо. — Взе равно я его почти забыл. Ах ты, Господи! Неужто я не увижу больше звоних родителей и друзей, взе мое племя?

К счастью, здешние титантропы отнеслись к нему доброжелательно. Теперь их тут жило гораздо меньше, чем «пигмеев», и почти все они приняли веру Второго Шанса. Бёртон с Джо пробовали завербовать кого-нибудь, но потерпели неудачу. Великаны не хотели иметь ничего общего с живущими в башне.

— Они все боятся дальнего севера, — сказал Бёртон. — И ты, наверное, тоже боялся. Как это ты решился пойти с египтянами?

Джо выпятил свою мощную, как у гориллы, грудь.

— Это потому, что я храбрее других. И умнее. Хотя, если по правде, я чуть не обделался, увидев башню. Но это испытал бы любой на моем месте. Погоди, посмотрим, что ты скажешь, когда зам ее увидишь.

На десятый день пути они устроили стоянку, продлив ее на несколько суток. Население здесь, с небольшой примесью титантропов, состояло из скандинавов — древних, средневековых и современных. Были здесь, однако, люди также из других времен и стран. Мужчины с катера, не имевшие подруг, тут же принялись прискивать себе компанию на ночь. Бёртон рассаживал повсюду и расспрашивал, не видел ли кто здесь мужчин и женщин, угнавших с «Рекса» катер, а затем бросивших его. Видели их многие, и все утверждали, что они снова отправились вверх по Реке в украденных лодках.

— А не проходили здесь другие люди, говорившие, что они с «Внаем не сдается»? Это такой же, как «Рекс», гигантский железный корабль с колесами, которые движут электрические моторы.

— Нет, таких тут не видали.

Бёртон и не ожидал, что дезертиры станут объявлять, кто они такие. Однако, судя по описаниям тех, кто отправился на север за последние несколько недель, среди них были и дезертиры с «Рекса», и дезертиры с «Внаем не сдается» — последних опознал де Марбо.

— Скоро мы их догоним, — сказал Бёртон.

— Если повезет, — заметил француз. — Мы можем пройти мимо них ночью. Или они услышат о нашем приближении и спрячутся, пока мы не пройдем мимо.

— Во всяком случае, в башню мы попадем первыми.

Прошло двадцать дней. Теперь агенты с обоих пароходов наверняка должны были остаться позади. Хотя Бёртон останавливал катер через каждые двадцать миль и расспрашивал местных, след агентов пропал. Тем временем Бёртон изучал свою команду. Только двое, благодаря своему плотному сложению и чертам лица, могли бы быть этиками Танабуром и Логой: Гильгамеш и Ах-К'ак. Однако оба они были темнокожи, с темно-карими глазами. У Гильгамеша были вьющиеся, почти курчавые волосы, а у Ах-К'ака — слегка раскосый разрез глаз, точно его ближайшие предки были монголы. Каждый бегло говорил на своем будто бы родном языке. Не то что агент Спрюз, выдававший себя за англичанина двадцатого века и разоблачивший себя в глазах Бёртона легким иностранным акцентом. Бёртон не слишком хорошо знал шумерский или язык

мая, но чуждое этим языкам произношение и интонацию различил бы.

Это означало одно из двух: либо один из них, а возможно, и оба в совершенстве овладели своими языками, либо они невинны и действительно являются теми, за кого себя выдают.

На двадцать второй день пути в местности, где на один питающий камень приходилось не более пятидесяти человек, к Бёртону подошла высокая костлявая женщина с большими глазами и большим ртом. На черном африканском лице сверкали белые зубы.

Она говорила на эсперанто, густо приправленном захолустным акцентом штата Джорджия. Звали ее Блессид Грумз, и она желала проплыть как можно дальше на север на катере. А там она пешком пойдет к истокам.

— Туда ушла моя мать, Агата Грумз. Я ищу ее. Должно быть, она обрела Господа и теперь, сидя по правую руку от него, ожидает меня! Аллилуйя!

ГЛАВА 41

Сквозь поток ее слов пробиться было нелегко, но Бёртон наконец, говоря громко и сурово, призвал ее ответить на его вопросы.

— Ладно, — сказала она. — Мудрые речи отчего не послушать. Наделен ли ты мудростью?

— В достаточной степени — и многое пережил, а это то же самое, если ты не дурак. Начнем сначала. Где ты родилась и кем была на Земле?

Блессид сказала, что родилась рабыней в Джорджии, в 1734 году, в доме своего господина. Роды начались раньше срока — мать в это время готовила на кухне ужин. Блессид воспитали, как домашнюю рабыню и окрестили в вере ее отца и матери. Когда отец умер, мать сделалась проповедницей. Она была очень благочестивой и сильной женщиной, и паства побаивалась ее, но и любила. Мать умерла в 1783 году, а Блессид — в 1821-м, но обе воскресли у одного и того же питающего камня.

— Она, конечно, не была уж больше старухой. Странно мне было увидеть свою старую маму молодой женщиной. А ей это было все одно. Она осталась такой же святой, и безгрешной, и полной благости, какой была на Земле. Говорю тебе — когда она проповедовала в нашей церкви там, в Джорджии, белые приезжали за много миль послушать ее. Белая голытьба по большей части — она их обратит в свою веру, а у них потом хлопоты из-за этого...

— Ты опять отвлеклась. О своем происхождении ты рассказала достаточно. Почему ты хочешь ехать со мной?

— Потому что у тебя есть лодка, которая летит быстрее птицы.

— Но зачем тебе ехать до конца Реки?

— Я уж давно объяснила бы тебе, кабы ты меня не прерывал. Когда моя мать оказалась тут, вера ее ничуть не поколебалась. Она

сказала мне, что все мы здесь потому, что на Земле были грешниками и некоторые грешили больше других. На самом деле это рай — окраины рая. Благой Иисус хочет, чтобы истинно верующие поднялись по Реке, по великому Иордану, и нашли его там, где она кончается. Он будет там, чтобы принять в свои объятия истинно верующих в него — тех, кто не убоился трудностей пути. И она ушла.

Она хотела, чтобы я пошла с ней, но я испугалась. И я совсем не была уверена, что она знает, о чем говорит. Ей я этого не сказала. Это было бы все равно что ударить ее по лицу, а на такое ни у кого бы духу не хватило. Да и не только из-за этого я с ней не пошла. Уж больно мужик у меня был хороший, а он идти не хотел. Сказал, что ему и тут нравится. Я тогда думала не головой, а другим местом, вот и осталась с ним.

А потом у нас с ним разладилось. Он начал бегать за другими бабами, а я стала думать, что это мне наказание за то, что матушку не послушалась. Может, она была права, может, Иисус и правда ждет истинно верующих. И потом, я очень скучала по маме, хоть мы и цапались иногда, как дикие кошки. Я пожила еще маленько с другим, но он был не лучше первого. И вот раз ночью я молилась, и было мне видение. Будто сидит Иисус на своем троне из алмазов и жемчуга, ангелы поют позади него, и божественный свет его озаряет. И говорит он мне, чтобы я перестала грешить, и шла вслед за своей матерью — тогда я попаду в рай.

Я пошла, и вот я здесь. Я иду много лет, брат, и настрадалась почище великомученицы. Кости мои ноют. И плоть немощна, однако я здесь! Этой ночью я снова молилась и увидела свою мать — всего на миг — и она велела мне ехать с вами. Она сказала, что ты человек не так чтобы хороший, но и не плохой. Что-то среднее. И что это я приведу тебя к свету, спасу тебя, и мы вместе войдем в царствие небесное, где Иисус примет нас в объятия и допустит к своему пресветлому трону. Аллилуйя!

— Аллилуйя, сестра! — Бёртон всегда охотно подражал обрядам разных религий, посмеиваясь над ними в душе.

— Перед нами еще долгий, долгий путь, брат мой. У меня спина устала грести против течения, и я слышала, что там, впереди, холод и туман и ни души живой нет. Человеку там очень одиноко — вот почему я хочу ехать с тобой и твоими друзьями.

А почему бы и нет, подумал Бёртон.

— Для одного человека место у нас найдется. Но пацифисты нам не нужны — вдруг придется сражаться. Так что балласт мы не берем.

— Обо мне не беспокойся, брат. Я буду сражаться за тебя, словно ангел-мститель Господень, если дело твоё правое.

Через несколько минут она перетащила свои пожитки на катер. Том Терпин, черный пианист, обрадовался ей, но вскоре выяснил, что она дала обет целомудрия.

— Она не в своем уме, капитан, — сказал он Бёртону. — И зачем вы ее взяли? У нее такое красивое тело, а она не дает до себя дотронуться — я этак рехнусь.

— Может, она и тебя уговорит принести обет, — засмеялся Бёртон.

Терпин не нашел в этом ничего смешного.

Когда катер, простояв четыре дня вместо планировавшихся двух, наконец отчалил, Блессид запела гимн, а потом заявила:

— Я нужна была тебе, чтобы восполнить ваше число, брат Бёртон. Вас было только одиннадцать, а теперь двенадцать! Это святое число. И апостолов Господних было двенадцать.

— Да-а, — согласился Бёртон. — Но среди них был Иуда.

И он посмотрел на Ах-К'ака, воина майя, несостоявшегося Геркулеса карманных размеров. Ах-К'ак сам редко вступал в разговор, но, если к нему обращались, говорил охотно. И не шарахался, если кто-то к нему прикасался. А Джо Миллер говорил, что Икс, придя к Клеменсу, избегал прикосновений и вел себя так, точно Клеменс был прокаженный. По мнению Клеменса, Икс, хоть и искал помощи жителей долины, считал себя морально выше их и боялся осквернить себя их прикосновением.

Но ни Ах-К'ак, ни Гильгамеш не сторонились других. Наоборот, шумер при разговоре старался держаться поближе к собеседнику, чуть ли не нос к носу, и часто трогал его, словно нуждался не только в словесном, но и в телесном контакте.

Возможно, Икс таким образом ударился теперь в другую крайность. Он понял, что рекруты заметили его отвращение к чужой близости, и стал принуждать себя к ней.

Когда-то агент Спрюз говорил, что он и его собратья ненавидят насилие, что прибегать к нему для них унизительно. Но если это и правда, то они научились не выказывать при этом никакого отвращения.

Агенты с обоих судов сражались не хуже других. И Икс, и Одиссей, и Барри Торн поубивали столько народу, что и Джек-Потрошитель был бы доволен.

Возможно, Икс избегал прикосновений вовсе не из личных соображений. Возможно, он боялся, что чужое прикосновение оставит на нем какой-то отпечаток. Психический отпечаток — хотя «психический» не совсем верное слово. Ватаны, или ауры, излучаемые всеми разумными существами, могут, по словам того же Икса, оставлять нечто вроде отпечатков пальцев, причем эти следы держатся некоторое время. Если так, то Икс не смог бы вернуться в башню до исчезновения отпечатков.

Его товарищи заметили бы их и поинтересовались, откуда они взялись.

Нет, что-то уж слишком заковыристо. Икс мог бы сказать, что был в долине с какой-то миссией и там к нему нечаянно кто-то прикоснулся.

Ага! Ну а если Иксу не полагалось бывать в долине? Что, если он подобрал для своих отлучек какое-то алиби, исключаящее визиты в долину? Тогда он не смог бы объяснить, откуда на его ватане чужой отпечаток.

Отсюда следует, что отпечатки агентов или этиков отличаются от отпечатков воскрешенных и последние можно сразу же распознать.

Бёртон потряс головой. Порой у него ум за разум заходил от попыток проникнуть во все эти тайны.

Оставив блуждания по умственным лабиринтам, он пошел к Гильгамешу. Тот, хотя и отрицал все приключения, приписываемые мифическому царю Урука, своими неписаными подвигами похвастаться любил. В его черных глазах тогда зажигался огонек, и он с улыбкой плел свои небылицы. Подобно жителям американского пограничья и Марку Твену, преувеличивал он до невероятной степени. Он понимал, что слушатель знает, что он врет, но не беспокоился. Это входило в программу.

Дни шли, и становилось все холоднее. Туманы были густы и рассеивались не раньше одиннадцати утра. Путешественники все чаще останавливались, чтобы закоптить рыбу, которую ловили на блесну, и напечь желудевого хлеба. Несмотря на скудное тепло, трава и деревья здесь были так же зелены, как и в южных областях.

Настал день, когда они доплыли до конца линии. Дальше питающих камней не было.

Холодный ветер приносил с севера слабый рокот.

Люди стояли на фордеке, вслушиваясь в зловеющий гул. Присущий этим местам сумеречный свет и туман подавляли. Небо светило над черными стенами скал, но далеко не так ярко, как на юге. Молчание нарушил Джо:

— Это шумит первый порог, через который нам придется пройти. Здоровый черт, но по сравнению с тем, который около пещеры, — прозто тьфу и разтереть. До него еще пилить и пилить.

Путешественники, все в тяжелых плащах с капюшонами, в редком тумане походили на призраков. Влага оседала на руках и лицах.

Бёртон отдал команду, и катер привязали к подножию питающего камня. Разгрузку закончили через час. Поставив на камень граали, путники стали ждать разряда. Прошел еще час, и он грянул, оставив долгое эхо.

— Наедайтесь, — сказал Бёртон. — Это в последний раз мы едим горячее.

— Может, мы вообще едим в последний раз? — со смехом сказала Афра.

— Это мезто похоже на чизтилище, — сказал Джо. — Ад еще впереди.

— Я там не раз бывал и всегда возвращался, — заверил Бёртон.

Они развели большой костер из сухих дров, которые везли с собой на катере, и грелись в его тепле, прислонясь спинами к

камню. Джо рассказывал титантропские анекдоты, в которых фигурировал странствующий торговец, а также жена и две дочери охотника на медведей.

Нур рассказал несколько суфийских притчей, направленных на развитие иного мышления, но легких и занимательных. Бёртон — несколько сказок из «Тысячи и одной ночи». Алиса — парадоксальные сказки, которые сочинял для нее, восьмилетней, мистер Доджсон. Блессид Грумз вовлекла всех в хоровое пение гимнов и сердилась, когда Бёртон вставлял не совсем подходящие строчки.

В общем, было весело, и все улеглись спать, значительно прибодрившись. Выпивка тоже способствовала поднятию настроения.

Встав, они опять развели костер и позавтракали. Потом взвалили на себя тяжелую поклажу и отправились в путь. Бёртон оглянулся в последний раз на катер и питающий камень, пока те не исчезли в тумане. Это были последние звенья, связывавшие его с миром, который он знал, хотя и не всегда любил. Увидит ли он когда-нибудь еще катер и камень? Не суждено ли его глазам вскоре закрыться навеки?

Громоподобный глас Джо вывел его из задумчивости.

— Мать честная! Вы поглядите только, зколько я ташу! В три раза больше ваз! Ишь, нашли себе Замзона!

— Ты белый носатый ниггер, — смеялся Терпин.

— Я не ниггер. Я выючное животное, вот я кто.

— А в чем разница? — И Терпин со смехом побежал от Джо, который грозил ему громадным кулачищем. При резком взмахе тяжелая поклажа перевесила, и титантроп шлепнулся ничком

Взрыв смеха отразился эхом от стен каньона.

— Спорить могу, впервые этим горам так весело, — сказал Бёртон.

Но вскоре все умолкло и потянулись вперед, точно заблудшие души в одном из кругов ада.

Они пришли к первому порогу, более мелкому, по словам Джо Миллера. Он был так широк, что не видно было другого края — раз в десять шире водопада Виктория. Так, во всяком случае, казалось. Водопад низвергался из тумана с таким ревом, что разговаривать было нельзя — даже если кричать в самое ухо.

Титантроп показывал дорогу. Они прошли верхом мимо водопада, то и дело орошаемые брызгами. Это был медленный, но не такой уж опасный процесс. Поднявшись футов на двести, все остановились на широком карнизе и сложили свою ношу, а Джо полез дальше один. Через час из тумана, как дохлая змея, выпал конец длинной веревки. К веревке привязывали по два мешка зараз, и Джо уволокивал их в туман, раскачивая и стучая о камни. Переправив весь груз на плато, путники осторожно двинулись вверх сами. Наверху они разобрали свои мешки и пошли дальше, часто останавливаясь передохнуть.

Тай-Пен рассказывал о своих приключениях на родине, вызывая общий смех. Потом они пришли ко второму порогу, и смех утих. Взобравшись на скалу у водопада, все решили, что на сегодня хватит. Джо облил дрова спиртом, сокрушаясь, что добро пропадает, и путники разожгли костер. Через четыре дня дрова у них кончились, зато последний из «мелких» порогов тоже остался позади.

После часового подъема по каменистому пологому склону путешественники пришли к подножию большого утеса.

— Вот оно, — взволнованно сказал Джо. — Мезто, где мы нашли зплетенную из тряпок веревку. Ее озтавил Икз.

Бёртон посветил фонариком вверх. Первые десять футов были неровными, а дальше, насколько видел глаз, подымалась гладкая отвесная стена.

— Где же твоя веревка?

— Тут была, черт ее возьми!

Разделившись на две партии, они двинулись в обход утеса, светя себе фонариками и придерживаясь за камень. Но веревки так и не нашли.

— Ах ты черт! В чем же дело?

— Думаю, что другие этики нашли веревку и отвязали, — предположил Бёртон.

Посоветовавшись, они решили заночевать здесь. Поели овощей, оставшихся от граалевых времен, сушеной рыбы и хлеба. Всех уже тошнило от такой диеты, но никто не жаловался. Пока еще можно было согреться спиртным, но и оно должно было кончиться через несколько дней.

— У меня пиво езьт, — сказал Джо. — Устроим пирушку напозледок.

Бёртон поморщился — он не любил пива.

Утром обе группы снова двинулись вокруг утеса. Бёртон вел ту, которая шла вроде бы на восток — трудно было определить направление в этой туманной мгле. Они пришли к подножию огромного водопада — перебраться через него не было возможности.

По возвращении Бёртон спросил Джо:

— А веревка была справа от Реки или слева?

— Тут, — ответил Джо, освещенный лучом фонаря.

— Сдается мне, что Икс мог оставить веревку и на правом берегу. Откуда ему было знать, справа или слева придут его союзники?

— Мне взе-таки кажется, мы шли по левому берегу. Но зтолько лет прошло... Черт, теперь я не уверен!

Маленький носатый Нур эль-Музафир сказал:

— Раз мы все равно не можем перебраться на тот берег, вопрос теряет свою остроту. Там, на западе, есть, по-моему, место, где я мог бы взобраться наверх.

После завтрака все вместе прошли пять миль до места, где утес сближался с горой под углом около тридцати шести градусов,

словно одна стена неумело выстроенной комнаты с другой. Нур обвязал вокруг пояса тонкую веревку.

— Джо говорит, что до плато около тысячи футов. Так отложилось у него в памяти, а в то время Джо еще не знал английской системы мер. Возможно, до вершины меньше, чем ему помнится. Будем надеяться.

— Езли узтанешь, зпузкайзя, — сказал Джо. — Я не хочу, чтобы ты упал.

— На всякий случай отойдите подальше, чтобы я на вас не свалился, — улыбнулся Нур. — Меня бы мучила совесть, Джо, если б я упал на тебя и мы бы погибли оба. Впрочем, ты, я думаю, пострадал бы не больше, если б на тебя уронил кляксу орел.

— От орла я бы пострадал, — сказал Джо. — Орлы и их помет в моем племени табу.

— Ну, считай, что я воробей.

Нур уперся спиной в одну стену угла, а ногами в другую и медленно полез вверх, вытягивая левую ногу чуть дальше правой. Прочно уперевшись ногами, он скользил по стене спиной так, чтобы не потерять равновесия, и снова двигал одну ногу так, что колено почти упиралось в подбородок. Потом подтягивал другую ногу, потом спину и так далее.

В скором времени он скрылся в тумане. Оставшиеся внизу могли судить о его продвижении только по тому, как уходила вверх тонкая веревка — а это происходило очень медленно.

— Нужна невероятная выносливость, чтобы добраться до вершины, — сказала Алиса. — И если он не найдет, куда привязать веревку, то может с тем же успехом слезать обратно.

— Будем надеяться, что утес не столь высок, — сказала Аффа.

— И что угол сверху не расширяется, — добавил Ах-К'ак.

Прошло двадцать восемь минут по часам Бёртона, и сверху донесся крик Нура:

— Удача! Тут есть карниз! Достаточно широкий для двоих, если один из них не Джо! И есть выступ, к которому можно привязать веревку.

— Видишь, утес не такой уж гладкий, — сказал Бёртон титантру.

— Да. Я и вправду, наверно, поднимался тогда с правого берега, Дик. Тот был гладкий до самого конца. Там, где я лез, зтена точно была вылизана, как кошачья задница.

Этики не удосужились отполировать весь утес. Нижнюю часть они сделали гладкой, но верх, невидимый в тумане, оставили в первозданном виде.

Не Икс ли принял такое решение?

И не он ли устроил скальный угол здесь, а возможно, и за Рекой, так, чтобы по нему мог подняться человек небольшого роста?

Весьма вероятно.

Если так, Икс задумал этот угол заранее. Угол образовался не сам по себе. Этики спроектировали и создали эти горы с помощью каких-то исполинских машин.

Нур крикнул своим спутникам, чтобы они привязали к его тонкой веревке более толстую. Когда они это сделали, он вскоре оповестил их, что привязал и вторую веревку.

Бёртон ухватился за нее и полез, упираясь в утес ногами и держась почти под прямым углом к нему. К концу подъема он стал задыхаться, и ладони у него горели. Нур, удивительно сильный для такого маленького, худенького человечка, помог ему взобраться на карниз.

Потом они втащили мешки, и Нур взглянул вверх сквозь туман.

— Скала тут неровная. Я, пожалуй, влезу по ней с помощью костылей.

Он достал из котомки молоток и костыли. Это были стальные колышки, которые вгонялись в скалу. В некоторых имелись отверстия для веревки.

Нур исчез в тумане. Бёртон слышал только стук его молотка. Вскоре мавр крикнул Бёртону, чтобы тот поднимался — Нур добрался до другого карниза.

— Вообще-то тут такие выступы, что можно лезть без всякой страховки. Но мы этого делать не будем!

Алиса к тому времени уже взобралась к Бёртону. Бёртон поцеловал ее и отправился вслед за Нуром.

Через десять часов вся группа уже сидела на вершукше утеса. Отдыхавшись, путники стали искать укрытие от ветра, но нашли его только через три мили. Здесь стоял, как Джо и говорил, другой утес. Внизу, в нескольких милях от них, редела Река, падая через порог.

Джо осветил скалу фонарем.

— Черт! Езди я и впрямь шел тогда по правому берегу, мы влипли. Туннель-то з той стороны, а через Реку нам не перебраться!

— Если этики нашли веревку Икса, они должны были найти и туннель, — заметил Бёртон.

Теперь все слишком устали, чтобы искать трещину, служащую входом в туннель. Они отыскивали каменный навес, Джо с помощью немногих оставшихся у него полешек развел костерок, и они поужинали. Огонь быстро погас. Путники подстелили под себя половину теплой одежды, укрылись другой половиной и улеглись спать, а внизу грохотала Река.

Утром, когда все жевали сушеную рыбу, пеммикан и хлеб, Нур сказал:

— Дик верно подметил: Икс не мог знать, с какой стороны придут его рекруты, поэтому должен был оставить две веревки. И прорыть два туннеля. Мы должны найти туннель и на этом берегу.

Бёртон хотел было сказать, что туннель, если он и был, могли завалить, но Нур жестом остановил его.

— Да, я знаю. Но если он завален не по всей длине, мы можем все же найти его и прорыть ход.

И точно — одна из поисковых партий, отойдя всего на двадцать футов от лагеря, наткнулась на завал. Он закупоривал трещину, в которую мог пролезть даже Джо.

Нужна была очень высокая температура, чтобы вплавить эту круглую затычку в кварц.

— Ах ты, зараза! — сказал Джо. — Пожалуй, у нас все шансы!

— Ну а если весь туннель закупорен? — усомнился де Марбо.

— Тогда полезем по скале. У Икса достало бы ума догадаться, что его туннели могут найти. Он должен был устроить здесь такой же угол, как и на нижнем утесе.

Бёртон осмотрел скалу, сверля туман своим фонарем. В десяти футах от подножия она была шероховата и испещрена трещинами, но потом внезапно, насколько было видно, делалась гладкой, как зеркало.

Джо стукнул молотком по затычке. Бёртон, приложив ухо к скале, сказал:

— Там пустота!

— Отлично. — Джо достал из мешка несколько вольфрамовых костылей и начал долбить. Когда он пробил в кварце шесть отверстий, они с Бёртоном заложили туда пластиковую взрывчатку. Бёртон предпочел бы замазать отверстия глиной, но глины не было.

Он закрепил в пластике шнуры и стал отходить назад вдоль скалы, таща шнуры за собой. Когда все отошли достаточно далеко, он соединил полюса своей карманной батарейки. Раздались оглушительные взрывы, и вокруг засвистели осколки кварца.

— Ну что ж, — сказал Джо, — меньше неэти буду хотя бы, без жестянок с пластиком и батареек. Конец им пришел.

Они вернулись к трещине, и Бёртон посветил в нее. Дыры, сделанные Джо, стали шире, и сквозь них виднелся туннель.

— Тут еще работы часиков на двенадцать, Джо.

— А, черт! Ну что ж поделаешь.

Вскоре после завтрака титантроп отбил последний кусок камня, и пробка выпала.

— А теперь начинается самое трудное, — сказал Джо, утирая пот с лица и длиннющего носа.

Джо мог с грехом пополам ползти по туннелю, но все время задевал плечами за стены и стучался головой о потолок. Туннель поднимался вверх под углом около сорока пяти градусов.

— Оберните чем-нибудь руки и колени, — сказал Джо. — Иначе обдеретесь в кровь. Даже з обмотками можете ободрататься.

Фрайгейт, Алиса, Афра и Блессид как раз вернулись с наполненными в Реке флягами. Джо осушил свою наполовину.

— Теперь, — сказал он, — надо подождать, пока все не опорожнится как злеует. Когда я шел с египтянами, мы этим пренебрегли. На полпути я не смог больше терпеть и облегчился. —

Он оглушительно расхохотался. — Слышали бы вы, как ругались эти безнозые малявки! Дальше-то ползти надо, а это дело никак не обойдешь! Хо, хо! — Джо утер слезы. — Господи! Ну и воняло от них, когда они наконец вылезли наружу! И они еще больше обозлились, когда пришлось мыться в Реке — вода-то тут холодная, точно задница копателя колодцев, как говорил Зэм.

При упоминании о Клеменсе у Джо опять потекли слезы. Он шмыгнул носом и вытер свой хобот рукавом.

Джо не преувеличивал трудностей пути. Туннель был длиной не меньше мили, причем все время шел вверх, и воздух становился все более разреженным, хотя поступал исправно, а им еще приходилось тащить за собой свои тяжелые мешки. Вдобавок другой конец тоже мог быть забит. Придется тогда возвращаться обратно.

Радость по поводу того, что туннель оказался не закупорен, ненадолго прибавила им сил. Однако ладони, колени, пальцы рук и ног у всех были ободраны в кровь, и первое время никто не мог нормально ходить.

Ветер здесь был крепче и холоднее, несмотря на разреженный воздух. Джо жадно втягивал скудный кислород в свои большие легкие.

— Одно хорошо, — сказал он. — Выпьешь по одной, и сразу с катушек долой.

Все хотели разбить лагерь прямо здесь, но место было уж слишком открытое.

— Веселее, — сказал Бёртон. — Джо говорит, что до следующего порога всего ничего — миль десять.

— Это позледний, замыл большой. Те, по-вашему, были шумные? Вот погодите, узлышите этот.

Бёртон взвалил на себя мешок и поплелся дальше — колени у него точно заржавели. Джо шел за ним по пятам. К счастью, плато было относительно ровное и свободное от осыпи. Но сквозь туман Бёртона вел только оглушительный грохот водопада. Когда грохот становился громче, Бёртон поворачивал влево. Когда шум слабел, он отклонялся вправо. Несмотря на это, им, возможно, придется проделать все пятнадцать миль вместо десяти.

Путешественники часто останавливались из-за недостатка кислорода и чтобы убедиться, что никто не отстал. Каждый четвертый в линии светил фонариком, пока Бёртон, остановившись, не выругался.

— В чем дело?

— У нас в этом воздухе мозги не работают, — задыхаясь, сказал Бёртон. — Достаточно одного фонаря. Мы зря тратим электричество. Лучше свяжемся все веревкой.

Он обвязал веревку вокруг пояса, и все остальные, держась за нее, потянулись за ним в холодную серую мглу.

Но скоро все так ослабели, что и шагу не могли больше ступить. Не обращая внимания на ветер, они легли, подстелив под себя одежду, укрылись и постарались уснуть. Бёртон проснулся от

кошмара и включил подсветку на часах. Они проспали десять часов.

Он поднял всех, они съели свой скудный паек и двинулись дальше. Час спустя из тумана выступила черная стена. Они пришли к очередному препятствию.

ГЛАВА 42

Джо Миллер почти не жаловался вслух, но стонал втихомолку всю последнюю половину пути. Титантроп, ростом десять футов, весил восемьсот фунтов и был силен, как десять гомо сапиенс, вместе взятых. Но его гигантизм имел и свои минусы. Прежде всего — плоскостопие. Сэм часто называл Джо Великим Плосконогим, и с полным основанием. Ноги Джо не выносили долгой ходьбы, и даже во время отдыха боль не проходила.

— Зэм всегда говорил, что мы завоевали бы весь мир, если б не наши ноги, — сказал Джо, растирая правую подошву. — Говорил, что мы и вымерли-то из-за сплюсненного звона ступни. Может, это и правда.

Было ясно, что титантропу необходимо отдохнуть и подлечиться хотя бы двое суток. Бёртон и Нур в качестве лекарей-любителей остались ухаживать за Джо, а остальные, разделившись на две партии, ушли вперед. Через несколько часов они вернулись.

— Мы не нашли места, о котором говорил Джо, — сказал Тай-Пен, командир первого отряда,

— Мы его нашли, — сказал Ах-К'ак, командир другого. — Во всяком случае, там как будто можно подняться наверх. Но это совсем близко от водопада.

— Так близко, — сказала Алиса, — что это место замечаешь, только когда подойдешь к нему вплотную. И восхождение будет опасным. Влага делает камень скользким.

— Вспомнил! — со стоном сказал Джо. — Мы точно шли тогда по правому берегу. Египтяне пошли там, потому что левая сторона приносит незачстье. А эту тропу Икз, наверно, устроил на всякий случай...

— Тропой я бы это не назвал, — сказал майя.

— Ну, если это место такое же, как то, подняться можно.

Так и оказалось.

Семь дней спустя они взошли на вершину горы. Снег и лед делали переход еще опаснее, чем им представлялось, а воздух вызывал у всех слабость. И все-таки они поднялись на следующее плато. Река осталась далеко внизу, за туманом.

Через несколько миль начался спуск, гораздо легче подъема. Воздух внизу был гуще и теплее, хотя все еще холодный. Преодолевая усиливающийся ветер, путники пришли к новой горе.

— На эту лезть и думать нечего. Но нам повезло. Большая пещера должна быть всего в нескольких милях зправа. Вот дойдем

и увидим, повезло или нет. Только не зейчаз. Чертовы ноги опять отказали.

Река здесь бурным потоком стекала вниз. От рева воды и ветра закладывало уши, но зато было чуть теплее, чем раньше. Джо, уже проделавший однажды этот путь, шел первым. Он обвязался веревкой вокруг пояса, а остальные — вокруг запястий.

Предупрежденные Джо, чтобы держались крепче, все начали спускаться вереницей в исполинскую дыру. Алиса поскользнулась на карнизе и с криком упала, но ее тут же втянули обратно. Потом сдуло Нура, который был еще легче, чем она, но и его вернули на карниз.

Факелы египтян загасило ветром, когда Джо вел их сквозь ревущую бездну. Теперь он видел, что впереди, хотя всего на несколько шагов. И карниз, как крикнул Джо Бёртону, был шире, чем на правом берегу.

— Вот обидно-то будет, езли окажется, что этики расплавили карниз! Ну, авось они решили, что никто не доберется так далеко, раз убрали веревки и закупорили туннель!

Бёртон слышал только половину слов, но угадал остальные.

Дважды им пришлось сделать привал, чтобы поесть и поспать. Река между тем уходила все дальше вниз и скоро совсем исчезла. Бёртон, любопытствуя, насколько глубоко внизу, зажег запасной фонарь и кинул его вниз. Он считал секунды, пока огонек падал вниз; луч превратился в тонкую нить и совсем исчез во тьме. В пропасти было не менее трех тысяч футов.

Наконец вокруг стало светлеть, что предвещало близость выхода. Путешественники выбрались на воздух, где стоял туман, но было не так темно. В небе сияли гигантские звезды и газовые туманности. Тонкая пелена тумана позволяла разглядеть справа скальную стену. Люди стояли на самом краю бездны, по дну которой текла Река.

— Мы не на той зтороне, — сказал Джо. — Здезь нам путь зкоро преградит гора. Как бы перебраться на ту зторону? Хотя, может, этик и на этой зделал нам ход?

— Сомневаюсь, — сказал Бёртон. — Тогда бы нам пришлось огибать с внутренней стороны окружающие море горы, чтобы дойти до пещеры. Разве только...

— Что?

— Разве только Икс сделал две пещеры и оставил лодки в обеих.

— Один карниз этики могли просмотреть, — сказал Нур. — Но два?

— Злушайте. Края долины в конце почти зходятзя. Между ними не должно быть больше двадцати футов. Зейчаз я вам покажу.

Джо медленно пошел вперед и футов через шестьдесят остановился. Луч его фонаря, слившись с другими лучами, осветил противоположный край пропасти.

— Боже правый! — сказала Афра. — Неужели этик полагал, что мы перепрыгнем через этот провал?

— Другим этикам и в голову бы не пришло, что это возможно, — сказал Нур. — Но я думаю, что Икс ожидал от нас именно этого. Он знал, что хотя бы один из партии, дошедшей до этого места, сможет это сделать. Ведь он отбирал себе настоящих атлетов. Потом тот, кто прыгнет, привяжет к скале веревку, и по ней переправятся остальные.

Бёртон знал, что так далеко прыгнуть не сможет. Чуть-чуть бы поближе...

Джо силен, как два Геркулеса, но чересчур тяжел. Ах-К'ак и Гильгамеш тоже силачи, но слишком малы ростом и грузны. Хорошие прыгуны в длину не так устроены. Терпин рослый, но слишком мускулистый. Нур очень легок и на удивление жилист и силен, но слишком мал. Обе белые женщины и де Марбо тоже малы, да и прыгают неважно. Остаются Фрайгейт, Грумз и Тай-Пен.

Американец, зная, что на уме у Бёртона, побледнел. Здесь он стал прыгать в длину еще лучше, чем на Земле, и его наивысший неофициальный результат составлял двадцать пять футов — правда, тогда ветер дул ему в спину. Средним его достижением было двадцать два фута на Земле и двадцать три здесь. Но в таких неблагоприятных условиях он еще не прыгал.

— Надо было прихватить с собой Джесса Оуэнса, — пробормотал он.

— Аллилуйя! — завопила вдруг Грумз, заставив всех вздрогнуть. — Аллилуйя! Господу было угодно сделать меня замечательной прыгуньей! Я в числе тех, кого он избрал! Я создана так, что могу прыгать, как коза, и плясать, как царь Давид, во славу его. А теперь он дает мне случай перенестись через адову бездну! Благодарю тебя, Господи!

Бёртон тихо сказал Фрайгейту:

— Неужто ты уступишь женщине? Покажи себя!

— Не в первый раз я им уступаю, — пожал плечами Фрайгейт. — Почему бы и нет? Тут вопрос не в половой принадлежности, а в том, кто лучше прыгает.

— Боишься!

— А то нет. Тут каждый испугался бы, если он не психопат.

И Фрайгейт стал расспрашивать Блессид о ее достижениях. Она сказала, что на Земле не очень-то много прыгала, но здесь, живя в стране под названием Вендиша, не раз показывала результат двадцать два фута.

— Откуда ты можешь это знать? У нас на «Рексе» были точные измерительные приборы, но в большинстве других мест их нет.

— Фут мы определяли на глаз, — сказала Блессид. — И, похоже, довольно точно. Я знаю, что могу это сделать, вот и все! Господь перенесет меня на крыльях моей веры, и я перелечу через бездну, словно его легкая газель!

— Перелетишь и не допрыгнешь, и расколешь себе череп о тот край, — сказал Фрайгейт.

— Может, отмерим нужное расстояние? — предложил Нур. — Вы бы потренировались, а мы бы посмотрели, кто лучше.

— На камне-то? Для этого нужна яма с песком!

Грумз предложила перекинуть на ту сторону фонарь, чтобы измерить дистанцию. Фрайгейт привязал фонарь к веревке и метнул — тот упал недалеко от края, откатился и остановился в нескольких дюймах от провала, светя им через черную бездну.

Фрайгейт забрал фонарь обратно и снова бросил — на этот раз он, потравив веревку, удержал фонарь в вертикальном положении, и свет дошел до них под прямым углом.

— Ладно, значит, в принципе это возможно, — сказал Фрайгейт. — Но я забираю фонарь. Никто не сможет прыгнуть, не выпавшись как следует. Я, во всяком случае, слишком устал, чтобы состязаться.

— Давайте отметим фонарями дорожку для разбега, — сказала Блессид. — Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть.

Дорожку отметили, и Фрайгейт с Грумз вычислили, откуда начинать разбег. Толковой чертой служил фонарь в нескольких дюймах от края.

— Попытка будет первой и единственной, — сказал Фрайгейт. — Сначала нам действительно придется разогреться. Тут так холодно... С другой стороны, воздух тут разрежен, а значит, и сопротивление меньше. Может, это и помогло тому черному спортсмену — как же его звали? Вот она, слава — показать фантастический результат двадцать семь футов четыре с половиной дюйма на олимпиаде в Мехико. Но мы-то не успели акклиматизироваться на высокогорье. И не тренировались, само собой.

Бёртон ничего не говорил Тай-Пену, давая китайцу шанс вызваться самому. Тай-Пен, внимательно наблюдавший за всей процедурой, внезапно сказал:

— Я тоже великий прыгун! И хотя я упражнялся прискорбно мало, но не позволю женщине оказаться храбрее меня! Первым прыгну я.

Его зеленые глаза сверкали в луче фонаря. Бёртон спросил его, насколько далеко он прыгает.

— Дальше, чем здесь! — сказал Тай-Пен.

Фрайгейт бросал клочки бумаги в воздух, чтобы определить силу ветра. Он сказал Бёртону:

— Дует слева, так что нас слегка снесет вправо. Но гора загораживает ему дорогу. Скорость его — миль шесть или семь в час.

— Спасибо, — сказал Бёртон, продолжая смотреть на китайца.

Тай-Пен — хороший атлет, но не такой хороший, как сам утверждает. Таких просто не бывает. Впрочем, китаец сам вызвался riskнуть своей жизнью — никто его не заставлял.

— Ну вот что! — громко сказал Фрайгейт. — Я в самом деле наиболее опытный прыгун, так что прыгать следует мне — и я прыгну!

— Ты преодолел свой страх?

— Черта с два! Просто у меня не хватает духу позволить прыгнуть кому-то другому. Вы все сочтете, что я трус — а если даже нет, я сам буду так считать. Я действовал нерационально и нелогично, — сказал он Нуру. — Я недостойн тебя.

Нур невесело улыбнулся своему ученику:

— Не меня ты недостойн, а себя. Но тут надо учесть многое... а прыгать действительно должен ты. — Маленький мавр подошел к Джо и задрал голову, не достающую до огромного хобота титантропа. — Но, возможно, прыгать никому и не понадобится. Джо, будет во мне столько же весу, сколько в твоём мешке?

Джо, нахмуясь, поднял Нура одной рукой под ягодицы, подержал на вытянутой руке и сказал:

— Ты куда легче.

— А мог бы ты перекинуть свой мешок на ту сторону? — спросил поставленный на землю Нур.

Джо потрогал подбородок.

— Кто его знает. Я вижу, куда ты клонишь! А почему бы не попробовать? Какая разница, ели мешок окажется там, а мы тут? Все равно ведь мы будем перебираться.

Он поднял громадный мешок над головой, стал у края, примерился, трижды качнул грузом в воздухе и метнул его. Мешок упал за фут от противоположного края.

— Я так и думал, — сказал Нур. — А теперь меня перекинь, Джо.

Титантроп поднял мавра, держа его одной рукой под ягодицы, другой за грудь, и стал раскачивать, приговаривая:

— Раз, два, три!

Нур пролетел над бездной и приземлился на ноги в ярде от края, а потом отбежал дальше и заплясал от радости.

Джо перебросил мавру фонарь на веревке. Нур поймал его, чуть-чуть качнувшись, и ушел в туман. Через несколько минут он вернулся.

— Я нашел большой валун, к которому можно привязать веревку, но не могу сдвинуть его один! Тут требуется пять сильных мужчин!

— Раз-два, взяли! — говорил Джо, раскачивая Бёртона.

Тот хотел было крикнуть, что он гораздо тяжелее Нура, но удержался. Пропасть казалась ему вдвое шире, чем была на самом деле. Потом он полетел вперед и вверх, а Джо заорал ему вслед:

— Побереги задницу, Дик! — и громогласно заржал.

Бездонная пропасть мелькнула под Бёртоном на одну страшную секунду, потом он упал на ноги, и его шатнуло вперед. Он откатился от края, больно ушибшись о камень.

Миг спустя его мешок последовал за ним. Джо перекидал все мешки, потом бросил Фрайгейта.

За ним поочередно последовали все, пока при Джо не остался один Ах-К'ак. С криком: «Пока, толзтяк!» — Джо швырнул и его. Майя упал ближе всех к краю, но все же с запасом в целый фут.

— А теперь чего? — крикнул Джо.

— Там есть валун почти с тебя весом, Джо, — сказал Бёртон. — Кати его сюда и привяжи к нему веревку.

— Да он же в полумиле отсюда. Взяли бы и помогли мне, пока я ваз взех не переправил.

— Я не хотел, чтобы ты катил этот камень, а потом, устав, бросал нас.

— О Господи! Взя тяжелая работа мне дозтаетзя.

И Джо ушел с фонарем в туман.

Хотя кое-кто ушибся и ободрал кожу, все как один пошли за Нуром к валуну и, отдохнув как следует, покатали его по ровному плоскогорью. Это было нелегко, поскольку камень имел неправильную форму и весил, наверное, больше их всех, вместе взятых. Приходилось делать частые передышки из-за разреженного воздуха. Наконец они подкатали камень к пропасти и сами повалились рядом.

Минуту спустя Джо выкатил из тумана свой валун.

— А я-то надеялся, что приду первым, — крикнул он. — Да и пришел бы, езли б мой камень лежал близко, как ваш. — Он сел, чтобы передохнуть,

Блессид Грумз жаловалась, что ей так и не дали прыгнуть, доказав тем, как сильна ее вера.

— Никто тебе не запрещал, — сказал Фрайгейт. — Хотя, по правде сказать, я тоже разочарован. Меня остановило только то, что группа, если я не допрыгну, потеряет одного человека. Может, попробовать все-таки, чтобы доказать, что я могу? — Он взглянул на Тай-Пена, и оба расхохотались.

— Дудки, не обманете, — сказала Грумз по-английски. — Вы, двое мужиков, струсили, а женщина не побоялась.

— Ну, мы-то не сумасшедшие в отличие от тебя.

Восстановив силы, они обвязали оба валуна прочным канатом и подперли их камнями помельче. Джо ухватился за провисший канат и переправился на руках через пропасть. Остальные держали канат, опасаясь, как бы валун не сдвинулся под тяжестью титантропа — но это оказалось излишним. Несколько пар рук подхватили Джо у края и помогли ему встать.

— Ох! — выдохнул он. — Надеюсь, мне больше не придется этого делать. Раньше я вам не говорил — но на большой выоте меня всегда одолевает желание прыгнуть вниз.

Через десять часов они добрались до карниза, идущего вдоль склона горы к морю.

— Он и тут узкий — а уж в том мезте, где звалилизи двое египтян, и вове кошмар.

В нескольких тысячах футах внизу под ними клубились облака. Путники проспали восемь часов и после всегдашнего унылого завтрака двинулись дальше. Египтяне здесь пробирались ползком, но наши путники шли лицом к скале, цепляясь за неровности камня.

Стало чуть теплее. Вода здесь еще хранила немного тепла после долгого пути через арктические области и полярное море.

Благополучно миновав карниз, группа вышла на следующее плато, откуда, по словам Джо, должна была спуститься к морю. Джо, с трудом ковыляя, осветил своим фонарем другой горный карниз.

Он начинался в шести футах от края утеса, в ширину имел около двух футов и вел вниз, в пелену редких облаков. Он был наклонен к горизонту под углом в сорок пять градусов — только горизонта не было видно.

— Придется оставить кое-что здесь и сделать мешки поменьше, — сказал Бёртон. — Иначе мы их тут не пронесем.

— Знаю. Что меня беспокоит, так это — не сломали ли этики карниз. О Господи, Дик! А вдруг они нашли нижнюю пещеру?

— Тогда придется надуть каяк и отправить в башню двоих. Я уже говорил об этом.

— Да, я знаю. Но взе равно поговорить охота. Поговоришь — и вроде легче.

Солнце здесь никогда не поднималось выше гор, но освещение, хоть и сумрачное, присутствовало.

— Я звалилизи з этого карниза, не узпел отойти далеко, — сказал Джо. — И не знаю, долго ли надо идти по этой тропе — ничего зебе тропочка! Может, день, а может, и больше, пока не зпузитиззя.

— Египтянин Пахери рассказывал Тому Миксу, что им во время спуска пришлось один раз остановиться, чтобы поесть, — сказал Бёртон. — Но это еще ничего не доказывает. Путь был утомительный, и они могли проголодаться раньше обычного.

Они нашли небольшой грот. Джо с помощью остальных подкатил ко входу большой камень, чтобы укрыться от ветра; все сели внутри и поели. Грот освещали два фонаря, но их тусклый свет не вселял бодрости. Что им было нужно — так это костер, древнее потрескивающее пламя, веселившее их предков в каменном веке и все последующие поколения.

Один Тай-Пен не терял присутствия духа, рассказывая друзьям о своих проделках и о проделках Восьми Бессмертных Винной Чаши, товарищей его старости, перемежая рассказ китайскими

шуточками. Последние много теряли в переводе на эсперанто, что не мешало некоторым, особенно Джо Миллеру, ржать во все горло и хлопать себя по ляжкам. Потом Тай-Пен стал импровизировать стихи и в заключение погрозил мечом башне, затаившейся где-то впереди.

— Скоро мы окажемся в твердыне Большого Грааля! Пусть стерегутся те, кто распоряжался нашей жизнью! Мы одолеем их, будь они хоть демонами! Старый Кун Фу Цзе предупреждал нас, что людям негоже связываться с духами, но я никогда не обращал внимания на этого старикашку! Я никогда никого не слушал, кроме себя самого! Я Тай-Пен и не признаю власти над собой! Берегитесь, вы, что прячетесь, и таитесь, и не желаете встречаться с нами! Берегитесь! Тай-Пен идет! Бёртон идет! Джо Миллер идет! — Он перечислил всех.

— Пузтить бы его вперед указывать нам дорогу, — шепнул Джо Бёртону. — Зколько энергии зря пропадает.

Бёртон наблюдал за Гильгамешем и Ах-К'аком. Они вели себя так же, как все — смеялись и хлопали Тай-Пену, но они могли просто хорошо разыгрывать свою роль. Эти двое беспокоили Бёртона. Когда они все доберутся до пещеры, — если доберутся — придется с ними что-то решать. Пусть даже оба ни при чем — придется выяснить, не Икс ли один из них. Любой мог быть и Логой, и Танабуром.

Но как это выяснишь?

И что замышляют эти двое — или один из них?

Бёртон составил план. Когда они тронутся в путь, надо сделать так, чтобы Джо Миллер пошел во главе. Он, Бёртон, пойдет вторым. Ах-К'ак и Гильгамеш будут замыкающими. Он не хочет, чтобы они попали в пещеру первыми — если пещера еще на месте и не закупорена.

Майя и шумер — или кто они там на самом деле? — пойдут последними, и, как только они войдут в пещеру, их обезоружат. У них при себе длинные ножи и 69-калиберные пистолеты с пластиковыми пулями. Де Марбо и Джо отберут у них все это. Бёртон предупредит также Нура и Фрайгейта, но не станет впутывать их в это дело. Он до сих пор не уверен до конца ни в американке, ни в мавре. Общение с агентом, мнимым Питером Джейрусом Фрайгейтом, настроило его крайне подозрительно по отношению к настоящему Фрайгейту, если он и правда настоящий. Нур, похоже, действительно был тем, за кого себя выдавал, но Бёртон не доверял никому. Даже титантроп мог быть агентом. А что? Джо умен и способен, несмотря на свои гротескные размеры и внешность.

Однако кому-то верить все же надо. Бёртон верил двоим — себе самому и Алисе, которую знал много лет. А другие — что другие? За ними нужен глаз да глаз — но инстинкты, что бы ни означало это затрепанное слово, подсказывали Бёртону, что все, кроме двоих, действительно те, кем представляются.

Сильно облегчив свои мешки — Джо по-прежнему нес самый большой, — экспедиция взошла на последний карниз. Передвигаясь боком, они ступали на носок, распластавшись по скале и цепляясь за каждый выступ. Они обошли гору всего часа за два, но это время показалось им очень долгим. Джо остановился и повернул голову назад.

— Тихо взе. Тут уже злышно, как бьется море у подножия горы.

Все стали вслушиваться, но только Бёртон, Нур и Тай-Пен услышали плеск волн о камень — да и то, возможно, в воображении.

Однако, обойдя гору, все увидели сравнительно ясное небо и громады гор, окружающих море с той стороны.

Башни не было видно даже издали. И все же она там, где-то в середине моря, если верить рассказу Джо и донесениям с дирижабля «Парсеваль»

— Здезь я наступил на озаваленный кем-то грааль, — сказал Джо. — Отзюда я видел взпышку звета, когда машина этиков зела на башню. И здезь я наступил на этот грааль, упал и разбилзя назмерть. А теперь его тут нет.

— Чего нет?

— Грааля.

— Наверно, этики убрали.

— Надеюзь, что нет. Езли это они, то они знают, что отзюда могут прийти люди — и может быть, они прошли по карнизу до конца и нашли пещеру. Будем надеяться, что грааль убрал кто-то другой. Может, египтяне после моего падения.

Они двинулись дальше по узкому, скользкому от влаги карнизу. Туман сделался гуще, и Бёртон не видел дальше двадцати футов даже с фонарем, который приходилось снимать с пояса, если хотелось лучше рассмотреть дорогу.

Джо внезапно остановился.

— Что случилось? — спросил Бёртон.

— Черт! Карниз кончилзя. Погоди. На вид и на ошупь похоже, что его расплавили. Точно! Это этики оборвали карниз! Что делать будем?

— Велик ли разрыв?

— Да. Футов зорок, назколько мне видно. А может, и взя миля.

— А на сколько оплавлена гора вверху и внизу?

— Назколько моей руки хватает, — через минуту сказал Джо. — Погоди. Я позвечу. — Прошло еще несколько секунд. — Езть зледы в четырех футах выше кончиков моих пальцев.

Бёртон снял свой мешок и опустился на четвереньки. Нур, шедший следом, осторожно перелез через него и исполнил акробатический номер, взобравшись титантропу на плечи. Оглядев скалу, он сказал:

— Выше есть трещины, которые тянутся вдаль. Можно будет вбить костыли.

Бёртон передал стальные клинья и молоток Джо, а тот Нуру. Джо крепко держал мавра за ноги, а Нур вбивал первые два клина. Бёртон подал Нуру конец веревки, тонкой, но прочной. Тот продел ее в ушки костылей и закрепил на том, что был дальше.

Потом Нур слез на карниз и стал надевать на себя сбрую, похожую на парашютную, а Бёртон в это время его страховал. Эта португеза из рыбьей кожи и металла хранилась на катере. На груди были пряжки, к которым прикреплялись прочные пластмассовые ленты. На конце каждой ленты имелся металлический наконечник с колесиком.

Нур снова влез на плечи Джо и, расцепив наконечник, зашелкнул его вокруг веревки, пропущенной горизонтально сквозь ушки клиньев. Теперь он мог скользить по веревке. Добравшись до первого клина, Нур зашелкнул левый блок на веревке за ним и скользнул ко второму.

Там он уперся ногами в скалу, откинулся назад и стал вбивать в трещину третий клин. Это была тяжелая работа, требовавшая частых передышек. Пора было поесть, но все слишком волновались за Нура, чтобы испытывать аппетит.

Пять часов Нур терпеливо вбивал клинья и наконец добрался до места, где снова начинался карниз. К тому времени он совершенно обессилел и едва сумел съехать по скале на выступ.

Бёртон двинулся следом за ним, взобравшись на плечи Джо — небезопасный трюк. Не будь Джо таким рослым и сильным, всем пришлось бы повернуть обратно несолоно хлебавши. И умереть с голоду, потому что у них не хватило бы продуктов на обратный путь.

Бёртон, передвигаясь по веревке, как Нур, благополучно достиг другого края. Нур поймал и удержал Бёртона, а тот отстегнул блок и съехал вниз, притормаживая раскинутыми по скале руками. К счастью, карниз здесь был шире, чем по ту сторону провала.

Главной проблемой была переправка тяжелых мешков. Оставалось, похоже, одно: выкинуть из них все, кроме самого необходимого. Но распаковать их на узком выступе было не так легко. Прибегли к взаимовыручке: один держался за скалу, а другой или другая разгружали его поклажу. При этом одни вещи летели в море, а другие складывались на карниз.

Выбрасывалось все, кроме ножей, огнестрельного оружия, боеприпасов, теплой одежды, продуктов и фляг. Часть всего этого укладывалась в граали. Алисе и Афре, как самым легким, предстояло перенести в своих котомках оставшиеся вещи Бёртона и Нура.

Джо спросил Бёртона, брать с собой надувной каяк или нет. Бёртон сказал — брать. Но поскольку вес Джо слишком велик, пусть его мешок возьмет де Марбо. А француз разделит свой багаж между Грумз и Тай-Пеном.

Бёртону хотелось, чтобы титантроп переправлялся без груза. Пока что клинья сидели крепко, но неизвестно, как они поведут себя при нагрузке в восемьсот фунтов.

Все, один за другим, постепенно переправились на ту сторону — остались только Ах-К'ак и Джо. Майя, совершая переход, вбил каждый клин крепче.

Джо осушил свою громадную флягу, положил ее на карниз и крикнул:

— Я хочу перейти побыстрей! Не стану возиться с портупеей! Переправлюсь на руках. — Он ухватился за веревку у первого клина и двинулся вперед, быстро перебирая своими длинными руками и упираясь коленями в скалу.

На середине пути раздался треск, и один клин выпал из гнезда.

Джо на миг застыл, потом протянул руку к следующему клину и ухнул вниз, держась за веревку и раскачиваясь, как маятник, что вот-вот остановится.

— Держись, Джо! — крикнул Бёртон.

Раздался общий вопль — это выпал второй клин, а за ним посыпались остальные.

Ревущий Джо Миллер в белом, как саван, плаще опять, как когда-то, упал в темные морские воды.

ГЛАВА 44

Бёртон плакал наравне с другими. Он был привязан к великану, даже любил его. Со смертью Джо группа лишилась солидной доли мужества, бодрости и силы.

Через некоторое время все осторожно развернулись и продолжили свой медленный, опасный спуск. Спустя шесть часов они остановились для еды и сна. Спать было трудно — приходилось лежать на боку, опасаясь скатиться вниз. Все подложили себе под спину пистолеты, надеясь проснуться от этого в случае перемены положения. Справлять нужду тоже было нелегко. Мужчины еще могли помочиться, став лицом к пропасти, хотя ветер постоянно относил брызги назад. Женщинам приходилось свешивать заднюю часть за край, надеясь на лучшее.

Стыдливость при этом проявляла одна только Алиса, требуя, чтобы другие отворачивались, пока она облегчается. И даже тогда чужое присутствие стесняло ее. Но туман порой сгущался, обеспечивая ей уединение.

У всех было невесело на душе — смерть Джо Миллера по-прежнему тяготела над ними. Нельзя было не думать и о том, что этики, возможно, нашли пещеру и запечатали ее.

Шум волн у подножия горы стал громче. Путешественники спускались вниз в сплошных облаках; скала и карниз стали еще мокрее. Наконец Бёртона, шедшего во главе, окатило пеной, и грохот прибоя ударил в уши.

Бёртон остановился и посветил вокруг фонариком. Карниз уходил в темную воду. Впереди виднелась осыпь — а за ней, если верить Пахери, должен находиться вход в пещеру.

Он сообщил остальным о своем открытии и вошел в воду до колен. Как видно, выступ здесь выдавался далеко, поскольку прибой был слаб, а неподалеку бушевал всюю. Вода была очень холодная — ноги сразу окоченели.

Бёртон обошел черный язык осыпи, Алиса шла за ним по пятам — Есть там пещера? — Ее голос дрожал.

Бёртон направил луч фонаря вперед и вправо. Сердце у него колотилось — и не от одной холодной воды.

— Ага! — Вот оно, столько раз представлявшееся ему отверствие у подножия горы. Ход низкий — даже Нуру придется пригнуться, чтобы пройти, но достаточно широкий для лодок, как говорил Пахери.

Бёртон передал по цепи великую новость. Грумз, пятая в ряду, завопила:

— Аллилуйя!

Но проявляемое Бёртоном ликование не совсем совпадало с его истинными чувствами. Пещера-то на месте, но лодок в ней может не быть.

Ведя за собой Алису на веревке, все еще прикрепленной к его поясу, он пригнулся и вошел в устье. В нескольких футах от входа гладкий каменный пол начал подниматься вверх под углом в тридцать градусов, стены расступились, а потолок поднялся на двадцать футов. Когда все собрались в пещере, Бёртон велел отвязать веревку — больше она им не понадобится.

Он осветил фонариком лица — бледные и усталые, но горящие нетерпением. Гильгамеш стоял с правого края, а Ах-К'ак — слева, позади остальных. Если Бёртон все-таки намерен схватить их, то этот момент недалек. Но он решил подождать и действовать, как подскажут обстоятельства.

Бёртон повернулся и повел всех вверх по туннелю. Ход постепенно забирал вправо, делая дугу окружностью футов в триста, и по мере продвижения становилось все теплее. В конце туннеля показался свет.

Бёртон невольно перешел на бег и, влетев в огромный, под куполом, зал, едва не споткнулся о человеческий скелет. Скелет лежал лицом вниз, выбросив вперед правую руку. Бёртон подобрал череп, заглянул в него и осмотрел пол. Черного шарика не было.

Свет шел от огромных металлических сфер — их было девять, водруженных на черные металлические треножки двенадцатифутовой высоты. Свет казался холодным.

Десять черных железных лодок стояли на V-образных подставках. Одна подставка была пустая. Раньше здесь стояла лодка, на которой египтяне доплыли до башни.

Лодки были разного размера — самая большая могла вместить тридцать человек,

Слева тянулись металлические полки с серыми банками — жестянками, как сказали бы американцы, — каждая дюймов десять в высоту и шесть в ширину.

Все так, как говорил Пахери.

Но о трех скелетах в синей одежде, лежащих в одной из больших лодок, он ничего не говорил.

Вслед за Бёртоном, тихо переговариваясь, вошли остальные. Это место бесспорно вселяло трепет, но Бёртон, пренебрегая эффектом, поспешил осмотреть неизвестные останки.

Они были одеты в нечто вроде комбинезонов — без карманов, без швов и без пуговиц. Материал был гладкий и вздувался при сжатии.

Бёртон откатил в сторону черепа и вытряс кости из одежды. У одного из покойников был крупный, тяжелый костяк, толстые надбровные дуги и массивные челюсти — возможно, он происходил из раннего палеолита. Два других скелета имели современное строение, а у одного был женский таз.

В каждом из трех черепов находился крошечный черный шарик. Если бы Бёртон не искал их, он бы их не заметил.

Следов насилия на скелетах не было видно. Что же погубило этих трех агентов?

И каким образом они оказались здесь?

Может, прилетели на одной из воздушных машин, которые Бёртон видел мельком много лет назад? Но около входа в пещеру никаких машин не было. Или ее унесло прочь волнами?

Как эти трое нашли свой конец? И почему никто из башни не пришел за ними?

Очевидно, обитателям башни не до того было. Или они сами мертвы, умерли той же смертью, что и эти трое.

И в этом повинен не иначе как Икс.

Бёртон пришел к выводу, что Икс и все прочие агенты и этики застряли в долине вследствие того же события, из-за которого эти трое расстались с жизнью.

Ни одна машина не могла больше прилететь из башни, чтобы забрать их. И ренегат тоже не мог добраться до башни на спрятанных им где-то транспортных средствах. Ему пришлось под именем Барри Торна лететь туда на дирижабле, построенном Фаербрассом, и в башню ему попасть не удалось.

Впрочем, это загадочное событие, с точки зрения Бёртона, сыграло даже на руку и ему, и Иксу. Погибшие агенты, очевидно, обнаружили и веревки, свисающие со скал, и туннели, обнаружили они также, что жители долины пользовались для прохода узким карнизом. Пещеру они, наверное, нашли уже под конец, после того как позаботились, чтобы нежеланные гости не могли больше пройти к морю.

Не произойди какой-то катастрофы, эти трое закупорили бы пещеру.

Бёртон перешел к полкам с консервами. Пластиковая табличка размером двенадцать на двенадцать дюймов, имевшаяся на каждой полке, наглядно показывала, как открывать банки. Бёртон в картинках не нуждался — он еще по рассказу Пахери помнил, что надо делать. Обведя пальцем вокруг крышки, он стал ждать. Через несколько секунд крышка, сделанная из прочного металла, дрогнула, замерцала и превратилась в желеобразный покров, легко протыкающийся пальцем.

— Икс позабыл о посуде и приборах, — сказал вслух Бёртон. — Ну, ничего! Можно и руками есть!

Его изголодавшиеся спутники бросили осматривать пещеру и последовали его примеру. Все черпали пальцами говяжье жаркое — оно было теплое — и доставали хлеб из жестянок с изображением хлебной буханки. Наелись до отвала. Ограничивать себя не было нужды — запасы были обширны.

Бёртон, сидя на полу спиной к стене, наблюдал за остальными.

Будь один из них Иксом, разве он не открылся бы к этому времени?

Или он вербовал людей из долины только на крайний случай? Чтобы они таскали ему каштаны из огня, когда он окажется в критической ситуации?

Если так, почему он не сказал сразу, чего от них ожидает?

Может быть, он и собирался, но события приняли неожиданный и слишком быстрый оборот. А теперь помощь рекрутов ему больше не нужна. Напротив — они ему только мешают.

И почему он стал на путь измены?

Бёртон не верил версии Икса, объясняющей, зачем другие этики воскресили землян.

И не был уверен, что не связался с кем-то, чьи истинные цели были бы ему омерзительны, если бы он их знал.

Вот почему, возможно, Тайнственный Незнакомец вел себя так загадочно, почему не рассказывал им правды, почему до сих пор скрывается — если скрывается.

Как бы там ни было, этику давно пора открыть себя. Разве только... разве только Иксу известно, что в группе есть агенты или другие этики. Тогда он будет хранить инкогнито до самой башни. Почему до башни? Да потому, что здесь он не в состоянии перебороть или убить своих врагов и вообще кого бы то ни было, кто мог бы помешать его планам, к добру они направлены или ко злу.

Возможно, его планы требуют, чтобы Икс избавился заодно и от рекрутов. Он нуждался в них, только чтобы добраться до башни.

Что вообще заставляло Икса предполагать, что ему когда-нибудь понадобится их помощь?

Да... Спрюз на допросе говорил что-то об Операторе гигантского компьютера. Бёртон не знал, кто этот Оператор, но Икс, наверное, тайно использовал компьютер в начале или еще до начала осуществления проекта воскрешения. Икс мог заложить в машину все вероятности, касающиеся его незаконных замыслов, и просчитать, возможно ли их осуществление. Компьютер мог подсказать ему даже нечто такое, о чем сам Икс не подумал.

Например, представить такую ситуацию или ситуации, где Иксу могут понадобиться рекруты.

Бёртон не мог представить себе, что это за ситуация — разве что вот эта, нынешняя.

Что ж, возможно.

Итак, Икс набрал себе рекрутов и стер из компьютера все свои запросы и ответы на них. Каким-то образом он проделал это без ведома Оператора. В том случае, конечно, если Спрюз не солгал и

такие вещи, как Оператор и компьютер, действительно существовали.

Больше всего заботило Бёртона то, что Икс ему так и не назвался. Значит, этик скоро начнет действовать — и не заодно с рекрутами, а против них.

Бёртон подумал, что надо бы поспать, прежде чем отправляться дальше на лодках. Все согласились с ним, постлали теплую одежду на пол, а часть использовали вместо подушек. Здесь было тепло, и укрываться не понадобилось. Горячий воздух шел из щелей у основания стен.

— Отопление, наверное, обеспечивает атомный реактор, — заметил Фрайгейт. — И освещение тоже.

Бёртон решил установить ночные дежурства и нести их по двое, каждая пара по два часа.

— Зачем? — возразил Тай-Пен. — Ясно же, что мы тут единственные люди на двадцать тысяч миль.

— Это неизвестно. Нельзя нам сейчас терять бдительность.

Кое-кто согласился с китайцем, но в конце концов решили, что лишняя предосторожность не повредит. Бёртон распределил вахты, назначив Нура напарником Гильгамеша, а себя — напарником Ах-К'ака.

Мавра трудно заставить врасплох — он прекрасно ориентируется в чужих намерениях и чувствах и часто по едва уловимым телесным проявлениям догадывается, что сейчас сделает человек.

Возможно, конечно, что Нур — агент или что Гильгамеш в сговоре с Ах-К'аком. Пока один будет дежурить, второй притворится спящим и в нужный момент поможет первому обезвредить его напарника.

Возможно было все, но приходилось идти на риск. Нельзя же совсем не спать.

Больше всего Бёртон беспокоился о том, как бы Икс, если он здесь, не взял ночью маленькую лодку и не попал в башню раньше остальных. Тогда он запрет нижний вход — и конец.

Первыми дежурили де Марбо с Алисой, и Бёртон дал французу свои наручные часы. Потом лег на свою подстилку около входа в туннель и сунул под подушку заряженный пистолет. Уснуть ему удалось с трудом, и не ему одному, если судить по многочисленным вздохам и бормотаниям. Первая вахта уже почти истекла, когда он погрузился в тревожный сон. Он то и дело просыпался, и ему снились кошмары, отражавшие события последних тридцати лет. Бог, одетый как джентльмен поздней викторианской эпохи, тыкал его в ребра тяжелой тростью: «Ты должен мне за плоть. Плати».

Бёртон открыл глаза и посмотрел вокруг. Теперь дежурили Тай-Пен с Блессид Грумз. Китаец, всего футов в десяти от Бёртона, что-то тихо говорил негритянке. Потом Грумз влепила ему пощечину и отошла.

— Желаю, чтобы в следующий раз тебе больше повезло, Тай-Пен, — сказал Бёртон и опять уснул.

Когда дежурили Нур и Гильгамеш, он проснулся снова и лишь чуть-чуть приоткрыл глаза, чтобы его считали спящим. Оба дежурных сидели в одной из больших лодок у приборной доски. Шумер, похоже, рассказывал мавру что-то смешное, потому что Нур улыбался. Бёртону не понравилось, что они сидят рядом. Силачу Гильгамешу ничего не стоило схватить Нура за горло.

Нур, однако, чувствовал себя вполне вольготно. Бёртон еще немного последил за ними и задремал. В следующий раз он проснулся оттого, что Нур его тряс.

Бёртон встал, зевая. Ах-К'ак стоял у полок и ел тушенку с хлебом. Он жестом предложил Бёртону присоединиться. Тот потряс головой, не желая подходить к нему ближе, чем необходимо. Взяв пистолет из-под подушки, Бёртон положил его в кобуру. Он заметил, что Ах-К'ак тоже при оружии. Ничего примечательного в этом не было — какой же смысл нести караул без оружия.

Бёртон, стоя футах в шести от Ах-К'ака, сказал, что выйдет помочиться. Майя, с набитым ртом, кивнул. Он похудел за это трудное путешествие и теперь, похоже, вознамерился вернуть утраченное.

Если этот обжора действительно Икс, подумал Бёртон, то он превосходный актер.

Бёртон шел по туннелю, то и дело оглядываясь и прислушиваясь, не раздадутся ли сзади шаги. Фонарь он зажег только у выхода из пещеры, поставив его на покатый пол. Луч устремился в мокрый, тяжелый туман. Быстро покончив со своим делом, Бёртон вернулся в пещеру.

Вот подходящий случай для Ах-К'ака, чтобы напасть. Но Бёртон ничего не слышал, кроме шума волн, дробящихся о скалы неподалеку. Когда он вернулся, Ах-К'ак сидел, прислонясь к стене, закрыв глаза и повесив голову.

Бёртон прислонился к противоположной стене. Вскоре майя встал, потянулся и показал знаком, что хочет выйти. Бёртон кивнул. Ах-К'ак, болтая отвисшим подбородком, пошел в туннель. Бёртон решил, что был излишне подозрителен. Через минуту ему стало казаться, что он был недостаточно подозрителен. Что, если майя все-таки Икс и у него где-то поблизости спрятана лодка? В какой-нибудь щели, до которой можно дойти по мелководью.

Прошло десять минут — не такой уж долгий срок. Может, пойти следом за Ах-К'аком?

Не зная, на чем остановиться, Бёртон увидел, что майя возвращается, и вздохнул с облегчением. Прошла уже половина их вахты, остальные спят уже не так крепко, и их легче будет разбудить в случае чего.

Да и для Икса логичнее было бы дожидаться прибытия в башню. Там, на своей территории, ему будет легче с ними справиться.

После шестичасового сна Бёртон разбудил всех. Они прогулялись наружу — мужчины отдельно, женщины отдельно — и вернулись, жалуясь на холод. Бёртон и Ах-К'ак к тому времени разлили

воду из фляг по чашкам, взятым из граалей, приготовясь добавить туда растворимый кофе, одновременно нагревавший воду. Все попили кофе и сели завтракать. Некоторые опять вышли к морю. Грумз заявила, что нехорошо оставлять скелеты без погребения, и подняла такой шум, что Бёртон счел за лучшее уступить ей. Какая теперь разница — чуть раньше или чуть позже?

Кости вынесли и бросили в море после прочтенной Грумз пространной молитвы. Скелет, лежавший ближе к туннелю, определенно принадлежал матери Биллсид, но никто не сказал ей об этом, чтобы не причинить горя. Бёртон и еще несколько человек помнили рассказ Пахери: когда египтяне вошли сюда, на черепе сохранились еще остатки скальпа с черными курчавыми волосами.

Вернувшись, они загрузили одну из тридцатиместных лодок своими пожитками и поставили туда шестьдесят банок с консервами. Четверо мужчин подняли большую, но очень легкую лодку и вынесли через туннель к морю. Следом двое мужчин и двое женщин несли лодку поменьше, которой предстояло идти за первой на буксире.

Бёртон, спрошенный, зачем им лишняя лодка, ответил:

— На всякий случай.

Он сам не знал, какой это может быть случай. Но лишняя предосторожность не помешает.

Выходя последним, он оглянулся в последний раз. Было очень тихо, а горящие светильники и пустые лодки создавали странное впечатление. Будут ли у группы Бёртона последователи? Он сомневался в этом. Их экспедиция третья и пока что самая успешная. Все делается три раза. Бёртон подумал о Джо Миллере, дважды упавшем в море. Уж тут-то третьего раза не будет?

Может, и будет, если мы постараемся, подумал он.

Все, кроме Ах-К'ака и Гильгамеша, сели в большую лодку, столкнули ее на воду, влезли и принялись вытирать ноги. Бёртон досконально изучил табличку-карту, запомнив ее наизусть. Стоя на помосте у штурвала, он нажал одну из клавиш, и панель осветилась. Обозначений под клавишами не было, но на схеме показывалось, для чего они предназначены.

Одновременно с подсветкой на экране вспыхнул ярко-оранжевый цилиндр — башня.

— Можно трогаться, — сказал Бёртон, нажимая вторую клавишу. — Ну что — вперед?

— Вперед, на встречу с мудрецом из страны Оз, Королем-рыбаком!* — сказал Фрайгейт. — К Священному Граалю!

— Если грааль и вправду священный, — засмеялся Бёртон, — что мы-то тогда здесь делаем?

Что бы ни двигало лодку — не было ни вибрации, ни следа за кормой, — она быстро шла вперед. Скорость регулировалась с

* Король-рыбак — в сказаниях о короле Артуре хранитель Грааля.

помощью пластиковой груши, прикрепленной к штурвалу справа. Для этого грушу следовало сжать или отпустить. Бёртон, повернув штурвал так, чтобы изображение башни передвинулось из правого угла экрана в его центр, начал жать грушу. Лодка резала волны, идя по морю наискосок. Брызги мочили сидящих сзади, но Бёртон не сбавлял хода.

Он то и дело оглядывался. В темноте и тумане он не видел даже кормы, а пассажиры жались в кучку, напоминая в своих белых одеяниях души, перевозимые в ладье Харона.

Все молчали, точно и впрямь души усопших.

По словам Пахери, лодке Эхнатона потребовалось часа два, чтобы дойти до башни. Это потому, что фараон боялся вести ее на предельной скорости. Согласно показаниям радара «Парсеваля», диаметр моря составляет тридцать миль. А диаметр башни — миль десять. Так что от пещеры до нее — всего двадцать миль. Лодка фараона, наверно, ползла, делая не больше десяти миль в час.

Башня на экране быстро увеличивалась — и вдруг вспыхнула огнем.

Значит, цель совсем близко.

По инструкции теперь следовало нажать очередную клавишу. Бёртон так и сделал, и два необычайно ярких носовых прожектора ударили в туман, осветив огромную закругленную стену.

Бёртон отпустил грушу — лодка сразу сбавила скорость и начала дрейфовать. Снова включив энергию, Бёртон развернул ее и направил к темной громаде. Он нажал еще одну кнопку — и в гладкой на вид стене открылась большая овальная дверь, толстая, как в подвале банка.

Из нее лился свет.

Бёртон сбросил тягу и повернул штурвал. Лодка стукнулась бортом о порог. Множество рук ухватилось за дверь, удержав лодку на месте.

— Аллилуйя! — завопила Блессид Грумз. — Мама, скоро я приду к тебе и воссяду по правую руку от Господа нашего!

Все остальные вздрогнули. Тишина, нарушаемая только легким стуком лодки о металл, была так глубока и всех так потрясло то, что башня наконец открылась перед ними, что вопль Блессид показался им чуть ли не святотатством.

— Тихо! — крикнул Фрайгейт и тут же засмеялся — Блессид легко его заглушила.

— Мама, я иду! — вопила она.

— Заткнись, Грумз! — сказал Бёртон. — Не то я, ей-Богу же, вышвырну тебя за борт! Нашла место истерику закатывать!

— Это не истерика! Я ликую! Благодать Господня наполняет меня!

— Ну так держи ее при себе.

Грумз сказала, что Бёртону прямая дорога в ад, но подчинилась.

— Может, ты и права, — сказал он. — Однако мы все идем одной дорогой. Если там, внутри, рай, мы будем с тобой. Если ад.

— Не говори так! Это кошунство!

Бёртон вздохнул. В общем и целом Блессид нормальна, но религиозный фанатизм заслоняет от нее и факты, и все противоречия ее веры. В этом она очень похожа на его жену Изабел, правоверную католичку, которая, однако, ухитрялась одновременно верить и в спиритизм. А ведь Грумз — сильная женщина, выносившая, никогда не жалуется и приносила большую пользу в пути, когда не пыталась обратить остальных в свою веру.

За дверью виднелся серый металлический коридор, описанный Пахери. От спутников египтянина, пораженных в этом коридоре неведомой силой, не осталось и следа. Сам Пахери побоялся идти с остальными и остался в лодке. Эхнатон и его люди упали на пол, и дверь закрылась так же бесшумно, как и открылась. Пахери не смог отыскать путь в пещеру, попытался спуститься на лодке через первый порог и очнулся на дальнем берегу Реки. Но теперь воскресений больше нет.

Бёртон расстегнул кобуру и сказал:

— Я пойду первым.

Он шагнул через порог. Теплое дуновение согрело ему лицо и руки. Бестеновой свет исходил, казалось, из стен, пола и потолка. В конце коридора виднелась закрытая дверь. Входная дверь открывалась с помощью стержней из серого металла, уходящих в серый же, шестифутовый куб у наружной стены. Основание куба сливалось с полом без всяких сварочных швов или болтов.

Бёртон подождал, пока войдут Алиса, Афра, Нур и де Марбо, и не велел им отходить дальше десяти футов от двери. Потом крикнул:

— Давайте-ка сюда маленькую лодку!

— Зачем? — спросил Тай-Пен.

— Заклиним ею дверь, чтобы не закрылась.

— Но ее же раздавит, — сказала Алиса.

— Не думаю. Лодка сделана из того же материала, что граали и башня.

— Но выглядит она ужасно хрупкой.

— У граалей тоже тонкие стенки, и инженеры в Пароландо пытались взорвать их, разрезать, расплющить падающим молотом. Ничего не вышло.

Свет из коридора падал на лица оставшихся в лодке — удивленные, восхищенные, бесстрастные. Попробуй определи по их реакции, кто из них Икс.

Вопрос задал один Тай-Пен, но это еще ничего не значит. Китайцу всегда надо знать, отчего да почему.

Общими усилиями маленькую лодку подняли и просунули в дверь. Она плотно вошла в середину овала, и под ней осталось достаточно места, чтобы проползти тем, кто был в лодке, когда они передадут внутрь тюки и консервы.

Бёртон отходил все дальше, уступая место вновь входящим. Держа пистолет в руке, он велел Алисе достать свой. Остальные,

увидев направленное на них дуло, остолбенели. Еще сильнее они изумились, когда Бёртон приказал им заложить руки за голову.

— Ты Икс! — сказал Фрайгейт.

— Ничего подобного! — смеясь, как гиена, сказал Бёртон. — Но сейчас я выведу Икса на чистую воду!

ГЛАВА 45

— Ты подозреваешь всех, кроме Алисы, да? — спросил Нур.

— Нет. Среди вас могут быть агенты — если это так, я предлагаю им назваться. Но я видел этиков во время их совета, и только двое в нашей группе напоминают своим сложением того, кто, как я думаю, может быть Иксом!

Бёртон подождал. Было ясно, что, если здесь и есть агенты, сознаваться они не собираются.

— Прекрасно. Я объясню. Представляется очевидным, что Икс и Барри Торн, а возможно, и Одиссей — одно лицо. Торн и Одиссей были малы ростом и очень мускулисты. Лицом они тоже походили друг на друга, хотя у Одиссея торчали уши и он был намного смуглее. Но эти черты можно изменить искусственно.

Этиков похожей наружности звали Лога и Танабур.

Двое из нашей группы могут быть и тем и другим. Однако мне кажется, что инженер Подебрад, убитый на «Рексе», был Танабуром. Или Логой. Во всяком случае, мы и шагу не ступим дальше, пока я не допрошу с пристрастием этих двоих. — Бёртон сделал паузу и сказал: — Это Гильгамеш, называющий себя древним шу-мером, царем Урука, и Ах-К'ак, так называемый индеец-мая!

— Но, Ричард. — тихо сказала Алиса. — Если ты слишком круто за них возьмешься, они могут просто покончить с собой.

— Слышали, что она сказала? — гаркнул Бёртон. — Нет? Что Иксу легко избежать допроса, покончив с собой! Но я-то знаю, что он этого не сделает! Иначе ему пришлось бы отказаться от своих планов, какими бы они ни были! Воскрешения из мертвых больше не будет! Итак... я решил наконец действовать, потому что дальше мы без него ничего не сможем сделать. Только Икс знает, как отключить газ или ультразвук, или что там еще сразило египтян. И еще я жду ответов на свои вопросы!

— Опомнись, приятель! — сказал Том Терпин. — А вдруг Икса среди нас нет? С огнем играешь!

— Я убежден, что он здесь. И вот что я намерен сделать. Если никто не сознается, я оглушу тебя, Гильгамеш, и тебя, Ах-К'ак. Вы мои главные подозреваемые. А когда вы начнете приходить в себя, я вас загнипнотизирую. Монат Грраутут, арктурианин, а с ним мнимый Питер Джейрус Фрайгейт и Лев Руах когда-то загнипнотизировали моего друга Казза. Не одни они умеют играть в эту игру. Я признанный мастер гипноза, и если вам есть что скрывать, я это из вас вытяну.

В наступившей тишине все опасно смотрели друг на друга.

— Ты злой человек, Бёртон! — сказала Грумз. — Мы стоим у райских врат, а у тебя смертоубийство на уме!

— Убивать я никого не собираюсь — хотя готов это сделать, если придется. Хочу я одного — раскрыть эту тайну. Среди вас могут быть агенты. Я призываю их сознаться. Терять им нечего, а приобрести они могут многое. Поздно пытаться скрыть что-то от нас.

— Но... но, дорогой мой Бёртон! — вскипел де Марбо. — Вы оскорбляете меня! Я никакой не агент и не этик! Я тот, кто я есть, и я ударю всякого, кто назовет меня лжецом!

— Если один из них или оба неповинны, — сказал Нур, — вина ляжет на тебя. Нельзя безнаказанно оскорблять невиновных. Кроме того, ты можешь превратить друзей во врагов. Нельзя ли за-гипнотизировать их, не прибегая к насилию?

— Мне это так же неприятно, как и тебе, — сказал Бёртон. — Поверь мне. Но, возможно, этик и сам превосходный гипнотизер — и уж безусловно обладает повышенной сопротивляемостью. Я должен оглушить их, чтобы они не воспользовались этими своими способностями, и захватить их, когда они будут еще не совсем в себе.

— Но это так жестоко, Ричард, — тихо сказала Алиса.

— А теперь, — сказал Бёртон, — бросьте свое оружие на пол. По одному и медленно. Ты первый, Нур.

Ножи и пистолеты заклацали о серый металл. Когда все разоружились, Бёртон велел им отойти назад, а Алиса собрала оружие и сложила его в кучку у него за спиной.

— Руки не опускать.

Почти на всех лицах читался гнев, негодование, уязвленное самолюбие. Лица Гильгамеша и Ах-К'ака превратились в каменные маски.

— Подойди ко мне, Гильгамеш, — сказал Бёртон. — В пяти футах от меня остановись и повернись спиной.

Шумер медленно двинулся к нему. Сквозь его маску невозмутимости пробился гнев.

— Если ты ударишь меня, Бёртон, я твой враг навеки. Я был когда-то царем Урука и происхожу от богов! Никто не смеет тронуть меня безнаказанно. Я убью тебя!

— Мне искренне жаль это делать, — сказал Бёртон. — Но ты должен понимать, что дело идет о судьбе целого мира. Будь я на твоём месте, а ты на моем, я не стал бы тебя упрекать. Я возмущался бы, да, но я бы понял!

— Когда ты выяснишь, что я невиновен, уж лучше убей меня! Иначе сам будешь убит! Я правду говорю!

— Там видно будет.

Бёртон собирался в том случае, если окажется, что шумер не Икс, дать Гильгамешу под гипнозом команду простить его, Бёртона,

по выходе из транса. Он мог бы приказать забыть обо всем, но другие, несомненно, не преминут напомнить Гильгамешу.

— Руки за голову, — сказал Бёртон. — Теперь повернись. Не волнуйся, очень больно не будет. Я точно знаю, с какой силой следует бить. Ты потеряешь сознание всего на несколько секунд.

Бёртон занес пистолет над головой шумера, но тот с криком «Нет!» обернулся и выбил у Бёртона оружие.

Алисе следовало бы выстрелить, но она вместо этого принялась лупить шумера по спине своим собственным пистолетом. Бёртон, несмотря на всю свою силу, не устоял против геркулесовой мощи Гильгамеша и был поднят на воздух. Он ударил шумера по лицу, пустив ему кровь и поставив синеяк, а шумер вскинул его высоко над головой и швырнул об стену. Оглушенный Бёртон сполз на пол.

Все подняли крик, а Алиса громче всех. Это не помешало ей наконец угодить рукояткой своего пистолета Гильгамешу по голове. Он пошатнулся и начал оседать.

Тут Ах-К'ак, проворный, несмотря на свою толщину, подскочил к Алисе, выхватил у нее пистолет и побежал в конец коридора.

Бёртон попытался встать, крича:

— Держите его! Держите! Это этик! Икс! Икс!

Ноги у него были, точно надувные шары, из которых выходит воздух. Он снова опустился на пол.

Майя — нет, какой там майя! — хлопнул ладонью по стене слева от себя, и дверь в дальнем конце коридора сразу же ушла вбок.

Бёртон попытался заметить место, куда ударил Икс. При нажатии на него, несомненно, включается какая-то аппаратура, не только открывающая дверь, но и обезвреживающая оружие, уложившее египтян.

Маленький тощий Нур, быстрый, как молния, схватил из кучи оружия пистолет и поднял его, держа обеими руками. Прогремел выстрел. Пуля ударила в дверь, за которой спрятался Икс, и в воздухе засвистели осколки пластика. Икс упал по ту сторону двери, мелькнув обутыми в черное ногами. Потом ноги исчезли.

Нур бросился за ним, но на пороге остановился, осторожно выглянул и сразу убрал голову. Пуля Икса расплющилась о стену около двери. Нур опустился на колени и снова выглянул. Снова грянул выстрел, но Нур, кажется, не пострадал.

К тому времени и другие, разобрав свое оружие, устремились к двери.

При всей бесполезности сожалений Бёртон не мог не пожалеть, что не взялся сначала за Ах-К'ака.

Он крикнул Алисе, склонившейся над Гильгамешем. Она помогла ему встать. Плача, она подошла к Бёртону и взяла его за руки.

В голове у него прояснилось, и ноги как будто стали потверже. Через минуту он совсем оправится.

— Фрайгейт! Тай-Пен! Терпин! — крикнул он. — Возьмите Гильгамеша! Все остальные — вперед! Вперед, пока он не запер дверь!

— Да он ушел! — прокричал Нур.

Трое названных подбежали, подняли тяжелого шумера и вынесли его за дверь. Бёртон оперся на Алису, обняв ее рукой за шею, и они последовали за остальными. Добравшись до двери, он уже почувствовал, что может идти сам.

Терпин оставил на пороге свой грааль, чтобы помешать двери закрыться. Как только Бёртон с Алисой прошли, дверь поехала назад, наткнулась на грааль и остановилась.

Нур показал им кровавые пятна на полу.

— Пуля ударила в стену, но осколки зацепили его.

Оба конца коридора тянулись куда-то в бесконечность. Свет был резкий, бестеневой. Ширина коридора на глаз составляла футов сорок, а высота — пятьдесят. Он едва заметно изгибался, следуя за кривизной башни. Интересно, что находится между коридором и наружной стеной? Возможно, там пустота, а возможно, кое-где размещены машины или склады. По стенам, через неправильные промежутки, на уровне глаз виднелись выпуклые буквы или символы — одни из них на первый взгляд напоминали руны, а другие — письмо хинди.

Бёртон оставил на полу пулю, чтобы отметить выход, если дверь все же закроется.

Кровавый след прервался на площадке, с круглым отверстием диаметром футов сто в центре. Бёртон подошел к краю и посмотрел вниз. Темная шахта была освещена через равные промежутки, где в нее выходили другие этажи. Бёртон не знал, какова глубина шахты, но она, по всей видимости, составляла несколько миль. Он опустился на колени, вцепившись в края, и посмотрел вверх — там было то же самое.

Но вверх шахта уходит не больше чем на милю — такова высота башни над уровнем моря.

Гильгамеш тем временем очнулся. Он сидел на полу, держась за голову, и стонал.

— Что со мной случилось? — спросил он.

Бёртон объяснил.

— Так это не ты ударил меня? — простонал шумер. — Это была женщина?

— Да, и я приношу тебе свои извинения, если они тебе нужны. Но я должен был убедиться.

— Она защищала своего мужчину. Если ты меня не ударил, то оскорбления нет. Но есть телесные повреждения.

— Ничего, скоро все пройдет, — сказал Бёртон.

Он умолчал о том, что съездил Гильгамешу по морде. В данном случае лучше всей правды не открывать. В прошлой жизни Бёртон нажил множество врагов — и это не пугало его, а даже доставляло известное удовлетворение. Но за последние двадцать лет он понял, что вел себя в этом смысле иррационально. Мудрый суфи Нур дал ему это понять, хотя и не напрямую. Бёртон сам дошел до этого, слушая беседы Нура с его учеником Фрайгейтом.

— По-моему, Икс уехал на лифте, — сказал Бёртон. — Но лифта здесь не видно. И какой-либо аппаратуры вызова тоже.

— Может, это потому, что никакой кабины и нет, — сказал Фрайгейт.

Бёртон вытаращил глаза. Фрайгейт достал из кошелька на поясе пластиковую пулю и бросил ее в пустоту. Она остановилась на уровне пола, точно завязла в чем-то.

— Ах ты, черт! Смотри-ка, угадал!

— Что угадал?

— Что в шахте существует какое-то поле. Но вот как попасть, куда тебе надо? Может, нужен код, чтобы управлять полем?

— Ты правильно мыслишь, — сказал Нур.

— Спасибо, учитель. А вдруг одному нужно вниз, а другому вверх? Может ли поле работать одновременно в обоих направлениях?

Если с этажа на этаж можно попасть только через такие шахты — эта, надо думать, не единственная, — то путешественники оказались в ловушке. Этику остается только подождать, пока они не перемрут с голоду.

Бёртон разозлился. Всю жизнь он чувствовал себя в клетке — некоторые решетки он разламывал, но самые крепкие остались неизблемыми.

И вот сейчас, на пороге открытия великой тайны, он снова попал в клетку, из которой, похоже, выхода нет.

Он медленно опустил одну ногу в пустоту и почувствовал сопротивление. Решив, что неведомая сила должна выдержать его вес, он ступил в шахту обеими ногами. Он был на грани паники — любой на его месте чувствовал бы то же самое. Однако вот он стоит на воздухе, и под ногами у него бездна.

Он поднял пулю и бросил ее Фрайгейту

— Что же теперь? — спросил Нур.

Бёртон посмотрел вверх и вниз.

— Не знаю. Тут не просто воздух. Эта среда оказывает легкое сопротивление, когда я двигаюсь. Но дышу я свободно.

Стоять там было все-таки, мягко говоря, неудобно, и Бёртон вернулся на твердый пол.

— Там такого ощущения нет. То, что под ногами, немного пружинит подо мной. — Настало молчание, и он предложил: — Ну что ж, пошли дальше?

ГЛАВА 46

Вскоре они пришли к другой лифтовой площадке, помеченной выпуклыми знаками. Бёртон снова заглянул вниз и вверх, ища каких-нибудь указаний, — но эта шахта была так же пуста, как и первая.

Когда они ушли оттуда, Фрайгейт сказал:

— Интересно, жив ли еще Пискатор? Вот если бы он нам встретился...

— Если бы? Мы не можем полагаться на «если бы», как бы это ни было свойственно человеку, — сказал Бёртон.

Фрайгейт надулся.

— Пискатор, как я понимаю, был суфи, — сказал Нур. — Этим объясняется то, что он прошел через верхний ход. Насколько я слышал, там имеется какое-то силовое поле, сродни электромагнитному, не допускающее внутрь тех, кто не достиг определенного этического уровня.

— Он, должно быть, здорово отличался от всех известных мне суфи, за исключением тебя, — сказал Бёртон. — Все египетские суфи были жулики.

— Есть истинные суфи и ложные суфи, — ответил Нур, оставшись глухим к насмешке. — Я полагаю, что ватан отражает этическое и духовное развитие личности — и силовое поле, смотря по тому, что показывает ватан, открывает или преграждает вход в башню.

— Как же тогда Икс ходил этим путем? Его этика очевидно, не так высока, как у других.

— Как знать. Если то, что он говорил о других этиках, правда... Но, возможно, Икс проделал свой тайный ход именно для того, чтобы не пользоваться верхним. Но он должен был сделать это, когда башня только еще строилась — значит, задумал свой план заранее. Он еще тогда знал, что поле его не пропустит.

— Нет. Другие-то видели его ватан. И могли понять, что Икс деградировал — изменился, во всяком случае. Могли даже понять, что он им изменил.

— Может, Икс приспособился как-то подделывать свой ватан. Ну... заставлять его выглядеть иначе, чем на самом деле. Тогда он мог не только сходить за своего, но и силовое поле надуть.

— Возможно, — согласился Нур. — Но ведь его товарищи могли об этом догадаться?

— Может, они не знали, что такое возможно. Может, Икс сам изобрел такой прибор.

— А по тайному ходу, — подхватил Бёртон, — он мог покидать башню так, что никто об этом не знал.

— Выходит, в башне не было радаров?

— Ну и что ж? Если б радары были, они обнаружили бы и первую, и вторую экспедиции, когда те еще только спускались по карнизу, — заметил Бёртон. — И пещеру засекли бы — хотя на пещеру, возможно, операторы не обратили бы внимания. Не было здесь радара, сканирующего море и горы. Да и зачем? Этики не верили, что кто-нибудь может забраться так далеко.

— У нас у всех имеются ватаны, — сказал Нур, — если правда то, что сказали тебе на Совете Двенадцати. Их ватаны ты видел сам. Чего я не понимаю — так это почему этики не высладили тебя задолго до того времени. Снимок твоего ватана должен был хра-

ниться в том гигантском компьютере, о котором говорил Спрюз. Как и снимки всех наших ватанов, вероятно.

— Возможно, Икс подменил снимок моего ватана. Это объясняет, почему агент Аньо имел при себе мою обычную фотографию.

— Мне кажется, у этиков имелись наверху поисковые спутники, — сказал Фрайгейт. — Но они не смогли найти тебя по ватану, потому что ватан был изменен.

— Хм-м, — произнес Нур. — Интересно, влияет ли искажение ватана на духовную сущность его носителя?

— Помните, де Марбо рассказывал, как Клеменс анализировал связь между ватаном, ка или душой — называйте, как хотите — и телом? — сказал Бёртон. — Клеменс пришел к выводу, что ватан действительно отражает личность человека. Для этого он и нужен. Бесполезно пытаться приделать ватан к копии чьего-то тела, поскольку копия отличается от оригинала. В ничтожно малой степени, но отличается. И если ватан или душа действительно суть человека, вместилище самосознания, то мозг человека самосознанием не обладает. Без ватана человеческое тело будет обладать разумом, но не самосознанием. Понятие своего «я» будет отсутствовать. Для ватана человеческий организм — то же, что для человека лошадь или автомобиль.

Ну возможно, это не совсем верное сравнение. Комбинация ватана и тела больше напоминает кентавра. Это сплав. И человеческая, и конская половины не могут существовать одна без другой.

Возможно, ватану тоже необходимо тело, чтобы обрести самосознание: ведь, по словам этиков, ватаны без тел блуждают в пространстве, лишенные не только самосознания, но и сознания вообще.

Согласно же нашей теории, это тело генерирует ватан. Как — я не знаю, у меня нет даже гипотезы на этот счет. Но ватан без тела возникнуть не может. У эмбрионов имеются эмбриональные ватаны, у младенцев — младенческие. Ватан взрослеет вместе с телом.

Но существуют две стадии взрослости. Назовем высшую стадию суперватанностью. Ватан, не достигший определенного этически-духовного уровня, обречен после смерти тела вечно блуждать в пространстве, лишенный сознания.

Если только, как здесь, не будет создана копия тела и ватан не вернется к ней, повинаясь некоему притяжению, это тело-дубликат будет обладать разумом, но не концепцией своего «я». Этой концепцией обладает ватан, но лишь при условии воссоединения с телом.

Без ватанов люди бы тоже стали из обезьян людьми, работали бы язык, развили науку и технику — но религии бы у них не было, и они не больше сознавали бы свои «я», чем муравьи.

— И что у них был бы за язык? — сказал Фрайгейт. — Попробуйте представить себе язык, в котором отсутствует место-

имение «я». А возможно, также и «ты», «вы». Я не уверен, что такие люди могли бы создать язык — в вашем понимании. Они так и остались бы разумными животными. Или скорее живыми машинами, не столь зависящими от инстинкта, как животные.

— Поговорим об этом подробнее как-нибудь в другой раз.

— Ну а как же шимпанзе?

— Возможно, у них есть рудиментарные ватаны с низким уровнем самосознания. Никто ведь не доказал, что у обезьян нет своего языка или самосознания. Сам ватан, без тела, самосознания развить не может. Если у человека не развит мозг, то и ватан будет недоразвитый — а следовательно, способный достичь лишь самого низкого этического уровня.

— Э нет! — сказал Фрайгейт. — Ты путаешь интеллект с моралью. Мы оба знали слишком много людей с высоким умственным развитием и низким этическим, да и наоборот, чтобы поверить, что высокий интеллектуальный коэффициент обеспечивает столь же высокий моральный уровень.

— Да-а, но ты забываешь о воле.

Они пришли к следующей площадке, и Бёртон осмотрел шахту

— Все то же самое.

Отряд двинулся дальше, и Бёртон вернулся к своей роли Сократа.

— Итак, воля. Мы должны признать, что полной свободой она не обладает. На нее влияют внешние события — внешняя среда, — а также внутренняя жизнь тела — внутренняя среда. Физические и душевные повреждения, болезни, химические процессы и прочее — все это влияет на волю человека. Маньяк был бы хорошим человеком, если бы болезнь или травма не сделали из него мучителя и убийцу. Психологические или химические факторы приводят к расщеплению личности, создают моральных калек и уродов.

Ватан, я полагаю, столь тесно связан с телом, что отражает все его умственные перемены. У идиота или слабоумного и ватан идиотский или слабоумный.

Вот почему этики воскресили идиотов и слабоумных где-то в другом месте — если наши рассуждения верны, — где их можно лечить без помех. Медицина этиков позволяет полностью развить недоразвитый мозг. И ватаны этих больных тоже становятся высоко-развитыми, в полной мере способными выбирать между добром и злом.

— И получают возможность стать суперватанами и воссоединиться с Богом, — добавил Нур. — Я внимательно слушал тебя, Бёртон. И не согласен с многим. Прежде всего с тем, что Бог не заботится о своих душах. Бог не дал бы им блуждать без смысла и цели. Бог дал бы им всем приют.

— Возможно, Бог — если он есть — действительно о них не заботится, — сказал Бёртон. — Никаких свидетельств обратному нет. Как бы там ни было, я не согласен, что человек без ватана не обладает свободой воли — то есть лишен способности выбирать между моральными альтернативами. Он не способен превозмочь

требования тела, окружающей среды или личные склонности. Он не способен сам себя поднять за волосы. Только ватан обладает свободой воли и самосознанием. Но я признаю, что выражать он их может лишь через посредство тела. И признаю, что ватан тесно взаимодействует с телом и подвержен его влиянию. Ватан должен иметь личностные свойства, но большую их часть он черпает от тела.

— Прекрасно, — сказал Фрайгейт. — А не пришли ли мы опять к тому, с чего начинали? Мы так и не сумели провести четкую грань между ватаном и телом. Если ватан поставляет самосознание и свободу воли, он все же зависит от тела в части характера, генетических свойств и нервной системы. Он, так сказать, поглощает эти качества или делает с них фотоснимки. Значит, в определенном смысле ватан лишь копия, а не оригинал.

Когда тело умирает, оно расстается с жизнью бесповоротно. Ватан покидает его, что бы это ни означало, унося с собой копии эмоций и мыслей — все, что составляет личность. Он проявляет свободу воли и самосознание, если его присоединяют к телу-дубликату. Но личность получается несколько *иной*.

— Он только что доказал, — сказала Афра Бен, — что души нет — в том смысле, как это всегда понимали. А если и есть, то так — мелочь, никакого отношения к бессмертию человека не имеющая.

Тай-Пен заговорил впервые с тех пор, как Бёртон поднял эту тему.

— А я сказал бы, что ватан — это главное. Из всего, что есть в человеке, только он и бессмертен, только его этики и могут сохранить. Он — то же самое, что шансеры называют «ка».

— Что ж это тогда за половинчатость такая? — вскричал Фрайгейт. — Ватан — только часть меня, умершего на Земле существа! Я не могу быть воскрешен, пока не воскресят мое тело!

— Это та твоя часть, которая принадлежит Богу и которую он возьмет к себе, — сказал Нур.

— Да кому это надо? Я хочу быть собой — цельным, полноценным существом!

— Ты достигнешь блаженства, слившись с Богом.

— Ну и что? Собой-то ведь я уже не буду!

— Но и на Земле в тридцать лет ты был не таким, как в пятьдесят. Все твое существо ежесекундно подвергалось и подвергается переменам. Атомы, из которых состоит твое тело при рождении, — не те, из которых оно состоит в восемь лет. Их заменяют другие атомы — так же будет и в сорок лет, и в пятьдесят.

Твое тело меняется, а с ним и мысли, и запас воспоминаний, и верования, и взгляды, и реакции. Ты никогда не был одним и тем же.

Когда же — если ты, творение, — вернешься к Творцу, ты тоже подвергнешься перемене. Уже последней перед тем, как стать неизменным. Он неизменен, ибо ему нет нужды меняться. Он совершенен.

— Чушь! — ответил Фрайгейт, покраснев и сжав кулаки. — Я хочу жить вечно, будучи самим собой, хотя бы и несовершенным. Стремясь при этом к совершенству. Пусть оно и недостижимо! Все дело в стремлении к нему — это оно помогает нам выносить невыносимую порой жизнь. Я хочу быть собой всегда, вечно! Как бы я ни менялся, есть во мне нечто неизменное, душа или что-то еще, что противится смерти, отвергает ее, считает чем-то неестественным. Смерть — это оскорбление действием, самая мысль о котором не укладывается в голове.

Если Творец строит относительно нас какие-то планы, почему он не поделится ими с нами? Неужто мы так глупы, что не поймем? Сказал бы прямо! Книжки, которые пишут пророки, провидцы и ревизионисты, заявляющие, что сам Бог вдохновил их на это, — все сплошная ложь! Никакого смысла в них нет, и одна противоречит другой. Разве Бог может делать противоречивые заявления?

— Они лишь кажутся противоречивыми, — сказал Нур. — Когда ты достигнешь высшей стадии мышления, ты поймешь, что эти противоречия совсем не то, чем тебе представлялись.

— Тезис, антитеза и синтез — это хорошо для человеческой логики! Но я стою на том, что нельзя оставлять нас в неведении. Нужно ознакомить нас с Планом. А тогда мы посмотрим, согласиться с этим Планом или отвергнуть его!

— Ты все еще находишься на низшей стадии развития и не желаешь двигаться вперед, — сказал Нур. — Вспомни о шимпанзе. Они достигли определенного уровня, но дальше так и не пошли. Они сделали неверный выбор, и...

— Я не обезьяна! Я человек, мыслящее существо!

— А мог бы стать кем-то бóльшим.

Они пришли к следующей площадке — уже не с шахтой, а с огромной аркой, за которой оказался зал, поразивший всех своими размерами. Он был добрых полмили в длину и ширину, и в нем стояли тысячи столов с приборами неизвестного назначения.

Сотни скелетов валялись на полу, а еще сотни сидели за столами, упираясь костями ног в пол. Смерть поразила их внезапно и всех разом.

И ни на ком ни клочка одежды. Люди, проводившие здесь какие-то эксперименты, работали обнаженными.

— Члены Совета Двенадцати, допрашивавшие меня, были одеты, — сказал Бёртон. — Возможно, они оделись, чтобы не оскорблять мою скромность — что показывает, как мало они меня знали. А может, правила обязывали их одеваться во время заседаний.

Кое-какая аппаратура на столах еще работала. Рядом с Бёртоном находилась прозрачная сфера размером с его голову. На вид в ней не было никаких отверстий, однако большие разноцветные пузыри поднимались из нее к потолку и лопались там. Рядом со сферой стоял прозрачный куб, в котором с выходом пузырей вспыхивали какие-то знаки.

Все тихо переговаривались о странностях этого места. Когда они прошли с полмили, Фрайгейт сказал:

— Поглядите-ка! — Это относилось к креслу на колесах, стоявшему в широком проходе между столами. На сиденье лежали куча костей и череп, а кости ног покоились на подножке.

ГЛАВА 47

Кресло, очень мягкое, было покрыто тканью с узором из тонких, зигзагообразных линий, бледно-красных и бледно-зеленых. Бёртон небрежно смахнул кости с сиденья, вызвав протест со стороны Грумз, и сел, заметив вслух, что кресло приняло очертания его тела. В конце его массивных подлокотников имелись большие металлические круги.

Бёртон осторожно нажал на черную середку белого диска справа. Ничего не произошло.

Но при нажатии на центр левого круга оттуда вышел длинный, тонкий металлический стержень.

— Ага! — Бёртон медленно потянул стержень на себя.

— Под креслом загорелся свет, — сказал Нур.

Кресло бесшумно поднялось на несколько дюймов над полом.

— Нажми на передний край правого диска, — посоветовал Фрайгейт. — Может, так регулируется скорость.

Бёртон нахмурился — он не любил, когда ему указывали, что делать. Однако все же послушался. Кресло стало очень медленно подниматься к потолку.

Не обращая внимания на восклицания и новые предложения, Бёртон поставил рычаг точно по центру. Кресло двинулось вперед по горизонтали. Бёртон прибавил скорость, потом отвел рычаг вправо. Кресло повернуло в ту же сторону, не меняя плоскости движения и не кренясь, как сделал бы самолет, и направилось к дальней стене. Поводив кресло вверх и вниз, крутнув его несколько раз и доведя его скорость миль до десяти в час, Бёртон совершил посадку.

Он улыбался, и его черные глаза возбужденно блестели.

— Может, эта штука поднимет нас по шахте? — крикнул он.

Фрайгейта и еще некоторых демонстрация не удовлетворила.

— Оно, наверно, способно двигаться гораздо быстрее, — сказал американец. — И что будет, если остановишься внезапно — вылетишь из кресла или нет?

— Сейчас проверим. — Бёртон поднял кресло на несколько дюймов и послал его, набирая скорость, к дальней стене в полумиле от них. В двадцати ярдах от нее он убрал руку с правого диска. Кресло сразу замедлило ход, но не настолько резко, чтобы пассажир мог вылететь. В пяти футах от стены оно остановилось. Вернувшись, Бёртон сказал:

— В нем, наверно, имеются разные датчики. Я пытался про таранить им стену, но оно не пошло.

— Отлично, — сказал Фрайгейт. — Попробуем его в шахте. Но что, если этик наблюдает за нами? Возьмет и отключит энергию. Тогда мы разобьемся или застрянем между этажами.

— Будем подниматься по одному. Один выходит на очередном этаже, за ним следует другой. Этик сможет захватить врасплох только одного из нас, и остальные тогда будут предупреждены.

Про себя Бёртон думал, что Фрайгейт несколько преувеличивает, но не мог не признать, что тот рассуждает здраво.

— Оба кресла, которые находятся здесь, — продолжал американец, — должны были двигаться, когда их пассажиры погибли. Что же их остановило?

— Автоматика, наверно, — протянул Бёртон.

— Ну и отлично. Сядем каждый в свое и попрактикуемся в управлении. А что потом? Вверх или вниз?

— Попробуем сначала подняться на верхний этаж. Мне кажется, что штаб, нервный центр башни, находится там.

— Раз тебе так кажется, надо ехать вниз, — ухмыльнулся Фрайгейт. — Ты ведь точно Мосейлима — что ни предскажешь, все получается наоборот.

Фрайгейт не упускал случая подцепить его. Этот парень слишком много знал о земной жизни Бёртона, о его неудачах и провалах.

— Вот и неправда, — сказал Бёртон. — Я предупреждал британское правительство о сипайском восстании за два года до его начала, но меня не послушали. Тогда я был скорее Кассандрой.

— Туширован! — сказал Фрайгейт.

С Бёртоном поравнялся Гильгамеш, тоже в кресле. Вид у него был неважный.

— Голова еще здорово болит, и в глазах то и дело двоится.

— Ну и как ты, выдержишь? Или лучше останешься здесь и отдохнешь?

Шумер покачал своей бычьей головой:

— Нет. Я потом вас не найду. Я хотел только, чтобы ты знал, как мне плохо.

Алиса, как видно, огрела его сильнее, чем намеревалась.

— Эй, я разобрался, откуда они брали еду, — воскликнул Том Терпин. — Глядите!

Перед Терпином на столе стоял большой металлический ящик с множеством дисков и кнопок. От него тянулся черный провод к розетке на полу.

Терпин открыл стеклянную дверцу. Внутри оказались блюда с едой, чаши с напитками и столовые приборы.

— Это ихний грааль, — сказал Терпин, улыбаясь во всю свою желтую физиономию. — Не знаю, как тут что работает, но я нажал все кнопки подряд, и пожалуйста — кушать подано.

Он стал извлекать из ящика содержимое.

— Ух ты! Бифштекс-то как пахнет! А хлеб-то!

Бёртон решил, что лучше поесть сейчас. Такие устройства, возможно, есть повсюду, но кто их знает. И все уже проголодались.

Терпин попробовал нажать кнопки в иной последовательности и получил смесь из блюд французской, итальянской и арабской кухни. Все блюда были превосходны, хотя некоторые не совсем спели, а филе из верблюжьего горба показалось большинству присутствующих чересчур острым. Разнообразные комбинации давали самые удивительные результаты, но все было вкусно. Терпин экспериментальным путем нашел диск, регулирующий степень готовности блюд, позволявший получить пищу в готовом, полуготовом, полусыром и сыром виде. Все, кроме Гильгамеша, наелись до отвала, немного выпили и закурили сигары и сигареты, также предоставленные ящиком. В воде недостатка не было — повсюду имелись краны.

После все принялись за поиски туалета. Он обнаружился в громадном помещении, где, по общему предположению, раньше стояла какая-то техника. Там не было смывных устройств — только отверстия, в которых испражнения исчезали, не достигнув дна.

Гильгамеш съел немного хлеба, и его вырвало.

— Не могу я идти с вами, — сказал он, вытирая подбородок и полоща рот над раковиной. — Очень уж мне худо.

Бёртону хотелось бы знать, так ли уж болен шумер на самом деле. Вдруг Гильгамеш — агент и ищет случая, чтобы ускользнуть.

— Нет уж, поехали с нами, — сказал Бёртон. — Вдруг мы не найдем дорогу обратно к тебе. Сиди себе в кресле, и все.

Бёртон привел всех к шахте. Повиснув в кресле над пустотой, он вытянул ногу и пощупал воздух под собой. Сопротивления не ощущалось. Возможно, наличие кресла автоматически снимает поле.

Бёртон отвел рычаг назад и нажал на диск. Кресло пошло вверх — сначала медленно, потом быстрее, когда он сильнее нажал. На этажах мелькали коридоры и комнаты, порой наполненные неизвестным оборудованием, но скелетов нигде не было вплоть до десятого этажа. Там Бёртон поравнялся с комнатой, небольшой по сравнению с нижним залом. В ней стояли двенадцать больших столов на двенадцать приборов каждый. А на них, на сиденьях стульев и под ними громоздились черепа и кости.

На углу одного стола стоял громадный пищевой ящик.

Бёртон продолжал ехать вверх, то и дело останавливаясь, пока не добрался до конца шахты. Весь путь занял у него пятнадцать минут. Наверху была обычная площадка, от которой шел коридор. Слева маленький коридорчик переходил в огромное, площадью футов сто, помещение. Поставив кресло на пол, Бёртон наклонился над шахтой и мигнул фонариком три раза. В ответ снизу замелькали крошечные, но яркие огоньки. Следующий по порядку, Нур, останавливаться не станет и доберется до Бёртона минут через двенадцать.

Бёртон проявлял терпение только в крайне требующих того ситуациях, да и то не всегда. Он снова сел в кресло и поехал по коридору. После шестиминутной поездки он вернулся к шахте.

Он проезжал мимо открытых дверей в большие и маленькие комнаты — одни с аппаратурой, другие, как видно, жилые. Где-то было много скелетов, где-то мало, где-то ни одного. Коридор тянулся не меньше чем на две мили. Когда пришло время поворачивать назад, Бёртон увидел справа закрытую дверь. Остановив кресло, он слез, достал пистолет и осторожно приблизился к ней. Над дверью был круг из двенадцати спиралей с солнечным диском в середине. Ручка отсутствовала — на ее месте была металлическая модель человеческой руки с полусогнутыми пальцами, словно пожимающей другую руку.

Бёртон повернул ее и открыл дверь.

Внутри открылась очень большая сферическая комната с бледно-зелеными полупрозрачными стенами, окруженная и пересеченная множеством других зеленых пузырей. На стене центральной сферы был овал чуть более темного оттенка, заключающий в себе какую-то движущуюся картину. От деревьев на ее заднем плане пахло сосной и кизилом, а на переднем призрачная лиса преследовала призрачного зайца. На полу большой сферы, или пузыря, стояли в круг двенадцать стульев. На десяти из них лежали рассыпанные кости, на двух не было ничего, даже пыли.

Бёртон перевел дыхание — эта комната оживила в нем жуткие воспоминания. Это здесь он очнулся после своего семьсот семьдесят седьмого самоубийства, предпринятого с целью уйти от этиков. Это здесь он предстал перед Советом.

А теперь существа, казавшиеся ему тогда богами, обратились в прах. Он занес ногу через порог и прошел сквозь пузырь, оказавший едва уловимое сопротивление. Потом перенес вторую ногу и стал на пружинящей пустоте — на том, что казалось пустотой.

Сунув пистолет в кобуру, он прошел еще через два пузыря, которые смыкались за ним, но пропускали воздух, и вступил в «Зал Совета». Подойдя к невесомым на вид стульям, он увидел, что ошибался. На одном из пустых сидений лежала очень тонкая выпуклая линза. Бёртон поднял ее и узнал фасеточный «глаз» предполагаемого главы Совета, Танабура.

Это было не украшение и не искусственный глаз, как считал Бёртон тогда. Просто линза, сквозь которую можно смотреть, жирная на ощупь. Это, должно быть, смазка, чтобы не раздражалось глазное яблоко.

Бёртон с некоторым трудом и брезгливостью вставил линзу под веко.

В левом глазу сразу помутнело, и Бёртон прикрыл правый.

— О-о-о-хх!

Он поспешил открыть правый глаз.

Он только что плавал в космосе, во тьме, где сияли отдаленные звезды и газовые туманности, где угадывался, хотя и не ощущался напрямую, великий холод. Но Бёртон знал, что он здесь не один. Он чувствовал вокруг присутствие бесчисленных душ — их были триллионы, если не больше. Потом он устремился к солнцу, растущему ему навстречу, и вдруг увидел, что это пылающее тело — не звезда, а скопище других душ. Они горели, но не в адском огне, а в экстазе, которого Бёртон никогда не испытывал и который тщетно пытались описать мистики.

Он был потрясен и напуган, но блаженное пламя властно тянуло его к себе. Да и не мог Бёртон поддаться страху — ведь он всегда хвастался, что ничего не боится.

Он снова закрыл правый глаз и вновь оказался в космосе на том же самом «месте». И снова понесся, опережая свет, к солнцу. И снова почувствовал неисчислимые орды за собой. Звезда обрисовалась впереди, сделалась большой, потом огромной, и он увидел, что ее пламя состоит из огней несметных триллионов душ.

Потом он услышал беззвучный крик, полный невыразимого экстаза и призыва, и ринулся прямо в солнце, в пылающий рой, не видя ничего и в то же время видя все. Он перестал быть собой. Он сделался чем-то, что не делится на части и само не является частью, а сливается в едином экстазе с другими, хотя других здесь нет.

Бёртон испустил вопль и открыл правый глаз. Алиса, Нур, Фрайгейт и остальные смотрели на него с порога. Дрожа, он направился к ним сквозь пузыри. Он был, однако, не так потрясен, чтобы не заметить, что шумера с ними нет, а Алиса плачет.

— Где Гильгамеш? — спросил он, не отвечая на вопросы.

— Он умер по пути наверх, — сказала Алиса.

— Мы оставили его на кресле в одной из комнат, — сказал Нур. — Сильное сотрясение мозга, должно быть.

— Я убила его! — рыдала Алиса.

— Мне очень жаль, — сказал Бёртон, — но ничего не поделаешь. Не нужно было ему сопротивляться, раз он был невинен. Возможно, он все-таки был агентом. — Он обнял Алису. — Ты сделала то, что должна была сделать. Иначе он мог бы убить меня.

— Да, я знаю. Я и раньше убивала, но то были чужие люди, нападавшие на нас. А Гильгамеша я любила, и вот...

Бёртон подумал, что уж лучше дать ей выплакать свою вину и горе. Он отпустил Алису, а Нур спросил его, что он делал в этой комнате. Бёртон рассказал про линзу.

— Ты пробыл тут не меньше часа, — сказал Фрайгейт.

— Знаю — но мне показалось, что это длилось всего одну минуту.

— А что ты чувствуешь теперь? — спросил Нур.

Поколебавшись, Бёртон сказал:

— Помимо потрясения, я чувствую... чувствую... огромную близость ко всем вам. О, я и раньше был кое к кому привязан, но теперь... я люблю вас всех!

— Шок, не иначе, — пробормотал Фрайгейт. Бёртон не обратил на него внимания.

Мавр взял граненую линзу и посмотрел сквозь нее, зажмурив правый глаз.

— Ничего не вижу. Она действует, лишь когда ее вставишь в глаз.

— Я думал, — сказал Бёртон, — что ее может носить только председатель Совета, Танабур. Я полагал, что это ритуальный символ или эмблема главенства, нечто традиционное. Но, как видно, я ошибался. Возможно, во время заседаний Совета она переходила к каждому поочередно. И давала каждому такое же чувство, которое испытал я, — чувство близости и любви ко всем, кто есть в комнате.

— В таком случае Икс преодолел это чувство, — сказал Тай-Пен.

— Одного я не понимаю, — сказал Бёртон. — Почему линза погрузила меня в транс, а Танабура как будто нет?

— Возможно, советники уже привыкли к ней, — предположил Нур. — После многократного использования ее действие на них ослабло.

Нур вставил линзу в левый глаз и закрыл правый. Его лицо сразу приобрело экстатическое выражение, хотя тело осталось неподвижным. По прошествии двух минут Бёртон потряс Нура за плечо. Тот вышел из транса и разрыдался. Успокоившись и вынув линзу, он сказал:

— Да, она действительно вызывает состояние, которое столько раз пытались описать святые. — Он отдал линзу Бёртону. — Но состояние это ложное, ибо вызывается искусственно. Лишь духовное совершенствование ведет к истинному блаженству

Все стали просить попробовать, но Бёртон сказал:

— После. Нам нельзя терять времени. Надо найти Икса, пока он не нашел нас.

ГЛАВА 48

У огромной закрытой двери, помеченной еще какими-то непонятными знаками, Бёртон остановил караван кресел и сошел со своего. Дверь, похоже, открывалась с помощью кнопки рядом — больше никаких приспособлений для этого не было. Бёртон нажал на кнопку, и обе половинки двери разъехались по сторонам. В просторный холл выходили еще одни огромные двери. Бёртон и их открыл с помощью такой же кнопки.

За ними оказался крытый куполом зал с полмили в поперечнике. Полom ему служила земля, поросшая короткой ярко-зеленой

травой, а чуть дальше росли деревья. По ней там и сям бежали ручьи, истоком которых служили водопады высотой в сорок—пятьдесят футов. Повсюду были посажены цветущие кусты, а плоские валуны служили столами, судя по тарелкам и приборам на них.

Потолок был голубой, с перистыми облаками, и на нем стояло в зените искусственное солнце.

Все вошли внутрь и стали осматриваться. Человеческие кости лежали повсюду, самый ближний скелет обнимал валун. Были тут еще кости птиц, оленей и каких-то животных, похожих на кошек, собак и енотов.

— Они тут приобщались к природе, — сказал Фрайгейт. — Что ж, превосходная имитация, ничего не скажешь.

Напрашивался вывод, что Икс передал по радио код, разбивший черные шарики в головах обитателей башни и давший выход яду. Но от чего умерли животные?

Да с голоду.

Путешественники покинули зал и, не проехав и мили, наткнулись на следующую достопримечательность, самую загадочную и пугающую из всего, что им встречалось. За косой прозрачной стеной слева от них помещалась исполинская шахта. Снизу ее освещал яркий мерцающий свет. Все сошли с кресел, чтобы заглянуть в колодец, — и вскричали от изумления.

В пятистах футах под ними, словно в большой печи, пылало множество разноцветных форм; плотно стиснутых вместе, но свободно проходящих одна сквозь другую.

Бёртон, заслонив рукой глаза, стал приглядываться к ним. Вскоре он начал различать отдельные огни — они крутились, сновали вверх, вниз и по сторонам. Потом он почувствовал резь в глазах и отвернулся.

— Это ватаны. Такие же я видел над головами двенадцати членов Совета. Стена сделана из материала, позволяющего нам их видеть.

Нур протянул ему темные очки.

— Возьми. Я нашел их на полке тут рядом.

Бёртон и остальные надели очки и воззрились в бездонный колодец. Теперь стало лучше видно, как переливаются всеми цветами то расширяющиеся, то сжимающиеся фигуры, как они выбрасывают из себя шестигранные щупальца, и шарят ими, и втягивают обратно.

Бёртон, прижавшись спиной к стене, посмотрел вверх. В сотне футов над головой виднелся серый металлический потолок. Бёртон попытался разглядеть, что по ту сторону колодца, но не смог. Далеко-далеко внизу тоже просматривалась серая твердь. Воображение было тому виной или игра светящихся орд, но ему показалось, что эта твердь пульсирует

Он отступил назад, снял очки и потер слезящиеся глаза.

— Я не знаю, что это такое, но оставаться здесь дольше мы не можем.

Они проехали еще несколько лифтовых площадок с шахтами, ведущими только вниз, но через четверть мили увидели такую, где был выход и наверх.

— Эта, должно быть, ведет ко входу.

Каждый снова ждал, пока его предшественник не прибудет благополучно на место, и лишь тогда отправлялся сам.

Вверху площадка выходила в коридор с тринадцатью дверьми, и каждая служила входом в анфиладу роскошно обставленных покоев. В одной комнате на столе из блестящего красноватого дерева стояла прозрачная сфера, и в ней болтались три кукольных фигурки.

— Похоже на Моната и еще двух его сородичей, — сказал Бёртон.

— Что-то вроде трехмерной фотографии, — добавил Фрайгейт.

— Не знаю, конечно, — сказала Алиса, — но, по-моему, это семейный портрет. Я понимаю, что для человека иной расы они все на одно лицо. Но все-таки...

Грумз давно уже не говорила ни слова, и ее мрачное лицо показывало, как тяжело ей освоиться с этим местом. Все здесь было не таким, как она ожидала: ни приветственного хора ангелов, ни Бога, восседающего на троне в сиянии славы своей с матерью Грумз по правую руку.

— Может, эти двое — его родители, — сказала она теперь.

В покоях было на что посмотреть, но Бёртон гнал всех дальше.

Через двести футов показалась площадка — первая, которую они увидели в правой стене. Бёртон слез и осмотрел шахту. Ее дно приходилось вровень с полом, а верхушка была не дальше чем в пятидесяти футах.

В ней плавали прядки тумана, проникающие снаружи и через вентиляцию.

Бёртон убрал голову.

— Думаю, она выводит в наружный купол, через который прошел Пискатор.

Японец, умный и смелый, поступил, возможно, так же, как Бёртон: убедился, что невидимое поле в шахте держит его, и спустился вниз. Но как он мог включить поле, не зная кодового слова — или что там приводит «лифт» в движение?

Шахта, впрочем, не похожа на все другие — она очень коротка и ведет только вниз, если смотреть сверху. Возможно, поле включается, как только кто-нибудь ступает в нее. А вот чтобы подняться отсюда наверх, нужен код. Или нет? Или дно действует так же, как и вершина, только в противоположном направлении?

И где сейчас Пискатор?

Чтобы проверить свою теорию, Бёртон ступил в шахту. Через три секунды он начал медленно подниматься вверх. На вершине он

вышел в короткий металлический коридор, который загибался на конце и, несомненно, выходил в купол.

Из-за угла валил туман, но яркий свет обеспечивал хорошую видимость.

Бёртон пошел по коридору и сразу ощутил едва заметное сопротивление, которое росло по мере его продвижения.

Наконец, убедившись, что не сможет ступить дальше ни шагу, он повернул назад и беспрепятственно дошел до шахты. Спустившись вниз, он сделал краткий отчет.

— Поле действует в обоих направлениях, — заключил он.

— Судя по рапорту «Парсеваля», вход там только один, — сказал Нур. — Но ведь должно же быть еще какое-то отверстие — для аэропланов. А его на вершине башни нет — но, возможно, оно просто невидимо? И в нем тоже должно быть установлено этическое поле. Иначе туда мог бы проникнуть кто угодно. Включая Икса. Уж конечно, он не раз вполне легально вылетал отсюда на аэроплане.

— Ты забываешь о гипотетическом искажителе ватана, — сказал Бёртон. — Он-то и помогал Иксу проходить сквозь купол.

— Да, я знаю. Я хочу только сказать, что мы могли бы найти ангар для самолетов, научиться ими управлять и улететь отсюда, когда нам будет удобно.

— Неплохо было бы, чтобы их машины оказались легче в управлении, чем наши самолеты, — заметил Фрайгейт.

— Я не сомневаюсь, что так и есть.

— Слушайте, у меня идея, — ухмыльнулся Фрайгейт. — Пискатор был суфи и вошел сюда без труда. Ты тоже суфи с высоким этическим уровнем. Почему бы тебе не выйти наружу и не попробовать вернуться через купол?

Мавр усмехнулся ему в ответ:

— Ты хотел бы посмотреть, действительно ли я так праведен, как следует быть, да? Ну а вдруг я не смогу выйти? Или вернуться обратно? Нет уж, Питер. Это было бы напрасной тратой времени и проявлением гордыни с моей стороны. Ты это знаешь и все же подзуживаешь меня. Дразнишь. Тебе, как ученику, недостает порой уважения к учителю.

Все вернулись в свои кресла и медленно двинулись вдоль закругленного коридора. Бёртону начинало казаться, что их экскурсия, занимательная сама по себе, ни к чему так и не приведет Икса им не найти.

Но что же делать? Указателей на стенах нет, а если бы они и были, никто не смог бы их прочесть. Досадно и утомительно колесить вот так по коридорам, но нельзя же сидеть на одном месте и надеяться, что Икс найдет их сам. Он, может, и придет, но с оружием, против которого они бессильны. Это уж наверняка.

Им и так уже повезло найти зал Совета Двенадцати, резиденцию Моната Грраутута и верхний вход. Возможно, лаборатория Икса или его контрольный пульт находятся рядом с его жильем.

Караван проехал мимо закрытой двери. Здесь таких тысячи. Нет времени открывать каждую.

Но футях в тридцати за ней Бёртон вскинул руку, дав сигнал остановиться.

— В чем дело? — спросила Алиса.

— Да так, чутье.

Он опустил свое кресло на пол.

— Проверить недолго.

Он нажал кнопку у двери, и дверь бесшумно скользнула вбок. За ней была громадная комната с бесчисленным оборудованием на столах и множеством шкафов вдоль стен. Здесь лежал всего один скелет — и этот человек, очевидно, погиб при взрыве, когда проходил мимо одного из шкафов или работал там. Со шкафа снесло верхушку, если судить по искореженному металлу, кускам какого-то стеклянистого вещества на полу и осколкам металла внутри скелета. Он лежал в двадцати футях от разбитого шкафа, и под ним на полу виднелись темные кровяные пятна.

Рядом лежала сбита взрывом со стола металлическая конструкция в форме звезды, испуская нечто похожее на разноцветные тепловые волны.

Прямо перед Бёртоном, ближе к центру комнаты, стояло на полу пустое летающее кресло. Оно стояло боком, и на его подлокотнике виднелся свежий кровавый след.

Сразу за креслом на цилиндре двухфутовой высоты вращался большой диск. По его периметру располагались шкафы и пульта. В центре диска находилась неподвижная платформа, а на ней, на стуле из какого-то полупрозрачного материала, сидел человек. Перед ним, на пульте с наклонной панелью, светились несколько экранов. Сидя к Бёртону боком, человек поворачивал какой-то тумблер, сосредоточив все внимание на самом большом экране.

Бёртон, приложив палец к губам, другой рукой сделал знак своим спутникам слезть с кресел. Потом достал револьвер и жестом же велел остальным сделать то же самое.

У оператора были длинные ярко-рыжие волосы, белая кожа, и повернутый к Бёртону глаз не был раскосым. Не будь он так толст, Бёртон мог бы и не узнать его. Но жир за столь короткое время убрать нельзя.

Бёртон медленно вошел в дверь и направился к нему. Остальные рассыпались позади, держа оружие наготове.

Когда они подошли к человеку на шестьдесят футов, он увидел их. Он вскочил со стула, скривился и сел обратно. Его рука, нырнув в углубление под панелью, извлекла оттуда прибор с пистолетной рукояткой, дулом длиной в фут и окружностью в три дюйма и сферой размером с большое яблоко на конце дула.

Бёртон крикнул:

— Лога! — И бросился вперед.

Этик снова встал и выкрикнул:

— Стой! Буду стрелять!

Никто не остановился. Этик прицелился, глядя сквозь прозрачную сферу, и из нее бесшумно вышел тонкий алый луч. На металлическом полу перед бегущими появился дымящийся полукруг.

Все замерли. Оружие, способное расплавить этот металл, вызвало уважение.

— Я мог бы разрезать вас всех пополам за один раз, — сказал Лога. — Но я не хочу. Довольно насилия — мне тошно от него. Но я убью вас, если буду вынужден. А теперь — повернитесь все разом и отбросьте свое оружие как можно дальше к двери.

— На тебя направлено девять стволов, — сказал Бёртон. — Может, ты и уложишь одного-двоих, но остальные превратят тебя в сито.

— Похоже на мексиканскую ничью, так, что ли? — угрюмо улыбнулся этик. — Похоже, да не совсем, вы уж мне поверьте!

— Поверить тебе? — вскричала Грумз. — Ты сатана, исчадие ада!

Ее пистолет выстрелил, восемь других — за ним, а из оружия Логи сверкнул алый луч.

Лога повалился навзничь. Бёртон подбежал, вскочил на диск, прыгнул на платформу и нацелил револьвер в распростертого этика. Остальные столпились вокруг.

Пока Терпин и Тай-Пен поднимали окровавленного, сероватобледного Логу, Бёртон схватил пистолет со сферой на конце. Логу грубо водрузили на стул. Он зажал рукой глубокую рану на правом бицепсе.

— Он попал в Грумз! — сказала Алиса.

Бёртон взглянул на раскромсанное тело и отвернулся.

Лога посмотрел вокруг, точно не веря в случившееся, и сказал:

— В правом верхнем ящике моего пульта лежат три коробочки. Принесите их мне, и я через несколько минут приду в норму.

— А нет ли тут подвоха? — спросил Бёртон.

— Нет! Клянусь! Довольно уже хитрить и убивать. Я не хотел причинять вам зла! Просто хотел обезоружить вас, чтобы объяснить с вами без опасений. Вы так склонны к насилию!

— Кто бы говорил, — сказал Бёртон.

— Я сделал это не потому, что мне это нравится.

— Мы тоже, — сказал Бёртон, не совсем, однако, уверенный в правоте своих слов. Он открыл каждую из трех серебряных, украшенных изумрудами коробочек и проверил их содержимое. Как и сказал этик, в каждой лежал флакон — два с жидкостью, один с каким-то розовым веществом.

— Откуда мне знать — вдруг они источают какой-нибудь газ? — сказал Бёртон. — Или в них яды?

— Непохоже, — засомневался Нур — Он не хочет пока умирать.

— Это верно, — подтвердил Лога. — Может случиться нечто ужасное, и только я могу это предотвратить. Возможно, мне понадобится ваша помощь.

— Ты мог бы воспользоваться ею сразу, — сказал Бёртон, — если бы сказал нам правду

— У меня были причины не делать этого. Очень веские причины. А потом все пошло вкривь и вкось.

Этик, сдавив один флакон, брызнул себе на руку прозрачной жидкостью. Втер ее в рану на плече, морщась от боли, и отпил глоток из второго. Из третьего он налил себе на ладонь густую розовую субстанцию и смазал ею рану

— Первое лекарство стерилизует рану, — объяснил он. — Второе снимает шок и придает сил. Третье залечит рану в короткий срок — всего за три дня.

— А куда мы ранили тебя в первый раз? — спросил Бёртон.

— Единственная тяжелая рана у меня на левом бедре.

Его ставшая серой кожа через минуту обрела нормальные краски. Лога попросил воды, и Фрайгейт принес ему. Бёртон закурил сигарету. Вопросы теснились у него в горле. Который выплюнуть первым?

Но прежде чем приступать к допросу, надо было сделать еще кое-что. Бёртон держал Логу под прицелом, а другие тем временем привели свои кресла — Фрайгейт вернулся еще раз за креслом Бёртона. Их расставили около диска так, чтобы не видеть тела Грумз. После этого Логе разрешили поднять свое кресло на установленную высоту. Все расселись полукругом лицом к этику.

— Думаю, нам всем не помешает выпить, — сказал Бёртон.

Лога подсказал им, что нужно набрать на граале, чтобы получить требуемое. Сам он заказал светлое вино, которое остальные ни разу не обнаруживали в своих граалях. Бёртон повторил заказ Логи и попробовал вино. Оно не шло в сравнение ни с чем, что он пил раньше, отличаясь тонким, но пряным букетом. Его вкус почему-то вызвал в уме картину темно-зеленых вод в час отлива и огромных белых птиц с багровыми клювами, кружащих над ними.

Бёртон держал на коленях оружие Логи, и первый его вопрос был о том, как оно действует. Лога показал ему предохранитель и спуск, о назначении которых Бёртон и сам догадывался.

— Ну а теперь, — сказал он, — начнем с самого начала. Не знаю, правда, что считать началом.

— Извините, что прерываю вас, — сказал мавр, — но кое-что надо выяснить сразу. Ах-К'ак... Лога... ведь у тебя есть в башне личная воскресительная камера, верно?

— Да. — Этик помедлил. — Она не только моя. Трингу тоже пользовался ею. Он был моим лучшим другом: мы вместе росли в Мире Садов. Он был единственный, кому я мог доверять.

— Не Стерн ли это, который пытался убить Фаербрасса перед тем, как «Парсеваль» снялся с башни?

— Да, это он. Как вам известно, ему это не удалось. Поэтому, когда я понял, что Фаербрасс попадет в башню раньше меня... и Сигген тоже... мне пришлось убить их обоих. Сигген не сказала Фаербрассу, кто я такой. Она поверила в то, что я будто бы отказываюсь от своих планов и отдаюсь на милость Совета — но для этого надо попасть в башню и воскресить Совет. Она никогда бы не согласилась, если бы я не солгал, не сказал ей, что заблокировал связь с компьютером и что только я могу снять запрет. Она обещала не говорить обо мне Фаербрассу, пока мы не окажемся в башне. Но при этом готовилась вместе с Фаербрассом опередить меня. Чтобы проверить, правду ли я говорю. Помимо всего прочего, я боялся, что в вертолете по пути в башню она передумает и выдаст меня Фаербрассу. И я... взорвал бомбу, которую на всякий случай заложил в вертолет.

— Кто такая Сигген? — спросила Алиса.

— Моя жена. Она выдавала себя за Аню Обрену, русскую летчицу.

— О, — сказала Алиса.

По щекам Логи потекли слезы.

— Ясно, что твои товарищи обнаружили твой личный воскреситель и отключили его. Иначе ты бы совершил самоубийство и таким путем перенесся в башню. Сейчас он действует?

— Да. У меня их, собственно, было два — но оба нашли и отключили.

— Значит, если бы мы сейчас убили тебя, ты ушел бы от нас, — сказал Бёртон. — Почему же ты не позволил нам этого сделать? Или сам не убил себя?

— Потому что, как я уже сказал, вы мне можете понадобиться. Потому что меня тошнит от насилия. Потому что я перед вами в долгу. — Лога помолчал. — Общий воскреситель я заблокировал уже давно. Он мог включиться только по моему сигналу — и этот же сигнал должен был одновременно убить всех в башне, в подземельях и в районе всего моря. Но у нас с Трингу были свои линии. Одна камера помещалась у подножия башни. Шармун, женщина, замещавшая Моната и Танабура в их отсутствие, сказала мне, что обе камеры обнаружены. Сказала, чтобы я не трудился совершать самоубийство в надежде воскреснуть в башне и продолжить свои злодеяния. Я — и злодеяния!

— Что-то мы запутались, — сказал Бёртон. — Начни сначала.

— Хорошо. Но я буду по возможности краток. Кстати, где Гильгамеш?

Бёртон объяснил.

— Жаль, — сказал этик. — Ему, как и его мифическому тезке, не удалось проникнуть в тайну бессмертия. — Он встал, сказав: — Я только взгляну на экраны. Подходить к ним не буду

Все наставили на Логу пистолеты, пока он ковылял к краю платформы. «А зачем, собственно?» — подумал Бёртон. Если этик сказал правду, он в любое время может уйти от них, дав себя убить.

Лога дотащился до кресла и сел.

— Может, нам и удастся что-то сделать. Не знаю. Время у нас есть. Итак...

И он начал сначала.

Когда вселенная была юной, когда после взрыва первичного сгустка энергии-материи сформировались первые обитаемые планеты, на одной из этих планет в процессе эволюции возник народ, отличавшийся от других. Не только в физическом отношении. Все разумные существа обладали двуногим или кентаврическим строением, руками, стереоскопическим зрением и так далее. Но все они, хотя и были разумными, не имели самосознания, концепции своего «я».

— Мы размышляли об этом, — сказал Фрайгейт, — но...

— Постарайтесь по возможности не прерывать меня. Это правда: все разумные существа, обитавшие во вселенной, были лишены самосознания — насколько известно нам. Понимаю, в это очень трудно поверить. Вы себе не можете этого представить. Однако это было и есть правдой — только сейчас появились исключения.

Раса, отличная от других, была точно так же лишена самосознания в начале своей истории. Однако у них была наука, только они распоряжались ею не так, как сознающие свое «я» существа.

У них не было религии, не было концепции богов или единого Бога. Она появляется лишь на развитой стадии самосознания.

И вот, к счастью для этой расы, названной ее последователями Первыми, один из их ученых во время эксперимента случайно получил ватан.

Так Первые получили первое свидетельство существования экстрафизической энергии. Я пользуюсь термином «экстрафизический», чтобы избежать аналогии с «парапсихическим» — понятием, объединяющим реально существующие, но неконтролируемые и неуловимые силы вроде телепатии, телекинеза и прочих явлений сверхчувственного восприятия.

Бёртон воздержался от замечания, что это он ввел на Земле термин «сверхчувственное восприятие».

— Возможно, ватан тоже относится к области парапсихического — если так, то это единственное в ней управляемое явление. Безымянный ученый, случайно генерировавший ватан из экстрафизической энергии, не знал, что это такое. Однако он — или она — продолжил эксперимент и создал новые ватаны. Именно создал, сформировал из экстрафизической энергии. Извлек их из поля, существующего в одном пространстве с материей, но обычно не взаимодействующего с ней.

Первые ватаны, по всей видимости, подключились к живым существам, оказавшимся поблизости.

— К любим? — тихо спросил Нур.

— К любим. К насекомым, деревьям, морским звездам. После миллионов лет научной работы мы так и не знаем, почему ватаны привлекает энергия живых организмов. Одна из сотен теорий предполагает, что жизнь тоже форма экстрафизической энергии. Или скорее средство связи.

Эффект подобных подключений был замечен далеко не сразу. Ватан является источником самосознания, но осуществляет его лишь через посредство живых существ, причем существо для обретения самосознания должно иметь высокоразвитую нервную систему.

Причем ватан подключается к человеческому существу лишь в момент зачатия. В момент слияния сперматозоидов с яйцеклеткой. Не спрашивайте меня, почему, но это правда. Очевидно, позже зародыш «затвердевает», оказывает сопротивление контакту.

Из лаборатории неизвестного ученого вылетали биллионы ватанов, из них миллионы подключались к зиготам разумных существ. И вот так, насколько известно, во вселенной впервые зародилось самосознание. Дети, наделенные им, подрастали, и ни старшее, ни последующее поколения не могли понять, что же в них необычного. Самосознательным детям и молодежи всегда трудно понять взрослых, но тогда пропасть была особенно глубока и всякое понимание отсутствовало.

Постепенно не обладавшие самосознанием особи вымерли. И лишь лет через двадцать пять после появления первого ватана был открыт источник самосознания. Тогда производство ватанов было признано необходимостью.

Шли века. Появились ракетные космические корабли. Спустя еще несколько столетий была открыта новая движущая сила, найден способ обмануть материю и стали возможны межзвездные перелеты на невиданных дотоле скоростях. Но даже и теперь для преодоления одного светового года требовалось семь земных дней.

— Видимо, реализовали старую научно-фантастическую идею о переходе в другие измерения? — спросил Фрайгейт.

— Нет. Но сейчас у нас нет времени вдаваться в объяснения.

К тому времени Первые стали считать, что их этический долг — дать через ватаны бессмертие и самосознание всем разумным существам. С этой целью отправлялось множество экспедиций. Когда одна из них обнаружила планету с обитателями, чей мозг был способен развить самосознание, там поместили ватанные генераторы — их зарыли глубоко под землей, чтобы аборигены не смогли до них добраться.

— Зачем же их спрятали? — спросил Нур. Он был бледен, точно откровения Логи причиняли ему боль.

— Почему спрятали? Почему просто не отдали генераторы первому же самосознательному поколению? Ты сам знаешь почему. Представь, что генераторы попали в человеческие руки. Сразу же началась бы борьба за то, чтобы монополизировать их и получить

возможность бессовестно эксплуатировать других. Нет — нельзя доверять ватанные генераторы расе, не достигшей определенного этического уровня.

Бёртон не стал спрашивать, почему Первые не установили на каждой планете свой гарнизон, чтобы закрепить общественное использование ватанов. Со своим уровнем науки и этики Первые могли бы скорее развить аборигенов. Но они не считали это этичным. Кроме того, им не хватило бы персонала, чтобы управлять всеми планетами.

На лицах его спутников отражалась мучительная борьба — наименее затронутым казался Фрайгейт. Нур, всегда такой гибкий, такой устойчивый перед психологическим шоком, страдал больше всех. Он не мог смириться с синтетическим происхождением ватанов — тех же душ. С тем, что их создали такие же, как люди, существа с помощью техники. Что не Аллах распределяет их. А Нур верил в божественную природу души куда крепче, чем многие религиозные люди.

Лога, должно быть, это сознавал.

— Творца нет, — сказал он, — есть только творение — вселенная. И Первые, и мы принимаем ее как свидетельство его существования. Но нет никаких свидетельств тому, что создавшее нас существо проявляет какой-то интерес к своим созданиям. Оно...

— Оно? — хором воскликнули Алиса и де Марбо.

— Да. У Творца, насколько нам известно, нет пола. На языке Моната он среднего рода.

— Монат принадлежал к Первым? — спросил Тай-Пен.

— Нет. Первые давным-давно совершили Продвижение. Сородичи Моната — преемники Первых, но не прямые, а через пятые руки. Все их предшественники, прежде чем «продвинутся», передавали свой факел другим. Сам Монат — один из десяти тысяч своих соплеменников, оставшихся пока в живых. Все остальные «продвинулись».

Некоторые теологи полагают, что само Созидающее Начало не сделало ничего, чтобы дать своим разумным созданиям ватаны. По его божественному плану нам, смертным, надлежит самим позаботиться о своем спасении. Но это как-то нелогично — ведь ватаны были получены чисто случайно, и многие биллионы умерли, так и не обретя ни самосознания, ни бессмертия. И еще многие биллионы, если не триллионы, умрут и погибнут навеки, прежде чем мы, этики, доставим им ватаны. Так что, похоже, Созидающему Началу нет дела до нашего самосознания и бессмертия.

И остается самым смертным, где бы они ни жили, исполнить то, что примитивные религии считали прерогативой Творца.

ГЛАВА 50

Бёртон испытал сильное потрясение — хотя, возможно, и не такое, как все другие, исключая Фрайгейта. Бёртон всегда живо интересовался религией. Он изучил много вероисповеданий, особенно

восточных. Он перешел в католичество не только потому, что эта религия его увлекала, но и чтобы угодить своей жене Изабел. Он был посвящен в тайны мусульманского суфизма, заслужил красную нить брамина, бывал сикхом и парси и чуть было не стал мормоном, обманув бдительность Бригема Янга. Однако, ведя себя, как истинно верующий, а иной раз на удивление глубоко входя в эту роль, он каждый раз оставлял за собой лазейку, оставаясь еретиком в душе.

Еще в ранней юности он отказался принять заветы англиканской церкви, приведя этим в ярость своих родителей — но никакие громы, молнии и трепки, задаваемые ему отцом, не наставили его на путь истинный. Все это лишь научило Бёртона держать свои мнения и вопросы при себе, пока он не повзрослел настолько, что отец больше не смел задеть его ни словом, ни кулаком.

Несмотря на это, ортодоксальное понятие о душе и о Дающем ее вошло в плоть и кровь Бёртона. Он не верил в эту догму, но не мог представить себе никакой другой и ни о чем другом не слышал до недавнего времени.

Бёртон, как не раз говорил ему Фрайгейт, доводя его до белого каления, обладал широким, но не глубоким умом. Однако логическое рассуждение о том, что есть душа, услышанное им когда-то вместе с Фрайгейтом, произвело на Бёртона глубокое впечатление. И убедило его.

Рассказ же Логи явился для него шоком. Но не первым и не единственным из тех, что затрагивали самые глубины его разума. Поэтому Бёртон, наряду с Фрайгейтом, выдержал это испытание лучше других.

— Именно народ Моната, — продолжал Лога, — явился на Землю и установил там ватанные генераторы. Было это около ста тысяч лет до новой эры.

— А те, что жили раньше? — простонал Фрайгейт. — Неужто им нет спасенья и они ушли навсегда?

— Как ни горько думать об этом. Мы ничем не можем им помочь, так не будем заниматься самоистязанием. Пропавшее дело, как говорят у вас в Америке. Это, может, и жестоко, но только такую позицию следует принять, чтобы не истязать себя понапрасну. Лучше спасти хоть кого-то, чем никого вообще.

Ватанные генераторы погребли глубоко, в слоях, чья температура способна расплавить никель-железо. Там же установили и ватаноуловители.

— Уловители? — переспросила Афра Бен.

— Да. Такой есть и в башне. Вы ведь видели его по пути сюда?

— Видели, — сказал Бёртон.

— С ним связана одна серьезная, жизненно важная проблема, к которой я скоро перейду.

С того времени ватаны начали совмещаться с человеческими зиготами. Когда эмбрион или человек любого возраста умирал, его ватан улавливался подземной автоматикой

— Значит, то, что проповедует Церковь Второго Шанса, не совсем верно? — спросил Бёртон.

— Не совсем. Это я приходил к Жаку Жийо, будущему Ла Виро, и рассказал ему то, что ему, с моей точки зрения, следовало знать. Я открыл ему лишь половину правды, а кое о чем солгал. Это было оправданно, поскольку вы, жители долины, были еще не готовы воспринять всю правду.

— Ну, это спорно, — сказал Бёртон.

— Да. А что бесспорно? Однако я сказал Жийо, что спасение ватана зависит от достижения им определенного этического уровня. Это не было ложью. Предки Моната прилетели с планеты, чье солнце не называется ни тау Кита, ни Арктур. Они нашли планету, на которой еще не было разумной жизни, и преобразовали ее в Мир Садов. Где-то через десять тысяч лет они начали воскрешать в нем умерших детей Земли.

— Включая недоношенных, выкидыши, аборт? — спросил Бёртон.

— Да. Такие эмбрионы доводились до уровня доношенных младенцев. Доводились и доводятся, следовало бы сказать. Когда я покидал Сады, были воскрешены все умершие в возрасте до пяти лет, а по времени — до 1925 года.

Проект «Мир Садов» начал осуществляться где-то в десятом веке до новой эры. Проект «Мир Реки» вступил в действие в позднем двадцать втором веке.

— А который теперь век по земной хронологии? — спросил Фрайгейт.

— Когда я отправлялся сюда из Садов, был 2009 год. Чтобы добраться сюда, мне потребовалось сто шестьдесят земных лет. Пятьдесят лет ушло на переустройство планеты. День всеобщего воскрешения настал через двадцать семь лет после этого срока, то есть в 2246 году. Стало быть, сейчас примерно 2307 год.

— Боже мой! — сказала Алиса. — Сколько же тебе лет?

— Это, право же, не имеет значения. Но родился я где-то в двенадцатом веке до новой эры. В городе, который вы называете Троя. Я был внуком царя, которого Гомер назвал Приамом. Мне не было еще пяти лет, когда ахейцы и данайцы взяли город, ограбили его, сожгли и перебили почти все население. Меня бы, наверное, взяли в рабство, не вступись я за свою мать. Я вонзил свое копьецо в ногу какого-то воина и так его разозлил, что он тут же убил меня своим бронзовым мечом. — Лога содрогнулся. — Зато я не видел, как насиловали мать и сестер и убивали отца и братьев.

Пришельцы, среди которых был и Монат, вырастили несколько поколений земных детей, а потом перешли на другие планеты. Монат и некоторые другие остались наблюдать за выросшими питомцами, которые теперь, в свою очередь, растили новые поколения. Но потом Монат оставил Мир Садов, чтобы сопровождать людей в Мир Реки. Иногда мы называли его Оператором, потому

что он возглавлял проект и был главным инженером биокомпьютера.

— Того самого, о котором говорил Спрюз? — спросил Бёртон. — Гигантского протеинового компьютера?

— Да.

— Однако в другом Спрюз нам лгал. Он говорил, что родился в пятьдесят втором веке и что для снятия копий с тел умерших используется какой-то хроноскоп.

— У нас у всех были заготовлены такие легенды на случай, если нас схватят и заставят говорить. Конечно, мы могли убить себя, но, если бывал шанс спастись бегством, предпочитали этого не делать. Притом при допросе Спрюса присутствовал Монат, и Спрюз знал, как отвечать на вопросы, которые тот задавал.

— Мы это сообразили потом, — сказал Бёртон.

— А как вы снимаете копии с мертвых тел? — спросил Нур.

— В ватанах содержится все, что нужно, включая, разумеется, и мозговую деятельность — с них-то и снимаются копии.

— Но тогда, — воскликнул Фрайгейт, — воскрешенный не совсем то же, что умерший. Он только дубликат!

— Нет. Ватан — не копия. Это источник и вместилище самосознания. Ватан, покидая мертвое тело, уносит с собой его самосознание. Но сам он, как правило, сознанием не обладает. Есть, однако, указания, что ватаны на короткий срок и в определенных условиях способны обретать сознание после расставания с телом. У нас пока недостаточно фактов, чтобы утверждать это определенно. Ватаны, получающие новое тело, возможно, галлюцинируют.

Как бы там ни было, ватан содержит всю нужную информацию для изготовления нового тела — а потом он подключается к дубликату.

Интересно, подумал Бёртон, сколько раз надо это повторить, чтобы дошло наконец до всей группы?

— Что же заставило тебя начать свой собственный проект? — спросил Нур.

Лога поморщился.

— Об этом я скажу после.

Планету переформировали в речную долину длиной в миллионы миль. Одновременно возводилась башня с подземными помещениями. Ватаны подавались к телам-дубликатам, производимым в подземельях. Физические дефекты тел исправлялись, нарушения обмена корректировались, карлики и лилипуты обретали нормальный рост, но пигмеям рост не меняли.

Ватаны поступали к телам во время этого процесса, но самосознание не включалось, поскольку мозг дубликата пребывал в бессознательном состоянии. Однако ватаны регистрировали все происходящие с телом перемены. Затем дубликаты уничтожались, но к Дню Воскрешения изготавливались снова, но уже на берегах Реки.

— Мое преждевременное пробуждение в подземной камере было случайностью? — спросил Бёртон.

— Не совсем. Это я устроил. Ты был одним из тех, кого я выбрал для осуществления своего плана — на случай, если мне понадобится ваша помощь. Я разбудил тебя, чтобы хоть один из вас имел представление, что с вами тут проделывают. Это могло также укрепить твою решимость. Ты очень любопытен и не нашел бы себе покоя, пока не проник бы в суть этой тайны.

— Да, но ты лгал, когда приходил к нам, — сказал Нур. — Ты говорил, что отобрал всего двенадцать человек. А потом оказалось, что нас гораздо больше.

— Во-первых, я был не единственным, кто посещал вас. Иногда это делал Трингу. Он полностью поддерживал меня в моих расхождениях с некоторыми сторонами проекта. Он был единственный, кому я мог доверять. Я даже Сигген не говорил о том, чем я занимаюсь.

Во-вторых, я никогда не ограничивал группу до двенадцати человек. Не было шансов, что такой маленький отряд доберется до башни в случае надобности. Поэтому в общей сложности я набрал сто двадцать четыре человека. А лгал я вам, чтобы вы, если вас схватят мои сотрудники, не открыли им полной правды.

По этой же причине я ничем не делился с вами и лгал еще кое о чем. Если бы вас схватили и прочли вашу память, там не было бы полного плана, и ваши версии противоречили бы друг другу.

Потому же я, под именем Одиссея, сказал Клеменсу, что приходивший ко мне этик будто бы был женщиной.

Лога разбудил прежде времени только одного из своих рекрутов, потому что единичное пробуждение могло сойти у этиков за случайность. Будь таких случаев несколько, возникли бы подозрения. Но он совершил ошибку, разбудив даже одного. Монат расследовал случай с Бёртоном и, хотя не смог доказать, что кто-то манипулировал с воскресительной техникой, стал ожидать новых «случайностей».

Логу крайне обеспокоило намерение Моната воскреснуть около Бёртона и попутешествовать с ним какое-то время. Заодно Монат хотел поближе познакомиться с «лазарями», для чего требовалось сочинить подходящую легенду. Так почему бы не сделать два дела зараз?

Лога не предупредил Бёртона об этом, боясь, что тот, зная, кто такой Монат на самом деле, будет вести себя настороженно или даже попытается взять дело в свои руки.

— И попытался бы, — подтвердил Бёртон.

— Я так и подумал.

— Не люблю перебивать, — сказал Нур, — но не знаешь ли ты, что стало с японцем, с Пискатором?

Лога снова сморщился и показал на скелет, лежавший в обломках у стены.

— Вот все, что осталось от Пискатора. — Он сглотнул. — Я не думал, что кому-либо из жителей долины удастся проникнуть в башню через вершину. Вероятность этого была ничтожно мала, хотя и не исключалась. Я знал, что пароландцы строят дирижабль, но каким образом они собирались попасть в башню? Лишь человек с высокоразвитой этикой мог пройти там. Это было крайне маловероятно, но все же возможно. И случилось так, что один человек с «Парсеваля» все-таки прошел.

Но я на тот случай, если кто-то вроде Пискатора придет-таки сюда, разместил бомбы и в стенных шкафах, и в шкафах на платформе. Не только в этой комнате. Их еще больше в другом контрольном центре, что находится за квартирами. Бомбам придан вид контрольных панелей. В каком бы направлении ни пошел непрошенный гость, в контрольный центр он зайдет непременно. Любопытство его заставит. Он увидит действующие экраны и скелеты тех, кто работал за ними. А бомбы взорвутся лишь в том случае, если в мозгу того, кто сюда вторгся, нет черного шарика, обеспечивающего самоубийство.

— Пискатор ведь не принадлежал к числу твоих рекрутов? — спросил Нур.

— Нет.

— Если бы я летел на дирижабле и вошел внутрь, меня бы тоже убило.

Бёртон спросил себя, почему Лога не заложил бомбы и у нижнего входа. Но потом сообразил, что Лога, придя сюда с экспедицией, как и случилось на деле, в таком случае тоже был бы убит.

— Ты деактивировал бомбы, когда вошел сюда? — спросил Бёртон.

Он думал о контрольном центре с открытой дверью, который они миновали, не доходя до квартир.

— В этой комнате — да.

Лога продолжил свой рассказ. Он изобрел искажитель ватана, чтобы входить в башню и обманывать следящие спутники. И перестроил компьютер так, чтобы тот не мог оповещать Совет о смерти Бёртона и изготовлении для него нового тела.

— Вот почему ты убивал себя столько раз и все же уходил от Совета. Но Монат передал через агента в то место, где изготавливалось твое очередное тело, чтобы твои смертельные раны заправили. Сигналы были прослежены и обнаружена блокировка, которую я поставил. Вот почему при твоём последнем самоубийстве тебя схватили.

В отчаянном стремлении обнаружить предателя Совет согласился прибегнуть к сканированию памяти. Лога, предвидя это, наладил компьютер так, чтобы он дал ложную информацию.

— Ты понимаешь, конечно, что всю память я не мог охватить. Сканировались только те ее секторы, которые соответствовали

нашим отлучкам из башни. Их подделка тоже отняла много времени и труда, но я это сделал.

И вот настал час, которого Лога так боялся, надеясь, что он не придет никогда. Лога подготовился к нему, но не хотел осуществлять свои приготовления. Ему это было очень тяжело.

— Монат распорядился, чтобы в одну из ближайших ночей за ним прислали и доставили его в башню. Одновременно должны были взять тебя, Бёртон, чтобы проверить все время, проведенное тобой в долине. Мне думается, Монат подозревал, что ренегат, то есть я, не дал стереть из памяти Бёртона его допрос на Совете. Кроме того, Монату делалось все хуже от насилия, окружавшего его в долине. Он нуждался в отдыхе.

ГЛАВА 51

Лога летел в башню, завершив свою легальную миссию, когда были обнаружены два его тайных воскресителя. Одновременно инженеры раскрыли некоторые манипуляции Логи с компьютером.

Монат, Танабур и Сигген были тогда в долине. Другие советники послали аэромашину забрать их и сообщить им новости. Но Совет допустил одну ошибку. Вместо того чтобы дать Логе вернуться и затем изблечь его, они послали ему предупреждение об ожидающем его дома аресте.

— У меня ушло полчаса, чтобы набраться духу сделать то, что я давно замыслил, зная, что мне придется когда-нибудь это сделать, но я надеялся, что сам буду в башне в этот момент.

Он передал сигнал, разбивающий черные шарики в мозгу всех обитателей башни и моря. Этики просчитались, прибегнув к единому коду вместо индивидуальных.

— Но и я сделал ошибку, не передав код в долину. Я думал об этом, но не хотел убивать больше, чем было необходимо. Мне казалось, что этики, оставшиеся в долине, теперь станут бесполезны. До башни им не добраться — мой сигнал также дезактивировал всю авиацию. Остается тяжкий путь — сначала на лодке вверх по Реке, потом пешком через горы. Я успел бы совершить задуманное задолго до этого.

— А если их воздушные машины упали бы в долину? — спросил Нур.

— Нет. Они сгорели бы, не успев коснуться земли. И те, что стояли на горах вдоль долины, тоже сгорели. Я позаботился об этом.

— Каким образом их пилоты спускались с гор и поднимались обратно к машинам?

— Машинами можно было управлять дистанционно. Пилоты высаживались у подножия холмов в грозу или сильный ливень, а машины возвращались на вершины гор. Пилот, если намеревался

задержаться в том районе, закапывал контрольное устройство или носил его с собой в граале. Оно имело вид чашки, которые есть во всех граалях.

Ничто, казалось, не могло помешать Логе долететь до башни — но он недооценил коварство Моната.

— Мне, по крайней мере, думается, что это он предпринял встречные меры. Он, должно быть, заложил в компьютер все предыдущие события и получил список вероятностных прогнозов. Компьютер меня не выдал, будучи заблокированным, но задание Моната выполнил — я так думаю. Быть может, Монат и сам до всего додумался.

Лога замолчал так надолго, что Бёртон поторопил его:

— До чего додумался?

— Поместить автопилот в мою аэромашину. Когда я передал свой сигнал, все в башне и вокруг нее упали мертвыми, авиация сгорела, и воскресительная техника остановилась. Включиться снова она могла только по моей команде.

Но и о моей машине позаботились. Я обнаружил, что больше не могу ею управлять. Ее вел автопилот. Что бы я ни делал, она следовала к горному хребту. И голос с магнитофонной пленки приказывал мне ждать в горах, пока меня не подберут.

Это был голос Моната.

Он установил автопилоты, прежде чем отправиться в долину на встречу с тобой, Бёртон. Вне всякого сомнения, он поместил их во все машины. Если бы он подозревал одного меня, то допросил бы меня самым тщательным образом.

Но он не учел того, что не останется ни машин, ни пилотов, чтобы меня подобрать. Я обречен был умереть с голоду на горной вершине, если не найду и не удалю автопилот.

Хотя Монат предполагал, что машина из башни тут же отправится за виновным, он принял также меры к тому, чтобы преступник не мог удалить аппарат. За несколько минут до посадки голос сообщил мне, что аппарат сгорит в момент контакта с землей, а вместе с ним и двигатель.

Лога сыпал проклятиями в бессильной ярости. Он уже предвидел что будет дальше. Он умрет и не сможет передать ложного донесения в Мир Садов. Через сто шестьдесят лет обитатели Садов должны принять автоматический корабль с последними новостями. Если он не придет, Сады снарядят поисковую экспедицию, которая прибудет в башню через триста двадцать лет после несостоявшегося прибытия почтового корабля.

— С одной стороны, это было хорошо. Я всегда хотел, чтобы проект продолжался дольше предполагаемых ста двадцати лет, хотя не осмеливался предложить это прямо. Мои сотрудники считали этот срок более чем достаточным для отсеивания людей, которые никогда не достигнут необходимого для «продвижения» уровня. А теперь проект продлится гораздо больше, чем планирова-

лось. И, возможно, моих родителей, братьев, сестер и прочих родичей удастся все же спасти.

— Что? — воскликнул Бёртон.

У Логи из глаз хлынули слезы, и он сказал сдавленным голосом:

— Нам всем строго воспрещалось разыскивать своих родственников, воскрешенных в долине. Так распорядились соплеменники Моната. Их опыт показывал, что этики, нашедшие среди лазарей своих близких, слишком расстраиваются, если те оказываются бесперспективными. Этики начинают вмешиваться в ход событий и спешат открыть своим то, что им пока знать не надо. В предыдущем проекте одна женщина спрятала своих родителей в подземной лаборатории и пыталась насильственно ускорить их этическое развитие.

Я знал это еще подростком в Мире Садов и верил, что так надо. Но потом не смог удержаться от искушения разыскать своих. Меня все время мучила мысль о том, что они могут не «продвинуться». И вот я, задолго до отлета из Мира Садов, составил свой план, хотя и не был уверен, что выполню его. Однако я выследил своих родных с помощью компьютера — это заняло у меня очень много времени, поверьте — и навестил их в долине. Под чужим именем, конечно, и узнать меня было невозможно. Я устроил так, что их всех воскресили в одном месте. А если бы они переехали или были убиты, я бы все равно знал, где они.

У меня почти фотографическая память. Хотя я погиб на Земле, не дожив и до пяти лет, я прекрасно помнил своих родителей и всех других родственников.

Мне было очень тяжело скрывать от них, кто я такой. Но я должен был это скрыть. Я подружился с ними и даже притворился, будто учу их язык. Все это время, как вы понимаете, я занимался официальным проектом.

Я нежно любил свою приемную мать в Мире Садов. Но свою родную мать я любил еще больше, хотя по духовному развитию ей было далеко до приемной.

В последующие годы, посещая их, я узнал, что мои родичи приняли веру Второго Шанса. Но одного этого было недостаточно, и они далеко еще не достигли той стадии, в которой я мог бы быть спокоен за них.

Но я верил и продолжаю верить, что они достигли бы ее, если бы им дали достаточно времени.

— Ты рассказывал, как твоя машина шла на посадку, — мягко напомнил Бёртон.

— Да, но то, что я сказал о своих родных, крайне важно. И поймите — я горевал не только о своей семье. Я страдал и за всех других, за миллиарды обреченных. Но не мог и заикнуться об этом своим коллегам.

Кроме Трингу, конечно, — и с ним я стал говорить лишь тогда, когда абсолютно в нем уверился. Если бы я говорил об этом с

другими, меня заподозрили бы сразу, как только стало бы известно о существовании ренегата.

Каким бы самоубийственным ни было его решение, Лога сделал единственное, что могло помешать его машине прибыть в назначенное место: отключил подачу энергии.

— Если бы Монат предвидел, что кто-нибудь пойдет на это, он сделал бы такой маневр невозможным. Но он такого не ожидал. Да и с чего? Ведь преступник должен знать, что, если он погибнет, в башне его воскресят.

Машина тут же упала, врезавшись в склон горы чуть ниже вершины. До этого она шла на малой скорости, а на Логе был противоударный костюм. Машина, сделанная из почти несокрушимого серого металла, не получила при столкновении даже царапины.

— Тем не менее я бы при падении погиб. Но я опять включил энергию, пролетев сотню футов вниз, и автопилот снова повернул к вершине горы. Потом я снова выключил мотор и через пятьдесят футов включил. Потом опять — так далее.

Совершив несколько таких костоломных скачков, Лога привел машину почти на уровень грунта. Когда он счел, что земля достаточно близка, он выпрыгнул из открытого загоня иллюминатора, прихватив с собой грааль. Вокруг бушевала гроза; Лога ударился обо что-то и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что висит поперек живота на ветке «железного» дерева. Был день, и его грааль валялся в сотне футов внизу у подножия ствола. Лога, весь исцарапанный, получивший внешние и внутренние ушибы, сломавший одну ногу, все же умудрился слезть.

— Остальное я вам уже рассказывал — или вам и без того ясно.

— Не все, — сказал Бёртон. — Ты говорил, что должно случиться нечто ужасное, и приберегал это под конец.

— И еще мы не знаем, что означает «продвижение», — добавил Нур:

— «Продвижение»? Когда тело высокоразвитого этически человека умирает, его ватан исчезает. Наши приборы не могут его обнаружить. И если изготавливается дубликат тела, ватан не возвращается к нему.

— Что же происходит с лишенным ватана телом?

— Был проделан лишь один такой эксперимент, и женщине без ватана позволили прожить ее естественный жизненный срок. Это сделали предшественники Моната — с людьми таких опытов не ставили.

Существует теория, что, если Создающее Начало и равнодушно к своим созданиям, оно принимает к себе исчезнувшие ватаны. Какое еще объяснение можно подобрать?

— Возможно, — сказал Фрайгейт, — в экстрафизической вселенной есть нечто, что притягивает ватаны, достигшие опреде-

ленной степени развития. Какое-нибудь экстрафизическое магнитное поле, кто его знает.

— Такая теория тоже выдвигалась. Мы предпочитаем верить, что это делает Создающее Начало. Хотя оно может пользоваться обычными физическими или экстрафизическими методами, не прибегая к сверхъестественным.

— Значит, научного объяснения этому явлению у вас нет, — сказал Бёртон. — Есть только вера.

— Да, но, когда дело доходит до конечного и бесконечного, вечности и времени, до Первопричины — остается полагаться лишь на веру.

— Которая обрекла на гибель столько биллионов и принесла столько страданий, — сказал Фрайгейт.

— В данном случае все обстоит не так.

— Давайте-ка вернемся к событиям этого мира, — буркнул Тай-Пен.

— Я набирал себе рекрутов, потому что существовала некоторая вероятность того, что в итоге и случилось. Я заложил все варианты, которые только мог придумать, в компьютер и дал ему задание оценить вероятность каждого. К сожалению, компьютер не может предугадать, что подумают и как в конечном счете поступят разумные существа если только не обладает *всеми* данными, что невозможно. Даже если бы он имел их, с точностью на сто процентов ничего предсказать нельзя.

Монат и остальные, к примеру, каждый раз делали то, чего я не ожидал. А я делал то, чего не ожидали они. Человеческий разум — любой разум — до сих пор остается неразгаданной тайной.

— Хоть бы ее никогда не разгадали, — пожелал Бёртон.

— Да. Вот почему нельзя предугадать, насколько развит тот или иной ватан. Один вроде бы достиг довольно высокой ступени, но дальше не идет. Другой находится на низкой стадии и вдруг, чуть ли не за одну ночь, поднимается куда выше, чем более совершенные. Совершает квантовый этический скачок. Случается также, что люди деградируют.

— Как ты, например? — спросил Бёртон.

— Нет! Именно в этом обвиняла меня Сигген, когда мы жили в той хижине в Пароландо. На самом деле я стою гораздо выше, чем кто-либо из занятых в проекте. Разве не самый этический выбор — дать каждому столько времени, сколько требуется ему для роста? Конечно, самый этический. Этого же нельзя отрицать.

— Он сумасшедший, — шепнула Алиса.

Бёртон не был в этом уверен. Лога рассуждал, в общем, разумно. Но то, как он осуществляет свой план, разумным не назовешь. Впрочем, если он посылает ложные донесения, из Мира Садов сюда никто не явится. Лога может выиграть так добрую тысячу лет. Уж за это-то время все достигнут желаемой стадии.

Впрочем, кто знает, возразило Бёртону его пессимистическое начало Интересно, какой стадии достиг он сам?

И хотелось бы ему достичь такой стадии, на которой основа его существа просто исчезнет?

Почему бы и нет? Это было бы приключение еще почище этого, самое большое приключение в его жизни.

— Прекрасно, — сказал он. — Теперь как будто все понятно. Но ты говорил, что твои планы могут и не осуществиться, даже если больше некому тебе помешать. Что там за ужасная вещь случилась?

— Это моя вина, только моя! — Лога встал и, несмотря на хромоту, начал шагать взад-вперед, морщась и потея. — Из-за того, что я сделал, миллиарды могут погибнуть навеки! Почти все люди! А возможно, и все до одного! Навеки!

ГЛАВА 52

Наступило молчание. Лога продолжал хромать взад-вперед. Наконец Бёртон сказал:

— Расскажи-ка все по порядку.

Лога вернулся в свое кресло.

— Мой сигнал заблокировал линию воскрешения. Я не желал, чтобы кто-то из этиков совершил самоубийство и оказался в башне раньше меня. Я не знал, что другой этик прекратил воскрешение еще тогда, когда меня разоблачили.

Это сделали потому, объяснил Лога, что Монат хотел преградить неизвестному предателю доступ в башню, где тот или та мог осуществить свои планы, в чем бы они ни заключались, не обнаруживая своего присутствия.

Команда Моната отменяла все прочие команды.

— Ведь он был Оператором.

Кроме того, Монат через заместителя передал компьютеру команду не подчиняться никому, кроме него, Оператора, до восстановления нормальных функций.

— Я уверен — если бы он знал, что произойдет потом, то ни за что не отдал бы такую команду. Но он не больше меня догадывался, какой оборот примут события.

— Вселенная бесконечно разнообразна, как и события в ней, — сказал Нур.

— Возможно. Дело в том, что компьютер использует ватаны в качестве... как бы это сказать? — чертежей для производства тел. Раньше делались снимки с самих тел, но применять ватаны более экономично, как я уже объяснял. Других записей, кроме них, не существует. И если ватаны будут утеряны, мы не сможем больше дублировать тела.

Бёртон обдумал эту мысль.

— Но ватаны-то на месте. Мы видели их в той шахте посреди башни

— Да, но, когда компьютер умрет, ватаны освободятся! И тогда невозможно будет воскресить мертвых. Они погибнут навеки!

Опять наступило молчание. Через минуту или две Алиса спросила:

— Значит, компьютер... умирает?

— Да, — с трудом выговорил Лога. — Это потому, что он столько лет оставался без присмотра. Он был рассчитан на то, чтобы работать веками без всякого ремонта или замены запчастей. Однако отдельные его узлы время от времени разлаживались. Поэтому техники регулярно проверяли его, а сам компьютер обладал обширными возможностями самовосстановления. Но всем известно необъяснимое упрямство машин, когда они вдруг ломаются будто по собственной воле или отказываются работать. Ходила шутка, что и у них, возможно, есть свои ватаны, причем крайне зловредного свойства.

Во время долгого человеческого отсутствия в компьютере отказал какой-то клапан.

— Не механический, конечно. Клапаном служит нечто вроде силового поля, которое то обеспечивает, то отсекает приток морской воды в питательную камеру компьютера. Компьютер питается дистиллированной водой с добавками сахара и минералов. Кроме этого клапана, есть еще запасной. Если основной отказывает, включается он. Тем временем техники налаживают генератор поля, и основной клапан возобновляет работу.

К несчастью, запасной клапан долгое время недодавал воду — и теперь биокомпьютер умирает.

— Я мог бы, пользуясь банком памяти, изготовить дубликат компьютера. Но компьютер отказывается дать мне информацию, которую я мог бы заложить в материально-энергетический преобразователь.

— А почему ты не наладишь генератор поля? — спросил Фрайгейт.

— Да все потому же — компьютер не позволяет. Монат, наверное, давно еще распорядился установить защиту на этом узле, и она включилась, когда меня раскрыли.

Опять наступило долгое молчание, которое нарушила Алиса:

— А почему бы не использовать ватаноуловитель из таких, о которых ты нам рассказывал? Когда компьютер умрет и освободит ватаны, ловушка их удержит.

— Хорошая мысль, — мрачно усмехнулся Лога. — Мне она тоже приходила в голову. Но единственная ловушка — это сам компьютер. А вся информация, на основе которой я мог бы построить другую, содержится в его памяти.

— И эта защита абсолютно непреодолима? — спросил Бёртон.

— Дело на первый взгляд очень простое. Надо всего лишь вынуть неисправный генератор поля и заменить его другим. Но меня убьет, прежде чем я успею это сделать. Компьютер срежет меня лучом. Таким же, которым стреляет мой лучемет.

— Ты пользовался компьютером наравне с другими, — сказал Нур. — Как получилось, что они об этом не знали?

— Я, так сказать, сделал компьютер шизофреником. Одна его часть не знала, что творит другая.

— Вот оно! — торжествуя вскричал Нур, но тут же нахмурился. — Нет. Ты об этом уже думал.

— Да. Инженеры, как видно, обнаружили это расщепление сознания. Теперь доминирует основная часть.

— Ты сказал «доминирует» — значит, единства сознания все-таки нет?

— Нет. Инженеры не успели заменить схемы, вызывающие шизофрению. Но поставили временные шунты, чтобы обеспечить победу «здорового рассудка». Потом они сделали бы полный ремонт, но до этого не дошло — они погибли.

— Откуда тебе это известно? — спросил Бёртон.

— От компьютера. Общаться с ним можно. Только командам он не подчиняется, соблюдая запрет Моната.

— А нельзя ли разгадать, каким кодом пользовался он?

— Нет, если Монат его где-то не записал. А я сомневаюсь, что он это сделал. И потом, код должен быть введен только голосом Моната или его помощника.

— Может, никакого кода и нет, — сказал Фрайгейт. — Может, достаточно только голоса.

— Нет. Монат это предусмотрел бы. Было бы довольно легко, выделив фоны из записей его речи, синтезировать несколько новых фраз. Монат скорее всего обусловил и зрительное опознание.

— А ты мог бы замаскироваться под Моната? — спросил Терпин.

— Наверное. Но лучше использовать лучевые имитаторы.

У Логи был очень усталый вид. Бёртону казалось, что не рана тому причиной, а чувство безнадежности и вины.

— Мы не знаем, достаточно ли будет голосового и зрительного опознания, — сказал Бёртон, — но придется попытаться надуть компьютер, даже если наши труды пропадут даром.

— А ты сказал компьютеру, что он умирает? — с жаром спросила Алиса Логу.

— О да. Но он и без меня это знал.

— Я думаю, человек все же способен прорвать защиту компьютера, — сказал Бёртон, пристально глядя на Логу.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказал, чуть распрямившись, этик. — Поскольку я виновник всего этого ужаса, я и должен идти заменять генератор. Даже если ясно почти на сто процентов, что это будет напрасная жертва. Я и пошел бы, если б от этого была хоть какая-то польза. Ну а если я сделаю это и все-таки погибну? Никто из вас не умеет управляться со здешней техникой. Вы ничего не решите без меня. Ну, не умрет компьютер, и что дальше? Ситуация останется той же, только за ватаны можно будет не опасаться.

Бёртон сказал, что Лога должен показать им, как работать с разными приборами на случай, если с ним что-то произойдет. Успеет он это сделать, пока еще жив компьютер?

Возможно, ответил этик. Он покажет им все обозначения. Учить их языку общения с компьютером — слишком долгое дело: это язык Моната, на котором говорят в Мире Садов. Лучше он перестроит трансляторы, чтобы говорить с компьютером на эс-перанто.

— Отлично, — сказал Бёртон. — А теперь, мне кажется, всем пора спать. Встанем освеженные и соображать будем лучше. Может, тогда и придумаем, как одолеть компьютер.

Они перешли в жилые покои советников. Лога занял свою квартиру, Афра Бен и де Марбо другую, Алиса с Бёртоном третью. В соседних устроились Тай-Пен с Терпином и Нур с Фрайгейтом. Бёртон счел, что поодиночке лучше не ночевать. Он все еще не доверял полностью этику.

Перед сном Алиса сказала:

— Ричард, должен быть какой-то способ перехитрить компьютер. Его построили люди, так неужели люди не сумеют его обуздать?

— Почему бы тебе не воззвать к его чувствам? У вас, женщин, это здорово получается.

— Не лучше, чем у мужчин, ослиная ты задница! С чего бы я стала взывать к чувствам там, где их нет. А вдруг хоть какие-нибудь, да есть? Или их аналоги. Но если компьютер руководствуется исключительно логикой, почему бы не обратить ту же логику против него? Ведь люди вложили в него нашу, человеческую логику. Вот мы и должны с ее помощью побить его или уговорить.

— Я уверен, что Лога об этом уже думал.

Бёртон поцеловал Алису в щеку и повернулся на бок.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Ричард.

Проснувшись несколько часов спустя, он увидел, что она смотрит в потолок, где движутся картины.

ГЛАВА 53

Утром, приняв душ и переодевшись в чистое, все собрались в комнате, служащей столовой. Проходя мимо контрольного центра, они заметили, что тела Грумз там нет, исчезли кровавые следы на полу и все скелеты тоже убраны.

— Роботы, — пояснил Лога. — Одного я послал убрать тело Гильгамеша.

— Я тут никаких роботов не видел, — сказал Фрайгейт.

— Видел, просто они выглядят, как большие шкафы. Наши кровати — тоже роботы. Они потихоньку массируют мышцы и врачуют спинной мозг.

— Я ничего такого не чувствовал, когда просыпался ночью, — сказал Бёртон.

— Я тоже, — подтвердила Алиса.

— Они очень деликатны и работают, только когда вы спите. Но если вам нужен массаж и наяву, стоит только дать команду. Я покажу как.

После превосходного завтрака Алиса поделилась с другими идеей побить компьютер его же логикой.

Лога покачал головой:

— Звучит заманчиво, но ничего не выйдет.

— Но попытаться-то можно, — сказала Алиса.

— Мы испробуем все методы, и умственные, и физические. Но поверь мне — я уже обо всем подумал.

— Я не сомневаюсь в твоём уме, — сказала Алиса. — Но девять голов все же, лучше, чем одна.

— Девятиглавый дракон! — вскричал Тай-Пен. Лицо его пылало — за едой он все время пил вино.

— Сейчас я налажу связь с помощью одного из электронных компьютеров, — сказал Лога. — Но не думаю, чтобы большой компьютер удалось победить его же логикой. Компьютеры способны вычислять куда быстрее человека, если дать им нужные данные. Но воображения у них нет, и творческой жилки тоже. Ну что ж, может быть, в памяти нашего есть что-то, чего я не учел. И комбинировать он может очень быстро — у меня бы на это ушли целые годы. Да и прогнозировать он, как-никак, способен.

Зайдя к себе в квартиру, Лога повел всех в контрольный центр, занял место на платформе. Очень скоро он подозвал остальных к себе.

— Я не удержался и запросил главный компьютер, сколько ватанов на данный момент содержится в шахте.

— И сколько же? — спросил Нур.

Лога сверился с экраном.

— Восемнадцать миллиардов двадцать восемь штук. Нет — вот еще три прибавилось.

— Больше половины населения долины, — сказал Фрайгейт.

— Да. Вот еще два прибавилось. — Лога выключил экран. — Люди умирают ежечасно, и их ватаны поступают сюда. Когда компьютер умрет...

Лога умолк. Нужно было обладать огромным мужеством, терпением, решимостью и быстротой ума, чтобы совершить то, что совершил он.

Однако груз его вины был слишком тяжел даже для него.

— А не выбросить ли тебе полотенце на ринг? — предложил Терпин. — То есть не убить ли компьютер прямо сейчас? Так ты никого больше не потеряешь и сможешь продолжать свой проект

— Нет! — отрезал Лога, проявив горячность впервые с начала их знакомства. — Нет! Это было бы чудовищно! Я должен спасти их всех! Всех!

— А в итоге потеряешь миллионы. А то и всех, кто живет на этой планете.

— Нет! Я не могу!

— Ну, я больше ничего не придумаю. Все это больно умственно для меня, — сказал Терпин и пошел в ближний зал поиграть на рояле.

— Я ему неприятен, — сказал Лога. — Знал бы он, до чего я сам себе противен.

— Ну, нечего самоедством заниматься! — сказал Тай-Пен, помахивая бутылкой. — Том, пожалуй, прав. Пойду-ка я к нему и тоже развлекусь малость. У меня голова болит от раздумий!

— От них ли? — мягко спросила Алиса.

Тай-Пен только ухмыльнулся, поцеловал ее в щеку и ушел.

Нур напомнил этику, что надо бы обезвредить бомбы, спрятанные в другом контрольном центре.

— Я просто запру туда дверь, — сказал Лога. — А теперь займемся программой «логика против логики». Даже если это будет только потерей времени.

Оставшиеся перешли в языковую лабораторию. Этик показал им, как пользоваться оборудованием, обучающим языку Мира Садов, или гхууркскому. В их распоряжении была также эсперанто-гхууркская грамматика и словари.

Алиса сжала руку Бёртона.

— Ужасно, правда? — сказала она, глядя ему в глаза своими большими темными глазами. — Все эти души, которые погибнут, утратив свой шанс на бессмертие! Страшно даже думать об этом!

— Ну так и не думай. Они не перестанут быть бессмертными, даже если улетят. Просто не будут знать об этом,

— Да, — пожала плечами она. — Но ведь и мы могли бы быть среди них. Как по-твоему, ты готов к «продвижению»? Мне хотелось бы верить, что я готова, но для этого, наверное, надо быть чуть ли не святым!

Ну в святости меня еще никто не обвинял, разве что моя жена, — усмехнулся Бёртон. — А кому и знать, как не ей.

Но Алису ему обмануть не удалось. Она знала, что он в таком же отчаянии, как и она сама.

Прошло два дня. Лога в присутствии всех прогнал результаты на компьютере и выключил экран.

— Бесполезно.

Снова стали совещаться и строить планы, отвергая один за другим из-за погрешностей в логике или непреодолимых препятствий.

На четвертый день их пребывания в башне Фрайгейт весело воскликнул:

— Ну и дураки же мы! Ведь ответ-то у нас под носом! Почему ты не пошлешь роботов заменить модуль?

— Я думал об этом, — вздохнул Лога. — Это было в числе первых мыслей, которые приходили мне в голову. Но, хотя роботы и сделаны из чарузза (так назывался серый металл), лучи компьютера все равно разрежут их.

Разочарованный Фрайгейт почувствовал себя несколько глупо.

— Да... но, если послать их побольше, они могли бы подавить лучеметы?

— Их функции не предусматривают стрельбы по лучеметам.

— А ты не можешь переделать их и запрограммировать заново?

— Это займет у меня десять дней. Если бы я занялся этим сразу, как только явился сюда, то даже одного не успел бы переделать. Я только что проверил, сколько осталось жить компьютеру, — скорбно добавил он. — Пять дней!

Все, хотя и ожидали такого сообщения, испытали шок.

— Ну что ж, хоть голова болеть не будет, — сказал Том Терпин. — Души улетят, и дело с концом. Зато ты сможешь посвятить больше времени оставшимся.

Лога, повернув несколько тумблеров, нажал клавишу. На экране зажглись гхууркские цифры. Все подошли поближе, чтобы посмотреть.

— Восемнадцать биллионов сто два, — прочла Афра.

— Мне следовало бы прикончить этот компьютер, — сказал Лога. — Я и так слишком долго ждал. Кто знает — вдруг сегодня он взял душу моей матери.

— Погодите! — сказал Фрайгейт. — У меня идея! Ты говорил, что включил свои личные воскресители, когда пришел сюда. А нас, например, в них можно воскресить?

— Отчего же, можно. Уловители воскресителя работают на несколько иной частоте, чем компьютер. Наши с Трингу ватаны были настроены на нее. То же самое я могу сделать для вас. Только зачем?

Фрайгейт начал объяснять, но Лога, Бёртон и Нур уже поняли, что он имел в виду.

Они предпримут штурм компьютерного зала, оставив несколько человек в резерве. И хотя атакующие будут гибнуть раз за разом, в конце концов они подавят лучеметы компьютера.

— Как ты додумался до этого, Пит? — спросил Терпин.

— Я как-никак фантаст. Жаль только, что сразу не додумался.

— Мне бы тоже следовало подумать об этом, — сказал Лога. — Но уж очень велик эмоциональный стресс.

— Ты можешь наделать побольше таких? — спросил Бёртон, имея в виду ручной лучемет.

— Сколько угодно.

Через две минуты он вооружил всю группу. И сделал распечатки, показывающие, как добраться в клапанную из контроль-

ного центра и от воскресителей. Все внимательно изучили маршруты.

— В том районе на всех стенах видеокмеры, и в клапанной тоже.

Вот ее фотография.

Фотографию тоже досконально исследовали, заучив наизусть, где что находится. Потом Лога снял несколько дубликатов с запасного модуля и разъяснил, как вынуть старый модуль и вставить новый.

К сожалению, этик не смог получить информацию об огневых точках компьютера.

— Она заперта в банке памяти.

— А ты попроси компьютер выдать ее тебе, — сказал Нур.

Лога удивленно засмеялся — ему это не пришло в голову.

Секундой позже он получил ответ, но не тот, какой ему хотелось бы. Компьютер отказался сообщить, где расположены его лучеметы.

— Ну что ж, попытка не пытка.

Все сели на кресла, поехали за этиком к шахте лифта и спустились по ней гораздо быстрее, чем отваживались раньше. Проехав около мили вниз, этик остановился на одном из этажей. Через несколько минут Бёртон, обладавший превосходным чувством ориентации, сообщил, что они направляются к секретному входу в башню. Вскоре они оказались там.

Этик взглянул на дверь, все еще заклиненную граалем Бёртона, и побагровел.

— Почему вы не сказали, что оставили дверь открытой?

— Я хотел, но не придавал этому значения, — сказал Бёртон.

— Через нее могли войти агенты!

— Не могли они нас догнать за такое короткое время. Они ведь плывут на парусниках.

— Я не могу допустить ни малейшего риска. — Лога развернулся лицом к спутникам. — Уберите ту лодку из двери, пока меня не будет.

— А ты куда?

— К пульта — pošлю автоматический летательный аппарат окончательно расплавить карниз и закупорить вход в пещеру.

— Идите с ним, — сказал Бёртон Тай-Пену и де Марбо.

Лога рассердился, но промолчал и полетел в кресле по коридору.

Бёртон повел остальных в затянутую туманом комнату, где они, после многих трудов, спихнули лодку в море. Потом все вернулись в коридор, протискиваясь в щель, оставленную граалем.

— Надо было попросить Логу открыть ее как следует, — сказал Фрайгейт.

— Ему, наверное, не хочется, чтобы мы знали, как он это делает, — заметил Бёртон.

— По-твоему, он все еще нам не доверяет?

— Живя так, как он жил, он научился не доверять никому.

Но Бёртон заблуждался. Лога, вернувшись через пятнадцать минут вместе с китайцем и французом, слез с кресла и стукнул кулаком по стене в нескольких дюймах от двери. При этом он четко произнес:

— Ах-К'ак! — И дверь открылась до конца.

Бёртон заметил место удара.

— Откуда ты мог знать, пользуясь этим ходом, что не наткнешься на кого-нибудь?

— Эта дверь представляет собой большой видеоэкран. У меня есть другие, которые выглядят, как часть стены. Отсюда я могу видеть коридор в пределах нескольких поворотов.

В передней комнате Лога остановился у стены и снова произнес кодовое слово. Часть гладкой на вид стены отошла в сторону. Открылась хорошо освещенная комната с разным лабораторным оборудованием на столах, большим шкафом и двумя скелетами. Последние лежали головами к двери, словно как раз собрались выйти. Около костлявых пальцев одного валялся металлический ящичек с дисками, шкалами, кнопками, маленьким видеоэкраном с одной стороны и соединительными стержнями — с другой.

— Жаль, что я не передал сигнал несколькими секундами раньше, — сказал Лога. — Они не успели бы вынуть контрольный блок.

— Ты все равно не мог знать, вынули они его или нет, — заметил Бёртон. — И не мог идти на риск самоубийства. Кстати, почему дверь сюда закрыта? Ведь эти двое должны были открыть ее, когда входили.

— И как они могли войти, не зная кода? — добавил Нур.

— Через семьдесят пять секунд дверь закрывается автоматически, если не дать ей нужной команды. Дело в том, что эту комнату нашли, следуя вдоль энергетической линии. Долгая и трудоемкая это была работа — ведь компьютер для этой цели они использовать не могли.

А применяли, наверное, магнитометры. С их помощью они обнаружили источник энергии, а с ним и программное кодовое устройство. Ну а код разгадать было недолго.

— А место нажатия на стену? Как...

— Они и его вычислили, хотя это заняло больше времени. — Лога указал на шкаф. — Это воскреситель. — Он вошел, а Фрайгейт за ним.

— А ты не мог использовать свой собственный источник энергии? — спросил американец.

Лога подобрал с пола контрольный блок, подошел к шкафу и вставил штыри ящичка в отверстия на его боку.

— Нет, не мог — хотя в случае пользования собственным атомным конвертором меня не выследили бы по проводке. Но преобразование энергии в материю и улавливание ватанов требует огромных мощностей. Один только физико-экстрафизический обмен бе-

рет столько энергии, сколько потребовалось бы для снабжения половины земных городов в конце двадцатого столетия.

— Как же ты устроил, чтобы такой расход не регистрировался счетчиками? — спросил Фрайгейт.

— Да уж устроил. Но вернемся к первому вопросу: если бы инженеры удалили кодовое устройство, я не смог бы выйти из потайной комнаты в коридор. Дверь, выходящая на море, открывается с помощью другого кодера-декодера. К счастью, инженеры погибли раньше. Генератор сигналов я потерял вместе с аэромашиной — но в лодках, стоящих в пещере, тоже есть такие генераторы. Они включаются автоматически, когда датчики докладывают им о подходе к башне.

— Дверные механизмы не должны расходовать много энергии. Почему ты не установил для них отдельные источники?

— Да, следовало бы. Но проще и экономичнее было подключиться к главному энергоблоку. — Лога улыбнулся краем губ. — Интересно, что вынесли инженеры из моего кода? Ах — это майанский артикль мужского рода, К'ак — огонь. А «Лога» — огонь по-гхуурски. Так они, возможно, меня и раскрыли. Вложили майанское слово в компьютер и через секунду получили ответ. Я, что называется, перемудрил. — Он положил палец на кнопку. — Подойдите сюда. Я покажу эту простую операцию дважды, чтобы все было ясно. Обозначения читать вы умеете. Когда я нажму на эту кнопку, вот этот маленький диск должен загореться. Значит, установка включена. А большой диск около индикатора служит частотомером. — Лога нажал на кнопку. Загорелся оранжевый огонек. — А теперь...

Огонек погас.

— Кхатуух! Это еще что...

Лога приложил руку к шкафу, открыл его дверцу и заглянул внутрь. Оттуда хлынул жар.

— Бегите! — крикнул Лога и сам во всю прыть захромал к выходу.

У двери Бёртон оглянулся на шкаф. Контрольный блок плавился, а сам шкаф изнутри раскалился докрасна.

Лога ругался по-гхуурски.

— Эти... эти! Они запрограммировали конвертор так, чтобы он плавился при включении энергии!

Остальные, кроме Логи и Бёртона, которые умирали столько раз, что больше не боялись смерти, испытали немалое облегчение. Бёртон видел это по их лицам. Они знали, что воскреснут, но все-таки испугались умереть.

— Есть ведь еще и другой воскреситель, — сказал Бёртон.

— С ним будет то же самое, — ответил пепельно-бледный Лога.

— А ты не можешь сделать так, чтобы он не плавился?

— Попытаюсь.

Но из этой попытки ничего не вышло.

Бёртон, глядя на расплавленный аппарат, решил, что настала пора сообщить Логе новость, которую он до сих пор откладывал, — воскресители были важнее.

— Лога, — сказал он, — когда мы гнались за тобой, я положил у двери пулю, чтобы не заблудиться. Теперь пули нет.

— Возможно, ее забрал робот-уборщик, — после краткого молчания предположил Фрайгейт.

— Нет, — сказал Лога. — Будь роботы запрограммированы на это, они давно убрали бы все кости.

— Значит, в башню проник кто-то еще!

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИГРА ВТРОЕМ: КЭРРОЛЛ — АЛИСА — КОМПЬЮТЕР

ГЛАВА 54

Они вернулись в лабораторию. Лога сел перед компьютером и взялся за работу. В короткий срок он задействовал все камеры в башне. Еще через две секунды на экране появилось изображение. Бёртон присвистнул:

— Брат Фениксо! Герман Геринг!

Геринг сидел за столом и ел что-то из грааля. По его предельной худобе и темным кругам под впалыми глазами было видно, что эта еда пришлась как нельзя более кстати.

— Понять не могу, как он так скоро нагнал нас, — сказал Лога. — Компьютер докладывает, что больше никто не обнаружен, но остальные могут быть вне поля зрения камер. И если это агенты, кто-то может знать код. Монат мог передать его им в долине.

— Спросим Геринга, — предложил Бёртон.

— Ясное дело. Только выясню у компьютера, где он находится.

Компьютер дал ответ, и все вылетели на креслах из комнаты. Оказавшись в коридоре, идущем от тайника Логи, они мягко посадили кресла и направились дальше пешком. Геринг был безоружен, но оставалось неясным, нет ли с ним других.

— Ахтунг! — рявкнул Бёртон и громко рассмеялся, когда Геринг вскочил, едва не подавившись, замахав руками и опрокинув стул. Серый, с вытаращенными глазами, он попытался что-то сказать, но покраснел и схватился за горло.

— О Господи, он поперхнулся! — сказала Алиса.

Геринг уже посинел и рухнул на колени, когда Бёртон хватил его по спине, выбив из горла застрявший кусок.

— Ничего смешного нет, Ричард, — сказала Алиса. — Перестань смеяться. Ты мог убить его.

— Прошу прощения, Геринг, — сказал Бёртон, утирая слезы. — Мне, наверно, просто захотелось отплатить тебе за то, что ты сделал со мной.

Геринг жадно выпил стакан воды, поданный Афрой Бен.

— Что ж, не могу тебя упрекнуть.

— У тебя голодный вид, — сказал Нур. — Нельзя есть так быстро. После такой долгой голодовки еда может тебя убить.

— Я не настолько уж изголодался. И у меня, кажется, пропал аппетит. — Он оглядел всех. — А где остальные?

— Мертвы.

— Да помилует Бог их души.

— Не помилует, если мы ему не поможем — и быстро.

— Геринг! — резко сказал Лога. — Ты пришел один?

— Да, — ответил Герман, недоуменно разглядывая его.

— Давно ли ты здесь?

— Около часа.

— Кто-нибудь еще шел за тобой в горах?

— Нет — я, по крайней мере, никого не видел.

— Как ты сумел добраться сюда так быстро?

Геринг вместе с другими виrolандцами нырял в трюм «Внаем не сдается», пока пароход не смыло с отмели в бездну. Ныряльщики извлекли оттуда запасные части батацитора, собрали аппарат и установили его на деревянном паруснике. Еще наверх вынесли два небольших электромотора, запасной винт маленького катера «Гасконца» и прочие запчасти. Работа шла споро, и четверо человек отплыли на преобразованном паруснике через две недели после отхода «Афиш не расклеивать».

В отличие от группы Бёртона, они не тратили дни на отдых.

— Где же твои спутники? — спросил Лога, уже догадываясь об их судьбе.

— Двое оставили нас и вернулись назад. Я поплыл дальше с моей женой, но она поскользнулась и сорвалась с горы.

Геринг сделал знак благословения, обычный у шансеров.

— Ты бы сел, — мягко сказал Бёртон. — Мы многое должны тебе рассказать.

Выслушав рассказ Логи и Бёртона, Геринг пришел в ужас.

— Столько ватанов! И моя жена среди них!

— Да — и мы не знаем, что делать. Убить компьютер, чтобы он не улавливал лишних ватанов, или придумывать дальше, как отметить данную ему команду.

— Есть и третий выход, — сказал Герман.

— Какой?

— Позвольте мне попробовать сменить модуль.

— Ты с ума сошел!

— Нет. За мной есть долг.

Бёртону вспомнился его повторяющийся сон о Боге.

«Ты должен мне за плоть. Плати».

— Если ты умрешь, твой ватан будет обречен.

— Кто знает, — спокойно ответил Герман. — Вдруг я уже созрел для «продвижения». Я не знаю, так ли это. Видит Бог, я далеко не святой. Но если я спасу все эти души... ватаны... мне это зачтется.

Никто не стал с ним спорить.

— Прекрасно, — сказал Лога. — Ты самый мужественный человек из всех, кого я встречал. Думаю, ты ясно представляешь себе, как малы твои шансы на успех. Но вот что мы сделаем.

Бёртон раскаивался, что подшутил над немцем. Герман рискует своей душой, рискует вечной гибелью в случае неудачи. Лога прав. Геринг самый смелый человек из всех, кого встречал Бёртон. Может, раньше он таким и не был, но сейчас он такой.

Лога решил вернуться на верхний этаж, в жилые помещения. По дороге они остановились, чтобы показать Герингу плененные ватаны.

Он несколько минут смотрел на их мерцающий, изменчивый круговорот и отвернулся.

— Самое прекрасное, самое потрясающее, самое жуткое зрелище на свете. — Он снова сделал свой круговой знак, и Бёртону показалось, что в нем заключено не только благословение, но и молитва о спасении, об укреплении духа.

В контрольном центре Лога сразу сел к пульту на платформе и через пять минут велел Герингу войти в один из шкафов, где его обмерили лучевые приборы. Лога ввел в компьютер новые данные и через час закончил работу.

Выждав несколько секунд, он нажал какую-то клавишу, слез с платформы и заковылял к большому энергоматериальному преобразователю. Остальные столпились позади. Лога открыл дверцу.

Внутри лежали доспехи. Лога взял их и кинул остальным. Геринга облачили в броню, после чего он стал больше похож на робота, чем на рыцаря в доспехах. Когда же ему на спину привесили ранец с дыхательным аппаратом, он стал точно астронавт.

Скафандр был сделан из сплошного серого металла, только в лицевой части круглого шлема имелся длинный узкий просвет. Эта толстая броня весила всего девять фунтов.

— Окошко не обладает сопротивляемостью металла, — сказал Лога. — А лучи режут и металл, будучи направлены в одно место дольше десяти секунд. Поэтому ты все время должен двигаться.

Геринг проверил на гибкость плечевые, кистевые, пальцевые, коленные и лодыжечные сочленения. Побегал и попрыгал. вздвинул. Потом поупражнялся в обращении с лучеметом, изучив все возможности этого оружия.

С него сняли скафандр, и он снова поел.

Когда Герман пошел в одну из квартир прилечь, Лога слетал на кресле на один из этажей ниже уровня моря и через час вернулся, ведя за собой в воздухе двухместную исследовательскую субмарину.

— Мне это пришлось в голову только часа два назад. Это позволит ему пробиться сквозь первый порог защиты. Ну а дальше придется пешком — проходы там недостаточно широкие для лодки.

В его отсутствие другие занимались делом, прикрепляя лучеметы к гробообразным роботам-чистильщикам и сверля отверстия

для проводов. Лога установил видеотехнику и спусковые устройства, запрограммировал и поставил навигационные блоки.

Бёртон, пришедший будить Германа, увидел, что тот стоит на коленях около кровати и молится.

— Ты бы лучше поспал, — сказал Бёртон.

— Я употребил это время с большей пользой.

Они вернулись в контрольный центр, где Герман слегка перекусил, а потом стал изучать маршрут и осваивать управление субмариной. Лога показал ему, как вынуть старый модуль и вставить новый. Это был кусочек серого металла, размером и формой похожий на игральную карту. В него были впечатаны сложнейшие схемы, но поверхность была гладкой. Один уголок был помечен птичкой — этим углом модуль и надлежало вставить в нужную прорезь — так, чтобы выпуклое кодовое число оказалось сверху.

— Что же может испортиться в подобном модуле? — спросил Фрайгейт.

— Ничего — если он правильно вставлен. Я подозреваю здесь человеческую ошибку. Если вставить модуль вверх ногами, он все равно будет работать — но при каждом приливе напряжения одна из схем будет постепенно портиться. Такую ошибку заметили бы давным-давно, будь техники живы.

Лога положил карточку в металлический куб, который прикрепил к скафандру Германа чуть выше колена.

— Ему нужно будет только нажать вот эту кнопку на кубе — магнитное поле отключится, и карточка выйдет. Куб достаточно толст, чтобы выдержать многочисленные попадания лучей.

На Германа надели все части скафандра, за исключением круглого шлема. Лога разлил золотистое вино в изящные кубки, которые принес из своей квартиры, высоко поднял свой кубок и сказал:

— За твой успех, Герман Геринг. Да будет с тобой Творец!

— Как и со всеми нами, — сказал Герман.

Все выпили, и шлем водрузили на голову Геринга. Тот взобрался по лесенке на верхушку субмарины и с некоторым трудом пролез в люк. Лога последовал за ним, чтобы еще раз повторить свои инструкции, а потом закрыл люк.

Лога, как руководитель операции, занял место на крутящейся платформе, а другие, сев перед разными пультами начали делать то, чему научил их этик.

Первый из бронированных гробов-роботов поднялся в воздух и двинулся к двери. Им управлял Бёртон. За ним шел робот Алисы, за ним другие. Роботы вереницей прошли в дверь и повернули направо.

Когда вышли все, субмарина поднялась над полом и последовала за ними.

Спуск ниже уровня моря занял у каравана пятнадцать минут. Бёртон остановил своего робота перед закрытой дверью с выпуклой надписью, включил лучеметы — и дверь с одной стороны разрезалось сверху донизу. Переместив робота, Бёртон разрезал дверь с другой

стороны, потом двинул робота в середину, и вырезанный кусок упал внутрь.

Бёртон увидел гигантское, заставленное техникой помещение и направил робота к закрытой двери в противоположной стене. Стена при этом в нескольких местах разошлась, и высунулись сферические дула лучеметов. Из них вылетели алые линии.

Бёртон, двигая рычаги у себя на панели, повернул робота вверх и вправо, задержал его там и нажал на клавишу спуска. По краям экрана сверкнули алые линии, и Бёртон с удовлетворением отметил, как что-то взорвалось. Казалось, что осколки стучат прямо по экрану.

Еще через несколько секунд экран погас.

Компьютер уничтожил камеру на корпусе робота.

Бёртон выругался и прекратил огонь. Теперь ему оставалось только наблюдать. Он переключил свой терминал на одну из камер Логи, помещенную на стене над дверью, и увидел, что все роботы уже вошли. Его робот висел в десяти футах над полом, наведя передний конец на лучеметы компьютера. Остальные расположились полукругом, чтобы не наткнуться друг на дружку.

Взорвался последний в комнате лучемет, и кадр начал перемещаться — роботы двинулись дальше, завоеывая комнату за комнатой. Робот Алисы расплавился, у де Марбо разбили камеру, робот Тай-Пена пронзили сразу три луча, и он упал, лишившись какого-то жизненно важного узла.

Роботы падали один за другим, и осталась одна субмарина. Ее сигарообразное тело проплыло еще через двое дверей, принимая на себя лучи компьютерных лучеметов.

Очередной дверной проем был достаточно широк, но в нем скрещивались лучи десяти орудий. Герман все-таки проскочил, заплатив за это кормой, которую срезало, и корпусом, который весь изрешетило.

У следующей двери он должен был оставить свою машину. Герман разогнал ее, сбавил ход в нескольких футах от двери и вылез, пока алые лучи сверлили ее корпус. Лучеметы сразу перевели огонь на него. Герман упал на пол — от половины орудий его прикрывала лодка, но у другой половины он был на виду. Он медленно встал и прошел в дверь. Лучеметы вели его, пока он бежал к следующей двери, ведущей в клапанную. Дверь внезапно закрылась, преградив ему путь. Герман, не обращая внимания на лучеметы, стал резать ее. Проделав небольшое отверстие, он отстегнул куб с модулем и бросил его внутрь, а потом пролез сам, держа свой лучемет в руке.

Бёртон и остальные слышали, как тяжело он дышит.

Потом раздался крик боли:

— Нога!

— Ты почти на месте! — крикнул Лога.

Из прорезанной дыры повалил красноватый пар.

— Отравляющий газ, — сказал Лога.

Кадр переместился в клапанную. Помещение было большое, а справа от Германа из стены, футах в десяти над полом, выступала загибающаяся вниз металлическая труба. Рядом на столе стоял металлический ящичек, от которого тянулись провода к другому ящику. Из прорезей на его передней панели выступали концы модулей.

Геринг полз к кубу, и не меньше сотни лучемеров поливало его огнем.

— Я не могу больше выдержать, — услышали наблюдатели. — Теряю сознание.

— Держись, Геринг, — сказал Лога. — Еще минута, и все будет сделано.

Неуклюжая серая фигура на экране схватила куб и встряхнула из него карточку. Герман подобрал ее и пополз к модульному ящику. Потом раздался вопль, и Герман упал ничком. Модуль выпал из его руки и лег у стола.

Алые линии сосредоточились на упавшем и не исчезли, пока не изрешетили скафандр.

Наступило долгое молчание.

Бёртон с тяжелым вздохом выключил свой терминал. Другие последовали его примеру. Бёртон взошел на платформу и встал за спиной у Логи. На экране этика теперь пульсировал многоцветный шар, выпускающая и втягивающая щупальца.

Лога оперся локтями о панель, закрыв лицо руками.

— Что это? — спросил Бёртон.

Он знал, что это ватан, но не понимал, отчего его изображение появилось на экране. Лога убрал ладони от лица.

— Я настроил на Геринга частотный детектор.

— Так это он?

— Да.

— Значит, «продвижения» не произошло?

— Нет. Он там, где все остальные.

Что же делать теперь?

Этот вопрос задавал себе каждый.

Лога хотел убить компьютер, чтобы тот не захватывал больше ватаны, а потом сделать его дубликат на предпрограммной стадии. Но как было отказаться от надежды — безнадежной надежды, — что кто-то что-то придумает и не даст улететь захваченным ватанам. Лога впал в умственный паралич, и ожидать от него можно было лишь одного — что он под влиянием импульса нажмет-таки на роковую кнопку.

Остальные не переставая ломали голову, делясь своими рассуждениями и вопросами с компьютерами. Но в планах каждый раз обнаруживался какой-нибудь изъян.

Бёртон несколько раз спускался на нижний этаж и часами стоял или ходил, глядя на бесконечный круговорот ватанов. Есть ли среди них его родители? Айша? Изабел? Вальтер Скотт, племянник сэра Вальтера Скотта, писателя, друг Бёртона по Индии?

Доктор Штейнхаузер? Жорж Сала? Суинберн? Брат и сестра? Спик? Дедушка Бейкер, подведший внука, отдав концы перед самым изменением завещания? Кровожадный и жестокий Гелеле, король Дагомеи, который не знал, что он кровожаден и жесток, — он ведь делал только то, чего требовало от него общество. Но этим никого оправдать нельзя.

Бёртон отправился спать измученным и подавленным. Ему хотелось поговорить с Алисой, но она была какой-то далекой, погруженной в собственные мысли. На этот раз ее явно занимала не мечта, способная унести от ранящей или неприглядной реальности — Алиса думала над их общей проблемой.

Наконец Бёртон уплыл в сон и проснулся спустя шесть часов. Над ним в полумраке стояла Алиса.

— Что стряслось? — сонно спросил он.

— Надеюсь, ничего. Я только что пришла из контрольного центра.

— Что ты там делала?

Алиса легла рядом с ним.

— Мне не спалось, и я все думала о том о сем — мысли мелькали, как ватаны. Я старалась удержать их на компьютере, но они без конца уходили в сторону, распадаясь на тысячу других вещей. Передо мной прошла чуть ли не вся моя жизнь — и здесь, и на Земле. Помню, я думала о мистере Доджсоне, когда наконец уснула. Мне снились самые разные сны — и чудесные, и очень страшные. Ты не слышал, как я закричала?

— Нет.

— Значит, ты спал мертвым сном. Я проснулась, вся дрожа и в поту, но не смогла вспомнить, что меня так напугало.

— Нетрудно вообразить, что это было.

Алиса встала выпить воды, а вернувшись в постель, опять не смогла заснуть. Помимо прочего она думала о преподобном Чарльзе Латвиже Доджсоне, о счастье быть знакомой с ним и о двух книгах, на которые она его вдохновила. Алиса перечитывала их столько раз, что ей было совсем нетрудно представить себе их содержание и иллюстрации Тэнниэла.

— Первой сценой, которая представилась мне, было Безумное Чаепитие.

За столом сидели Болванщик, Мартовский Заяц и Мышь-Соня. Алиса села с ними без приглашения, и Мартовский Заяц после нескольких пустых фраз предложил ей выпить вина.

Алиса посмотрела на стол, но не увидела ничего, кроме чая.

— Вообще-то это не совсем верно, — сказала Алиса Бёртону. — Там было еще молоко, хлеб и масло.

Книжная же Алиса сказала:

— Я что-то не вижу здесь вина.

— А его здесь и нет, — ответил Мартовский Заяц.

Потом Алиса долго пыталась разрешить загадку, чем ворон похож на конторку. От этого ее отвлек Болванщик, спросивший,

какое сегодня число. Он достал из кармана часы, с тревогой поглядел на них, потряс и приложил к уху. Алиса подумала и ответила:

— Четвертое.

Настоящая Алиса сказала Бёртону:

— Мистер Доджсон выбрал это число потому, что у них в книге был май, а четвертое мая — мой день рождения.

— Отстают на два дня! — вздохнул Болванщик. — Я же говорил: нельзя их смазывать сливочным маслом!

— Масло было самое свежее, — робко возразил Заяц.

Бёртон встал и начал шагать взад-вперед.

— А нельзя ли обойтись без этих подробностей, Алиса?

— Нет. Это важно.

Следующая сцена, которую она увидела или, скорее, пережила, сделавшись семилетней Алисой из книжки, относилась к главе «Вода и Вязание» из «Алисы в Зазеркалье». Алиса, разговаривая с Белой Королевой, спросила:

— Разве, когда думаешь, не плачешь?

— Конечно, нет, — решительно отвечала Королева. — Ведь невозможно делать две вещи сразу.

— Алиса! — сказал Бёртон. — Ну к чему ты рассказываешь всю эту чепуху?

— Это не чепуха. Слушай дальше.

От Белой Королевы Алиса перенеслась к Шалтай-Болтаю.

— Возможно, это Лога своей толщиной напомнил мне о нем.

Книжная Алиса обсуждала с громадным человекоподобным яйцом, сидящим на стене, значения слов.

— Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, — презрительно произнес Шалтай-Болтай.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам, — сказала Алиса.

— Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, — сказал Шалтай-Болтай.

Потом реальная Алиса (впрочем, намного ли она реальнее той, другой? — спросил себя Бёртон) перенеслась в сцену, где Черная Королева спросила ее, знает ли она вычитание.

— Отними от восьми девять.

— Этого я не знаю, но... — ответила Алиса.

— Вычитания не знает, — сказала Белая Королева Черной. — А деление? Раздели буханку хлеба ножом, что будет?

— Много ли тебе еще представлялось? — спросил Бёртон.

— Больше ничего. Я не придала этому значения. Просто это были мои любимые отрывки.

Алиса уснула снова, но вдруг проснулась, широко раскрыв глаза. Ей показалось, что кто-то позвал ее.

— Откуда-то с горизонта моего разума.

Ей показалось, что это мистер Доджсон, но уверена она не была.

Сон у нее прошел, и сердце сильно билось. Она встала и пошла в контрольную комнату.

— Зачем? — спросил Бёртон.

— Мне подумалось, что в каждой сцене была своя ключевая фраза. «Самое свежее масло», «Кто здесь хозяин?», «Знаешь ли ты деление?».

— Ладно, Алиса, — вздохнул Бёртон. — Рассказывай, как знаешь. Алиса села на место Логи и наладила прямую связь с компьютером.

— Ты понимаешь, что через каких-нибудь два дня умрешь? — спросила она.

— Да. Это избыточная информация. Нет необходимости мне ее сообщать.

— Монат дал тебе команду никого не воскрешать, пока он не даст другого распоряжения. В какой форме должно быть отдано это распоряжение?

— Лога уже спрашивал его об этом, — прервал ее Бёртон.

— Да, знаю. Но мне показалось, что не повредит попробовать еще раз.

— И что он тебе ответил?

— Компьютер, как и раньше, промолчал.

Тогда Алиса сказала, что есть высшая команда, отодвигающая запрет Моната на второй план.

«В чем она заключается? — вспыхнуло на экране. — Я получал много команд».

— Самая главная твоя задача — улавливать ватаны и направлять их к дубликатам тел. В этом и заключается суть проекта. Если бы Монат предвидел, к чему приведет его запрет, он никогда не наложил бы его.

Компьютер молчал.

— Свяжи меня с секцией, которой пользовался Лога, — попросила Алиса. — С той частью тебя, где Лога был хозяином.

Компьютер, видимо, не имел никаких запретов на этот счет. Но до Алисы о таком шаге никто не подумал.

— Бог мой! — сказал Бёртон. — Ну а дальше что?

— Я сказала той доле компьютера, что она должна умереть. Она ответила, что знает. Ну и что? Тогда я повторила аргумент, названный в споре с доминирующей властью.

А потом отдала области Логи команду вернуться в прежнее, независимое состояние.

— А доминанта не вмешивалась?

— Нет. Да и с чего бы? Лога не зря назвал ее талантливой идиоткой.

— А потом что?

— Я сказала доминанте, что ее долг — воскресить Моната, чтобы тот мог подтвердить или отменить свой приказ никого не оживлять.

— Ну?

— Экран погас. Я пробовала и так и сяк — он не отвечал.

Бёртон помрачнел.

— И все?

— И все.

— Но почему он прервал связь? Он обязан отвечать оператору.

— Я надеюсь, — сказала Алиса, — что это свидетельствует об его внутренней борьбе. Что область Логи борется с доминантой.

— Чепуха! — крикнул Бёртон. — Не может такого быть, насколько я разбираюсь в компьютерах.

— Ты забываешь, что это не совсем компьютер. Необычный, во всяком случае. Он сделан из протеина, как и человеческий мозг.

— Надо бы разбудить Логу. Скорей всего ничего опять не выйдет, но он единственный, кто в этом смыслит.

Этик проснулся сразу, как будто и не спал. Он выслушал Алису, не задавая вопросов, и сказал:

— Борьбы быть не должно. Приказ Моната должен был поступить и в доминирующую часть, и в мою.

— Это смотря *когда* приказ был отдан, — сказала Алиса. — Если доминирующие схемы были поставлены после, твоя часть его не получила.

— Но доминанта передала бы его отщепленной доле.

— А может, и нет!

— Если все пойдет, как ты задумала — а я не вижу ни малейшего шанса, — то Монат воскреснет.

— Но я же *дала* такую команду *доминанте*.

Лога перестал хмуриться.

— Хорошо! Если это единственный способ спасти ватаны, так и должно быть. Даже если...

Даже если мне придется худо, следовало понимать.

Все позавтракали в столовой, кроме Логи, который ел у себя за пультом. Несмотря на все усилия, он так и не сумел добиться от компьютера прямого ответа. Один из экранов показывал шахту с ватанами.

— Когда она опустеет, мы поймем, что их... больше нет. — Лога сверился с другим экраном. — Еще два поступили. Нет — уже три.

За невеселой трапезой, прерываемой лишь редкими угрюмыми замечаниями, Фрайгейт сказал:

— Нам надо обсудить одно важное дело.

Все молча посмотрели на него.

— Что мы будем делать, когда компьютер умрет? Лога не считает нас достаточно развитыми этически, чтобы позволить нам остаться здесь. По его мнению, мы не способны работать над проектом. И он, по-моему, прав — я исключил бы разве одного Нура. Если Нур пройдет через верхний вход, Лога разрешит ему остаться.

— Я там уже прошел, — сказал мавр.

Все уставились на него.

— Когда? — спросил Фрайгейт.

— Этой ночью. Я решил, что если смогу оттуда выйти, то и вернуться сумею. И вернулся, хотя мне пришлось нелегко. Я не прошел сквозь поле запросто, как сделал бы этик.

— Твое счастье, — проворчал Бёртон. — Я приношу извинения за то, что называл суфи шарлатанами. Ну а мы, все остальные? Что, если нам не хочется возвращаться в долину? Но коли уж мы вернемся туда, мы скажем людям всю правду. Не все, конечно, нам поверят. Там немало еще христиан, мусульман и прочих, кто держится за старую веру. Да и многие шансеры, вероятно, останутся верны своим догмам.

— Это уж их забота, — сказал Нур. — Только я не хочу оставаться здесь. Я охотно вернусь в долину. У меня там еще много дел. Буду работать до самого «продвижения».

— Продвижение еще не означает, что ты окажешься у Творца за пазухой, — заметил Бёртон. — С научной точки зрения оно означает всего лишь, что приборы этиков больше не обнаруживают твой ватан.

— На все воля Аллаха.

Бёртон стал думать, хотелось бы ему остаться здесь. Он получил бы такую власть, которой не имел никто на земле и очень мало кто в Мире Реки.

Но для этого ему пришлось бы убрать Логу. Убить его или заключить в тюрьму. Поддержали бы его, Бёртона, остальные? Если нет, пришлось бы и их убрать. Он мог бы воскресить их потом в долине, куда они все равно собираются. Но он остался бы один. Алиса не пошла бы с ним. Хотя — почему один? Он мог бы воскресить в башне кого угодно — и мужчин, и женщин.

Бёртон содрогнулся. Наваждение пришло и миновало, будто кошмар. Он не хотел такой власти и не хотел чувствовать себя предателем. Кроме того, он ясно понимал, что ему такую власть доверить нельзя.

Ну а Лога? Разве он не предатель?

В каком-то смысле — да. Бёртон, однако, был согласен с ним в том, что кандидатам в долине нужно дать гораздо, гораздо больше времени, чем планировали другие этики. Бёртон чувствовал, что и ему самому придется очень кстати продление срока.

Он посмотрел на сидящих за столом. Не скрывают ли эти замкнутые лица такие же мысли? Не борется ли кто-то еще с искушением?

Надо будет последить за ними. Убедиться, что они не замышляют ничего предосудительного.

Бёртон выпил золотистого вина и сказал:

— Все ли согласны вернуться в долину? Поднимите, пожалуйста, руки.

Подняли все, кроме Тома Терпина. Остальные мрачно уставились на него. Он ухмыльнулся и тоже поднял руку.

— Уж больно здесь хорошо. Но нет, не хочу тут оставаться. Я бы не выдержал. Попросить, что ли, Логу — может, даст мне с собой рояль?

Алиса разразилась слезами.

— Все эти души! Я думала, что нашла ответ, но.

На стенном экране возник улыбающийся Лога.

— Идите все сюда! — со смехом крикнул он. — Доминанта сдалась, и я только что получил сообщение от другой половины. Алиса, ты была права! О, как права!

Все вбежали в контрольную комнату и столпились вокруг этика. На экране светилось последнее сообщение.

Все радостно завопили и стали обниматься, прыгать и плясать.

Но Лога потребовал внимания.

— Не забудьте, компьютер все еще в опасности! Но он решил мне сменить модуль. Я должен идти.

Вот будет насмешка судьбы, подумал Бёртон, если компьютер умрет, не дождавшись, когда Лога это сделает

Но через десять минут перед ними, собравшимися в столовой, опять явился на экране веселый Лога.

— Дело сделано! Сделано! Я уже дал команду возобновить воскрешения.

Все снова принялись прыгать, кричать и обниматься. Терпин сел за рояль и заиграл «Сент-Луисский рэг»

— Это была длинная, длинная Река, но мы прошли ее до конца! — кричала Алиса. Ее большие темные глаза светились, как экраны, и все ее существо излучало радость. Никогда она еще не была так красива.

— Да, — сказал Бёртон, снова и снова целуя ее. — Нам придется вернуться на эту Реку, но это теперь не важно.

Как все странно и непредсказуемо! Этот мир спасли не вожди и государственные деятели, не мистики, не святые, не пророки и не мессии, не священные книги — его спасли эксцентричный интраверт, автор математических учебников и детских книжек, и вдохновившее его дитя.

Девочка, выросшая потом во взрослую мечтательницу Алису, вызвала к жизни поток чепухи, которая вовсе не была чепухой, — и это Алисино свойство, развиваясь по спирали, позволило ей сделать то, что не удалось другим, и спасти восемнадцать миллиардов душ и целый мир в придачу

Думая об этом, Бёртон случайно увидел, как Фрайгейт устремился к двери, описывая при этом круги и бормоча что-то несуразное. Потом, нахмурился, повернул назад

Бёртон отошел от Алисы и спросил его

— Ты чего?

Фрайгейт перестал хмуриться и усмехнулся:

— Да ничего. Мне послышались шаги в коридоре. Выглянул, а там никого нет. Померещилось, наверно

Содержание

От издательства	5
МИР РЕКИ	
Магический лабиринт, роман, <i>перевод Н. Виленской</i>	7

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том восьмой

Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*
А. Хиришфелде
Оператор компьютерной верстки
Н. Амосова
Оформление шмуцтитолов: *М. Ермаков*

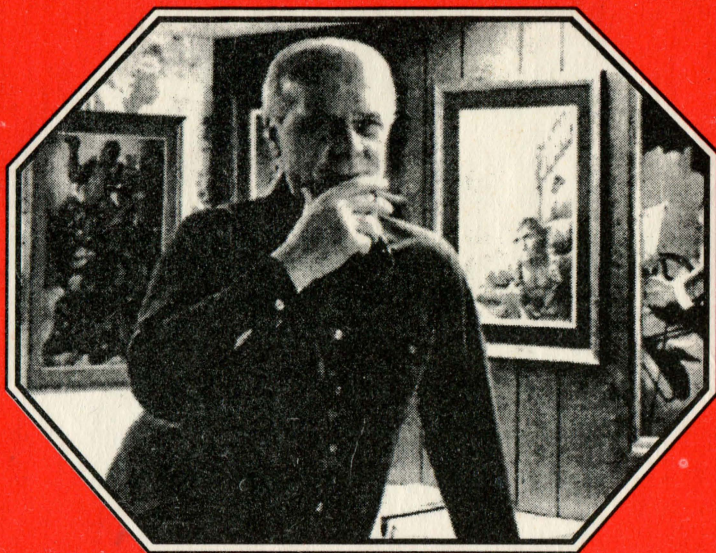
Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 15.08.96. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 2401. С 157.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Магический лабиринт

В последнем бою сталкиваются два величайших судна в Море Реки. Ведомые Таинственным Незнакомцем, обуреваемые собственными страстями избранники судьбы убивают друг друга, чтобы первыми узнать откровения Туманной Башни, полярного логова загадочных и безжалостных этиков. Но реальность оказывается страшней, чем самые кровавые мечты жестокого и коварного короля Иоанна Безземельного — и от горстки смертных зависят теперь жизни тридцати шести миллиардов обитателей Мира Реки. Мужественный исследователь Ричард Бёртон должен вычислить скрывающегося в компании избранных этика, чтобы починить с его помощью вышедший из строя компьютер воскрешений — и как можно скорее, иначе прекрасная долина Реки превратится в кладбище...

